post–
IMPERIUM
ДМИТРИЙ ★ ТРЕНИН

Московский Центр Карнеги

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

ВАШИНГТОН ▪ МОСКВА ▪ ПЕКИН ▪ БЕЙРУТ ▪ БРЮССЕЛЬ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ДМИТРИЙ ★ ТРЕНИН

post-IMPERIUM

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИСТОРИЯ

РОССПЭН

Москва

2012

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2Рос)
Т66

Dmitri Trenin. Post-imperium: a Eurasian story.
Электронная версия: http://www.carnegie.ru/publications.

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги при поддержке благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York.

В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Тренин, Д.

Т66 Post-imperium: евразийская история / Дмитрий Тренин ; Моск. Центр Карнеги. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 326 с.

ISBN 978-5-8243-1633-9

В книге рассматривается послеимперский период развития России — его предыстория, нынешнее состояние и перспективы. Исследуются геополитические, экономические, демографические, культурные и идеологические аспекты проблемы.

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2Рос)

ISBN 978-5-8243-1633-9

© Carnegie Endowment for International Peace, 2012
© Российская политическая энциклопедия, 2012

Петру Тренину-Страусову, тридцати лет,
принадлежащему к первому свободному
поколению россиян

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе 13

Предисловие к русскому изданию 14

Предисловие *(Джессика Т. Мэтьюз)* 15

Благодарность 18

От автора 19

Введение. Жизнь после смерти? 25

Хроника тонущей империи 25

Последствия 30

Почему это произошло? 33

После империи 36

Определение термина «post-imperium» 39

Строительство империи 44

Двадцать лет спустя 53

Единого пространства больше нет 65

Глава 1. От империи к постимперскому состоянию 71

Что думают люди 71

Территория и границы 73

Демаркация границ 74

Территориальные вопросы
и новые независимые государства 77

Внутренние противоречия 84

Национальное строительство 94

Экономика 106

Государственный строй 110

Военная мощь 114

Международное положение 118
Заключение 120

Глава 2. Геополитика и безопасность 126
Введение. Общий подход России к новым независимым государствам 127
Западный фланг 132
«Оранжевая революция» на Украине 132
От замороженных конфликтов к Пятидневной войне: Грузия 138
Вопрос расширения НАТО 147
Будущее: Новая Восточная Европа 156
Забытые сателлиты: Центральная и Юго-Восточная Европа, Прибалтика 161
Южный фронт 164
Северный Кавказ 165
Южный Кавказ и соседние регионы 171
Центральная Азия 176
Восточный фланг 186
Северный фланг 194
Заключение 196

Глава 3. Экономика и энергетика 203
Экономические интересы России в СНГ 206
Торговля 208
Инвестиции 211
Миграция 213
Интеграция 214
Энергетика 220
Украинские газовые кризисы 2006 и 2009 гг. 222
Кризисы 2007 и 2010 гг. в отношениях с Белоруссией 225
«Газпром» и другие страны СНГ 227
Трубопроводная геополитика 228
Открытие рынков стран СНГ для внешнего мира 234
Выводы 237

Глава 4. Демография и иммиграция 241
Демографический кризис 244

Возвращение соотечественников 248
Иммиграция и интеграция 251
Антииммигрантские настроения 255
«Китайцы идут!» 257
Демографическая уязвимость российских регионов 259
«Соотечественники за рубежом» 263
Русские в Латвии и Эстонии 266
Российские паспорта для «иностранцев» 268
Русские диаспоры в «дальнем зарубежье» 269
Заключение 270

Глава 5. Культура, идеология, религия 274
Идеи и идеология 274
Провал интеграции 276
Россия выбирает одиночество 280
Стремление к глобальной роли 283
«Историческая политика» 286
Разногласия вокруг Второй мировой войны 289
«Национализация» истории 294
Религия 297
Язык 304
Заключение 306

Заключение 312

О Фонде Карнеги 325

TABLE OF CONTENTS

About the Author 13

Preface to the Russian Edition 14

Foreword *(Jessica T. Mathews)* 15

Acknowledgments 18

A Note from the Author 19

Introduction. Life After Death? 25

A Chronicle of the Sinking Empire 25
The Aftermath 30
Why Did It Happen? 33
After the Empire 36
Defining the Post-Imperium 39
The Imperial Rise 44
Twenty Years Later 53
No Single Space Anymore 65

Chapter 1. Imperial Exit and Post-Imperial Condition 71

Public Perceptions 71
Territory and Borders 73
Border Adjustments 74
Territorial Status of the New States 77
Internal Divisions 84
Nation Building 94
Economy 106
Government 110
Military Power 114
International Position 118
Conclusion 120

Chapter 2. Geopolitics and Security **126**
Russia's General Approach Toward the New States 127
The Western Flank 132
The Orange Revolution in Ukraine 132
From Frozen Conflicts to the Five-Day War: Georgia 138
The Broader NATO Enlargement Issue 147
The Future: New Eastern Europe 156
Forgotten Satellites: Central and Southeastern Europe and the Baltics 161
The Southern Front 164
The North Caucasus 165
The South Caucasus and the Neighborhood 171
Central Asia 176
The Eastern Flank 186
The Northern Flank 194
Conclusion 196

Chapter 3. Economics and Energy **203**
Russian Economic Interests in the CIS 206
Trade 208
Investment 211
Migration 213
Integration 214
Energy 220
Ukrainian Gas Crises of 2006 and 2009 222
Belarusian Crises of 2007 and 2010 225
Gazprom and the Rest of the CIS 227
Pipeline Geopolitics 228
Opening of the CIS Markets to the World 234
Conclusions 237

Chapter 4. Demographics and Immigration **241**
Demographic Crisis 244
Returning Russians 248
Immigration and Integration 251
Anti-Immigrant Sentiments 255
"The Chinese Are Coming!" 257

Regional Demographic Vulnerabilities 259
"Compatriots Abroad" 263
Ethnic Russians in Latvia and Estonia 266
Russian "Foreign" Passports 268
Russian Communities in the Far Abroad 269
Conclusion 270

Chapter 5. Culture, Ideology, and Religion 274
Ideas and Ideologies 274
The Failure of Integration 276
Russia's Alleingang 280
Yearning for a Global Role 283
Politics of History 286
The Controversies Over World War II 289
Reappropriating History 294
Religion 297
Language 304
Conclusion 306

Conclusion 312

About the Carnegie Endowment 325

ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Витальевич Тренин — директор и председатель научного совета Московского Центра Карнеги, председатель программы «Внешняя политика и безопасность». Автор нескольких книг, опубликованных в России, США, Китае, Германии и Латвии.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Язык текста всегда предполагает его адресат. Я никогда раньше не публиковал переводы своих книг, написанных первоначально по-английски, на свой родной русский. Я считал, что вместо перевода в таких случаях должна быть написана другая книга на ту же тему, но с другими акцентами, аллюзиями и, разумеется, с несколько другими выводами и рекомендациями — с учетом поменявшегося адресата. К сожалению, времени на то, чтобы писать по две книги на каждую тему, у меня не было и нет, а тема имперского наследия и постимперских перспектив России — двадцать лет спустя после распада Советского Союза — слишком важна, чтобы я мог просто ссылаться в российской аудитории на книгу, написанную и изданную на иностранном языке. И я решил сделать исключение. Я внимательно прочитал прекрасный перевод, сделанный Максимом Коробочкиным, исправил неточности, на которые мне указали друзья, и добавил несколько новых фактов. После чего вручаю текст читателю, который, надеюсь, без труда увидит главную мысль, которую я пытаюсь донести в этой книге: России-империи больше нет и никогда не будет, и политика других стран по отношению к Российской Федерации должна исходить из этого факта. Не больше и не меньше.

Дмитрий Тренин
Вашингтон, октябрь 2011 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Россия начала XXI в. разительно отличается от России советской. Крушение коммунизма стало началом эпохи, свободной не только от идеологии, но и от устоявшихся ценностей. Навязываемый сверху коллективизм уступил место крайнему индивидуализму. В сегодняшней России — хорошо это или плохо — личное откровенно превалирует над общественным. Пятисотлетний имперский период ушел в историю, сверхдержавные амбиции канули в Лету; сегодня взгляд страны устремлен внутрь себя, а не вовне.

Нынешняя Россия стремится не к возрождению исторической империи или сверхдержавному военно-политическому статусу, она хочет утвердиться в качестве великой державы. В глазах российских лидеров это означает стратегическую независимость Москвы от главных центров силы нового столетия — США и Китая. Вжиться в новую роль после упадка и распада империи нелегко, в этом в XX в. убедилась не одна европейская страна. А сделать это, не объединив свой суверенитет с другими, — задача фактически беспрецедентная.

Усилия России на данном направлении описываются в книге Дмитрия Тренина «Post-imperium: евразийская история». В ней рассказывается не о былой империи — царской или советской, — а о новом этапе развития страны. Действия Москвы на внутри- и внешнеполитической арене в этот период имеют первостепенное значение — они долго будут оказывать влияние на саму Россию и ее соседей, ощутимо воздействовать на общее соотношение сил в мире.

Тренин — одновременно и летописец, и участник усилий России по преобразованию самой себя. Более проницательных, чем он, наблюдателей за этим критически важным периодом найдется немного (если таковые вообще найдутся), и уж точно никто из них не обладает столь четким и ярким слогом. В новой книге он берет на себя непростую задачу — осветить путь России вперед. Сегодня международная обстановка уже не определяется биполярностью времен «холодной войны» или американской гегемонией, как в первые годы после ее окончания.

Россия действует сегодня в мире, где могущество перетекает от Запада к азиатским и другим акторам, влияние определяется экономикой, наукой и информацией, а военная мощь приобретает все более асимметричный характер. Чтобы понять этот новый мир, Тренин анализирует внутреннюю обстановку в России и соседних с нею странах, показывая, как крушение империи повлияло на их политический строй и институты, экономику, социальную структуру и ценности.

Кроме того, он рассматривает отношения между Россией и ее соседями в сфере геополитики и безопасности, исследуя характер постсоветских объединений — от Содружества Независимых Государств до Шанхайской организации сотрудничества — и проблемы, возникающие в связи с расширением НАТО и Европейского союза. Он также анализирует роль других держав в различных регионах постсоветского пространства.

В постимперский период существенно изменился характер экономических отношений России с другими странами. Она предприняла несколько наивные попытки интегрироваться с Западом и войти в его состав, пыталась утвердиться в качестве независимой великой державы, но обнаружила при этом собственные вопиющие изъяны. В порой конфликтных отношениях России с торговыми партнерами большую роль играют энергоносители, о чем свидетельствуют «газовые войны» с Украиной, а также политика Москвы в отношении трубопроводных маршрутов и транзита. В результате репутации страны в Европе и мире в целом был нанесен ущерб, и сегодня можно со всей очевидностью утверждать: то, как Москва будет вести себя в отношениях с соседями, будет иметь определяющее значение.

На перспективы успеха постимперской России будут также воздействовать ее демографические проблемы, чреватые потенциальной катастрофой. После крушения коммунизма страна столкнулась с сокращением средней продолжительности жизни, ростом смертности, алкоголизма и наркомании, падением качества здравоохранения, снижением рождаемости и увеличением числа самоубийств. Государству пока не удается существенно улучшить ситуацию в этой сфере. Кроме того, на конечный результат повлияет подход российских властей к вопросам иммиграции и трудовой миграции, а также формирование национальных идентичностей, усиление роли религии в обществе, языковая политика и дебаты по проблемам исторической памяти.

Сегодняшняя Россия больше не империя. Она сталкивается с впечатляющим набором вызовов. Страна должна провести модернизацию, чтобы стать конкурентоспособной в условиях глобальной

экономики, а также избавиться от стереотипов «холодной войны» и мышления по типу игры с нулевой суммой, по-прежнему определяющих многие ее действия. Однако Тренин утверждает: основания для надежд на лучшее есть. Перестав быть империей и сверхдержавой, Россия по-прежнему играет важную роль в мировой экономике, культуре, геополитике. Если страна сможет адаптироваться к реалиям XXI в. и научится сотрудничать с соседями, а не отталкивать их от себя, она способна стать влиятельным и ответственным игроком в рамках нового мироустройства.

Джессика Т. Мэтьюз,
президент Фонда Карнеги за Международный Мир

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я хотел бы выразить многим людям глубокую благодарность за помощь, советы и содействие. Вице-президенты Фонда Карнеги по научной работе Томас Карозерс и Джордж Перкович, а также посол в отставке Джеймс Коллинз, директор Российско-Евразийской программы Фонда, Томас де Ваал, ведущий исследователь Фонда, посол в отставке Рене Нюберг и Наталья Бубнова, заместитель директора Московского Центра Карнеги по связям с общественностью, прочли рукопись книги и дали ряд ценных замечаний и комментариев. Старший менеджер по публикациям Илонка Освальд, наверное, посвятила книге больше всего времени, руководя ее подготовкой к печати и терпеливо проводя автора через все стадии этого процесса. Марша Креймер отредактировала английский текст, а Карлотта Рибар выверила корректуру. Мой помощник-исследователь Кристина Кудлаенко помогла сверить факты и другие детали. Зина Фелдман развила мою первоначальную идею и разработала макет обложки книги, Роберт Кронан создал для нее карты, а Джоселин Соули руководила маркетингом. Президент Фонда Карнеги Джессика Т. Мэтьюз с самого начала проявляла интерес к этому проекту и ободряла меня в ходе работы над книгой.

Я особо благодарен Максиму Коробочкину, который перевел книгу на русский язык, Александру Иоффе, скрупулезно, как всегда, отредактировавшему русскую версию книги, а также менеджеру по маркетингу Московского Центра Карнеги Веронике Лавриковой.

И, конечно, этот труд никогда бы не появился на свет без неизменной поддержки моей жены Веры, стоически переносившей то, что я так много времени, включая выходные и праздники, проводил за компьютером. Я благодарю их всех, они очень помогли. Что же касается ошибок и изъянов книги, то ответственность за них целиком лежит на мне.

Октябрь 2011 г.

ОТ АВТОРА

Позвольте начать эту книгу с одной курьезной истории из собственного опыта. В 1999 или 2000 г. я вылетал из Шанхая в Москву. В то время многие граждане России по-прежнему имели заграничные паспорта с советским гербом — серп и молот, земной шар, звезда. После 1991 г. российские власти продолжали выдавать бланки паспортов с символикой не существовавшего уже государства по двум основным причинам. Первая была связана с простой экономией: в советское время было заготовлено столько бланков документов и стоили они так дорого, что просто пустить их под нож было жалко. Вторая касалась правовой коллизии: Государственная дума официально утвердила двуглавого орла в качестве герба Российской Федерации только в 2000 г. Впрочем, существовала и третья причина. В середине 1990-х годов один высокопоставленный парламентарий заметил в разговоре со мной: нет никаких гарантий, что распад Союза на независимые государства окончателен. И этой точки зрения придерживался далеко не он один.

Вернемся, однако, в шанхайский международный аэропорт Пудун. У стойки я вручил молодой служащей китайской авиакомпании свой советский паспорт, где, естественно, указывалось, что я — гражданин Российской Федерации. Она просмотрела документ раз, потом еще раз, с конца, а затем, не обращаясь ко мне, отправилась к своему начальнику. По-английски девушка не говорила и потому не могла объяснить, что именно не в порядке с моим паспортом. Через некоторое время появился служащий постарше и с улыбкой сказал: «Извините, наша сотрудница совсем молоденькая и не помнит Советский Союз». Да, для молодежи десять лет — большой срок.

Советской империи давно нет, но следы ее остались на огромном пространстве от Минска до Батуми и Бишкека. То же можно сказать и о следах, порой вполне зримых, оставленных ее предшественницей — Российской империей. На взлете из аэропорта Мариехамна на Аландских островах, маленьком лесистом архипелаге на входе

в Ботнический залив, расположенном намного ближе к Стокгольму, чем к Хельсинки и даже древней финской столице Турку, я заметил внизу большое белое здание. Один из пассажиров рассказал, что это телеграфная станция, построенная в XIX в. для связи Российской империи с другими странами Европы. А накануне вечером, во время обеда в официальной резиденции губернатора островов, я обратил внимание на парадные портреты российских императора и императрицы — в их качестве соответственно великого князя и великой княгини Финляндских.

Во время одной из наших многочисленных поездок в Китай мы с женой остановились в Харбине в гостинице, построенной в конце XIX — начале XX в. в самом центре этого тогда русского города на территории Маньчжурии. Когда позже мы пошли погулять, меня заинтересовал дом недалеко от отеля, и я тут же его сфотографировал. Через неделю я показал снимок коллегам из Московского Центра Карнеги, что находится на Пушкинской площади, и большинство из них были крайне удивлены: зачем я показываю им фото того самого здания, где мы работаем? Действительно, по внешнему виду эти дома почти неотличимы. Именно поэтому в 1920—1930-х годах Харбин, где жило до 200 тыс. русских, получил прозвище «маленькая Москва».

Книга, которую вы держите в руках, — плод исследований и размышлений, но также и рассказ современника. Я родился в историческом центре Москвы, в тени громадного здания Министерства иностранных дел. Эта сталинская высотка была достроена всего за год до смерти диктатора — и за три года до моего рождения. В семь лет я впервые выбрался далеко за пределы советской столицы, которая для меня тогда была — и остается сегодня — просто родным городом. Мы с бабушкой провели лето на Рижском взморье. И спустя два десятка лет после присоединения Латвии к СССР Рига с ее вывесками на латинице и шпилями средневековых церквей показалась мне едва ли не заграницей. Ее центр выглядел «немецким». Немолодые рижане, с которыми я познакомился во время этой поездки, упоминая о том периоде, который мы, москвичи, называли довоенным (т. е. о 1920-х и 1930-х годах), говорили фразу, которая меня тогда поразила: «Это было еще при Латвии». Сейчас, когда меня спрашивают в Риге, когда я впервые посетил столицу вновь независимой Латвии, я отвечаю: «Это было еще при СССР».

Через десять с лишним лет после той поездки в Ригу я, будучи курсантом Военного института иностранных языков, отправился в первую зарубежную командировку — в Ирак. На грифельной доске

«холодной войны» эта страна тогда была помечена галочкой как фактическая союзница Москвы. Мои однокурсники поехали в другие просоветские государства: Алжир, Кубу, Сирию, Уганду. В то время в двух десятках стран — из тех, что с ноткой презрения называли «третьим миром», — находились военные советники и технические специалисты из СССР. Некоторые из этих стран, например, Мозамбик, даже поместили на своем гербе автомат Калашникова. Когда в 1972 г. президент Египта Анвар Садат решил выдворить из страны наших военных советников (но не специалистов), паковать чемоданы пришлось 20 тыс. человек. В Ираке середины 1970-х по сравнению с Египтом советских военных было совсем немного: всего тысячи две.

Окончив институт в 1977 г., я, новоиспеченный офицер, получил первое назначение в ГДР, оплот восточноевропейской империи СССР. От моего дома на Рембрандтштрассе в Берлинском предместье Потсдама было всего двести метров до знаменитого моста Глинике, где происходили обмены разведчиков — в том числе Рудольфа Абеля — и диссидентов (среди последних оказался Натан Щаранский). Белая полоса поперек моста — разделительная линия времен «холодной войны» — была шириной лишь двадцать сантиметров. Через десять с небольшим лет, уже сотрудником советской делегации на переговорах между СССР и США по ядерным и космическим вооружениям в Женеве, я смотрел в прямом телеэфире, как пробивались ворота в Берлинской стене. Эту стену я видел бесчисленное множество раз с обеих сторон разделенного Берлина, но и представить себе не мог, что когда-нибудь ее не станет. Через несколько лет я сам прошагал через Бранденбургские ворота, и это по сей день остается одним из самых сильных воспоминаний моей жизни.

Поскольку в институте я изучал английский и немецкий, мне не пришлось служить в Афганистане. Однако через несколько лет мои курсанты в Военном институте, где я преподавал после возвращения из Германии, изучали пушту или дари. Эти молодые парни уже были опытными ветеранами, прошедшими войну, которую в Советском Союзе, как до того в Англии и позднее в Соединенных Штатах, называли Афганской. В 2010 г. один из моих бывших студентов, к тому времени уже вышедший в отставку, вернулся в Афганистан по линии ООН. Там он встретил однокурсника, тоже отставника, но еще и получившего американское гражданство, который работал в американском воинском контингенте. Чуть позже некоторым из моих друзей пришлось участвовать в войнах уже на территории бывшего СССР — сначала в Таджикистане, потом в Чечне.

Эта книга не об империи, будь то царской или советской, а о следующем этапе, когда империи не стало. Я воспринял крушение коммунистического строя как освобождение, а усилия Михаила Горбачева по переустройству СССР — как шанс создать подлинный союз, пусть и на конфедеративной основе. Этому, однако, не суждено было случиться. Советский Союз был не просто собранием национальных республик, не был он и материальным, а позднее закосневшим воплощением коммунистической идеологии. Скорее это была Российская империя под новым названием. В своем лихорадочном стремлении одновременно к самообновлению и самоотрицанию Россия в 1990—1991 гг. попросту стряхнула с себя империю — этот случай почти не имеет параллелей в истории. Теперь, через двадцать лет, я убежден: человечеству очень повезло, что конец СССР — коммунистического государства и ядерной державы — произошел в форме мягкой, а не жесткой посадки. Это стало возможно по сути благодаря одному фактору: неприятию не только Горбачевым, но и даже его противниками-путчистами массированного применения силы.

Когда в декабре 1991 г. на смену Советскому Союзу пришло Содружество Независимых Государств, мне казалось, что речь идет о солидарной ответственности после политического землетрясения: каждая из республик, ставших независимыми государствами, будет заботиться о собственном населении и одновременно на равных сотрудничать с другими. Что же касается новой России, то ее будущее виделось мне в рамках Большой Европы. В целом я по-прежнему придерживаюсь этой точки зрения, но мои взгляды на то, как достичь этой благородной цели, естественно, претерпели за двадцать лет некоторую эволюцию.

Я знаю, что с окраин бывшего СССР все видится по-иному, чем мне с Пушкинской площади в Москве. Одно, впрочем, очевидно. Выход из империи и построение национальных государств — не разовое событие, а процесс для всех, кто в нем участвует. «Постимперскость», конечно, преходящее явление, как и все в истории человечества, но это тигель, в котором новые государства выплавляются, укрепляются и укореняются в более широкие структуры. Прожив внутри этого процесса последние двадцать лет, я попытался осмыслить то, чему мне выпало быть свидетелем.

Свою книгу я адресую прежде всего поколению, выросшему после «холодной войны», как та девушка в шанхайском аэропорту, студенты из Стэнфордского университета, приезжавшие в Москву слушать мои лекции, аудитории в Лондонской школе экономики и парижском

«Sciences Po», перед которыми мне доводилось выступать. Для них Советский Союз — это древняя история. Кто-то расскажет им, что он рухнул в результате противостояния с Западом во главе с президентом Рональдом Рейганом и папой Иоанном Павлом II при поддержке народов, живших за «железным занавесом» (символом последних сделался польский рабочий лидер Лех Валенса, ставший позднее президентом своей страны). Они могут услышать и о том, что Россия никогда не избавится от имперских амбиций, а потому ее малые соседи постоянно подвергаются опасности и нуждаются в защите. Просматривая номер «Economist», они, возможно, удивятся, как удивляюсь и я: почему там на карикатурах все страны изображаются в виде людей, и только Россия по традиции, если не по неписанному правилу, — в образе животного. В этой книге я постарался показать, что за карикатурой кроется человеческое лицо, а за заголовком — непростая история. Я посвящаю книгу моему сыну Петру Тренину-Страусову: сейчас ему тридцать, а когда СССР перестал существовать, было десять. К счастью, он, как и его младший брат Андрей, принадлежат к первому свободному поколению россиян.

Декабрь 2010 г.

ВВЕДЕНИЕ

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ?

Подобно своей предшественнице, Российской империи, Советский Союз распался быстро и неожиданно — как для собственных граждан, так и для тех, кто наблюдал за событиями извне. Пожалуй, здесь даже уместна приблизительная аналогия с «Титаником». Уинстону Черчиллю принадлежит знаменитая фраза: российский государственный корабль, выдержав самые сильные штормы Первой мировой, затонул уже при входе в безопасную гавань. Аналогичным образом СССР ушел на дно, когда пытался под руководством Михаила Горбачева впервые придать «человеческое лицо» своему политическому строю. В обоих случаях возникало впечатление, что гигантское сооружение, возводившееся сотни лет, рухнуло в одночасье, как только его верховный правитель — царь-самодержец в 1917 г. и президент-реформатор в 1991-м — утратил контроль над динамично развивающимися событиями. Результаты, правда, оказались разными: в начале XX столетия империя была быстро воссоздана, пусть и в иной форме, а три четверти века спустя ее крушение было окончательным.

ХРОНИКА ТОНУЩЕЙ ИМПЕРИИ [1]

Как же быстро все это случилось! 15 февраля 1989 г. последний командующий советским контингентом в Афганистане генерал Борис Громов перешел мост через реку Амударья у железнодорожной станции Термез в тогдашней Узбекской ССР. Вопреки распространенному мнению он не был последним советским военнослужащим, покинувшим Афганистан. Небольшая группа старших офицеров во главе с генералом Махмутом Гареевым осталась в Кабуле в качестве советников президента Мохаммада Наджибуллы. Их отозвали лишь в 1991 г., за год до того, как афганскую столицу заняли моджахеды. Но главная новость дня была верна до последней буквы: после почти десятилетней войны, по официальным данным стоившей жизни

14 354 солдатам, советская интервенция в Афганистане наконец завершилась.

Пятью неделями позже в Советском Союзе состоялись первые в его истории частично свободные выборы в новый законодательный орган — Съезд народных депутатов. К всеобщему удивлению кандидаты от КПСС потерпели полное поражение в крупнейших городах — Москве, Ленинграде и Свердловске. В мае-июне заседания первого Съезда в течение двух недель передавались в прямом эфире, и вся страна буквально затаила дыхание, прикованная к телевизорам и радиоприемникам. Я сам, вместо того чтобы читать курсантам обычную страноведческую лекцию, вместе с ними слушал трансляцию со съезда. Как раз в тот момент Андрей Сахаров, физик-ядерщик и великий правозащитник, лишь недавно возвращенный из ссылки в Горьком, со съездовской трибуны резко осуждал советское вторжение в Афганистан. Председательствовавший на заседании Горбачев возражал ему, но не смог заставить замолчать. Сахаровская критика политики Москвы в Афганистане, сопровождавшаяся словами уважения в адрес советских офицеров и солдат, которых страна послала на эту войну, вызвала бурный спор в нашей аудитории.

В то же лето советская империя в Восточной Европе начала трещать по швам. В июне, в рамках политики национального примирения после отмены военного положения, в Польше вступил в должность первый после 1945 г. премьер-некоммунист Тадеуш Мазовецкий. Москва молчаливо с этим согласилась. Выступая в Страсбурге перед Советом Европы, Горбачев призвал к строительству «общеевропейского дома» на основе единых, по сути западных ценностей — за это многие годы выступал Сахаров и за это он был выслан из Москвы при Леониде Брежневе.

Тем временем советский «общий дом» начал делиться на национальные квартиры. За Грузией, еще не пришедшей в себя после того, как в апреле для разгона мирного митинга в Тбилиси были использованы войска (тогда погибли 16 человек), последовали три прибалтийские республики: там тысячи людей в буквальном смысле взялись за руки, образовав живую цепь. Целью этой мощной акции протеста было осуждение пакта Риббентропа-Молотова, которому в августе 1989 г. исполнилось пятьдесят лет. Несколько дней спустя в Молдавии, также ставшей объектом этого нацистско-советского соглашения 1939 г., был принят закон о приоритетном статусе молдавского языка по отношению к русскому. Сама Москва прекратила категорически отрицать наличие секретного протокола к этому пакту; для установления

истины была создана специальная комиссия во главе с неукротимым Александром Яковлевым[2].

Все эти невероятные события, однако, были лишь прелюдией к тому, что произошло дальше. Кульминация наступила осенью. В конце лета Германская Демократическая Республика — главный бастион военно-политических позиций СССР в Европе — пережила крупнейший отток населения со времен строительства Берлинской стены в 1961 г. Тысячи отпускников из ГДР стекались в Венгрию, которая вдруг неожиданно для всех открыла границу, позволив им бежать на Запад через соседнюю Австрию. Тысячи других восточных немцев заполонили посольство ФРГ в Праге; в рамках спешно достигнутой договоренности их тоже отпустили на Запад, но при одном абсурдном условии — эти люди должны были проехать на поезде через территорию ГДР, чтобы их официально «выдворили» оттуда. СССР в происходившее не вмешивался.

Консервативные коммунистические правители в Восточном Берлине, готовившиеся праздновать сорокалетие «первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле», были потрясены и шокированы. По-настоящему же их режим начал рушиться в начале октября, когда Горбачев, приехавший на юбилей, четко дал понять, что больше не поддерживает руководство ГДР. В отсутствие угрозы советского военного вмешательства — а она постоянно существовала после подавления восстания рабочих в 1953 г. — на улицах Лейпцига, Дрездена и других городов начались массовые демонстрации. Коммунисты, предоставленные сами себе, изгнали консервативных лидеров и, уступая требованиям народа, разрешили свободный проход через Берлинскую стену. А через полтора месяца простая смена артикля на лозунгах демонстрантов — с «Wir sind *das* Volk» на «Wir sind *ein* Volk»[3] — изменила весь ход европейской истории. План западногерманского канцлера Гельмута Коля (он предусматривал создание германской конфедерации в течение десяти лет), казавшийся невероятно смелым в конце ноября, когда был обнародован, безнадежно отстал от развития событий. Германия неуклонно двигалась к полному и ускоренному воссоединению. 400 тыс. советских солдат, размещенных в ГДР, оставались в казармах.

Немецкие демонстранты были не одиноки и не оставались без поддержки. Падение Стены откликнулось эхом по всей Восточной Европе. В результате «бархатных революций» пали просоветские режимы в Чехословакии, Венгрии, Болгарии. В Польше усилились антикоммунистические тенденции, заложенные «Солидарностью»

десятью годами ранее. Лишь в Румынии дело дошло до серьезных уличных боев, а диктатор Николае Чаушеску и его жена Елена были казнены. Во всех других странах перемены носили мирный характер, и Советский Союз их принял, незамедлительно признав новые режимы. В то же время в каждом из этих государств (за исключением Румынии), формально остававшихся союзниками Москвы, по-прежнему находились крупные советские воинские контингенты: 85 тыс. солдат в Чехословакии, 58 тыс. в Польше и 65 тыс. в Венгрии[4].

Наконец, на саммите у берегов Мальты в конце ноября — начале декабря 1989 г. Горбачев и президент США Джордж Буш-старший публично объявили о завершении «холодной войны». В отношении бывших восточноевропейских стран-сателлитов, заявил пресс-секретарь Горбачева Геннадий Герасимов, вместо Ялтинских договоренностей 1945 г. (т. е. послевоенного раздела Европы) в действие вступает, как он выразился, «доктрина Синатры»: «делайте по-своему». В прибрежных водах Мальты Ялтинским соглашениям устроили морские похороны.

В следующем, 1990 г. СССР согласился на воссоединение Германии в рамках НАТО, т. е. по сути на поглощение ГДР Федеративной Республикой, и пообещал вывести свои войска из восточногерманских земель в течение четырех лет, а из других стран Варшавского договора — еще быстрее. Москва также подписала Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), предусматривавший резкое сокращение численности войск по всему континенту и устранявший возможность масштабного внезапного нападения на его территории. В рамках ДОВСЕ Советский Союз должен был произвести особенно глубокое сокращение вооруженных сил, весьма жесткими были и ограничения на передвижение войск. Кроме того, СССР предстояла гигантских масштабов передислокация воинских контингентов. Последовавший за этим поспешный вывод войск из Центральной и Восточной Европы вызвал недовольство в офицерском корпусе. Дело было даже не столько в его стратегических последствиях, сколько в отсутствии элементарного уважения к человеческому достоинству военных: после возвращения в СССР, где жилье было в дефиците, их зачастую селили в палатках[5]. Новые невраждебные отношения между странами Евроатлантического региона были зафиксированы в специальной декларации, подписанной в ноябре 1990 г.; она получила название Парижской хартии для новой Европы.

Демонтаж советской империи не ограничивался Восточноевропейским регионом. После нормализации отношений с Китаем,

достигнутой в ходе визита Горбачева в Пекин в мае 1989 г., СССР согласился вывести свой семидесятипятитысячный контингент из Монголии и по сути позволил этой стране идти собственным путем. Кроме того, Москва надавила на Ханой, чтобы тот начал вывод вьетнамских войск из Камбоджи, где они размещались с 1979 г. Это было одним из пунктов договоренности между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Вьетнамцы действительно покинули Камбоджу, но одновременно и орбиту СССР.

Аналогичным образом завершение конфликтов времен «холодной войны» в Анголе и Мозамбике, Никарагуа и Намибии привело к резкой переориентации бывших советских «клиентов», внезапно брошенных Москвой на произвол судьбы. Кубу и Лаос, например, в одночасье бесцеремонно лишили советских дотаций. Через десять лет, в 2000 г., президент Владимир Путин символически завершил процесс, закрыв последние объекты на территории этих стран, сохранившиеся с советских времен, — военно-морскую базу Камрань во Вьетнаме и разведцентр Лурдес на Кубе. Подобно предыдущим уступкам Москвы эти действия были восприняты на Западе как нечто само собой разумеющееся: официальные круги (конфиденциально) и аналитики (в открытую) выражали мнение, что советскому руководству просто некуда деваться.

Эквивалентом падения Берлинской стены для советской империи в третьем мире стала война в Персидском заливе. В августе 1990 г. Москва не только сразу же осудила (в совместном заявлении с Вашингтоном) вопиющий акт агрессии своего багдадского «полусоюзника» против Кувейта, но и постепенно начала двигаться в русле стратегии США, фактически превратившись к началу операции «Буря в пустыне» в январе 1991 г. в стороннего наблюдателя. Таков был невероятный конец притязаний СССР на создание альтернативы Западу, на роль защитника и покровителя для десятков государств-клиентов в Азии, Африке и Латинской Америке[6].

А через год после поражения Саддама Хусейна не стало и самого Советского Союза. Застрельщиком «парада суверенитетов» союзных республик была Литва, принявшая соответствующую декларацию в марте 1990-го; в июне того же года этот процесс получил мощный импульс — принять Декларацию о суверенитете решил вновь избранный Верховный совет РСФСР. Этот шаг России, предпринятый по инициативе Бориса Ельцина, серьезно подорвал власть союзного центра. Тем временем Горбачев демонтировал главную опору советского государства — конституционное положение о «руководящей и направляю-

щей роли КПСС». В марте Горбачев стал первым президентом СССР. Однако он решил не избираться на этот пост всенародно, что вскоре сыграло роковую роль в его политической карьере.

Не помог делу и тот факт, что в марте 1991 г. почти две трети граждан СССР проголосовали на референдуме за сохранение Союза в обновленной форме. Прибалтийские республики, Грузия, Армения и Молдавия отказались участвовать в голосовании. Еще большее значение имело то, что в результате параллельного референдума в Российской Федерации был учрежден пост республиканского президента. В июне на него избрали Ельцина, и двоевластие в Москве приобрело официальный характер — прямой конфликт стал неминуем. Консерваторы опасались, что новый Союзный договор, о котором Горбачев вел консультации с главами республик, превратит СССР в рыхлую конфедерацию.

Отчаянная попытка консерваторов организовать переворот в августе 1991 г. превратила декларированный суверенитет республик в полномасштабную независимость. 24 августа, через три дня после подавления путча в Москве, независимость провозгласила Украина, 25 августа ее примеру последовала Белоруссия, 31 августа — Узбекистан. 6 сентября Москва без каких-либо оговорок признала отделение от Союза «прибалтийской тройки» — Латвии, Литвы и Эстонии. 1 декабря 1991 г. на референдуме подавляющее большинство украинцев поддержало государственный суверенитет этой крупнейшей после России союзной республики. Еще через неделю в Беловежской пуще (охотничьем комплексе для номенклатуры близ белорусско-польской границы) три из четырех республик, основавших Советский Союз в 1922 г.[7], объявили о его роспуске. 25 декабря 1991 г. советский флаг над Кремлем был спущен, его место занял российский триколор. По историческим меркам советский государственный корабль затонул почти так же быстро, как «Титаник». Если считать с момента вывода войск из Афганистана, демонтаж советской (и одновременно классической российской) империи занял всего 34 месяца.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Самое удивительное с учетом масштаба происходящего и характера покидавшего сцену режима, что крушение империи прошло упорядоченно и относительно мирно. Конечно, на смену СССР не пришел «более совершенный Союз», о котором Горбачев вел трудные

переговоры с главами республик в своей подмосковной резиденции Ново-Огареве. Однако в глазах многих Содружество Независимых Государств (СНГ), о создании которого заявили лидеры России, Украины и Белоруссии 8 декабря 1991 г., не так уж отличалось от Союза суверенных государств, несколько месяцев обсуждавшегося в Ново-Огареве. Административные границы между республиками превратились в государственные, но они были по-прежнему открыты, вооруженные силы номинально оставались под единым командованием, советский рубль сохранял статус платежного средства. В конце концов, классическая российская империя состояла не из заморских территорий, а границы между «метрополией» и «колониями» никогда не были четкими. В любом случае уровень экономического благосостояния «коренных» русских земель в имперскую эпоху был не выше, а зачастую и ниже, чем у многих «окраин».

Конечно, армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха, вспыхнувший в 1988 г., унес 20 тыс. жизней и вынудил более 1 млн человек покинуть родные места[8]; жертвами войны в Чечне с 1991 по 2001 гг. стали, по разным оценкам, не менее 30–40 тыс. жителей республики[9], и это не считая раненых; еще 100 тыс. человек погибли в гражданской войне 1992–1997 гг. в Таджикистане. Грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты, боевые действия в Приднестровье и кровавые столкновения между ингушами и осетинами пополнили эту мрачную статистику еще несколькими тысячами убитых. Да и саму Москву насилие не обошло стороной. Если во время путча в 1991 г. в столице погибли трое молодых людей, то «гражданская война в миниатюре», разразившаяся на ее улицах два года спустя, только по официальным данным унесла 140 жизней (согласно неофициальным оценкам их было в несколько раз больше). Тем не менее эти цифры бледнеют по сравнению с количеством жертв раздела Индии в 1947 г., войн в Алжире (1954–1962 гг.) и Индокитае (1946–1954 гг.) и многих других конфликтов. В сопоставлении с ними распад советской империи выглядит на удивление мирным.

За исключением Карабахского конфликта и российско-грузинской войны 2008 г. сколько-нибудь серьезных вооруженных столкновений между постсоветскими государствами не было. Поразительно и то, что первый в истории распад ядерной державы не привел к распространению ядерного оружия. Стратегические ядерные вооружения бывшего СССР оставались под централизованным контролем, и к 1994 г. все боезаряды, находившиеся на Украине, в Казахстане и Белоруссии, были вывезены в Россию, а три независимые республи-

ки присоединились к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерных государств. Что же касается тактических ядерных боеприпасов, то они были передислоцированы в Российскую Федерацию еще до распада СССР. За прошедшие двадцать лет ни одного серьезного нарушения режима нераспространения, связанного с распадом Советского Союза, не зафиксировано.

Все прошло необычайно гладко в основном благодаря тому, что процесс демонтажа империи возглавила метрополия — Россия. Когда СССР еще существовал, власти Российской Федерации заключили с другими союзными республиками договоры о взаимном признании суверенитета. Когда же Советский Союз перестал существовать, российское руководство немедленно согласилось с новыми границами страны и, ответив вооруженной силой на чеченский сепаратизм, проявило достаточную мудрость, чтобы не поддаться искушению поддержать ирредентизм в Крыму, Северном Казахстане и др. По сравнению с другими империями — британской, французской, португальской — в их последний и, как правило, отнюдь не звездный час Россия справилась со своими сложными задачами невероятно успешно.

Поражает и то, что буквально все воспринимали одно потрясающее известие за другим как нечто само собой разумеющееся. Конечно, даже люди с самым богатым воображением не могли предположить, что всё — десятилетнее присутствие в Афганистане, сорокалетний контроль над Восточной Европой, триста лет государственного единства с Украиной — закончится за какие-то три года. До конца 1980-х годов советский политический строй почти всеми расценивался как весьма стабильный. К пророчеству писателя-диссидента Андрея Амальрика о том, что СССР перестанет существовать в 1984 г.[10], в момент выхода его книги в 1969-м отнеслись как к гротескной шутке. На деле же он «промахнулся» всего на семь лет. Собственно, и сам автор не претендовал в своем указании срока на что-либо большее, чем интеллектуальная провокация: он просто обыграл название знаменитой книги Джорджа Оруэлла. Когда же невозможное вдруг стало свершившимся фактом, это было тут же воспринято как данность, как точка отсчета нового статус-кво. Подобная позиция была чревата серьезными последствиями.

В годы «холодной войны» вопрос о распаде исторической российской империи даже не стоял. Помимо трех прибалтийских государств, чье включение в состав СССР расценивалось как незаконное Соединенными Штатами и некоторыми другими (но отнюдь не всеми) странами Запада, границы Советского Союза была официально

признаны. Более того, централизованный контроль над советским ядерным оружием и гигантской евразийской территорией с этнически разнообразным населением рассматривался на Западе как один из краеугольных камней международного порядка. Когда президент Джордж Буш-старший, выступая в Киеве 1 августа 1991 г., дал публичную отповедь тем, кто стремился к отделению от СССР, он адресовался не только к украинской аудитории [11].

Когда же менее пяти месяцев спустя независимость Украины и других республик стала реальностью, в США и Европе их выход из Союза встретили аплодисментами. Теперь в качестве потенциальной угрозы рассматривалась, как выразился Генри Киссинджер, «реимпериализация» России [12], но о воздействии утраты империи *на Россию* никто особенно не задумывался. В конце концов, Россия не потерпела военного поражения, не была оккупирована, не попала под контроль других держав. Распад советской империи и роспуск самого СССР инициировала ее собственная элита. Наиболее распространенный на Западе тезис, понятное дело, заключался в том, что, сбросив с себя имперское бремя, Россия освободилась точно так же, как ее бывшие владения и протектораты, и тем самым стала готова к демократии и интеграции в сообщество свободных, демократических стран с рыночной экономикой. Были, правда, и скептики, не верившие в эту версию и опасавшиеся превращения России в новую Веймарскую республику [13].

Итак, мы увидели, как все произошло. Но еще интереснее другой вопрос: почему это произошло?

ПОЧЕМУ ЭТО ПРОИЗОШЛО?

Сегодня у многих возникает впечатление, что советская и классическая российская империи были обречены чуть ли не с самого начала. Однако еще за десять лет до крушения СССР подобное мнение отнюдь не преобладало. В 1979 г., когда революция в Иране и свержение шаха покончили с присутствием США в этой стране, а Москва вторглась в Афганистан, казалось, что Советский Союз наступает по всем фронтам, а Соединенные Штаты, страдающие «вьетнамским синдромом», напротив, вынуждены отступать. Используя Кубу в качестве плацдарма, СССР бросил вызов американскому влиянию в Никарагуа и Сальвадоре. Его союзники, казалось, уже торжествовали победу в Анголе и Йемене. Конечно, к моменту прихода к власти Горбачева

в середине 1980-х годов стало ясно, что Советский Союз сталкивается с серьезными проблемами в ряде областей, но они не выглядели непреодолимыми.

Логика Горбачева была очевидна, хотя его стратегия со временем претерпела эволюцию, а тактика менялась постоянно. Главной причиной, по которой он пересматривал внешнеполитический курс СССР, было стремление замедлить гонку вооружений, ложившуюся непосильным бременем на советскую экономику[14]. Для этого ему необходимо было заключить разоруженческие соглашения с администрацией Рейгана. И, как это ни удивительно, американский президент-консерватор оказался сторонником сокращения ядерных вооружений. Однако непредвиденным следствием сворачивания «холодной войны» стал подрыв фундамента легитимности советского режима и логики существования огромной империи. Если Запад не угрожает СССР, зачем ему держать под контролем восточную половину Европы и субсидировать далекие форпосты империи вроде Кубы, да и в Африке, Азии, на Ближнем Востоке насущных интересов у него не было. Но самое главное — гигантский военно-промышленный комплекс, внезапно сбавивший обороты, требовал конверсии для производства потребительских товаров, в которых советским гражданам отказывали ради ведения «холодной войны». В 1961 г. советский премьер Никита Хрущев произнес знаменитую фразу (не соответствовавшую, конечно, действительности, но он надеялся угрожающей метафорой припугнуть американцев): «Мы делаем ракеты, как сосиски». Тридцать лет спустя советские граждане всей душой желали развернуть этот процесс в обратную сторону. Ракетами сыт не будешь, а при Брежневе они производились если не как сосиски, то уж точно вместо них. Но проблема была в том, что поменять ракеты на сосиски, не меняя саму систему, было невозможно.

Более того, Горбачев невысоко ставил международное коммунистическое движение, с традиционным кремлевским пренебрежением относился к странам-сателлитам и практически не интересовался третьим миром[15]. Подобно всем другим членам Политбюро включая Андрея Громыко, много лет возглавлявшего Министерство иностранных дел, и его преемника Эдуарда Шеварднадзе, генсек полностью сосредоточил внимание на Западе и особенно на Соединенных Штатах. Именно эта почти навязчивая идея в предыдущие десятилетия довела Советский Союз до опасного перенапряжения сил. Проявить в одностороннем порядке сдержанность, не дать превосходящей СССР в экономическом и техническом отношении Америке втянуть

себя в очередной раунд все более интенсивной гонки вооружений — такого советское руководство не могло себе и представить. Оно было поглощено игрой под названием «ядерный паритет и превосходство в обычных вооружениях». Но в этой игре Советский Союз был обречен на поражение.

Позднее Горбачев стремился заменить соперничество СССР и США их совместной — и дружественной — мировой гегемонией. Однако по мере нарастания трудностей в экономике, усугубленных резким падением нефтяных цен начиная с 1986 г., он вынужден был пойти на роковой шаг — обратиться к Западу за финансовой помощью [16]. Правда, перед глазами у Москвы был печальный пример ее собственных сателлитов — Польша, Румыния, ГДР занимали деньги на Западе, и всем им это вышло боком. Но Горбачева это не остановило. На том этапе развития, который переживал СССР в середине 1980-х, он не мог сделать то, что с громадным успехом примерно в то же время осуществило китайское руководство, — позволить крестьянам производить максимум продукции для продажи на свободном рынке. Ведь Сталин в свое время разгромил крестьянство, обрекая тем самым своих преемников на вечную проблему продовольственного дефицита. Не могли наследники Сталина и открыть страну для иностранных инвестиций: этого не позволяли идеологические ограничения и обстановка «холодной войны». В результате Горбачеву в отличие от Дэн Сяопина пришлось просить кредиты для поддержки дышащей на ладан экономики. Но займы создавали зависимость от Запада; кроме того, нехватка средств вынуждала к пересмотру приоритетов. Горбачев, начавший свою деятельность во главе государства как лидер, инициирующий смелые реформы, в дальнейшем был вынужден в основном реагировать на происходящие события, и ему постоянно не хватало ни времени, ни денег.

В российской истории попытки модернизации, будь то при Александре II или при Михаиле Горбачеве, приводили одновременно к всплеску русского национализма в имперском «ядре» и этнического национализма на «периферии». При большевиках произошло восстановление империи — отчасти потому, что красные, в отличие от их противников, белых, утверждали, что не ставят перед собой такой цели [17]. Но Советский Союз был обречен. В обмен на поддержку большевики вынуждены были дать своим союзникам-националистам видимость государственности. Национальные окраины стали республиками, пусть и в составе общего советского государства. Там поощрялось употребление местных языков. Возникли этнические элиты. Это про-

цветание национальных культур в рамках государства с однопартийной системой могло быть только результатом шаткого компромисса. Он действовал лишь до тех пор, пока КПСС сохраняла единство и способность осуществлять тотальный контроль над страной.

Как это ни парадоксально, тоталитарное и унитарное советское государство (его федеративное устройство существовало лишь на бумаге) само заложило фундамент собственного упорядоченного, «узаконенного» распада. Во всех трех советских конституциях — 1924, 1936 и 1977 гг. — было зафиксировано право республик на отделение. В 1944 г., желая получить для Советского Союза как можно больше мест в создаваемой Организации Объединенных Наций, Иосиф Сталин учредил республиканские министерства иностранных дел. Считая себя знатоком межэтнических отношений, он использовал национальные республики в своей политике по принципу «разделяй и властвуй», но уже само их создание привело к появлению, пусть и в эмбриональном виде, новых государственных образований внутри, казалось бы, нерушимого советского монолита.

Подобно Российской империи СССР разрушали изнутри две противоположные силы — реформы и национальное пробуждение. Российская Федерация заявила о суверенитете раньше всех остальных союзных республик за исключением прибалтийских. Национальные «окраины», пусть медленнее и осторожнее, но с удовольствием последовали ее примеру. Что же касается постсоветского Содружества Независимых Государств, то оно с самого начала *не было* «третьим изданием» империи [18]. Это был эпилог, а не продолжение, начальный этап существования новых государств, а не «загробная жизнь» империи. Украина, например, считает себя частью Европы, а не «Евразии». Россия позволила всему этому произойти прежде всего потому, что за 450 лет ее имперская энергия иссякла. Она тоже хотела быть «просто» Россией. Но что же это такое — Россия за вычетом империи?

ПОСЛЕ ИМПЕРИИ

На пороге XXI в. сильно оживился интерес к судьбам империй — к их становлению, упадку и крушению. Многие из работ на эту тему призваны были «успокоить» или, напротив, предостеречь нынешнюю державу номер один — Соединенные Штаты. Это вполне понятно. Когда упадок и разрушение империи стали свершившимся фактом и она перестала существовать, ее история вызывает намного меньший

интерес. Один из персонажей картины Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник» задает вопрос: «А знаете, что остается, когда съедите бублик?». И сам же со смехом отвечает: «Дырка. Дырка остается от бублика». Но это не совсем так.

Все империи переживают взлет и падение. После крушения они порой примыкают к более могущественным державам — как к бывшим противникам, так и к союзникам. Третий рейх и Японская империя сгорели в пламени Второй мировой войны: потерпев военное поражение, они были сначала оккупированы, а затем реформированы и «перевоспитаны» державами-победительницами. Британия и Франция, хотя и оказались в числе победителей, в послевоенные годы в результате процесса деколонизации утратили бóльшую часть своих заморских владений. Не столь крупные колониальные державы Европы, например, Нидерланды и Португалия, пытались отстоять свои заморские территории в жестоких войнах, но в конце концов поняли, что победы им не видать, и «отступили» на территорию исторических метрополий. Как бы то ни было, все эти страны сравнительно быстро сумели преобразоваться в весьма успешные национальные государства. Необходимо, однако, помнить, что во всех перечисленных случаях в основе империи и лежало такое государство. Собственно Британия, например, представляла собой Соединенное королевство Англии и Шотландии — вся ее гигантская империя лежала за морями.

В отличие от последствий Первой мировой войны (распада Австро-Венгрии, османской Турции, царской России) переход от империй к национальным государствам в Европе после Второй мировой проходил относительно гладко. На важнейшем этапе процесса этому способствовал альянс европейцев с Соединенными Штатами. С одной стороны, Америка давала им политические и военные гарантии защиты, с другой — подталкивала к отказу от устаревшей колониальной модели. Еще важнее был тот факт, что постимперский переход сопровождался европейской экономической интеграцией, начавшейся вскоре после войны. Общий рынок возобладал над прежними имперскими преференциями.

После физического разделения метрополий и колоний, диверсификации или перенацеливания торговых потоков ностальгия по империям постепенно сошла на нет. Культурное влияние, однако, сохранилось. Британская империя породила несколько государств, составляющих сегодня наряду с самим Соединенным Королевством англоязычный сегмент западного мира: Австралию, Канаду, Новую Зеландию и США. Но даже не принадлежащие к Западу страны, при-

чем такие разные, как Индия и Южно-Африканская Республика, позаимствовали у бывшей метрополии язык, правовую систему и основные принципы государственного управления. Британской империи больше нет, но ее наследие продолжает жить.

Империи, состоящие из сопредельных земель, отличались большей прочностью, но когда они распадались, размежевание колоний и метрополий было более радикальным. Обычно это происходило в результате больших войн и масштабного геополитического переустройства. Конечно, культурное наследие сохранялось и в этих случаях. Османская империя, распавшаяся в результате Первой мировой войны, наложила на Балканы неизгладимый мусульманский отпечаток, а Mitteleuropa, где Германия была гегемоном, отчасти пережившая Первую мировую войну и канувшая в Лету после Второй мировой, порождала «европейские» воспоминания у народов Восточной Европы, оказавшейся под контролем СССР. Тем не менее после 1923 г. роль Турции на международной арене, особенно в ее бывших владениях, была весьма ограниченной. Западная Германия после 1945 г. также не играла первостепенной роли в международной политике [19]. Аналогичным образом морская держава Испания, потеряв в XIX в. свои американские колонии, ушла на второй план практически до того момента, когда она интегрировалась с другими странами Европы в результате вступления в НАТО (в 1982 г.) и Европейское экономическое сообщество / Европейский союз (в 1986 г.).

Через многие десятилетия некоторые из бывших империй вновь возвысились: Турция стала региональной державой, Германия — лидером объединенной Европы, Австрия нашла для себя неформальную «руководящую роль» на Балканах и в Придунайском регионе. Исчезнувший было имперский менталитет их элит возродился в измененной форме лидерства, ответственности и арбитража. Однако во всех этих случаях перерыв между имперским и постимперским состояниями был велик, и за это время на месте метрополий возникли и созрели национальные государства.

Россия, построившая к 1980 г. громадную формальную и неформальную империю и утратившая через десять лет значительную ее часть, — редкий пример бывшего имперского образования, не исчезнувшего с политической карты и не преобразовавшегося в «обычное» государство, но стремящегося воссоздаться в качестве великой державы с региональной базой и глобальными интересами. Это не тот реваншизм, что в 1920—1930-х годах обрек на гибель постверсальскую, поствеймарскую Германию. Не претендуя более на мировую гегемо-

нию и расширение своих новых границ, Россия изо всех сил пытается занять место в высшей лиге мировых игроков и одновременно играть преобладающую роль в собственном регионе. Еще удивительнее другое: она одновременно старается и «застолбить» за собой подобающее место на мировой арене, и сохранить собственную целостность. Подобные «двуединые» усилия практически не имеют аналогов в современной истории. Увенчаются ли они успехом — большой и очень важный вопрос.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА «POST-IMPERIUM»

Я выбрал понятие «post-imperium» не из-за отсутствия более точной характеристики нынешнего положения России[20]. На мой взгляд, этот термин предполагает довольно длительный процесс выхода из имперского состояния. Страна уже не является империей и никогда больше ею не станет. Однако многие черты, свойственные ей в имперский период, сохраняются по сей день. Россия находится не просто в переходном, а в неопределенном состоянии: переживаемый ею процесс на деле представляет собой трансформацию исторического масштаба, требующую куда больше времени, чем переход (несколько поколений, а не несколько десятилетий), и не имеющую четко определенного конечного пункта. Тот факт, что в отличие от всех других стран советского блока и республик бывшего СССР ей приходится иметь дело еще и с имперским наследием, во многом определил провал интеграции России в состав Запада или хотя бы интеграции с Западом.

В первое десятилетие XXI в. российское общество приобрело новое качество, прежде всего за счет внедрения потребительской модели и формирования среднего класса. Однако на общественном пространстве, в том числе и в политической жизни, ситуация по сравнению с предшествовавшим периодом ухудшилась. Элементы империи все еще видны невооруженным глазом и во внутренней, и во внешней политике. Внутриполитическая система России — это «неоцаризм», мягкий авторитаризм. Ее нынешний механизм можно охарактеризовать как «авторитаризм с согласия народа». Что же касается международных отношений, то на нынешнем этапе Россия признает все бывшие советские республики *отдельными* странами, но еще не воспринимает часть из них как *иностранные* государства.

Ряд исследователей и обозревателей утверждают, что Россия — это не до конца распавшаяся империя. Основной тезис здесь, есте-

ственно, заключается в том, что за роспуском СССР должен последовать новый этап дезинтеграции, хотя бы частичной, который охватит саму Российскую Федерацию. Согласно этой точке зрения процесс распада лишь временно приостановился в конце XX — начале XXI в., но в дальнейшем он продолжится и затронет Северный Кавказ, а возможно, и другие российские регионы.

Несомненно, Северный Кавказ сегодня — зона «высокой турбулентности», и ситуация там во многом неопределенна (на этом я подробнее остановлюсь ниже). Следует, однако, заметить, что многие империи распались не до конца. Британия по-прежнему сохраняет за собой Гибралтар, Фолклендские и Бермудские острова, Диего-Гарсию и ряд других небольших заморских владений. В составе Франции остается немало заморских департаментов и заморских территорий[21]: достаточно вспомнить хотя бы Гвиану, Гваделупу и Таити. Даже Нидерланды владеют несколькими островами у побережья Венесуэлы. Все эти бывшие колониальные форпосты Европы объединяет одно: их население не желает рвать связь с прежними метрополиями, как Пуэрто-Рико предпочитает оставаться под управлением США. Экономическое благосостояние и высокий уровень социального развития для них важнее, чем суверенитет. В том, что касается России, решающее значение в конечном счете будет иметь ее способность предложить аналогичные блага.

Таким образом, постимперскую Россию нельзя считать уникальным случаем. Немало интересных выводов об этапах «постмиперскости» и психологической компенсации за геополитические утраты можно извлечь из истории послевоенной Британии или деголлевской Франции. Британии понадобилась четверть века, чтобы на первое место для нее вышли экономические связи с континентальной Европой, а не с бывшими колониями и доминионами, чтобы отказаться от притязаний на политическое и военное присутствие к востоку от Суэца и примириться с заметным ослаблением своего влияния и роли на международной арене. Во многом этому способствовали как в политическом, так и в психологическом плане «особые отношения» Лондона с Соединенными Штатами.

Франция же, напротив, повысила накал риторики о собственном величии и одновременно старалась реже упоминать о своих неудачах — все это было призвано компенсировать травматический опыт поражения и коллаборационизма в годы Второй мировой войны. Если британцы, чтобы сохранить свою уникальную идентичность, старались держаться от континента «на расстоянии вытянутой руки»,

Париж, напротив, стремился стать лидером в Европе и превратить континент в орудие восстановления «мягкой гегемонии» Франции. Кроме того, постимперская Британия старалась как можно больше сблизиться с Америкой, а постимперская Франция, напротив, фрондировала против гегемонистских амбиций Вашингтона.

Можно даже утверждать, что в какой-то степени ни Британия, ни Франция еще не преодолели полностью постимперскую фазу. Элиты обеих стран по-прежнему исповедуют глобальный подход к событиям в мире, обе обладают ядерными арсеналами, пусть и небольшими, их обычные вооруженные силы, хотя и сильно сократились, весьма боеспособны и эффективны, в чем на горьком опыте убедились сербы, иракцы и афганские талибы, а в последнее время — сторонники лидера ливийской Джамахирии. В 1982 г. Британия провела экспедиционную операцию для защиты своего суверенитета над Фолклендскими островами, а Франция направляет парашютные части для вмешательства в дела центральноафриканских государств. Впрочем, все это лишь немногие сохранившиеся рудименты прошлого. Настоящее (и скорее всего будущее) Соединенного королевства и Франции тесно связано с НАТО и Евросоюзом. Ни в одном из этих «клубов» особенно не жалуют империи, да и великие державы — за исключением США в случае НАТО, конечно.

Для России, однако, постимперская фаза осложняется рядом факторов. Некоторые из наиболее важных — это отсутствие интеграции с остальными странами Европы на стратегическом и экономическом уровне, продолжающееся сосуществование с бывшими окраинами, превратившимися в независимые государства, и титаническая задача всеобъемлющей модернизации для преодоления отсталости. Постимперское состояние будет продолжаться еще долго, вынуждая Россию задаваться вопросами относительно ее места и роли в мире, приоритетных политических задач и способов их решения. То, как России удастся справиться со всеми этими вопросами, будет иметь огромное значение для нее самой и ее соседей, а также для крупнейших игроков на ее восточных и западных границах — Китая и Евросоюза. Это будет очень важно и для Соединенных Штатов.

Хотя некоторые американские публицисты и эксперты утверждали, что после крушения советской империи Соединенные Штаты стали державой-гегемоном в Евразии, главной заботой Вашингтона в этом регионе было не допустить восстановления СССР, какой бы фантастической эта идея ни казалась, в том числе ряду видных американских дипломатов. В остальном Соединенные Штаты стремились

быть одним из игроков на евразийском пространстве, иметь к нему доступ и не позволять России закрывать этот доступ — хотя к гегемонии как таковой Америка не стремилась [22].

Сегодня на кону в этой продолжающейся постимперской игре стоит геополитический расклад сил в Евразии к середине XXI в. Хотя в одной из предыдущих книг я скептически отнесся к концепции «Евразии» в ее российской версии [23], сегодня она снова актуальна, пусть и несет в себе иной смысл. Теперь она означает не синоним российской империи (это, как я и утверждал, стало анахронизмом), а весь Старый Свет. Однако, чтобы эта новая Евразия могла состояться, старая должна сойти со сцены. Помимо Российской Федерации «мостом» между востоком и западом Евразии теперь служат Центральная Азия, Прикаспийский регион и Кавказ. Квинтэссенцию «евразийства» сегодня воплощают собой Казахстан и Турция, связанные как с Азией, так и с Европой. Северный маршрут снабжения натовского контингента в Афганистане включает железнодорожный путь от Риги до Термеза и ряд авиакоридоров, пересекающих Россию, Центральную Азию и Кавказ. В противоположном же направлении — из Афганистана в Россию и Европу — пролегает маршрут героинового, опиумного и иного наркотрафика. Если же обратиться к более приятным темам, то туристы из Сибири сегодня чартерными рейсами летают на остров Хайнань в Южно-Китайском море, москвичи расслабляются на Гоа, а немало богачей с Кавказа и из Центральной Азии приобрели себе виллы в Дубае.

Громадная и необычайно многообразная Евразия становится все теснее взаимосвязанным пространством как в экономическом, так и в политическом, а также стратегическом плане. Об укреплении межгосударственных связей свидетельствуют регулярные азиатско-европейские совещания. Расширение Евросоюза на восток, экономический подъем в Китае, Индии, Южной Корее, демографическая и политическая динамика в Турции и Иране, угрозы и риски, связанные с Пакистаном и Афганистаном, новые транспортные маршруты от возрожденного Великого шелкового пути до трубопроводов к востоку и западу от Каспия — все это приводит к тому, что Россия помимо все еще аморфного пространства СНГ оказывается окруженной странами, альянсами и союзами, превосходящими ее по богатству, динамичности, могуществу и численности населения. Она уже не может быть «последней в Европе и первой в Азии» [24] и рискует оказаться на периферии в обеих частях континента.

Пределы влияния Китая на континенте, варианты будущего Европы, направленность активности мусульман будут в немалой степе-

ни зависеть от того, как Россия справится со своими постимперскими дилеммами. Превратится ли она в национальное (полиэтническое) государство? Станет ли федерацией по сути, а не по названию? Сможет ли построить равноправные отношения со своими бывшими владениями, получившими независимость? Удастся ли ей интегрировать собственную громадную территорию, особенно восточную ее часть и тихоокеанское побережье? Как сложатся отношения России с Западом — ЕС, НАТО и США? Сможет ли она найти устойчивый баланс в отношениях с Китаем? Сумеет ли интегрировать собственное мусульманское население и стабилизировать непосредственную южную периферию? Будет ли Арктика зоной мирного сотрудничества или фронтом новой «холодной войны» — холодной в буквальном и переносном смысле? Таковы в сжатом виде вопросы, стоящие на повестке дня постимперской России.

Россия, однако, не единственное постмперское государство на территории бывшего СССР. Как это ни парадоксально, все независимые республики, возникшие в результате его распада, также демонстрируют признаки постимперского или, в некоторых случаях, постколониального синдрома. К ним относятся стремление отдалиться от бывшего гегемона, попытки создать новые национальные мифы и написать новую, «правильную» историю своих народов и одновременно многие черты, обычно ассоциирующиеся с Советским Союзом, в том числе лицемерие, отсутствие серьезных общественных дискуссий, нетерпимость.

Теперь, когда такие понятия, как «бывший СССР» и «постсоветское пространство», в основном утратили актуальность для анализа будущего Евразии, большое значение приобретает вопрос, каким путем пойдет каждое из новых независимых государств. Очевидно, Украина, крупнейшая из бывших советских республик, находящихся полностью на территории Европы, Узбекистан, имеющий наибольшую численность населения из центральноазиатских стран, и Казахстан с его природными богатствами скорее всего станут важными субрегиональными игроками и «законодателями мод». Но даже малые страны вроде Грузии, Молдавии и Киргизии могут создать проблемы, не ограничивающиеся по масштабам их непосредственным географическим окружением. Территориальная целостность и права этнических меньшинств, государственное строительство и внешнеполитическая ориентация, трубопроводная политика и иммиграция — все эти вопросы занимают важное место в постимперской, постколониальной повестке дня новых государств. Однако чтобы понять и эффективно

решить эти проблемы, необходимо обратиться к недавнему, да и более отдаленному прошлому.

СТРОИТЕЛЬСТВО ИМПЕРИИ

Географически Россия родилась в Европе, но на ее периферии. По сути она представляет собой пограничье. В Германии ее назвали бы «маркой», а на славянских языках — «краиной», «окраиной», «украиной». Изолированная — из-за монголо-татарского ига — в важнейший период становления государственности (XIII–XV столетия), отсталая в экономическом и культурном отношении, но стойкая и выносливая, Россия всегда хотела — и иногда ей это удавалось — преодолеть свои очевидные изъяны одним мощным рывком. Чтобы выжить и победить, страна создала высокоцентрализованную политическую систему в форме аристократического правления; для мобилизации экономических ресурсов крестьяне были закрепощены и обеспечивали благосостояние дворян, превращенных в «слуг государевых»; для защиты от более развитых держав-соперниц и внешней экспансии развивалась культура патриотизма, милитаризма и мессианства [25]. В результате Россия построила целую серию империй, в какой-то степени не имеющих прямых аналогов.

Совокупное явление, которое я называю исторической империей, имело несколько воплощений. Традиционная империя — Московское царство — строилась с середины XVI столетия. Ее непосредственный предшественник — Великое княжество Московское — представлял собой в основном этнически однородное русское государство за исключением правящей верхушки, которую составляли потомки варягов, и некоторой примеси ассимилированных финно-угорских племен. Вскоре после того, как великий князь Иван Васильевич в 1547 г. принял титул царя (происходивший от римского «caesar», цезарь), страна вступила на путь территориальной экспансии. История империи началась с завоевания Иваном, вскоре получившим прозвище Грозный, двух татарских ханств — Казанского (в 1552 г.) и Астраханского (в 1556 г.) и покорения третьего, Сибирского, при его сыне Федоре (в 1598 г.). Далее началась колонизация Сибири — от Урала до самого тихоокеанского побережья (в 1584–1689 гг.). В XVII в. московские цари взяли под свою руку нынешнюю Восточную Украину включая Киев, а затем фактически аннексировали ее (в 1654–1686 гг.). Наконец, в результате казацкой колонизации и принятия Москвой под защиту

местных правителей империя распространилась на юг до самых предгорий Кавказа.

В ходе создания *традиционной империи* российское государство восторжествовало над прежним властителем и угнетателем —

Традиционная российская империя (1550—1650 гг.)

монголо-татарской Золотой Ордой, а точнее, над ханствами, ставшими ее преемниками. В результате этого триумфа в России появилось значительное тюркское мусульманское население, ставшее с тех пор неотъемлемым элементом государства. В начале XX в. это побудило российских «евразийцев»[26] говорить о славяно-тюркской природе России. Долгое время находясь в подчиненном положении, мусульманско-тюркский элемент России в последнее время усиливается и активно самоутверждается.

В то же время это население в высокой степени ассимилировано. Татары и башкиры по образу жизни сегодня мало отличаются от русских. В Казани от ханских времен остались лишь смутные и далекие воспоминания, в Астрахани и Тюмени (столице Сибирского ханства) они практически полностью забыты; более того, большинство населения этих городов сегодня составляют русские.

Бóльшая часть новых территорий была присоединена к первой империи путем колонизации, а не завоевания. Процесс освоения Сибири возглавили казаки — в 1649 г. они дошли до Берингова пролива, а затем там начали се-

Классическая российская империя (1650—1914 гг.)

литься крестьяне. Те же крестьяне, бежавшие от помещиков и ставшие казаками, заселили донские степи, Кубань, Урал и берега Терека.

Традиционная московско-православная империя в основном пережила крушение государства в 1917 и 1991 гг. Нынешние границы страны, которые некоторые современные российские авторы называют «искусственными», на самом деле удивительно совпадают с пределами Московской державы по состоянию примерно на 1650 г., до присоединения Украины при царе Алексее Михайловиче и петровских завоеваний.

Начало *классической российской империи* положил Петр Великий, а ее центром стал Санкт-Петербург, который он основал в 1703 г. Петровский имперский конструкт внешне выглядел европейским. В 1721 г., после победной войны со Швецией, открывшей стране широкий доступ к Балтийскому морю, Петр принял титул императора всероссийского. Его преемники, активно участвуя в европейской силовой политике, продвинули границы России еще дальше на запад за счет присоединения Финляндии (в 1809 г.), Литвы (в 1795 г.), Белоруссии (в 1772–1795 гг.), Польши (в 1772–1815 гг.) и Центральной Украины (в 1772–1795 гг.). На юго-западе они отобрали у ослабевшей Османской империи Крым (в 1783 г.), северное побережье Черного моря (в 1774–1791 гг.) и Бессарабию (в 1812 г.).

Восточнее они отбили у османов и персов Закавказье (в 1801–1829, 1878 гг.), а также – вполне в русле европейской колониальной экспансии – покорили Северный Кавказ в ходе долгого и кровопролитного конфликта, получившего название Кавказской войны (1817–1864 гг.). В XIX в. Россия, сочетая силу оружия с дипломатией, присоединила Центральную Азию (в 1839–1895 гг.) и, в результате двух выгодных для Петербурга договоров с Китаем (1858 и 1860 гг.), Дальний Восток от озера Байкал до Сахалина. Больше столетия Россия владела и Аляской, пока не продала ее Соединенным Штатам в 1867 г. За пределами государственных границ Петербург создал зоны влияния на севере Персии (в 1907 г.), в Монголии (в 1911 г.), Туве (в 1914 г.) и Манчжурии (в 1898–1905, 1917 гг.).

В отличие от традиционной империи бóльшую часть приобретений в этот «классический» период составляли территории, где государственность к тому моменту, как они попали под власть России, уже сложилась или где население активно сопротивлялось российской экспансии. Некоторые из этих народов, например, поляки, обладали весьма развитым чувством национальной идентичности. Большинство присоединенных на этом этапе территорий отделилось в 1917 г.:

некоторые, как Польша и Финляндия, — навсегда, другие, например, Прибалтика и Бессарабия, — на двадцать лет; остальные лишь на период Гражданской войны 1918—1921 гг. Они вошли в состав СССР и окончательно обрели независимость в 1991 г.

Перефразируя Сергея Витте, занимавшего пост главы правительства в 1905—1906 гг., можно сказать: в России и Советском Союзе ничего, кроме империи, не было — метрополия отсутствовала. Простые русские не пользовались привилегированным статусом, а некоторые другие народы, напротив, им обладали: Царство Польское имело конституцию с 1815 по 1830 гг., а Великое княжество Финляндское — с 1809 г. вплоть до отделения в 1917 г.[27] Элита империи включала немало представителей нерусского населения: татар, немцев, украинцев, грузин, армян, а позднее и евреев[28]. В советский период эта тенденция получила еще большее развитие.

Строительство *советской российской империи* началось с восстановления контроля над территорией традиционной и отчасти классической империи. В годы Гражданской войны это достигалось сочетанием революционной деятельности и вооруженной силы, позднее — за

Советская российская империя (1922—1991 гг.)

счет аннексии территорий в результате раздела «промежуточной зоны» между СССР и Германией (к Советскому Союзу отошли Западная Украина, Западная Белоруссия, три прибалтийских государства, Бессарабия), присоединения финской Карелии с Выборгом и района Петсамо (Печенга) в результате войны с Финляндией 1939–1940 гг.[29], мирной аннексии Тувы (в 1944 г.), завоевания Восточной Пруссии, Южного Сахалина и Южно-Курильских островов (в 1945 г.), передачи Чехословакией Закарпатья и демаркации границы с Польшей (в 1945 г.). Это удовлетворило Москву, и она воздержалась от дальнейшего территориального расширения — будь то за счет Польши и Финляндии, принадлежавших прежде Российской империи, либо Монголии или Болгарии, никогда в ее состав не входивших.

Советский Союз преподносил себя как полную антитезу империи. К лагерю «империализма» он причислял своих врагов; в ленинской интерпретации это понятие обозначало высшую (и, как предполагалось, последнюю) стадию развития капитализма. Однако «американский империализм» в устах советских пропагандистов означал также политику территориальной экспансии и распространения влияния на другие страны. На практике, конечно, СССР стремился не отстать от США по масштабам международного влияния. Публично советское руководство не признавало за страной титула сверхдержавы, но втайне им наслаждалось и реализовывало его на практике.

Более того, сам Советский Союз был построен, как империя, хотя и весьма своеобразная. Формально представляя собой федерацию, государство управлялось из имперского центра. Характерной чертой всех российских империй, как отмечает один отечественный эксперт, было отсутствие четко определенной метрополии за исключением столицы[30]. В центральных регионах правящий режим проводил не менее, а то и более жесткую политику, чем на окраинах. Для сравнения: в Британской империи само Соединенное Королевство, как отметил Роберт Купер, ею *не называлось*[31]: британский монарх носил титул императора Индии, а не Англии. Ну и, конечно, в Британии существовала парламентская демократия, хотя подданные в ее имперских владениях и не имели особых политических прав. В России же политический режим на периферии порой был мягче, чем в центре.

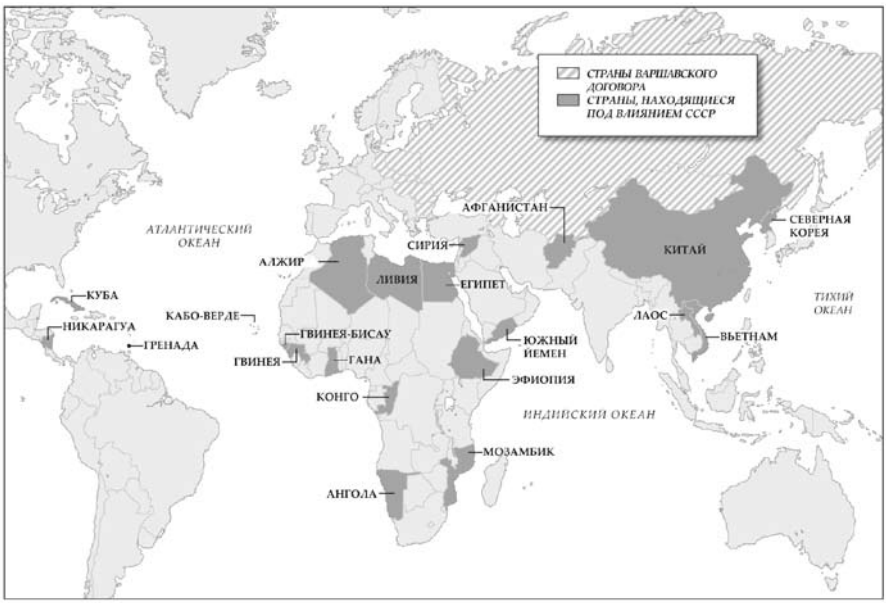
После 1945 г. советская империя как таковая приняла форму контролируемых зон, зачастую с военным присутствием. Ядром этой зоны стали Восточная Германия и Восточный Берлин (с 1945 г.), Польша (с 1945 г.), а также Чехословакия, Венгрия, Румыния и Болгария (с 1948 г.). Временно в нее также входили Югославия (в 1945–1948 гг.)

Зоны контроля СССР

и Албания (в 1945–1960 гг.), но им удалось «ускользнуть». За пределами Восточной Европы в эту зону еще в 1930-х годах вошла Монголия, а Тува в 1944 г. была просто присоединена к СССР. Основными институтами советской империи были Варшавский договор, действовавший с 1955 по 1991 гг., и Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) – с 1949 по 1991 гг.

За пределами контролируемых зон лежали зоны советского влияния, где гегемония Москвы носила не столь прямой характер и не подкреплялась существенным военным присутствием. Даже Северная Корея, Вьетнам, Куба и Лаос, наиболее близкие к Москве и сильно зависевшие от нее, сохранили определенную самостоятельность. Советское влияние распространилось и на Ближний Восток, где региональными оплотами Москвы в разное время были Египет (в 1955–1972 гг.), Сирия (в 1958–1991 гг.), Южный Йемен (в 1971–1988 гг.) и Организация освобождения Палестины (в 1970–1980-х годах). В 1978 г. к этой группе присоединился Афганистан, но вскоре там разразилась война, в которой Советский Союз надолго увяз.

В Северной Африке Москва поддерживала тесные политические контакты с Алжиром и Ливией. В тропической Африке первыми ее



Зоны влияния СССР

плацдармами в начале 1960-х годов стали Гана, Гвинея и Мали. В бывшем Бельгийском Конго друзья СССР были свергнуты, но он сохранил связи с Республикой Конго (Браззавиль). Москва также связывала большие надежды с Эфиопией (после 1974 г.), Анголой, Мозамбиком, Гвинеей-Бисау и Кабо-Верде (после распада португальской колониальной империи в 1975 г.), где костяк правящих режимов составили политические партии советского образца.

В Латинской Америке помимо Кубы СССР не мог похвастаться особыми успехами. Никарагуа, ориентировавшаяся при сандинистском режиме (в 1979—1991 гг.) на Кубу и Советский Союз, была исключением, а не правилом. Когда же в 1983 г. у Вашингтона возникло ощущение, что на тот же путь может встать крохотная Гренада, на остров высадились американские войска.

Советская империя была идеологизированной с самого начала. Входившие в нее страны заимствовали у СССР однопартийную политическую систему. Их экономика была основана на государственном контроле и зачастую финансировалась Советским Союзом. Но самое главное — создание советской империи было призвано изменить соотношение сил в мире в пользу коммунизма и СССР. У нее был очень

сильный военный компонент, подкреплявшийся советскими поставками оружия, но за пределами Восточной Европы и Монголии, как правило, не принимавший форму прямого военного присутствия.

От советской «заморской» империи в Азии, Африке и Латинской Америке, просуществовавшей максимум сорок лет, а во многих случаях не больше половины этого срока, Москва отказалась без особых колебаний и сожалений. К этим малопонятным, дорогостоящим и не таким уж нужным приобретениям с самого начала относились как к призам в идеологическом соревновании, стратегическим плацдармам или разменным пешкам. Конечно, советские люди не дистанцировались от их жителей столь же открыто, как их западноевропейские предшественники. Учившиеся в советских вузах арабы и африканцы часто возвращались домой с русскими или украинскими женами. Однако влияние Советского Союза на эти страны, если не считать модели государственного управления от Кубы до Китая, было не слишком глубоким. Сегодня, когда Владимир Путин приезжает во Вьетнам, а его помощник, вице-премьер Игорь Сечин, — на Кубу, они встречаются с пожилыми руководителями, испытывающими чувство ностальгии. Китайский лидер Цзян Цзэминь[32] тоже любил напевать русские песни, которые он выучил, работая на заводе в Москве в 1950-х годах. Но для молодого поколения китайцев, вьетнамцев и кубинцев Россия — нечто весьма далекое. Да и большинство россиян считали заморские амбиции Москвы чем-то аномальным.

«Ближняя» империя, т. е. зона контроля в Восточной Европе, была оставлена с тем условием, что первопричина ее образования — интересы Москвы в сфере безопасности — будут учитываться и после этого демонтажа. Отсюда и протесты Кремля против расширения НАТО или американского военного присутствия в Восточной Европе. Многие страны этого региона имеют давние связи с Россией, но их отношения отнюдь не всегда были безоблачными. На разных этапах российские войска для одних и тех же стран выступали в роли освободителей, оккупантов и инструмента раздела, а те, в свою очередь, вступали в союзы с как с Россией, так и против нее. В глазах многих восточноевропейцев российское государство, как правило, было угнетателем, но высокая русская культура — от Толстого до Тарковского — всегда их манила. Лишь один факт однозначен: на протяжении всей новой и новейшей истории Россия была велика, а ее соседи — малы. Но после 1989 г. эта ситуация изменилась. Zwischeneuropa — страны, лежащие между Германией и Россией, — вступила в Евросоюз. И если географически Россия к ним по-

прежнему близка, то в политическом, экономическом и культурном плане их теперь разделяет огромное расстояние.

Страны, составлявшие историческую «внутреннюю» империю, представляют собой другую группу. Все они имели тесные связи с Россией на экономическом и политическом уровне, а также в сфере отношений между людьми. Ни одна из них не присоединилась к ЕС или НАТО. С точки зрения Москвы они в совокупности составляли историческое достояние России. Святая святых этой группы — Украина и Белоруссия, образовывавшие вместе с Россией ядро исторического русского государства. В 1991 г. большинству россиян было трудно воспринимать их как иностранные государства — это казалось противоестественным. Разделение «Великой, Малой и Белой Руси» представлялось им аберрацией. Но они ошибались.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Почти через два десятилетия, накануне мирового экономического кризиса 2008 г., многие западные наблюдатели называли Россию возрождающейся державой. Она купалась в нефтедолларах, покинула орбиту Запада [33], выплатила государственный долг, накопила большие золотовалютные резервы и публично ставила вопрос о превращении рубля в резервную валюту на территории Евразии. Москва смело шла наперекор США, применяла принцип «разделяй и властвуй» в отношениях с Евросоюзом, претендовала на лидерство в виртуальной «контркультурной» группе стран под названием БРИК [34] и провозгласила бывшие советские республики сферой своих привилегированных интересов. Когда же ее солдаты подверглись нападению, а ее протеже оказались в опасности, она вступила в войну с одной из этих республик — Грузией — и в результате отказалась от принципа нерушимости территориального статус-кво, который прежде поддерживала. Ненадолго возникло ощущение, что Россия и Соединенные Штаты возвращаются на тропу войны («холодной»): в конце лета — начале осени 2008 г. их отношения ухудшились сильнее, чем когда-либо с 1983—1984 гг. (т. е. еще до прихода к власти Горбачева).

В западных СМИ всячески раздувалась фраза президента Путина из выступления перед Федеральным собранием в 2005 г. — о том, что распад СССР стал крупнейшей геополитической катастрофой XX в. Его слова трактовались как признак активной ностальгии Кремля по недавно утраченной империи и даже намерения восстановить СССР.

Это толкование было неверным. Крушение империи чаще всего становится политическим землетрясением с массой человеческих жертв. Достаточно вспомнить, каким кровопролитием сопровождался конец британского правления в Индии или Палестине. А Юго-Восточная Европа до сих пор ощущает «подземные толчки» после столь далекого уже падения империй Османов и Габсбургов в 1918 г.

Более того, Путину принадлежит и другая фраза: «У того, кто не жалеет о разрушении Советского Союза, нет сердца, а у того, кто хочет его воссоздания в прежнем виде, нет головы». Он также назвал СНГ механизмом цивилизованного развода[35]. Большинство россиян согласно с этими разумными словами. Мало кто из них, однако, знает, что в обоих случаях речь идет не о мыслях самого президента. Путин цитировал — не указывая источника — видных украинских политиков: спикера Верховной рады Александра Мороза и первого президента страны Леонида Кравчука. Впрочем, и сам Путин в 1999 г. в статье «Россия на рубеже тысячелетий» назвал советскую систему тупиковой[36], а ее крушение — результатом недееспособности. Выступая на митинге в Москве восемь лет спустя, он вновь возложил ответственность за распад СССР на нежизнеспособность коммунистической системы[37].

Вопреки наиболее распространенной интерпретации путинская ремарка о «катастрофе» не была предвестником перехода к неоимперской, реваншистской политике. Аналогичным образом его нашумевшее выступление на Мюнхенской конференции по проблемам безопасности в феврале 2007 г.[38], в котором он резко раскритиковал внешнюю политику США, не означало объявления Вашингтону новой «холодной войны». На деле Путин фактически пытался внушить Западу новые правила игры с Россией. Их суть можно подытожить так: «Принимайте нас такими, как есть, и не вмешивайтесь в наши внутренние дела; признайте нас равными себе; там, где наши интересы пересекаются, решение может быть только компромиссным»[39]. Двумя годами позже администрация Обамы молчаливо согласилась с этими условиями. В феврале 2009 г. в том же Мюнхене вице-президент США Джозеф Байден заявил о «перезагрузке» американской политики в отношении России. Это послужило началом периода конструктивного и плодотворного взаимодействия двух стран, символом которого стало вступление в силу нового Договора по СНВ в феврале 2011 г.

Но тогда, в 2007 г., между Россией и Америкой назревал реальный конфликт: Украина рвалась в НАТО, а замороженные конфликты на территории Грузии начали «разогреваться». Многим наблюдателям

казалось: бывшие советские республики, особенно Украина, вот-вот станут тем же, чем была Восточная Европа в 1945–1947 гг., – театром и призом новой «холодной войны». Кроме того, планы администрации Джорджа Буша-младшего по размещению в Польше и Чехии объектов противовоздушной обороны (ПРО) – якобы для защиты от иранских ракет – вызвали в Кремле ощущение военной угрозы. Кое-кто в России, явно получив санкцию «наверху», заговорил об «асимметричном ответе» Москвы в виде баз для российских стратегических бомбардировщиков в Венесуэле и на Кубе. Командование российского флота намекало на возможность создания баз на Средиземном море и в Аденском заливе. Немало высокопоставленных представителей России комментировали трудности, возникшие у США и НАТО в Афганистане, с почти нескрываемым злорадством.

После того как украинское руководство – президент Виктор Ющенко, спикер Верховной рады Арсений Яценюк и премьер-министр Юлия Тимошенко – в начале января 2008 г. обратилось к Североатлантическому альянсу с просьбой распространить на их страну «План действий по подготовке к членству в НАТО», события начали развиваться в ускоренном темпе. Эта неожиданная заявка (радужные надежды, связанные с «оранжевой революцией» 2004 г., давно рассеялись), к тому же поданная в последнюю минуту, всего за три с небольшим месяца до Бухарестского саммита НАТО, о которой к тому же первым сообщил не кто иной, как американский сенатор Ричард Лугар, не могла не вызвать в Москве ощущения, что речь идет об антироссийском сговоре. Путин лично поспешил на саммит, хотя прежде никогда не принимал участия в таких встречах, и попытался отговорить руководство НАТО от присоединения Украины. Ему приписывают такую фразу в разговоре с Бушем за ужином: «Украина – это даже не государство!». Вероятно, Путин имел в виду, что целостность украинского государства весьма непрочна и ее не стоит ни принимать как данность, ни подвергать испытанию. Однако слова президента прозвучали так, будто он отрицает саму украинскую государственность и предъявляет претензии на ее территорию в качестве буферной зоны между Россией и Западом.

Решение, принятое НАТО на Бухарестском саммите, было наихудшим для всех. В попытке найти компромисс между позициями Германии и Франции, с одной стороны, и США – с другой, Альянс отказался распространять «План действий по подготовке к членству в НАТО» на Украину и Грузию, создав у Кремля ощущение одержанной победы. Одновременно он пообещал, что обе страны рано или поздно обяза-

тельно станут членами НАТО, тем самым как бы поощряя украинскую и грузинскую стороны[40]. Это никого не успокоило, а, напротив, вызвало возмущение и в Киеве, и в Тбилиси, и в Москве. Те несколько месяцев, что прошли между Бухарестом и нападением на столицу Южной Осетии Цхинвали, стали периодом неуклонного нарастания напряженности, напоминавшей о «холодной войне». И Москва, и Тбилиси расценивали бухарестское решение как непрочное перемирие, не способное продолжаться долго. И в развернувшейся войне нервов Грузия первой схватилась за оружие.

Пятидневная война в Грузии в августе 2008 г. стала результатом просчетов, явных ошибок и политических провалов[41]. Действия президента Грузии Михаила Саакашвили нельзя охарактеризовать иначе как авантюристические, безответственные и жестокие. Он переоценил собственные силы и недооценил противника. План Саакашвили заключался в том, чтобы молниеносным ударом вернуть контроль над Южной Осетией и поставить обычно медлительную Россию перед свершившимся фактом. Администрация Джорджа Буша поддерживала и поощряла Саакашвили, хотя его режим трудно было назвать демократическим, и, хуже того, при этом оказалась не в состоянии контролировать его действия. Отношения с Грузией были отданы на откуп чиновникам из Госдепартамента. Кремль, в свою очередь, давно уже использовал замороженные конфликты на Кавказе, чтобы не допустить вступления Грузии в НАТО. Политика Москвы по отношению к Грузии по сути оказалась в руках военных, а затем спецслужб. Бесконечная игра, состоявшая из провокаций и контрпровокаций, призванная, по расчетам Москвы, убедить всех, что Грузия не подходит для членства в любом «клубе», и уж тем более в натовском, а по замыслу Тбилиси — поднять тревогу в связи с растущим нажимом России, вышла из-под контроля.

Для российских правительственных кругов внезапное нападение Саакашвили на Цхинвали стало подтверждением худших опасений в отношении Соединенных Штатов. И Путин, уже занимавший пост премьера, и недавно ставший президентом Дмитрий Медведев были застигнуты врасплох: они ожидали новых «провокаций», а столкнулись с полномасштабным наступлением грузинских войск. В последующие накаленные дни, когда европейцы гадали, по кому Москва нанесет новый удар, российское руководство рассматривало действия Саакашвили как «косвенную агрессию» Вашингтона, которую тот развязал руками Тбилиси. Оно и представить не могло, что столь масштабная акция не была спланирована или хотя бы санкционирована

Соединенными Штатами. В конце концов, разве госсекретарь Кондолиза Райс не посещала Тбилиси в середине июля 2008 г.?

Теперь Москва готова была поверить: США отлично понимали, что делают, когда вооружали Саакашвили и фактически сделали «Мишу» своим «приемным сыном». Действия грузинского президента, по ее мнению, свидетельствовали о том, что «неконтролируемые элементы» в американской администрации — позднее Путин упомянул конкретно вице-президента Дика Чейни — пытаются втянуть Россию в конфликты с соседями (на очереди, как считалось, война с Украиной из-за Крыма) и одновременно использовать эти конфликты для повышения шансов на победу сенатора Джона Маккейна в президентской гонке 2008 г. Логика Кремля заключалась в следующем: поскольку Россия усиливается и возрождается (этот термин в 2007 и первой половине 2008 г. был весьма популярен на Западе), США должны стремиться не дать ей «подняться с колен». Метод, избранный для этого, — вовлечь Москву в серию конфликтов на ее границах. Это не только будет истощать силы России, но и позволит восстановить единство Запада на антироссийской платформе.

Еще один источник тревоги был связан с перестановками в российском руководстве: Медведев считал, что оказался в положении лидера времен «холодной войны», которого другая сторона «проверяет на прочность» — как в свое время, по убеждению американцев, сама Москва поступала с Джоном Кеннеди и Джимми Картером. Вступив в должность в мае 2008 г., Медведев обещал, что главными задачами его президентства будут институциональное строительство, стимулирование инноваций, развитие инфраструктуры и повышение эффективности капиталовложений. Вместо этого он в буквальном смысле оказался в гуще сражения, и в этой сфере президент-юрист вынужден был опираться — в большей степени, чем он ожидал, — на советы и указания Путина, своего предшественника и наставника, лучше разбирающегося в военно-силовых вопросах. Шок был настолько силен, что Медведев публично назвал наступление грузинских войск «нашим 11 сентября»[42].

В ситуации, когда российские миротворцы подверглись нападению и гибли под грузинскими снарядами, у Москвы не оставалось иного выбора, кроме силового ответа. Контрудар был мощным, но ограниченным по масштабу — Россия бросила в бой танковые колонны, артиллерию и в отдельных случаях задействовала бомбардировочную авиацию. Ее «послание», адресованное Вашингтону не в меньшей степени, чем Тбилиси, гласило: «запретные линии» реально существуют,

и они обозначают границу между миром и войной. Российские войска не просто вступили в бой с армией другой страны. Они сражались против «почти союзника» Соединенных Штатов, которые в течение предыдущих четырех лет вооружали, обучали и консультировали грузинские вооруженные силы.

Контрнаступление России стало первым со времен Афганской войны 1979–1989 гг. случаем, когда Москва применила силу против внешнего врага и вторглась в соседнюю страну. В этом было существенное отличие Августовской войны от двух кампаний в Чечне и участия России в конфликтах на постсоветском пространстве — от Таджикистана до Приднестровья. Вопреки звучавшим с Запада обвинениям российская военная операция против Грузии при всей своей решительности носила продуманный, взвешенный и дозированный характер. В результате российские войска нанесли серьезный ущерб вооруженным силам и военной инфраструктуре Грузии, продвинулись за пределы зон конфликта в Южной Осетии и Абхазии: чтобы унизить Тбилиси и дать ему «прочувствовать» свое поражение, они на несколько недель оккупировали грузинские города Гори, Поти и Сенаки. Но, хотя российская интервенция осуществлялась по модели натовской операции 1999 г. против Югославии Слободана Милошевича, Москва не бомбила мосты, дороги, телестанции и здания государственных ведомств. Говорит сам за себя и тот факт, что были приняты все меры, чтобы проходящие через территорию Грузии трубопроводы, по которым транспортируются каспийские энергоносители, не пострадали. Жертв среди гражданского населения Грузии почти не было [43].

Подобно тому, как поступил Запад с Милошевичем после начала Косовского конфликта в 1999 г., Кремль после нападения на Цхинвали объявил Саакашвили преступником, отказался иметь с ним дело и не скрывал своего желания, чтобы тот покинул президентский пост. Но, что бы ни говорил Путин президенту Франции Николя Саркози о том, какому наказанию стоило бы подвергнуть грузинского лидера, он не поддался соблазну захватить его самого и Тбилиси. Россияне, похоже, надеялись на то же, что и Запад десятью годами раньше: что грузинский народ, как и сербы, сделает нужные выводы и отстранит своего президента от власти. Саакашвили, надеялись в Москве, будет свергнут собственным народом, как Милошевич в 2000 г., через год с небольшим после войны в Косово. Российское руководство предпочло бы, чтобы после этого он, как и президент Югославии, предстал перед судом, но в реалистичность подобного сценария мало кто верил.

Наголову разгромив друга Америки, Кремль стремился подорвать репутацию Вашингтона как «гаранта безопасности» проамерикански настроенных правительств в странах СНГ. Эффект был впечатляющим. После кавказского кризиса большинство поляков опасалось, что в их страну, невзирая на членство в НАТО, вот-вот войдут российские танки. В прибалтийских государствах тоже царила тревога: их защитник, США, был далеко, а русские — вот они, по другую сторону границы [44].

Впрочем, еще важнее было другое: возникло впечатление, что США не готовы подвергнуться опасности, чтобы защитить друга, а Россия такую готовность наглядно продемонстрировала. Несмотря на любые аналогии с «холодной войной», Грузия в 2008 г. не стала аналогом Германии 1948 г. Российское руководство считало, что добилось психологического преимущества над Вашингтоном, и заявило, пусть в самых общих выражениях, о наличии у Москвы «зоны привилегированных интересов» вдоль российских границ.

Лидеры России не могли поверить, что все эти события стали не результатом преднамеренного нападения «чужими руками», а следствием сбоя политики администрации США на грузинском направлении. Полагая, что они сражаются против вашингтонской марионетки, российские руководители были уверены и в том, что США скорее всего захотят расквитаться за поражение своего протеже. Поэтому, когда президент Буш, пытаясь продемонстрировать хоть какую-то активность, поручил доставку гуманитарной помощи в Грузию Шестому флоту США, в Москве это восприняли как зловещий признак. Российская сторона ожидала, что американцы снова начнут поставлять Грузии оружие и снаряжение для реванша и, возможно, не ограничатся даже этим. Постоянный представитель России при НАТО позднее рассказывал, что Москва опасалась прямой военной интервенции США на Южном Кавказе [45].

В этих обстоятельствах признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, последовавшее через две недели после окончания боевых действий, в разгар гуманитарной миссии Военно-морских сил США в черноморских портах Грузии, можно расценить как акт сдерживания. Конечно, Москва весьма эмоционально восприняла признание независимости Косово Соединенными Штатами и рядом других стран в апреле 2008 г. Решение по Абхазии и Южной Осетии в свете этого выглядело как естественный ответ и одновременно наказание американского союзника. Тем не менее и вслед за признанием Косово, и сразу после атаки на Цхинвали Россия воздерживалась от

подобных действий. Решающий шаг Кремль сделал через три недели после начала конфликта, когда пушки давно замолчали.

Здесь весьма уместно будет вспомнить о «тумане войны». В глазах рационально мыслящего наблюдателя логика российского руководства могла выглядеть так: Грузия побеждена, но Соединенные Штаты, спровоцировавшие конфликт, не удовлетворятся подобным результатом. Таким образом, реванш вполне вероятен. И единственный способ предотвратить новую войну — разместить в Абхазии и Южной Осетии значительные воинские контингенты. Для этого, однако, необходима официальная просьба их правительств, и чтобы удовлетворить такую просьбу, обе республики должны быть официально признаны. Однако эти рациональные военно-политические и правовые расчеты, если они и существовали, должны быть помещены в крайне эмоциональный контекст тех дней — сочетание глубокого возмущения, победной эйфории, крайней неопределенности обстановки и опасений относительно будущего развития событий.

Военная акция в Грузии на короткое время изменила вектор внешней политики постсоветской России. У нее давно уже вызывали недовольство события, происходившие в Центральной и Восточной Европе, а также на постсоветском пространстве после окончания «холодной войны»: расширение НАТО на восток, военные кампании Запада на Балканах, военное присутствие США в бывших государствах Варшавского договора и советских республиках Центральной Азии. Москва, однако, сначала была бессильна этому помешать, а потом не имела достаточных оснований для ответных действий. Нападение Тбилиси изменило ситуацию, дав России повод для справедливой войны.

Кроме того, Россия заняла ревизионистские позиции. Москва выступила за пересмотр некоторых элементов международного порядка, сложившегося после «холодной войны», который она отказывается признавать. Кремль был полон решимости не делать новых уступок США на территории, которую Москва словами Медведева объявила сферой своих «привилегированных интересов»[46]. Он также стремился аннулировать некоторые приобретения Запада, сделанные в предшествующий период: кульминацией этих успехов стала волна расширения НАТО и ЕС в 2004 г. и «цветные революции», увенчавшиеся заменой первых постсоветских режимов в Грузии, на Украине и поначалу в Киргизии на более плюралистические и прозападные. Ответив силой на действия Грузии, Путин и Медведев продемонстрировали, что не будут уклоняться от возможной конфронтации с Соединенными Штатами.

Накануне войны решающее влияние на расчеты и практические действия России оказывала перспектива вступления Грузии в НАТО. Москва рассматривала присоединение к Альянсу любого из своих бывших сателлитов или владений как символ политического влияния США и плацдарм, который американские военные могут использовать в качестве инструмента давления на Россию. Таким образом, главной ее целью в сфере внешней политики и безопасности стало ограничить продвижение НАТО на восток пределами 2004 г., т. е. прибалтийскими государствами.

Все это говорит о том, что и после 1991 г. российские круги, связанные с обеспечением безопасности страны, продолжали считать, что США всерьез рассматривают возможность военного удара по России — рано или поздно. В соответствии с этой точкой зрения территории, оставленные Советским Союзом в конце «холодной войны», должны были в стратегическом отношении оставаться «ничейной землей», буфером между Россией и Североатлантическим альянсом, к которому российские генералы по-прежнему относились с подозрением.

По сути этот подход основывался на принципах игры с нулевой суммой. Препятствуя расширению НАТО, а значит, размещению в новых странах — участницах блока американских войск и объектов, Россия стремилась подтвердить, что СНГ является зоной ее привилегированных интересов. «Привилегии» для Москвы не означали притязаний на восстановление исторической империи или создание новой системы жесткого контроля по типу Варшавского договора. Скорее Россия хотела исключить в постсоветском регионе любое внешнее влияние, угрожающее ее собственному. Подобная позиция предусматривала нейтралитет новых независимых государств (как минимум), вступление некоторых из них в военный альянс с Москвой, беспрепятственный доступ российского бизнеса на их рынки и мощное культурное влияние России на всем пространстве бывшего СССР.

К началу 2007 г. Москва все еще пыталась договориться с Грузией, предлагая вывод всех российских войск с ее территории, нормализацию двусторонних отношений и помощь в урегулировании конфликтов с Абхазией и Южной Осетией в обмен на статус неприсоединившегося государства, т. е. на отказ от членства в НАТО и обязательство не допускать на свою территорию иностранных военных после ухода российского контингента. Тбилиси категорически отверг эти предложения.

За пределами СНГ Москва стремилась не допустить создания на Западе единого фронта, направленного против нее. Она пыталась

стравить Евросоюз с США и НАТО, позволив Саркози — тогда Франция как раз председательствовала в ЕС — выступить в роли посредника при заключении перемирия с Грузией и тем самым сделав Европу, а не Соединенные Штаты, главным переговорщиком со стороны Запада и основным партнером России на Кавказе. В рамках самого Евросоюза Россия налаживала сотрудничество с крупными державами континентальной Европы — Францией, Германией, Италией и Испанией, пытаясь нейтрализовать «русоскептиков», возглавляемых Великобританией, Польшей и Литвой.

Российское руководство продемонстрировало готовность выдерживать огонь западных СМИ, выжидая, пока не улягутся страсти. Позднéе оно с удовлетворением отметило тот факт, что их первые репортажи о войне на Кавказе, где вся вина возлагалась на Москву, а действия Саакашвили фактически оправдывались, оказались необъективными. В докладе Тальявини, подготовленном в ЕС и обнародованном в 2009 г., ответственность за конфликт распределялась равномернее. Символическая приостановка начала переговоров ЕС с Россией по новому соглашению о партнерстве продлилась недолго. Аналогичным образом вскоре возобновился и диалог по линии Россия-НАТО. Решение администрации Буша заморозить контакты в рамках «группы восьми» свелось к нулю из-за необходимости сформировать «большую двадцатку», куда, естественно, вошла и Россия. А избрание президентом Барака Обамы в ноябре 2008 г. окончательно закрыло неприятную главу в российско-американских отношениях и дало Вашингтону и Москве возможность начать все с чистого листа.

Чтобы Вашингтону стали окончательно ясны опасности, связанные с вторжением на «чужую территорию», руководство России устроило символическую военную демонстрацию в Западном полушарии. Маневры у берегов Венесуэлы с участием российских стратегических бомбардировщиков и боевых кораблей должны были поставить американцев в неприятное положение наблюдателей за «играми» другой державы на своих задворках. Хотя эта микродемонстрация силы не произвела на США особого впечатления и не завоевала Москве новых друзей, игра, по мнению Кремля, стоила свеч: необходимые акценты были расставлены.

Россия пошла и на более далеко идущий шаг, изменив ситуацию на месте: она официально признала независимость Абхазии и Южной Осетии, от чего воздерживалась более пятнадцати лет. Среди многих факторов, обусловивших это решение, наибольшее значение, пожалуй, имела прагматическая причина: необходимость размещения

в обоих анклавах регулярных российских войск, чтобы удержать Грузию и США от попыток вернуть их под контроль Тбилиси. Сегодня высшее руководство России составляют люди, исповедующие правовой подход: они настаивают, что все их действия соответствуют Конституции страны. А поскольку согласно Конституции присутствие российских войск за рубежом возможно только с согласия законных властей соответствующих стран, признание было единственным способом обеспечить соблюдение Основного закона. Определенную роль, несомненно, сыграли и другие соображения — от демонстрации силы и решимости на Северном Кавказе до стремления показать военным, что принесенные ими жертвы были не напрасны, и дать выход накопившемуся раздражению из-за признания Западом Косово вопреки мнению России.

Значение этого шага Кремля связано не только с его фактической необратимостью. Москва вновь закрепила за собой право самостоятельно решать, что считать правильным, а что нет в международных делах — в свое время на это право претендовал Советский Союз, но Российская Федерация с самого начала отказалась от него в пользу общих ценностей и принципов международного сообщества. Одновременно Россия применительно к данному случаю сформулировала собственное толкование таких понятий, как геноцид, гуманитарная интервенция и обязанность защищать мирное население. Иными словами, Москва заявила: в вопросах, напрямую затрагивающих ее интересы, она будет вершить международное правосудие собственными руками.

Несмотря на аналогии с Косово, военная акция России и признание Абхазии и Южной Осетии имеют больше общего с действиями Турции в отношении Северного Кипра. Москве пришлось смириться с тем, что даже ее немногочисленные ближайшие союзники — страны Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), куда кроме России входят Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан, — и партнеры по Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в первую очередь Китай, решили не следовать ее примеру в вопросе о признании [47]. Тем не менее российское руководство было щедро вознаграждено за свои действия: внутри страны поднялась волна патриотизма и национализма, напоминавшая поддержку, оказанную обществом Путину осенью 1999 г., когда он после взрывов жилых домов в Москве начал кампанию против чеченских террористов на Кавказе. Внешние наблюдатели не могли не прийти к выводу, что тандем Путина-Медведева прошел через серьезный кризис с развернутыми знаменами, а младший его участник

получил боевое крещение. Впрочем, через полгода на них (как и на весь мир) обрушился другой кризис, финансовый, в результате чего события в Грузии и на Кавказе отодвинулись на второй план.

Разговоры о новой «холодной войне» велись на высокой ноте, но продолжались недолго [48]. Администрация Обамы «перезагрузила» отношения с Москвой: это стало одним из элементов «перезагрузки» всей американской внешней политики. Ни Россия, ни ее соседи не занимали приоритетного места в этом процессе. Расширение НАТО приостановилось: Украине и Грузии было сказано, что они не готовы к вступлению — и это, кстати, полностью соответствует действительности. Отношения с Россией тоже не рассматривались Белым домом как приоритет, однако она могла помочь в решении действительно первостепенных его задач — в Ираке и Афганистане. Москва отреагировала на «перезагрузку» с осторожностью, но позитивно, хотя и полагала поначалу, что получила в лучшем случае передышку. Ее отношения с Западом еще какое-то время оставались волатильными, а геополитическое будущее других стран бывшего СССР — неясным.

Затем «перезагрузка» начала давать первые плоды. В апреле 2010 г. был подписан новый Договор по СНВ. К концу года вступило в силу так называемое «Соглашение 123» о российско-американском сотрудничестве в области атомной энергетики, а вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) представлялось решенным делом. Помимо железнодорожного маршрута Россия открыла Соединенным Штатам воздушный коридор для снабжения и ротации контингента в Афганистане. Москва вместе с Вашингтоном проголосовала за резолюцию Совета Безопасности ООН о новых санкциях против Ирана и даже пошла еще дальше, аннулировав контракт на поставку Тегерану зенитно-ракетных комплексов С-300. В ноябре 2010 г. Медведев прибыл на натовский саммит в Лиссабоне в совершенно ином настроении и с совершенно иной целью, чем Путин за два с половиной года до того. В марте 2011 г. Россия, воздержавшись в Совете Безопасности ООН, «пропустила» резолюцию, дававшую странам формальное право применить силу против режима Муаммара Каддафи в Ливии. Проблем на постсоветском пространстве вроде бы больше не было. Оставалась лишь Грузия, но ее успешно вывели за скобки, чтобы не омрачать достигнутого прогресса.

ЕДИНОГО ПРОСТРАНСТВА БОЛЬШЕ НЕТ

Сегодня уже очевидно, что через двадцать лет после распада СССР перестало существовать и «постсоветское пространство». Конец Советского Союза был внезапным. Точную его дату, конечно, назвать нельзя, но решающими финальными вехами на этом пути в 1991 г. стали 19–22 августа (путч и его поражение, а затем официальный запрет КПСС), 1 декабря (референдум на Украине о независимости), 7–8 декабря (Беловежские соглашения) и 25 декабря (отставка Горбачева).

На 2000-е годы пришелся следующий этап геополитического переустройства — практический смысл утратило понятие «*бывший* СССР». Здесь опять же не существует точной даты, но основные вехи процесса тоже определить нетрудно: переход России к «рыночному прагматизму» (2003 г.), «революция роз» в Грузии (2003 г.) и «оранжевая революция» на Украине (2004 г.), отказ Москвы от газовых субсидий другим постсоветским республикам (2006 г.), российско-грузинская война и ее последствия (2008 г.), публичная ссора между Москвой и Минском (2010–2011 гг.). Но важнее всего, наверное, тот факт, что из образа мыслей Москвы исчезает бывшее имперское пространство как *целостное понятие*: сегодня Россия придерживается индивидуального подхода к составляющим его странам.

Термин «постсоветское пространство» стал совершенно непригоден для анализа геополитических проблем. Новые независимые государства не только сохранились, но и укрепились. Во взрослую жизнь вступают поколения, не имеющие прямого опыта жизни в Советском Союзе. Прежние связи — экономические, политические, военные, человеческие, культурные — нарушены, их заменили новые, отражающие уже *постимперские* реалии. Людям, рожденным после 1985 г., даже трудно поверить, что такие разные страны, как Эстония и Туркмения, когда-то входили в состав одного государства. Но что же пришло на смену *бывшему* СССР?

В буквальном смысле на месте бывшего Советского Союза сформировались три новых региона. Первый можно назвать Новой Восточной Европой — в него входят Украина, Белоруссия и Молдавия. Другой регион — Южный Кавказ: Армения, Азербайджан, Грузия и самопровозглашенные республики Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах. Третьим стал Центральноазиатский регион: Казахстан и четыре государства, составлявшие советскую Среднюю Азию. Хотя империи больше нет и ее воссоздание, даже в иной форме, невозможно, все ее бывшие субъекты существуют бок о бок. Прибалтийские

государства вошли в НАТО и ЕС, но два из них, Эстония и Латвия, обладают многочисленным русскоязычным населением. Статую советского «Бронзового солдата» можно перенести из центра Таллина на военное кладбище на городской окраине, но многие местные русские никуда не «перенесутся». Немало старых связей сохраняется, и наряду с ними возникают новые.

Россия перестала быть синонимом Евразии, но, вопреки ожиданиям многих западных аналитиков, не стала и частью Европы. Она не распалась, но и не интегрировалась в состав Запада. Лишившись имперского духа, российские лидеры называют свою страну «великой державой», и их мнение разделяет большинство граждан, но каков смысл этого понятия в начале XXI в.? Интересы России в соседних странах реальны, но зона привилегированных интересов в этом регионе — не более чем химера. Нынешняя сфера влияния Москвы ограничивается пределами Абхазии и Южной Осетии. Российско-белорусское Союзное Государство, провозглашенное в 1999 г., давно уже выглядело мертворожденным, а сегодня и вовсе превратилось в фикцию; таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России представляет собой практический механизм, который со временем может стать основой реальной экономической интеграции, но не какую-либо зону влияния.

Постимперская Россия не переродилась в национальное государство в отличие от германской Веймарской республики или кемалистской Турции. Не превратилась она и в небольшой осколок былого имперского величия, как Немецкая Австрия (Deutsch-Österreich) в 1918 г., превратившаяся в Австрийскую республику. Она создала Содружество Независимых Государств, которое содружеством можно считать только по названию, она поощряет «русофонию» в форме «русского мира», но по сути постимперская программа России уникальна, поскольку, перестав быть империей, она осталась великой державой.

Впрочем, *не слишком* великой. Многополярный мир, к созданию которого Москва призывала в конце 1990-х годов, наконец стал реальностью, но Россию не назовешь одним из самых влиятельных его полюсов. Конечно, Российская Федерация занимает все пространство между Евросоюзом и Китаем — однако этой территорией владело еще в XVII в. Московское царство. В то же время на долю России приходится всего 2% общемирового ВВП и примерно такая же доля населения планеты, и она по своим собственным меркам не занимает место на вершине мировой иерархии. К тому же, когда статистики Всемирного банка отказались от понятия «страны с переходной экономикой», она формально вошла в категорию развивающихся государств.

Что бы ни случилось с Россией, увенчается успехом ее модернизация или нет, она никогда не станет новым воплощением исторической империи. Нынешняя Россия — страна постимперская, а не неоимперская, и такой ее мир еще не знал. Как отмечает Томас Грэм, один из лучших американских специалистов по России, она больше не расширяется вовне, а устремлена в себя, и это радикально меняет традиционную модель ее действий[49]. Возможно, Россия — действительно остров в евразийском океане, как утверждал один из самых оригинальных и глубоких современных российских мыслителей Вадим Цымбурский. Кроме того, добавлял он, сжатие территориального пространства России может стать предпосылкой для реактивации альтернативы имперскому пути развития. Ведь у острова связей неизмеримо больше, чем даже у очень большой части суши, окруженной со всех сторон соседями[50].

За последние двадцать лет внешняя политика России претерпела примечательную эволюцию. От незрелых попыток интеграции в состав Запада она перешла к самоутверждению в качестве независимой великой державы, но обнаружила лишь свое явное несоответствие этому статусу. Взяв после этого на вооружение идею внешней политики как инструмента внутренней модернизации за счет тесных связей с Европой и Северной Америкой, она в то же время тщательно выдерживает равновесие между Востоком и Западом, Севером и Югом. В 2011 г. Россия стала членом Восточно-Азиатского саммита (EAS). Россия напоминает дополнительную гирю на геополитических весах, способную склонить их чашу в ту или иную сторону. Это позиция, предполагающая большую ответственность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Я не претендую на исчерпывающее описание и анализ завершающего этапа «холодной войны», ограничиваясь лишь кратким очерком этих событий. Подробное освещение этой гигантской темы читатель найдет в работах других авторов, в частности, я бы порекомендовал: *Sarotte M. E.* 1989: The Struggle to Create Post-Cold War Europe. — Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 2009; *Stent A.* Russia and Germany Reborn: Unification, the Soviet Collapse, and the New Europe. — Princeton: Princeton Univ. Press, 1999.

2 Александр Николаевич Яковлев (1923—2005), один из главных идеологов горбачевской перестройки, добивался открытия архивов, чтобы противопоставить советским мифам неопровержимые факты. Эту деятельность он продолжал до самой смерти.

3 То есть с «Мы — народ!» на «Мы — один народ!».

4 The Military Balance: 1988–1989 / Intern. Inst. of Strategic Studies. — London: IISS, 1989.

5 Военные считали главным виновником Эдуарда Шеварднадзе, который, будучи министром иностранных дел, вел переговоры о выводе войск. Это имело далеко идущие последствия не только для самого Шеварднадзе, но и для российско-грузинских отношений после распада СССР.

6 Описание этих событий одним из их непосредственных участников см.: *Брутенц К.* Несбывшееся: Неравнодушные заметки о перестройке. — М.: Междунар. отношения, 2005.

7 Четвертый первоначальный субъект СССР — Закавказская Федерация — прекратил свое существование в 1936 г., когда Азербайджан, Армения и Грузия вошли в состав Союза в качестве отдельных республик.

8 По данным азербайджанского исследователя Арифа Юнуса. См.: *De Waal T.* Black Garden. — N.Y.: New York Univ. Press, 2003.

9 По данным Госкомстата, за период 1994–1996 гг. правозащитная организация «Мемориал» насчитала 25–29 тыс. погибших только за период 1994–1995 гг. В то же время исследователь Сергей Максудов говорит о примерно 28 тыс. погибших (см. http://www.carnegie.ru/events/?fa=2956).

10 *Амальрик А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // http://www.vehi.net/politika/amalrik.html.

11 Эту речь позднее, и незаслуженно, ядовито окрестили «котлетой по-киевски». Задним умом мы все крепки, но стоит напомнить: 41-й президент США имел дело с трещавшей по швам ядерной сверхдержавой.

12 *Kissinger H.* Diplomacy. — New York: Simon & Schuster, 1994.

13 К ним относились, в частности, Егор Гайдар, историк Александр Янов и др.

14 *Черняев А.* Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. — М.: Изд. группа «Прогресс», «Культура», 1993.

15 *Черняев А.* 1991 год: Дневник помощника президента СССР. — М.: Терра, 1997.

16 *Гайдар Е.* Гибель империи: Уроки для современной России. — М.: РОССПЭН, 2007.

17 *Фурман Д.* СНГ как последняя форма Российской империи // После империи / Под ред. И. Клямкина. — М.: Фонд «Либерал. миссия», 2007. — С. 82.

18 Там же. — С. 79.

19 В начале 2000-х годов Турция резко усилила активность на международной арене, отчасти в связи с крушением надежд на интеграцию в Европу. И напротив, Германия, занимая прочное место в ЕС, воздерживается от более активных действий, не говоря уже о ведущей роли, в международной политике.

20 Вадим Цымбурский выделил два варианта демонтажа империй: по первому империя элиминируется, и возникает новый геополитический расклад, как это произошло с Римской, Монгольской и Австро-Венгерской империями; по второму ядро империи сохраняет государственную идентичность, и эта страна переходит в пост-имперскую фазу. См.: *Цымбурский В.* Остров Россия // Полис. — 1993. — № 5.

21 Известные как DOM-TOM (départements d'outre-mer — territoires d'outre-mer), сейчас носят название collectivité d'outre-mer.

22 Я благодарен Джеймсу Ф. Коллинзу, занимавшему пост посла США в России с 1997 по 2001 гг., за информацию по данному вопросу.

23 *Trenin D.* The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization. — Washington, D.C.: Carnegie Endowment for Intern. Peace, 2002.

24 *Graham Th.* The Sources of Russia's Insecurity // Survival. — 2010. — Vol. 52. — № 1. — Febr.—March. — P. 55—74.

25 *Ключевский В.* Курс русской истории // Соч. в 9 т. — М., 1997; *Hosking G.* Russia: People and Empire, 1552—1917. — Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1998; *Pipes R.* Russia Under the Old Regime. — 2nd ed. — London: Penguin, 1997.

26 *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана. — М.: Аграф, 2000.

27 Так, прочие подданнные императора Всероссийского могли селиться на территории Великого княжества не иначе как с разрешения Финляндского сената. В результате количество русских в Финляндии в 1917 г. было меньше, чем в 1950 г., не говоря уже о нынешней ситуации. Автор благодарен послу Рене Нюбергу за этот очень показательный пример.

28 В этом можно убедиться, посетив московский храм Христа Спасителя, построенный в честь победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 г. Среди имен погибших и раненых офицеров, выбитых на мраморных плитах его стен, примерно треть составляют славянские фамилии, еще треть — татарские и иные мусульманские, а остальные — немецкие и другие западноевропейские.

29 Эти территориальные изменения были закреплены в Парижском мирном договоре с Финляндией, заключенном в 1947 г., и никогда не оспаривались Хельсинки.

30 *Тихонова Н.* Постимперский синдром или поиск национальной идентичности? // После империи / Под ред. И. Клямкина. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. — С. 157—158.

31 *Cooper R.* The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century. — New York, Atlantic Monthly Press, 2003.

32 Цзян Цзэминь занимал пост генерального секретаря Коммунистической партии Китая с 1989 по 2002 гг. и председателя КНР с 1993 по 2003 гг.

33 *Trenin D.* Russia Leaves the West // Foreign Affairs. — 2006. — July—Aug.

34 Эта аббревиатура обозначает Бразилию, Россию, Индию и Китай — крупнейшие страны с развивающейся рыночной экономикой. Она была введена в оборот в 2001 г. в докладе компании «Goldman Sachs» «Building Better Global Economic BRICs».

35 Пресс-конференция Владимира Путина и Роберта Кочаряна по итогам российско-армянских переговоров, Ереван, 25 марта 2005 г. (http://archive.kremlin.ru/appears/2005/03/25/1735_type63377type63380_85912.shtml).

36 *Путин В.* Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газ. — 1999. — 30 дек. (http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html).

37 Выступление Путина на предвыборном митинге на стадионе «Лужники» 21 ноября 2007 г. (http://archive.kremlin.ru/appears/2007/11/21/1558_type63374type63376type82634_153636.shtml).

38 Доклад Путина на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности 10 февраля г. (http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml).

39 *Тренин Д.* Россия и Запад: от сложноподчиненного к сложносочиненному. — М, 2008. — (Брифинг / Моск. Центр Карнеги; т. 10, вып. 1, янв.).

40 См. заявления федерального канцлера Германии Ангелы Меркель на совместной пресс-конференции с Дмитрием Медведевым в Санкт-Петербурге 2 октября 2008 г. (http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/10/207176.shtml).

41 Подробную хронологию войны см.: *Барабанов М. С., Лавров А. В., Целуйко В. А.* Танки августа: Сборник статей. — М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2009 (http://www.cast.ru/files/the_tanks_of_august_sm.pdf).

42 Встреча Дмитрия Медведева с членами клуба «Валдай», 12 сентября 2008 г. (http://kremlin.ru/appears/2008/09/12/1518_type63374type63376type63381type8); Выступление Медведева на встрече с представителями общественных организаций 19 сентября 2008 г. (http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/09/206639.shtml); Послание президента Федеральному Собранию Российской Федерации, 5 ноября 2008 г. (http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/11/208749.shtml); см. также «Разговор с Владимиром Путиным»: ответы на вопросы граждан, 4 декабря 2008 г. (http://www.vesti.ru/doc.html?id=229865&cid=1).

43 Official Interim Report on Number of Casualties // Civil Georgia. — 2008. — Sept. 8 (http://www.civil.ge/eng/article.php?id=19384).

44 О публикациях «WikiLeaks» на данную тему см.: *Shane S.* Fearing Russia, Baltics Turned to NATO // New York Times. — 2010. — Dec. 7.

45 Интервью Дмитрия Рогозина Владимиру Познеру. Первый канал, 5 декабря 2010 г.

46 Интервью Дмитрия Медведева российским телеканалам, 31 августа 2008 г. (http://www.president.kremlin.ru/transcripts/1276).

47 Декларация Московской сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ, 5 сентября 2008 г. (http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/09/206174.shtml); Декларация глав государств — членов ШОС, Душанбе, 28 августа 2008 г. (http://www.infoshos.eu/?id=39).

48 См.: *Lucas E.* The New Cold War: How the Kremlin Menaces Both Russia and the West. — London: Bloomsbury Publ., 2008.

49 *Graham Th.* Op. cit. — P. 63.

50 *Цымбурский В.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. — М.: РОССПЭН, 2007. — С. 7.

1

ОТ ИМПЕРИИ К ПОСТИМПЕРСКОМУ СОСТОЯНИЮ

Россияне и многие граждане других постсоветских государств воспринимают Советский Союз иначе, чем большинство людей на Западе. Для последних он как минимум империя, а то и «империя зла», если вспомнить знаменитую формулировку Рональда Рейгана. Что же касается простых россиян, то для них СССР ассоциируется в первую очередь не с империей, а с коммунистическим режимом, который одни отвергают как тоталитарный и жестокий, а другие вспоминают с ностальгией из-за его патернализма.

Если говорить об имперском аспекте, то россияне предпочитают рассматривать Советский Союз как «большую страну», где ресурсы центра — прежде всего РСФСР и Украины — использовались для развития окраин, а это одна из ключевых функций империи. Подобное «социальное» восприятие СССР по-прежнему распространено [1], в том числе и в странах с преимущественно нерусским населением, например, на Украине [2]. Однако на деле лишь к концу 1950-х годов уровень жизни населения Советского Союза достиг показателей 1913 г. Поэтому с учетом всех факторов величайшей катастрофой в российской истории XX столетия следует признать Первую мировую войну и ее порождение — большевистскую революцию.

ЧТО ДУМАЮТ ЛЮДИ

О Леониде Брежневе — он возглавлял КПСС восемнадцать лет и скончался в 1982 г. — сегодня сохранились смутные, но в целом добрые воспоминания: люди помнят о развитии социального обеспечения, науки и техники, образования, культуры и искусства, а также, хотя этому и не придается первостепенное значение, вооруженных сил. У Горбачева было вдохновляющее начало, но под конец он глубоко разочаровал общество. Ельцинский период ассоциируется в основном (хотя и неправомерно) с кризисом и хаосом. В конце 1990-х годов

в ходе одного из опросов 40% россиян заявили, что хотели бы жить в СССР, и лишь ненамного больше, 45%, отдали предпочтение новой России. Таким образом, для россиян Советский Союз — это скорее образ жизни, чем сверхдержава или империя [3].

Поэтому не стоит удивляться, что, когда путь становился тернистым, они с сожалением вспоминают об оставленном позади. Через десять лет после распада СССР 73% россиян сожалели о его «кончине»[4]. Тем не менее крушение Советского Союза не стало в коллективной памяти россиян самым трагическим событием века. И уж тем более сегодня для подавляющего большинства людей оно не является самой важной проблемой.

По результатам опросов, проведенных в 1998, 2005 и 2009 гг., лишь 15–16% респондентов высказались за восстановление СССР. А поддержка создания нового союзного государства на добровольных началах и на основе СНГ в ходе тех же трех опросов снизилась сначала с 34% до 28%, а затем и до 13%[5]. За образование чисто славянского союзного государства в составе России, Белоруссии и Украины высказались 13% опрошенных. Даже такое, казалось бы, «легкое» объединение России и Белоруссии пользуется ничтожной популярностью (2–3% сторонников). В то же время количество респондентов, выступающих за самостоятельное существование Российской Федерации, возросло с 25% в 1998 г. до 28% в 2004-м.

Общая тенденция ясна: в 1995 г. за восстановление СССР и сохранение самостоятельного российского государства высказывалось одинаковое число опрошенных — по 23%. К 2004 г. соотношение составляло уже 2:1 в пользу суверенной России. Кроме того, намного уменьшилось различие в отношении к странам ближнего и дальнего зарубежья. Доля тех, кто испытывает ностальгию по империи, снизилась с 25% до 15% — да и для них наибольшее значение имеют экономические и гуманитарные аспекты, а не фактор великодержавия[6]. Люди, отвергающие новую Россию, настроены так не потому, что она для них недостаточно велика, а потому, что не считают ее полностью своей страной[7]. Они чувствуют себя в ней чужими. Даже Жириновский — это «зеркало русского национализма» — избегает слова «империя»[8] и оговаривается, что России следует объединяться с новыми государствами и территориями только в том случае, если это принесет ей выгоду. Он утверждает, что в отношениях с бывшими окраинами Москве следует руководствоваться исключительно собственными интересами.

ТЕРРИТОРИЯ И ГРАНИЦЫ

С середины 1980-х годов Россия прошла через четыре кризиса одновременно. Она отказалась от коммунистической идеологии и политической системы, от планового хозяйства, от сверхдержавной внешней политики — конфронтации времен «холодной войны» — и от имперского государства. Если первые три пункта представляли собой наследие большевистской революции 1917 г., то четвертый кризис покончил с четырехсотлетним имперским периодом в истории страны. Что же остается от России теперь, когда империя сама стала историей? Знаменитый тезис Витте («Со времени Петра Великого нет России, а есть Российская империя») нуждается в пересмотре.

Нынешняя Российская Федерация занимает примерно три четверти территории бывшего СССР. Прежние западные и южные окраины стали независимыми государствами, но в ее руках осталось историческое ядро страны — древняя Московия, или просто «Россия», как ее называют те, кто живет к востоку от Урала, ее важнейшая сырьевая база — Сибирь, главные форпосты — Петербург и Калининград на Балтике, Новороссийск на Черном море, Астрахань на Каспии, все тихоокеанское побережье от Владивостока до Петропавловска-Камчатского и арктическое от Мурманска до Берингова пролива, а также острова. «Ближняя» российская империя сбросила кое-какой вес, но остается прочным и мощным фундаментом для строительства собственно российского государства.

Более того, *для России* демонтаж СССР был событием позитивным. Благодаря ему впервые был проведен рубеж между страной и ее бывшей империей, которая теперь называется Содружеством Независимых Государств. Он освободил Москву от необходимости держать под контролем прибалтов или молдаван, от полуколониальных обязанностей в Центральной Азии и на Южном Кавказе. Наконец, он создал основу для равноправных отношений между Российской Федерацией и другими крупными республиками бывшего СССР — Украиной, Казахстаном и Белоруссией. С точки зрения Москвы территориальное размежевание было весьма щедрым по отношению к новым независимым государствам и не породило реальных ирредентистских притязаний. В свою очередь, россияне довольно быстро адаптировались к превращению прежних окраин в суверенные государства. Сегодня большинство этих бывших имперских владений не вызывает серьезного интереса в российском обществе.

Более того — и это весьма важно, — сама Россия продемонстрировала способность благополучно существовать в границах 1991 г., которые многочисленные публицисты националистического толка называли «неестественными», «антиисторическими», а значит, и несостоятельными[9]. На деле, как уже отмечалось, эти границы имеют исторические прецеденты. Российскую Федерацию, состоящую из территорий, не отделившихся в ходе двух крушений империи в 1917 и 1991 гг., вполне можно считать «твердым ядром» исторической империи, т. е. той самой ее неуловимой метрополией. Таким образом, то, что сегодня порой называют «новой» Россией, — Российская Федерация — три столетия было латентной альтернативой имперской экспансии[10].

Здесь необходимо отметить, что единственные регионы нынешней Российской Федерации, *не входившие* в состав Московского царства в 1650 г., — это Северный Кавказ на Юге, Петербург и Выборг[11] на севере, Забайкалье, Приморье и тихоокеанские острова на Востоке, а также Калининградская область на западе. Сегодня все эти регионы за исключением Петербурга находятся в уязвимом геополитическим положении, хотя и по разным причинам. С 1991 г. Россия не утратила никаких территорий: проведенная демаркация границ по сути зафиксировала ее нынешние пределы.

ДЕМАРКАЦИЯ ГРАНИЦ

Вместо того чтобы оставить вопрос о границах открытым в надежде на их будущее расширение, когда наступит подходящий момент[12], Российская Федерация решила закрепить их в международных договорах и «на земле». В три приема — при Горбачеве в 1991 г., при Ельцине в 1996-м и при Путине в 2004-м — Москва сумела решить самую серьезную из существовавших пограничных проблем, зафиксировав свою границу с **Китаем** протяженностью в 4355 км. К 2008 г. ее демаркация была полностью завершена.

В обмен на согласие Пекина признать существующую границу (которую многие китайцы и сегодня рассматривают как порождение «неравноправных» договоров 1858 и 1860 гг. между Петербургом и династией Цин) Россия пошла на то, чтобы ее линия проходила по фарватеру рек Амур и Уссури. От позиции советских времен, согласно которой России должна принадлежать вся акватория этих рек вплоть до китайского берега, Москва отказалась. В результате Россия уступи-

ла Китаю два острова полностью и один наполовину — всего 375 кв. км территории. Это вызвало в стране легкий ажиотаж: 52% россиян выразили вежливое несогласие с передачей территорий [13], а в приграничных с Китаем городах прошло несколько митингов протеста. Жители Хабаровска были особенно недовольны тем, что граница с Китаем приблизилась на несколько километров к центру города. Впрочем, никаких серьезных последствий все это не имело.

Позднее Путин назвал это соглашение крупнейшим внешнеполитическим достижением за все восемь лет его пребывания на посту президента — и не без оснований. Если бы вопрос о границе не был решен, Китай впоследствии мог бы претендовать на 1,5 млн кв. км, доставшихся России по договорам 1858 и 1860 гг. Путин и другие руководители России, наблюдая взлет Китая, поняли, что оставлять вопрос о границе открытым в ситуации, когда соотношение сил между двумя странами быстро меняется в пользу Пекина, было бы крайне опрометчиво. Кроме того, Москва ожидала, что в ближайшие несколько десятков лет Пекин будет по-прежнему действовать рационально и сосредоточит основные усилия на внутреннем социально-экономическом развитии страны.

В отличие от компромисса с Китаем Россия отказалась удовлетворить притязания **Японии** на четыре острова Малой Курильской гряды. Максимум, на что был готов пойти Путин, — это вернуться к положениям Московской декларации 1956 г., ратифицированной обеими странами, и передать Японии небольшой остров Шикотан, а также группу островов Хабомаи (они составляют не более 7% территории, на которую претендует Токио).

Япония в отличие от Китая занимает в этом вопросе негибкую позицию. Предпринятая Путиным в 2000 г. попытка договориться с премьером Иосиро Мори в ходе встречи в Иркутске закончилась неудачей. Внутриполитическая ситуация в Японии делает компромисс по «северным территориям» практически невозможным для любого кабинета: требование о передаче всех четырех островных территорий носит по сути безоговорочный характер. Их символическое значение в качестве напоминания об унижении, которому подверглась страна, проиграв Вторую мировую войну, намного превышает практическую ценность островов, хотя и последняя достаточно велика — прилегающие воды богаты рыбой и другими морепродуктами. В этой ситуации компромиссные предложения Москвы, например, о совместной экономической эксплуатации островов, с ходу отвергаются японской стороной.

У России никаких стимулов для уступок в данном случае нет. Япония не представляет для нее ни реальной, ни потенциальной угрозы, а деловое сотрудничество с этой страной определяется экономическими условиями в самой России, а не статусом островов, находящихся под контролем Москвы с 1945 г. В 2010 г. Медведев, невзирая на протесты японцев, стал первым российским лидером, посетившим Южные Курилы. За президентом последовали другие чиновники включая министра обороны и секретаря Совета безопасности России.

Большего успеха Россия добилась в заключении пограничных договоров с **новыми соседними государствами**: Украиной (в 2003 г.), Казахстаном (в 2004 г.), Азербайджаном (в 2010 г.) и тремя прибалтийскими республиками — Литвой (в 1997 г.), Латвией (в 2005 г.) и Эстонией (подписан в 2007 г., пока не ратифицирован). Ей также удалось договориться с Казахстаном (в 1998 г.) и Азербайджаном (в 2002 г.) о разделе шельфа на севере Каспия; общее соглашение по Каспийскому морю пока блокируется из-за притязаний Ирана и Туркмении. Не урегулированный правовой статус Каспия не позволяет проложить по его дну трубопровод для транспортировки туркменского газа через Кавказ в Европу, что весьма выгодно российскому топливно-энергетическому гиганту — концерну «Газпром».

Впрочем, и у самой России имеются территориальные притязания — они связаны с **Арктикой**[14]. В 2007 г. большой резонанс вызвала установка российским глубоководным аппаратом титанового триколора на морском дне в точке Северного полюса. Одновременно Москва внесла в Комиссию ООН официальную заявку на владение миллионом с лишним квадратных километров арктического континентального шельфа. Если этот район будет признан частью экономической зоны России, имеющиеся у страны запасы природного газа, возможно, увеличатся на 30%. Кроме того, Северный морской путь вдоль побережья Сибири, до сих пор имевший ограниченное экономическое значение из-за необходимости использовать ледоколы и неразвитости береговой инфраструктуры, может стать коммерчески выгодным кратчайшим маршрутом между Атлантическим и Тихим океанами. Политика Москвы в регионе определяется процессом потепления в Арктике и растущим значением энергопоставок.

Всплеск активности России на Крайнем Севере поначалу вызвал озабоченность на Западе, особенно у Канады. Однако позднее Москва постаралась развеять эти опасения. В 2010 г., после сорока лет переговоров, Россия заключила соглашение с Норвегией о разделе спорной зоны в акватории Баренцева моря по принципу 50 на 50. Кроме того,

по политическим причинам российская сторона сохраняет за собой шахтерские поселения на Шпицбергене: это право ей дает договор 1920 г. Москва, заинтересованная в международном признании своих интересов, четко заявила, что будет добиваться юридического или договорного урегулирования территориальных вопросов в Арктике [15].

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И НОВЫЕ НЕЗАВИСИМЫЕ ГОСУДАРСТВА

Все страны бывшего СССР сохранили не только свою государственность (что отнюдь не представлялось аксиомой в 1991 г.), но и в основном свою территорию.

Союзные республики, обретя независимость, в большинстве случаев закрепили за собой территорию, которой они владели в советское время. Крайне важен тот факт, что **Украина** сохранила границы Украинской ССР, в формировании которых приняли участие Ленин, Сталин и Хрущев. К счастью, ни Польша, ни Венгрия, ни Словакия не предъявляют претензий на входящие в состав Украины территории, аннексированные Советским Союзом в 1939 и 1945 гг. Сухопутная граница между Украиной и Румынией, существовавшая в советские времена, была закреплена договором 1997 г. В то же время вопрос о разграничении черноморского континентального шельфа оставался нерешенным до 2009 г., когда международный суд постановил, что принадлежащий Украине остров Змеиный является скалой, а потому не должен учитываться при определении ее исключительной экономической зоны. Киев вынужден был согласиться с этим решением.

Куда более важным и взрывоопасным был вопрос о Крыме. В 1954 г. Хрущев передал этот полуостров с преимущественно русским населением из состава РСФСР в состав УССР в ознаменование трехсотлетия «воссоединения Украины с Россией», как называлось это событие в официальном советском лексиконе. Пока существовал СССР, это не имело особого значения, тем более что Севастополь — главная база Черноморского флота — был «закрытым городом» союзного подчинения. Однако после распада Советского Союза вопрос приобрел весьма сильный эмоциональный аспект: Крым был единственной территорией за пределами новых границ Российской Федерации, которую большинство россиян независимо от их политических взглядов считало «своей».

В 1991 г. Ельцин решил не настаивать на возвращении полуострова России в обмен на отказ Украины от советского ядерного оружия, дислоцированного на ее территории [16]. В 1993 г. конфликтовавший с Ельциным Верховный совет России предъявил претензии на Севастополь, утверждая, что в связи с особым административным статусом города в советские времена он не передавался Украине вместе с Крымом. Кремль оставил этот демарш без внимания. В начале 1994 г. президентом Крыма, получившего республиканский статус в составе Украины, стал представитель пророссийского ирредентистского и сепаратистского движения. Это был, пожалуй, самый опасный момент для территориальной целостности Украины. Однако напряженность вскоре сошла на нет — в октябре 1993 г. Ельцин распустил Верховный совет, а в декабре 1994-го начал кампанию против сепаратистов в Чечне. Россия не оказала ирредентистам поддержки, и Киев в 1995 г. упразднил пост президента Республики Крым, а в следующем году понизил ее статус до уровня автономии. Позднее второй президент Украины Леонид Кучма (он руководил страной с 1994 по 2005 гг.) признавал: если бы не принципиальная позиция Ельцина в 1993—1994 гг., из-за Крыма между Россией и Украиной могла бы начаться война [17].

В 1997 г. Россия подписала с Украиной договор о взаимном признании границ в том виде, в каком они существовали к моменту распада СССР, тем самым подтвердив принадлежность Крыма соседней стране. Поскольку демаркация административных границ в составе унитарного советского государства не проводилась, поводы для территориальных споров оставались, но уже на микроуровне. Примером такого спора может служить почти комическое противостояние в 2003 г. из-за острова (косы) Тузла в Керченском проливе, соединяющем Черное море с Азовским. Тем не менее некоторые российские эксперты [18] мрачно предостерегали: в случае вступления Украины в НАТО «каждый холмик, каждый овраг» на границе может превратиться в «горячую точку».

Серьезному испытанию целостность Украины подверглась в связи с «оранжевой революцией»: некоторые региональные и местные органы власти на востоке и юге страны, недовольные происходящим в Киеве, создали координационную структуру для противодействия политике только что избранного президентом Виктора Ющенко, который считался представителем Западной Украины. Это резко высветило различия в геополитическом положении запада Украины, ориентированного на Центральную Европу, и ее южных и восточных

регионов, в культурном отношении близких к России. Подобное различие в идентичностях грозило разорвать страну на части, если бы ей пришлось делать четкий выбор — например, относительно присоединения к НАТО.

Когда в апреле 2008 г. Путин, как передавали, заявил в Бухаресте натовским лидерам, что Украина «даже не государство» и может прекратить существование в качестве такового[19], он, вероятно, хотел подчеркнуть хрупкость единства страны, ее неспособность пережить серьезное испытание. Это не означает, что у Москвы не было четкой позиции по данному вопросу. В тот момент было очевидно: Россия продолжит поддерживать единство Украины лишь до тех пор, пока страна останется нейтральной. Решение Киева о присоединении к НАТО побудит Москву как минимум к поддержке крымских ирредентистов. Словно в подкрепление этого тезиса в Крыму в 2008 г. (после данного в Бухаресте принципиального обещания принять в НАТО Украину и Грузию, а также Августовской войны) вдруг произошел новый всплеск сепаратистских настроений. Впрочем, в 2009 г., когда вопрос о членстве в НАТО утратил остроту, он тихо сошел на нет, а годом позже, после избрания президентом Виктора Януковича, сепаратисты совершенно присмирели.

На границе России и **Белоруссии** не существует контрольных постов и проверок документов. Минск, однако, занят не столько сохранением своей территории — как и в случае с Украиной, Польша не претендует на белорусские земли, утраченные в 1939 г., — сколько утверждением самостоятельности по отношению к Москве. В 1990-х многие аналитики считали, что Белоруссия — страна, не обладающая ярко выраженной идентичностью, с почти полностью русскоязычным населением — не сможет сохранить независимость и попросту присоединится к России. Если бы тогда Москва захотела такого объединения, оно бы состоялось. Александр Лукашенко, ставший президентом Белоруссии в 1994 г., хотел воссоединить ее с Россией, метя в преемники Ельцина. Подобный вариант, однако, категорически отвергала российская элита, заинтересованная не в новых территориях, а во власти и ресурсах, которыми она не желала делиться с «выскочкой-провинциалом».

В рамках российско-белорусского Союзного Государства, провозглашенного в 1999 г., было создано на бумаге «единое таможенное пространство», но это не привело к возникновению новой федерации или хотя бы конфедерации. В 2003 г. Путин изложил условия, на которых Москва готова объединяться: по сути это был аншлюс по об-

разцу поглощения ФРГ шести восточногерманских земель в 1990 г. Белоруссии предлагалось войти в состав Российской Федерации в виде шести областей. Это было абсолютно неприемлемо и для Лукашенко, и для подавляющего большинства представителей белорусской элиты, в течение двенадцати лет наслаждавшейся вкусом собственной государственности и сопутствующими этому благами.

С тех пор российско-белорусские отношения становились все хуже, и в результате Белоруссия постепенно отдалялась от России, от которой поначалу она была почти неотличима. Парадоксально, но факт: Лукашенко, самый «советский» из постсоветских лидеров, стал отцом-основателем белорусского государства. Повернувшись на восток и получив от ворот поворот, он добился того, чего пытались достичь белорусские националисты в начале 1990-х годов, повернувшись на Запад, — и потерпели полный провал. Белоруссия независима от России в политическом плане не только де-юре, но и де-факто — пусть даже ее государственный флаг представляет собой слегка измененный вариант флага Белорусской ССР советских времен, а не «римейк» красно-белого знамени Великого княжества Литовского, которому отдают предпочтение националисты. Экономическая зависимость страны от России, однако, по-прежнему велика.

Латвия, **Литва** и **Эстония**, вышедшие из состава СССР сразу после путча в августе 1991 г., полностью сохранили свою территорию советского времени. Польша не ставит вопрос о возвращении Вильнюса (Вильно), а Германия не требует Клайпеды (Мемеля), которыми они владели в 1920—1930-х годах. Эти регионы были возвращены Литве Москвой после аннексии Восточной Польши в 1939 г. и поражения Германии в 1945-м.

Наряду с Украиной Литва больше всего выиграла от сталинского территориального переустройства на востоке Европы. Когда она в 2004 г. вошла в состав ЕС, Москва и Брюссель смогли договориться о военном и гражданском транзите между Россией/Белоруссией и Калининградской областью через литовскую территорию. Переговоры были трудными, но согласованная в конце концов схема работает без серьезных сбоев.

Единственные существующие у прибалтийских государств территориальные проблемы касались сравнительно небольших приграничных районов[20], принадлежавших в межвоенный период Латвии и Эстонии. После аннексии прибалтийских государств Советским Союзом в 1940 г. эти районы были переданы РСФСР, и сейчас в них преимущественно русскоязычное население. После распада СССР

причин требовать их возврата не было, поскольку это лишь усугубило бы проблему межэтнического баланса в двух странах Балтии, где представители титульных наций составляют немногим больше половины населения. Рига и Таллин были готовы смириться со статус-кво [21].

Загвоздка, однако, заключалась в том, что прежние границы фиксировались в договорах между прибалтийскими государствами и Советской Россией, заключенных в 1920–1921 гг., по которым она признавала независимость Латвии и Эстонии. Для Риги и Таллина это признание было одним из главных доводов в поддержку их утверждений о том, что в 1940 г. СССР оккупировал оба государства, и что Россия как его правопреемница также несет за это ответственность. Это, в свою очередь, было неприемлемо для Москвы. В результате ратификация пограничного договора с Латвией затянулась надолго, а аналогичное соглашение с Эстонией не ратифицировано по сей день.

Что же касается **Молдавии**, то ей, несмотря на Приднестровский конфликт, удалось сохранить суверенитет перед лицом соседней Румынии. Здесь можно провести интересную параллель с российско-белорусскими отношениями. Первая волна юнионизма (движения за присоединение к Румынии) поднялась сразу после распада Советского Союза, вторая – после того, как Румыния в 2007 г. стала членом Евросоюза. Новый импульс она получила в 2009-м, когда Либеральная и Демократическая партии Молдавии победили на выборах и сформировали основу Альянса за европейскую интеграцию. Хотя у многих пожилых молдаван остались не лучшие воспоминания о межвоенном периоде (1918–1940 гг.) и годах Второй мировой войны (1941–1944 гг.), когда Молдавия официально входила в состав Румынии, молодое поколение стремится быть если не румынами, то европейцами. В рядах молдавской элиты на этот счет нет единства мнений, но большинство ее представителей скорее заинтересованы в том, чтобы управлять собственным, пусть и небольшим государством, чем бороться за место под солнцем в качестве одной из румынских провинций.

Прорумынские тенденции в Молдавии спровоцировали сепаратистское движение в Приднестровье. С тех пор как регионы, расположенные на левом берегу Днестра, де-факто отделились от еще советской Молдавии в 1990 г., отчасти в ответ на прорумынский юнионизм, самопровозглашенная Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) приобрела все атрибуты суверенного государства. Однако, несмотря на военно-политическую поддержку и материальную помощь, которую Москва оказывает Тирасполю, она воздерживается

от официального признания ПМР. Эта позиция сохраняет силу и после российско-грузинской войны 2008 г.

На Южном Кавказе сложилась куда более серьезная ситуация. **Грузия** во всех отношениях пострадала больше других. В начале 1990-х годов Тбилиси утратил контроль над большей частью Абхазии и Южной Осетии. Его власть над еще одной провинцией, Аджарией, больше десяти лет была в лучшем случае номинальной. В 2004 г. президенту Саакашвили удалось вернуть Аджарию в подчинение центру без единого выстрела с молчаливого согласия Москвы. Россия, с 1878 г. державшая военный гарнизон в столице Аджарии Батуми, охранявшая близлежащую грузинско-турецкую границу и имевшая деловые интересы в этом регионе, управлявшемся местным «удельным князем», не только не стала противодействовать восстановлению контроля Тбилиси, но даже не выразила протест.

Однако когда Саакашвили попытался провести такую же молниеносную акцию в отношении Южной Осетии, он получил отпор со стороны осетин и утратил доверие Путина. Следующая его непродуманная попытка взять под контроль регион спровоцировала войну с Россией, которую Грузия проиграла и которая побудила Кремль официально признать две самопровозглашенные республики. И хотя за два с лишним года примеру России последовали лишь Никарагуа, Венесуэла и Науру, Тбилиси вряд ли стоит ожидать, что Москва пересмотрит свое решение. Эта ситуация весьма травмирует грузинскую элиту, не способную смириться с утратой этих провинций.

Впрочем, как и в случае с Молдавией, на деле это «фантомные боли»: с первого дня официального провозглашения независимости ни Тбилиси, ни Кишинев не контролировали полностью той территории, что принадлежала их республикам в советское время. Отделение Абхазии от Грузии — такой же результат распада Союза, как отделение самой Грузии от СССР. Это в полной мере относится и к Азербайджану.

Азербайджан утратил контроль над Нагорным Карабахом в самом начале 1990-х годов и стал суверенным государством уже без этого населенного в основном армянами анклава. Тем не менее Баку категорически настаивает на восстановлении границ Азербайджанской ССР на начало 1991 г. Компромиссное соглашение, заключенное в 2001 г. в Ки-Уэст (Флорида) президентами Гейдаром Алиевым и Робертом Кочаряном, провалилось из-за нежелания азербайджанской элиты согласиться, как это сделал глава государства, на горизонтальные отношения между Степанакертом и Баку в рамках формально единого государства, а фактически на отказ Азербайджана от Нагорного

Карабаха (за исключением Шуши), который должен был управляться международной администрацией[22]. Естественно, то, что потерял Азербайджан, приобрела **Армения**, хотя по дипломатическим причинам Ереван утверждает, что сторонами конфликта являются только Баку и самопровозглашенная Нагорно-Карабахская Республика.

Все страны Южного Кавказа внимательно наблюдали за развитием событий вокруг Косово. Сторонники независимости сепаратистских республик выдвигают в качестве аргумента признание крупнейшими западными державами в 2008 г. суверенитета этого региона, прежде входившего в состав Сербии. Существует, однако, и противоположный пример — Турецкая Республика Северного Кипра, существующая с 1983 г., но признанная на сегодня лишь Анкарой.

Казахстан сумел закрепить свои границы с крупнейшими соседями — Россией и Китаем. Кстати, в советские времена — в 1960—1970-х годах — на его границе с Китаем происходили военные столкновения. Переговоры о ее демаркации начались в 1991 г., когда еще существовал СССР, и были завершены в 1996 г. С тех пор казахстанско-китайская граница полностью делимитирована и демилитаризована.

Граница Казахстана с Россией зафиксирована в договоре 2004 г. Это самая длинная сухопутная граница в мире — ее протяженность превышает 7500 километров. Она проходит по степи, недалеко от крупных российских промышленных городов Астрахани, Волгограда, Саратова, Самары, Оренбурга, Челябинска, Тюмени и Омска, а также от транспортных путей, соединяющих европейскую часть России с Сибирью и Дальним Востоком. На казахстанской стороне во многих городах — Актобе (Актюбинске), Петропавловске, Павлодаре, Усть-Каменогорске — преобладает русскоязычное население. Со времен обретения независимости Казахстан связывают с Россией в целом хорошие отношения, и лишь горстка русских националистов возмущается тем фактом, что «хребет России» — пути сообщения между ее европейской частью и Сибирью — находится в опасной близости от «мусульманского государства»[23].

Другим странам Центральной Азии также удалось сохранить свою территорию, и границы между ними, произвольно проведенные Сталиным в 1924—1925 гг., похоже, обрели окончательный характер. Напряженность существует лишь в густонаселенной Ферганской долине, где сходятся территории **Узбекистана**, **Киргизии** и **Таджикистана**. Киргизия и Таджикистан договорились о своих границах с Китаем в 1996 г., одновременно с Казахстаном и Россией. Возникшие было в 1990-х ожидания относительно возможного распада Аф-

ганистана и возникновения рядом с Узбекистаном и Таджикистаном государств, населенных узбеками и таджиками, не стали реальностью. **Туркмения** тоже существует в тех же пределах, что и в советские времена. Она не только сохранила свои границы, но и закрепила их. Таким образом, межгосударственные границы в Центральной Азии, казавшиеся в начале 1990-х годов искусственными и зыбкими, обрели прочность и постоянство. Проблемы возникают внутри новых независимых государств, а не вдоль их рубежей.

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

После распада империи помимо решения вопроса о внешних границах Российской Федерации пришлось приложить немало усилий для внутренней стабилизации, но в конце концов она посрамила тех, кто предрекал ей участь СССР. В отличие от 15 союзных республик СССР все 20 автономий России остались в составе федеративного государства.

Это было непросто. Якутия требовала права собственности на свои гигантские сырьевые ресурсы, Карелия заявляла об «экономическом суверенитете», Коми, Башкирия и другие республики принимали положения о приоритете их конституций над федеральным законодательством, Татарстан, Дагестан и Ингушетия добивались полномочий заключать международные договоры и вести внешнюю политику, а Тува — даже самостоятельно объявлять войну и заключать мир[24]. В советские времена регионам разрешалось оставлять себе лишь 15–20% доходов. К 1999 г. тенденция диаметрально изменилась: федеральному центру доставалось в среднем только 45%. Татарстан же в рамках специальной договоренности сохранял за собой 75% доходов.

Этот процесс «ползучей дезинтеграции», со всей очевидностью проявлявшийся в конце 1990-х годов, был остановлен в следующем десятилетии. Модель «России регионов» была демонтирована в результате централизации, которую проводил Путин начиная с 2000 г. Региональные конституции и законы приводились в соответствие с федеральными. Особые договоры, устанавливавшие «полуконфедеративные» отношения между центром и республиками, например, Татарстаном и Башкирией, были аннулированы. Некогда влиятельный Совет Федерации — верхняя палата российского парламента, состоявшая из всенародно избранных губернаторов, обладавших реальной властью, — был преобразован в послушный орган, где представлены в основном региональные лоббисты. Были учреждены федеральные

округа во главе с назначаемыми Кремлем представителями президента — своего рода генерал-губернаторства, включающие несколько регионов. В 2004 г. губернаторы утратили всенародный мандат и по сути превратились в президентских назначенцев. Когда же в 2007 г. были отменены выборы в нижнюю палату парламента по одномандатным округам, Российская Федерация окончательно превратилась по сути в унитарное государство. Наконец, в 2010 г. было законодательно запрещено именовать глав автономных республик президентами.

На главный вызов, брошенный в 1990-х чеченским сепаратизмом российскому государству, Москва ответила вооруженной силой и политикой «чеченизации конфликта». В результате десятилетняя война, которую многие называли «бесконечной», прекратилась. Два контрастных образа **Чечни** — разрушенной во время войны и восстановленной после ее окончания — отбили вкус к сепаратизму у других регионов Северного Кавказа. В настоящее время там возникла новая угроза — проблема экстремизма, использующего не националистические, а религиозные лозунги и избравшего основным методом борьбы терроризм. Российские федеральные власти еще не нашли адекватного ответа на этот вызов. Пока частью проблемы являются их собственная политика и их «клиенты», поставленные управлять северокавказскими республиками.

Сегодня **Северный Кавказ** не отделяется, а *отдаляется* от России. Территориальная целостность страны — главная забота Москвы — не подвергается прямой опасности. Однако регион превращается в своего рода «внутреннее зарубежье». Несмотря на заявления вроде «Кавказ — это фундамент, на котором стоит Россия»[25], в реальности все обстоит с точностью до наоборот. Чечня по сути самоуправляема: к России ее привязывает личный альянс — не больше и не меньше — между авторитарным главой республики Рамзаном Кадыровым и российским лидером Владимиром Путиным. Пользуясь поддержкой Путина, Кадыров практически ничем не ограничен в своих действиях и заявлениях, в том числе по внешнеполитическим вопросам. «Чеченизация» на деле представляет собой «кадыровизацию». Но если Чечня управляется «железной рукой», пусть даже чеченской, без вмешательства федеральных властей, ситуация в соседних республиках Северного Кавказа нестабильна[26].

Хотя самой тяжелой колониальной войной в истории России была Кавказская, первым завоеванием Москвы за пределами чисто русских земель стало Казанское ханство, присоединенное царем Иваном IV в 1552 г. Аннексия ханства — нынешнего **Татарстана** —

стала первым шагом в формировании традиционной (московской) империи. Сегодня татары критикуют официальную историческую версию за «русоцентричность»[27] и настаивают на собственной концепции поворотных моментов своей истории. Будучи наследниками древнего государства, они в 2005 г. отметили тысячелетний юбилей столицы республики Казани, а пять лет спустя учредили официальный праздник в память о начале распространения ислама (считается, что это произошло в 922 г.[28]) на территории нынешней Российской Федерации[29].

После распада СССР Татарстан, превосходящий по численности населения все три прибалтийские республики вместе взятые, провозгласил суверенитет и добивался ассоциированного членства в Федерации. Ельцин пошел с Казанью на компромисс, действие которого прекратилось в результате унификационной политики Путина. Однако, хотя Татарстан и соседняя **Башкирия** утратили особый статус в отношениях с Москвой, зафиксированный специальными договорами, обе республики глубоко интегрированы с остальной Россией, относительно благополучны, и ситуация там спокойна. В 2010 г. первые президенты Татарстана и Башкирии покинули свои посты; передача власти в Казани и Уфе произошла гладко и упорядоченно.

Национальные республики с немусульманским населением прошли такой же путь. Тува, недолгое время (в 1921—1944 гг.) существовавшая в качестве независимого государства, отказалась от притязаний на отделение. Якутия, крупнейшая по размеру республика Российской Федерации (по территории — 3 миллиона квадратных километров — она примерно равна Индии, но там проживает всего 1 млн человек, или 0,1% населения Индии), согласилась с предложенной Москвой формулой раздела доходов от ее природных богатств с центром. Другие богатые сырьем регионы, например, Тюмень, вынуждены были смириться со схемой бюджетных трансфертов, позволяющей Москве перераспределять национальный доход. Превалировавший в 1990-х годах «сырьевой сепаратизм» ныне ушел в прошлое.

В территориальном плане Россия стала более открытой. В ее новых пределах многие регионы, прежде находившиеся в глубине страны, превратились в приграничные территории. Это создает как новые шансы, так и новые проблемы. Оптимисты говорят о дополнительных возможностях для развития торговли, инвестиций, импорта рабочей силы. Пессимисты в ответ приводят длинный список доводов о незащищенности страны в ее новых границах. Кое-кто из них вдруг вспомнил, что в 1854 г. британский военный флот беспрепят-

ственно доходил до Кронштадта на Балтике, Соловков на Белом море и Петропавловска на Камчатке, а в 1942 г. немецкий рейдер обстрелял порт Диксон на полуострове Таймыр. Сейчас, впрочем, основные риски усматриваются не в военной, а в экономической сфере [30].

Проблема заключается в том, что границы России с государствами Евросоюза, Соединенными Штатами и Японией служат линиями резкого контраста, ведь рядом с развитыми зарубежными государствами оказываются охваченные депрессией российские регионы. Калининградская область окружена со стороны суши территорией стран ЕС — Польши и Литвы, у Ленинградской области и Карелии есть протяженная граница с Финляндией, Чукотку отделяют от Аляски лишь 90 миль Берингова пролива, а Курилы из Японии можно видеть невооруженным глазом. Один бывший кремлевский чиновник тревожился: если Курилы войдут в зону влияния Японии, вслед за этим может прийти черед Сахалина, Камчатки и Чукотки [31]. Как ни странно это звучит, аналогичную озабоченность российское Министерство иностранных дел выражало относительно Эстонии и ее влияния на финно-угорские народности России [32]. В 2008 г. эти опасения даже привели к российско-эстонскому дипломатическому скандалу в ходе международного саммита в Ханты-Мансийске [33], что свидетельствует о глубинном ощущении собственной уязвимости у российской стороны.

В то же время границы России с Белоруссией и Казахстаном практически незаметны — как в топографическом, так и в языковом смысле. Многие российские области давно уже наладили связи со своими казахстанскими и белорусскими соседями — порой даже более тесные, чем с другими российскими регионами. Москва по понятным причинам заинтересована в открытости границ с этими странами. Однако на Кавказе Российскую Федерацию от соседей отделяют не только высокие горы: земли, населенные русскими, за исключением района Большого Сочи, заканчиваются задолго до границы с Грузией и Азербайджаном. Северокавказские республики, а также Абхазия и Южная Осетия играют роль буфера между Россией и странами Южного Кавказа. Другим буфером — на сей раз между неспокойным Северным Кавказом и коренными российскими территориями — являются южнорусские регионы, например, Ставропольский и Краснодарский края.

Российское правительство старается закрепить за собой эти окраины. В 2004 г. Москва отправила губернатором на Чукотку видного олигарха Романа Абрамовича: при необходимости он должен был фи-

нансировать регион из средств собственных компаний. Даже после того, как в 2008 г. Абрамовичу позволили покинуть губернаторский пост, он по-прежнему остался «привязан» к Чукотке, войдя в состав ее законодательного собрания. В 2007 г. Путин лично — и с успехом — агитировал за проведение Зимней Олимпиады-2014 в Сочи. Три года спустя он возглавил еще одну успешную кампанию — за право России стать хозяйкой футбольного чемпионата мира 2018 г.: он будет проходить в 13 городах европейской части страны. Кроме того, Российская Федерация получила право провести в Казани Универсиаду 2013 г. и принять в 2012 г. саммит организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). При этом Москва настояла на проведении саммита во Владивостоке, оставив без внимания вежливые рекомендации выбрать для этого Петербург — город с куда более развитой инфраструктурой.

Мировой державой — в географическом плане — Россию делает тот факт, что ее территория простирается от Евроатлантического до Азиатско-Тихоокеанского региона. И геополитическое будущее страны определит судьба **Сибири** и **Дальнего Востока**, а не Северного Кавказа. Сибирь порой называют «главной колонией России», жемчужиной ее имперской короны — подобно Индии в Британской империи. Однако, как отмечал Вадим Цымбурский, «Россия не присоединяла Сибири — она создалась Сибирью»[34]. Поэтому без Сибири Россия будет уже не Россией, а Московией. И в конце XX в. появилось более четкое понимание этого факта.

Выступая во Владивостоке в 1986 г., генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев призвал к интеграции страны с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Путин, будучи на посту президента, назвал Дальний Восток стратегическим резервом выживаемости России в XXI в.[35] В декабре 2006 г. Совет безопасности Российской Федерации проанализировал имеющиеся в регионе стратегические проблемы, такие как сокращение численности населения, ослабление связей с европейской частью страны и диспропорции во внешнеэкономической сфере. Вернувшись к идее, которую оно не смогло реализовать в 1990-х годах, российское правительство пообещало построить в Приамурье космодром «Восточный» взамен Байконура, оказавшегося на территории Казахстана. Инфраструктура на востоке страны развита куда слабее. До недавнего времени между европейской частью России и Дальним Востоком отсутствовало автомобильное сообщение. В августе 2010 г. Путин лично поучаствовал в «рекламной акции»: проехал на отечественной «Ладе-Калине» от Хабаровска до Читы, в букваль-

ном смысле открыв только что построенную автостраду между столицами двух дальневосточных регионов. Жителям Дальнего Востока сегодня проще, дешевле и комфортабельнее ездить в Китай, Южную Корею и Японию, чем в Москву или Санкт-Петербург[36].

Сразу после распада СССР многие россияне опасались «демографической агрессии» со стороны Китая и оккупации Пекином малонаселенных регионов. Сегодня, двадцать лет спустя, в России если чего и боятся, то уж точно не китайской экспансии. Китайцы заполнили свою нишу в российской иммиграционной мозаике и не пытаются выходить за ее пределы. Небезынтересен и такой факт: некоторые российские пенсионеры теперь предпочитают обосновываться в китайских городах по другую сторону границы: жизнь там дешевле и безопаснее.

В то же время ряд федеральных программ по развитию Дальнего Востока, принятых в 1996, 2002 и 2006 гг. (последняя из них предусматривала ассигнования в размере почти 25 млрд долл.), несмотря на участие ряда наиболее известных российских госкомпаний — «Газпрома», «Роснефти», РЖД и др., — дал весьма скромные результаты. Даже масштабное финансирование совершенствования инфраструктуры Владивостока накануне саммита АТЭС принесет свои плоды лишь в том случае, если этот портовый город на деле превратится в узловой центр для российских компаний, занимающихся бизнесом в Азиатско-Тихоокеанском регионе[37].

Что же касается самого Санкт-Петербурга, то туда переехали головной офис «Газпрома» (и там же концерн платит налоги), Конституционный суд и Главный штаб Военно-морского флота; в городе также находится штаб вновь созданного Оперативно-стратегического командования «Запад». Все эти структуры покидают Москву с большой неохотой, под давлением Кремля. Кроме того, северная столица России служит местом проведения крупных международных форумов: к трехсотлетнему юбилею города, отмечавшемуся в 2003 г., были приурочены саммит ЕС-Россия и встреча глав государств СНГ; в 2006 г. в Петербурге состоялся саммит «большой восьмерки»; что же касается двусторонних встреч, то их трудно даже сосчитать. «Петербургский диалог», начавшийся на берегах Невы, превратился в главный форум для обмена мнениями между российскими и германскими политиками, общественными деятелями и экспертами. С 2007 г. руководство России стремится превратить Петербургский международный экономический форум, созданный по образцу Всемирного экономического форума в Давосе, в крупное ежегодное ме-

роприятие, давно затмившее, в частности, Российский экономический форум в Лондоне.

С удовольствием демонстрируя зарубежным лидерам гигантские размеры своей страны, Кремль проводит регулярные саммиты ЕС-Россия в различных регионах, привнося дипломатический диалог высшего уровня в такие прежде «интровертные» города, как Казань, Самара, Ханты-Мансийск, Хабаровск, Ростов и Нижний Новгород. В 2009 г. Екатеринбург, неформальная столица Урала, с короткими промежутками принял саммиты Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества и группы БРИК. В том же году президент Медведев открыл первый из ежегодных международных политических форумов в Ярославле — древнем городе в 280 километрах на северо-восток от Москвы, ранее представлявшем собой абсолютную «тихую заводь». В 2010 г. местом проведения очередного Каспийского саммита была выбрана Астрахань, а в 2011-м Медведев предпринял попытку «прорыва» в карабахском урегулировании, пригласив президентов Армении и Азербайджана на саммит в Казань, который, впрочем, закончился безрезультатно. Еще с советских времен в Сочи, где отдыхают кремлевские лидеры, часто проходят неформальные саммиты. Однако после распада СССР, особенно при Путине и Медведеве, эта роль города намного расширилась. Кроме того, Сочи наряду с Красноярском и Иркутском стал местом проведения региональных экономических форумов с участием иностранных компаний.

Новое территориальное единство России возникло в ущерб федерализму, от которого осталось почти что одно название. Ряд авторов[38] указывает на возрождение в стране имперского синдрома. Однако такой большой и разнообразной страной невозможно управлять из одного центра. На деле в постсоветский период в России наряду с политическим «собиранием земель» происходит социальная децентрализация. Стремясь к укреплению политического контроля, власти одновременно «поднимали» регионы в плане социально-экономического развития[39]. Москва по-прежнему выделяется на общем фоне, но в первую очередь как политический и финансовый центр страны, а также ворота в глобализованный мир. Но с точки зрения уровня и качества жизни разрыв между столицей и региональными центрами намного уменьшился.

Действительно, столица каждого субъекта Федерации — это «маленькая Москва» для своего региона. Все они могут похвастаться хотя бы несколькими районами с достойным жильем, магазинами с хоро-

шим ассортиментом, все более качественными ресторанами, высокоскоростным Интернетом и университетами. Вокруг этих центров формируется «новый регионализм». У каждого региона возникло ощущение собственной уникальной идентичности, основанное на былой славе и традиции торговых связей с Европой, как у Великого Новгорода, либо на природных богатствах, как у Тюменской области с ее нефтяными ресурсами, либо на особом географическом положении, как у Владивостока.

С открытием границ простые россияне увидели мир совершенно по-иному. Теперь уже не все дороги проходят через Москву. Десятки аэропортов по всей России получили статус международных. Сегодня, когда самолеты напрямую летают из Новосибирска в Дубай и из Иркутска на Хайнань, традиционная ось «восток — запад» дополнилась новой — «север — юг». Прежнее евроцентрическое мировоззрение тоже меняется. С тихоокеанского побережья России Москва выглядит далекой и равнодушной, а Китай, Южная Корея и Япония находятся рядом и предлагают реальные возможности для экономического сотрудничества[40]. О сепаратизме речь не идет, но необходимость «управления многообразием», несомненно, существует.

Да, российские регионы в равной степени подчинены власти Кремля, но они сильно отличаются друг от друга в экономическом, социальном и политическом плане. Согласно ооновскому «Индексу человеческих ресурсов» Москва по уровню развития и среднедушевых доходов близка к Чехии, а Ингушетия и Тува — к Монголии и Гватемале. Средняя продолжительность жизни в Москве составляет 71 год, а в Туве — 56 лет. Кроме того, средний заработок москвичей примерно втрое выше, чем у киевлян.

С точки зрения России **Новая Восточная Европа** — это три очень разные страны с весьма своеобразными внутренними противоречиями. Украина в отличие от Российской Федерации по конституции представляет собой унитарное государство. Тем не менее страна состоит из ряда регионов с ярко выраженным собственным лицом. Ее два полюса — это восток (Харьков, Донецк) и запад (Львов), причем центр (Киев) долгое время солидаризировался с последним, а юг (Одесса и Крым) — с первым. Эти полюса и сформировавшиеся вокруг них коалиции также представляют два внешнеполитических вектора: центр и запад тяготеют к ЕС, а юг и восток — к России.

«Оранжевая революция» 2004 г. подвергла испытанию единство Украины: проигравшие начали предпринимать шаги в сепаратистском направлении. Аналогичным образом напряженность в отноше-

ниях Киева с Москвой немедленно отразилась на Крыме и особенно на Севастополе. Московские политики начали выступать с предложениями относительно «федерализации» Украины. В Киеве это истолковали как тактику, направленную на опасное ослабление единства украинского государства, попытку проложить путь к его дезинтеграции и поглощению Россией восточных и южных регионов страны.

С превращением в 2010 г. Партии регионов в преобладающую политическую силу на Украине и «самоуничтожением» оппозиции разговоры о федерализме стихли. Более того, Киев ужесточил контроль над Крымом — вот вам и предполагаемая промосковская ориентация Партии регионов! Однако, несмотря на отмену достигнутого в 2004 г. компромиссного соглашения о разделе власти и восстановление зафиксированной в Конституции 1996 г. президентской республики Киев постарался не испортить отношения с региональными элитами. Тем самым ему удалось избежать конфликта с Западной Украиной и ослабить пророссийское сепаратистское движение в Крыму. Парадоксально, но факт: демократическая и националистическая «оранжевая революция», а также политика президента Ющенко подвергли испытанию единство Украины, а реванш олигархов с Востока укрепил его.

У Белоруссии тоже есть собственный «запад», где ощущается явное польское влияние, но там различия между регионами не столь велики, как на Украине, да и сама страна намного меньше и в принципе может рассматриваться как единый «блок». Крошечная Молдавия, напротив, четко разделена по линии Днестра: его правый и левый берега существуют по отдельности с 1990 г. Как и в случаях Украины и Белоруссии, это во многом связано с историей соответствующих регионов. Западные украинские земли долгое время входили в состав империи Габсбургов и Польши, Западная Белоруссия также принадлежала Польше в межвоенный период, в те же годы большей частью территории Молдавии владела Румыния, а Приднестровье было частью Советской Украины.

Южный Кавказ по этническому многообразию лишь немного уступает Северному. Начиная с 1989 г. это приводило к конфликтам и даже войнам. Именно в этом регионе уход империи со сцены сопровождался особенным кровопролитием. В большинство этих конфликтов была вовлечена и Россия: зачастую она, как, например, в Грузии, пыталась использовать их к собственной выгоде, но это лишь усиливало хаос.

В постимперский период **Центральной Азии** пока удавалось избегать масштабных конфликтов — за одним исключением. В Тад-

жикистане с 1991 до 1997 гг. бушевала гражданская война с военным вмешательством России, завершившаяся победой поддерживаемого Москвой южного кулябского клана над северянами из Худжанда (Ленинабада), преобладавшими во властных структурах республики в советские времена. Третья группа — из Горного Бадахшана на Памире — добилась фактической автономии.

Сегодня Таджикистан остается раздробленной страной с весьма слабым ощущением общенациональной идентичности[41]. После окончания гражданской войны авторитарный режим президента Эмомали Рахмона осуществил рецентрализацию страны, но межрегиональное соперничество не исчезло. Рано или поздно Рахмон покинет свой пост, и тогда болезненный вопрос о региональном балансе в Таджикистане скорее всего вновь встанет на повестку дня.

Киргизия, самое маленькое из новых независимых государств Центральной Азии, тоже испытывает трудности с обеспечением собственного единства. Раскол между северной и южной частями страны носит как политический, так и культурный характер. Этот конфликт оставался под спудом, у самой поверхности, те четырнадцать лет (1991—2005 гг.), что у власти находился первый президент Киргизии Аскар Акаев, но в последнее время проявляется в полной мере. Обе киргизские «революции» — 2005 и 2010 гг. — поставили на карту целостность государства. Из-за вспышки насилия в городе Ош на юге Киргизии в 2010 г. страна оказалась на пороге гражданской войны, однако Россия не стала вмешиваться. Остается надеяться, что принятие новой Конституции 2010 г., вводящей парламентскую республику вместо президентской, приведет к созданию более репрезентативного правительства. Кремль, однако, публично выражал озабоченность тем, что парламентская республика сделает страну полностью неуправляемой.

Для России, впрочем, наиболее важно внутриполитическое единство крупных центральноазиатских государств, в частности Узбекистана и особенно Казахстана. Последний — огромная страна с низкой плотностью населения. Среди городских жителей его северных регионов, граничащих с российскими Южным Уралом и Южной Сибирью, большинство составляли русскоязычные. После 1991 г. Москва и намеком не поддержала русских ирредентистов, которые хотели отделиться от суверенного теперь Казахстана и присоединиться к России. Чтобы укрепить молодую республику, президент Нурсултан Назарбаев в 1997 г. перенес столицу из Алма-Аты в отдаленный город Астану (первоначально он назывался Акмолинском, в советские годы был переименован в Целиноград, а потом в Акмолу), расположенный

в середине северной части страны. Этим мастерским ходом он одновременно приблизил Казахстан к России физически и усилил контроль Центра над его русскоязычными регионами.

Помимо севера Астане приходится уделять внимание еще двум важным регионам: западу, где расположено большинство имеющихся у страны нефтяных месторождений, и югу, где бывшая столица Алма-Ата по-прежнему остается главным деловым центром Казахстана. Западные регионы имеют сравнительно небольшое население даже по казахским меркам, у них отсутствует ощущение особой идентичности, и опасность сепаратизма там невелика. Юг же представляет собой «мост», связывающий Казахстан со Средней Азией. Он расположен всего в двух часах езды от киргизской столицы Бишкека и граничит с Узбекистаном. Именно здесь полиэтнический, многоязычный, в основном светский Казахстан напрямую соприкасается с однозначно мусульманскими культурами соседних стран, переживающих период политических потрясений.

В Узбекистане существует несколько потенциальных центров влияния. Важными аренами активности являются столица Ташкент, Самарканд и Бухара, где с древности были сосредоточены власть, наука и религия, а также перенаселенная Ферганская долина, переживающая процесс возрождения ислама. В 2005 г. в Андижане вспыхнуло восстание; его подавление властями сопровождалось многочисленными жертвами. Кроме того, в отдалении от центра к пересыхающему Аральскому морю примыкает почти забытая автономная республика Каракалпакия — древний Хорезм.

Поскольку в Узбекистане все бóльшую актуальность приобретает вопрос о передаче власти, стабильность в стране нельзя считать гарантированной. В отличие от него в Туркмении, где с момента обретения независимости существует крайне жесткий авторитарный режим, признаков внутреннего раскола незаметно. Первый президент страны Сапармурат Ниязов (1991—2006 гг.) стремился ликвидировать остатки племенных структур в туркменском обществе и создать сплоченную нацию с одним лидером «султанского» образца. Пока что его замысел работает.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Распад СССР мгновенно превратил имперский вопрос в русский. После предыдущего крушения империи в 1917 г. и кровавой

гражданской войны от двух до трех миллионов человек вынуждены были покинуть страну, оказавшуюся под властью большевиков. Еще несколько сотен тысяч человек, проживавших в Прибалтике, Польше, Финляндии, Бессарабии и Маньчжурии, оказались за пределами российского государства из-за изменения его границ. После 1991 г. эмигрировали около трех миллионов бывших советских граждан — в основном в Европу, Израиль и США. В то же время число русских, оказавшихся в результате распада СССР за пределами новой России, достигало 25 млн человек.

Это, однако, не привело к конфликтам. Прозвучавший в сентябре 1990 г. знаменитый призыв Александра Солженицына «обустроить Россию»[42] на основе РСФСР, Украины, Белоруссии и Северного Казахстана был, несомненно, услышан — «Комсомольская правда» опубликовала его статью гигантским тиражом в 27 млн экземпляров, но желающих последовать ему не нашлось. Правительство России отвергло ирредентизм. Националистический дискурс о «разделенной нации» при всей своей активности и шумности не определяет практическую политику. Несмотря на несомненный рост ксенофобии и экстремизма в стране, русский национализм остается маргинальной силой. Среди россиян по-прежнему превалирует «постимперский» или «наднациональный» элемент.

Если взглянуть на ситуацию под другим углом, то население России, сильно уменьшившись по сравнению с населением СССР, одновременно стало гораздо более однородным. В 1989 г. русские составляли примерно половину граждан Советского Союза (в 1913 г. лишь 43% населения империи были великороссами, но государство официально рассматривало всех восточных славян — малороссов, белорусов и великороссов — как единую этническую группу). Относительное снижение веса этнических русских стало одной из глубинных причин распада советского варианта империи. В то же время доля русских в населении сегодняшней России составляет примерно 75%. У Российской Федерации после крушения империи появился неплохой шанс стать национальным государством[43].

Надо, впрочем, иметь в виду, что в отличие от других постимперских стран — кемалистской Турции, Австрии до аншлюса, нынешних Сербии и Хорватии и буквально всех остальных постсоветских независимых республик — российское национальное государство строится не на этнической основе[44]. Это во многом связано с довольно низким уровнем этнонационального самосознания у русских. В допетровской России их идентичность определялась в основном православной ве-

рой, в рамках империи — местом жительства (поэтому огромное количество крестьян осталось равнодушным к Первой мировой войне и судьбе империи)[45]. В советские времена некоторые граждане хранили верность государственной идеологии, другие отождествляли себя с высокой культурой, эту идеологию молчаливо отвергавшей, а для большинства основой идентичности была победа СССР над фашизмом, а также его достижения в науке, искусстве и спорте. Для русских единственными разделительными линиями были государственные границы: *внутри* этих границ четко очерченных в этническом плане территорий практически не существовало. В тот период большинство русских вслед за популярной песней могли сказать: «Мой адрес — Советский Союз». Это также соответствовало духу формулы Витте.

Империя всегда была больше, чем территория компактного проживания русских. И в постимперский период создание российской гражданственной нации становится для страны задачей первостепенной важности. Президент Ельцин с самого начала, говоря о гражданах страны, употреблял термин «россияне». Двадцать лет спустя это понятие — возникшее еще при Петре, но после XVIII в. использовавшееся редко — стало общепринятым. В реальности, однако, «россиян» еще не существует. Население страны пока не структурировано. На сегодняшний день Россия — страна и государство, но еще не нация.

Некоторые наблюдатели считают, что эта задача невыполнима. По их мнению, нынешняя Россия по-прежнему остается империей, только уменьшившейся в размерах. Согласно этой версии Российская Федерация — «третья и последняя» форма исторической российской империи. И российская «мозаика» обречена рассыпаться точно так же, как и советская. Как отмечает социолог Наталья Тихонова, непонятно, каким образом российская гражданская нация может возникнуть на основе таких этнических групп, как русские, татары, дагестанцы (в одну только эту категорию входят три десятка народностей) и якуты, если она не смогла сформироваться из русских, украинцев, белорусов и казахов.

В этой связи можно, конечно, указать на значение больших чисел, а также амбиций и таких факторов, как способность вести за собой и готовность идти за кем-то. Впрочем, этнический состав «смеси» — не главное. Нельзя утверждать, что создать общую нацию с украинцами легче, чем, например, с удмуртами. Важнее всего другое: гражданская нация может возникнуть только после того, как общество прошло ряд стадий модернизации[46]. Гражданская нация не существует без институтов: верховенства закона, прав собственности, рыночных механиз-

мов, социальной солидарности, системы ценностей. Сегодня все эти ингредиенты в большом дефиците. Высшая форма самовыражения нации — ее участие в демократическом процессе. Таким образом, современная российская нация может сформироваться только в результате успешной всеобъемлющей модернизации.

Во времена СССР большинство русских и буквально все представители русского народа, жившие на окраинах, самоидентифицировались как «советские люди». В то же время лишь небольшая часть армян или эстонцев ощущала себя в первую очередь «советскими». Когда Советский Союз распался, естественным путем развития для большинства новых государств стала национальная (этническая) мобилизация. Звиад Гамсахурдия, первый президент Грузии (он занимал этот пост в 1991—1992 гг.), по сути объявил всех жителей республики негрузинского происхождения гражданами второго сорта. Это обернулось трагическими последствиями, особенно в Абхазии и Южной Осетии. Первое постсоветское руководство Молдавии ввело жесткие законы о языке, что вызвало отторжение у многих русскоязычных. Латвия и Эстония стали единственными государствами бывшего СССР, где гражданство предоставлялось только тем, кто родился на территории этих стран до 1940 г. (т. е. до их аннексии Советским Союзом), и их потомкам. Естественно, в эту категорию не попадало большинство русских, украинцев, евреев и представителей других национальностей, поселившихся в прибалтийских республиках в советские времена.

Россия не спешила двигаться в том же направлении. И главная причина здесь не в том, что коммунистический режим подавлял русский национализм. Он точно так же пытался искоренить украинский, эстонский или чеченский национализм — но без особого успеха. Тот факт, что постсоветские российские элиты сосредоточены на материальном обогащении и потому в значительной мере космополитичны, имеет определенное, но тоже не решающее значение в этой ситуации. Важнее другое: считается, что «выпячивание» русской нации может стать концом нынешнего российского государства. Хотя более 50% русских находят привлекательным лозунг «Россия для русских»[47], утверждение русской нации в стране, где столько народов имеют собственные республики на исторической территории со своими конституцией, языком и национальными устремлениями, — это явный рецепт новой катастрофы.

Впрочем, если русские, несмотря на рост ксенофобии и вспышки ультранационализма в их среде, в основном по-прежнему не отождест-

вляют себя с «этнической» нацией, с другими народами Российской Федерации ситуация сложилась прямо противоположная. Татары, чеченцы, якуты и другие — все они обладают весьма четким этническим самосознанием. Представители трех десятков малых народностей, населяющих Дагестан, хоть и называют себя «россиянами», с крайним пиететом относятся к своим этническим корням.

Рост ксенофобии, всплеск шовинизма и ширящаяся волна насилия против иностранцев также говорят об отсутствии у русских какого-либо аппетита к созданию нового варианта империи: она вызывает лишь остаточное чувство ностальгии. Это ощутили и политики. Дмитрий Рогозин, начавший свою политическую карьеру в начале 1990-х годов в качестве соучредителя — вместе с покойным генералом Александром Лебедем — «Конгресса русских общин» (организации, стремившейся объединить русских, живущих в Крыму, Казахстане и других странах ближнего зарубежья), десять лет спустя сделал разворот на 180 градусов, выбрав для своей предвыборной кампании лозунг «Москва для москвичей». По сути то же самое имели в виду участники беспорядков в Москве в декабре 2010 г., направленных против кавказцев и отозвавшихся эхом в других регионах страны. Подобная смена лозунгов — наглядная иллюстрация перехода от имперского к национальному.

У Конгресса русских общин не было будущего. Как правило, русские, живущие за рубежом, легко ассимилируются, принимая правила игры, установленные титульными нациями. Они не формируют диаспоры. Но аналогичным образом в самой России они, принимая как данность национальную специфику регионов, населенных этническими меньшинствами, негативно относятся к мигрантам в крупных городах, если те не следуют существующим там правилам поведения. Те же, кто их перенимает, воспринимаются как свои, россияне. Таким образом, чтобы считаться россиянином, человек должен внешне ассимилироваться, обрусеть: говорить на языке, знать обычаи и привычки русского народа и следовать им, по крайней мере публично. В ходе столкновений в декабре 2010 г. между молодыми москвичами и выходцами с Кавказа юный дагестанец сказал толпе русских: я такой же россиянин. Ему ответили вопросом: «А чего ж вы с ножами ходите?»[48].

Примечательно, что в сегодняшней России нет представления об «общности судеб». Конец Советского Союза стал и концом большого макросообщества. Прежде люди были связаны почти физически, по рукам и ногам — традициями в царские времена, официальной идео-

логией, аппаратом полицейского государства и закрытостью границ в советскую эпоху. В сегодняшней России общество атомизировано, оно на деле не скреплено никакими барьерами, официальными или традиционными. Чем большего успеха добивается человек, тем шире пропасть между ним и остальным населением. Элита поднимается на вершину, но она не ведет за собой и не хочет вести. Личное определенно преобладает над общественным. Государство буквально всеми слоями общества расценивается как структура, слишком коррумпированная, чтобы пробуждать у людей национальное самосознание.

Пройдя через травматический опыт внезапного крушения государства со всеми его системами — экономической, общественной и идеологической, россияне научились ставить на первое место частную жизнь и не слишком волноваться о таких вещах, как расцветка государственного флага, линия границы или состав правительства. Сохранились в первую очередь родственные связи, контакты на личном и местном уровне. Россия, некогда общинная по духу и горячо патриотичная, полностью погрузилась в частную жизнь. И напротив, общественное пространство, некогда всеобъемлющее, подчеркнуто игнорируется. Это напоминает ситуацию в типичном российском городском доме: квартиры, как правило, содержатся в чистоте и ремонтируются, но на лестницах царит грязь, а лифт дышит на ладан, и никого это не волнует.

Внешняя угроза, которая могла бы восприниматься как достаточно серьезная, чтобы привести к возникновению «защитного национализма», сегодня отсутствует. По итогам опроса, проведенного в 2009 г., лишь 37% респондентов заявили, что ощущают внешнюю угрозу. Для сравнения: в 2000 г. (после Косово) и в 2003 г. (после вторжения в Ирак) эта цифра составляла соответственно 49% и 57%. По мнению 52% россиян, внешней угрозы стране не существует[49]. Это мнение, собственно, разделяет и Кремль: военная реформа откладывалась двадцать лет и началась лишь в 2008 г., а модернизацией вооруженных сил власть занялась лишь в нынешнем десятилетии.

Неудивительно, что «священный долг» защиты отечества отодвинулся на второй план. Россияне согласны платить умеренную цену за оборону и безопасность, но не желают лично принимать участие в военных действиях. Даже те, кто считает, что внешняя угроза существует, абсолютно не готовы жертвовать чем-либо, а уж тем более жизнью ради блага всего мира в целом (лишь 14% согласны с понятием «интернационального долга», выполнявшегося, по официальной версии, советским контингентом в Афганистане) и даже ради собственной стра-

ны (33%). Только 57% опрошенных заявили, что готовы защищать Россию от иностранной агрессии, которую они на нынешнем этапе считают крайне маловероятной. При этом 88% выразили готовность защищать себя и свои семьи. Кроме того, 80% поставили на первое место собственные интересы, и лишь 6% — государственные.

Кремль по-своему пытается исправить эту ситуацию. Ельцин и его помощники много говорили о необходимости «национальной идеи», но сформулировать ее так и не смогли. Путин действует более методично. Он создал концепцию современного российского консерватизма, антикоммунистическую и антилиберальную одновременно. Его главные элементы — авторитет государства, неразделимость политической власти, сращивание экономического влияния с политической властью и подчинение ей, ценности традиционных религий (в первую очередь православия), патриотизм, стратегическая самостоятельность во внешней политике и великодержавный статус страны. Чтобы сохранить этот статус, консерваторы даже готовы поддержать модернизацию — при условии, конечно, что она не подорвет их собственную власть.

Отношение консерваторов к демократии весьма любопытно. Они явно не рассматривают ее как ценность саму по себе, но готовы использовать ее атрибуты в качестве инструмента легитимации. Из опыта двух своих предшественников — Ельцина и Горбачева — Путин извлек один урок. Первый президент России и первый (и последний) президент СССР поначалу пользовались огромной популярностью, но быстро утрачивали ее — а затем теряли и власть. Мало того, Горбачев утратил и государство, доверенное его попечению, а Ельцин чуть было не утратил. Путин пришел к выводу: чтобы сохранить власть, необходимо завоевать и удерживать прочную популярность. Ему это удалось, и он смог обеспечить популярность Медведеву. Второй вывод заключался в том, что эта популярность должна быть сугубо личной: ни одна правящая партия, ни один институт государства не сможет завоевать ее сверху, и ни одной серьезной оппозиционной группировке нельзя позволить бороться за нее снизу. Итак, сегодня атомизация общества в сочетании с персонализированной властью стала рецептом стабильности в постсоветской России.

И речь идет не только о подтасовке выборов, хотя подобных обвинений в адрес властей звучит множество. Не ограничивается дело и контролем над крупнейшими телеканалами, хотя он чрезвычайно, даже жизненно важен для удержания власти правящей элитой. Куда большее значение имеют популярные стратегические шаги — например, при

урезании всех бюджетных расходов не только не трогать пенсии, но даже повышать их[50]. Пенсионеры участвуют в выборах активнее, чем любые другие сегменты населения. Таким образом, популярность была обеспечена по сути за счет удовлетворения патерналистских потребностей тех социальных групп, что привязаны к традиционной системе управления, возникшей еще до советской власти, но чрезвычайно усиленной коммунистическим режимом. Однако это, в свою очередь, означает сохранение имперского государства, которое все меньше соответствует глобализующейся «среде обитания» России.

Если Россия возобновит движение в сторону демократии, национальный вопрос, а с ним и вопрос территориальной целостности страны, может снова встать во весь рост. Не исключен новый всплеск сепаратизма, причем не только на Северном Кавказе. В ходе переписи 2010 г. некоторые жители Калининградской области назвали себя не россиянами, а «калининградцами». Существует и вероятность того, что в психологии русского народа национальный элемент пересилит наднациональный. Демократизация подвергнет давлению как внешние, так и внутренние границы[51]. Если это давление окажется слишком сильным и границы придут в движение, под угрозой окажется безопасность огромной территории.

В **странах Балтии** национальное строительство в отличие от России носило более прямолинейный характер. Латвийская, литовская и эстонская элиты объявили о восстановлении независимости своих стран, прерванной советской оккупацией. Вновь вступили в силу конституции, действовавшие до 1940 г., частную собственность вернули законным владельцам, гражданство было предоставлено тем, кто имел его до 1940 г., и их потомкам, те же, кто переселился в Прибалтику позднее, должны были пройти процесс натурализации. Кроме того, с 2004 г. граждане прибалтийских государств стали гражданами Европейского союза. Удивительная метаморфоза: из СССР в ЕС — и всего за пятнадцать лет!

В Литве гражданство было автоматически предоставлено всем жителям республики. Однако в Латвии и Эстонии этого не произошло. Сотни тысяч людей, в основном славянского происхождения, не стали проходить процедуру натурализации. Впрочем, примечательнее другое: многие из тех, кто ее преодолел и получил гражданство, считают, что их стараются не допустить на политическую арену и в госаппарат. Фактически Латвия и Эстония постепенно превращаются в двухобщинные страны, причем лишь одна из этих общин является синонимом «нации».

Белоруссия демонстрирует многие из черт, свойственных российскому обществу, за вычетом тех характеристик, что имеют имперские корни [52]. Белоруссия — малая страна, не имеющая выхода к морю и соседствующая с восточноевропейскими государствами. Белорусская нация находится еще в стадии формирования. Язык не станет ее определяющей чертой — в качестве средства общения в стране преобладает русский. То же относится и к религии: большинство белорусов — православные, но патриарх их церкви находится в Москве; значительное меньшинство в стране составляют католики.

В отличие от русских белорусы никогда не проникались имперским духом. В отличие от украинцев среди них не были особенно сильны националистические настроения. Белорусы пользуются репутацией спокойных, работящих людей, глубоко привязанных к своей скромной земле и не желающих отправляться «за три моря». В постсоветскую эпоху определяющим фактором для Белоруссии станет ее восточноевропейское географическое положение. Имея таких соседей, как Польша, Литва и Украина, белорусы не могут не ощутить себя европейцами.

Перед **Украиной** в сфере национального строительства стоит сложная задача создания единой страны, учитывая разнообразие ее регионов, оказавшихся в советские времена в рамках одной территории. Впрочем, есть и позитивные факторы. Сталкиваясь во многом с теми же проблемами в общественной сфере, что и Россия, Украина обладает одним преимуществом: она — *не Россия* с ее суровым климатом, огромными просторами, культурно-этническим многообразием и имперским менталитетом. Можно даже сказать, что постсоветская Украина самоидентифицируется как «не-Россия». Пока не определившись с тем, что же такое Украина, ее лидеры и элиты возносят на щит независимость — от России — в качестве главнейшей ценности.

Сегодня, через два десятилетия после обретения Украиной независимости, можно говорить о некоторых ее успехах в деле национального строительства. В отсутствие серьезных кризисов, способных создать нестерпимую напряженность в обществе (такой кризис может спровоцировать, например, необходимость четкого военно-политического выбора между Россией и Западом), Украина устоит. Чем дольше ей удастся избегать подобного неприемлемо четкого выбора, тем сильнее она будет становиться и в конечном счете приобретет иммунитет от воздействия «опасных для жизни» внешних факторов.

Молдавия — расколотая страна, точнее, страна, еще не достигшая национального единства и сплоченности. Нельзя, впрочем, сказать, что ее единство утрачено: скорее его еще предстоит достичь —

неустанными усилиями и при некоторой доле везения. Анализируя ситуацию в Молдавии, необходимо прежде всего иметь в виду два исторических факта. Один из них заключается в том, что в Средние века она была княжеством, занимавшим территорию по обоим берегам Прута — сегодня по этой реке проходит ее граница с Румынией. Обе исторические столицы Молдавского княжества — Яссы, а до этого Сучава — находятся сегодня на территории Румынии.

В 1859 г., когда Молдавия вместе с Валахией сформировали единое румынское государство, ее нынешняя территория (тогда она называлась Бессарабией) осталась в составе Российской империи, аннексировавшей ее в 1812 г. В течение всего решающего периода становления румынского национального государства Бессарабия в него не входила. Она была оккупирована Румынией и включена в ее состав в 1918–1940 гг., затем присоединена к СССР, пережила еще одну оккупацию в 1941–1944 гг. и снова стала советской.

В 1940 г. почти все население Кишинева уехало в Румынию. В советской Молдавии остались в основном крестьяне, лишенные «панрумынского» самосознания. За последние два столетия предки нынешних молдаван лишь четверть века провели в румынском государстве, и в шесть раз больше времени — в Российской/советской империи.

Еще один факт заключается в том, что Приднестровье никогда не было частью Молдавии или Румынии: этот регион был присоединен к Молдавской ССР в 1940 г. Таким образом, перед Молдавией в сфере национального строительства стоит двойная задача. Молдаванам необходимо как-то размежеваться с родственным румынским народом и одновременно интегрироваться с приднестровцами, которые фактически отделились более двадцати лет назад, в сентябре 1990-го, почти за год до распада СССР, и отличаются от них в этническом и культурном плане, а также в основном негативно воспринимают все, что связано с Румынией.

Ситуация в **Грузии** выглядит более сложной, но на деле может оказаться проще, хотя и не легче. В отличие от Молдавии Грузия в XX в. имела опыт собственной государственности, пусть и недолгий. Грузия провозгласила независимость в 1918 г., в разгар Гражданской войны в России, и большевики признали ее суверенитет в договоре 1920 г. Однако уже в следующем году республика была захвачена красными войсками, которыми командовали в том числе грузинские большевики. В 1991 г. Грузия заявила о выходе из СССР, а Абхазия и Южная Осетия вышли из состава Грузии, изгнав со своей территории грузинское население.

Теперь, когда Абхазия и Южная Осетия неподконтрольны Тбилиси, у страны есть возможность сосредоточиться на развитии, как иногда говорят, «коренной Грузии». Серьезные результаты в социально-экономической сфере, борьба с коррупцией и сопутствующая этому консолидация грузинской нации позволит не только повысить уровень жизни грузин, но также исцелить раны, нанесенные их национальной гордости, и укрепить положение страны на Южном Кавказе.

Азербайджан подобно Молдавии и Грузии не может оправиться от потрясения, связанного с утратой территории — населенного преимущественно армянами Нагорного Карабаха и прилегающих регионов. Как и в случае Грузии, у этой печальной ситуации есть и позитивный аспект — национальная однородность государства в его нынешнем «усеченном» виде дает шанс построить нацию на прочной основе единой этнической принадлежности. Проблемы Азербайджана в плане национального строительства имеют внешнюю природу, а значит, в какой-то степени способствуют этому процессу. Кроме того, благодаря каспийской нефти и газу у Баку появились значительные финансовые возможности для решения проблем социально-экономического развития. В то же время ощущение собственной силы и независимости — в том числе от зарубежных доноров — повышает самооценку азербайджанской элиты и создает у нее мотивацию, чтобы требовать назад Нагорный Карабах. А это, в свою очередь, увеличивает опасность войны с Арменией.

Сама же **Армения** де-факто объединена в одно целое с непризнанным государством — Нагорным Карабахом. Тем самым национальная мечта 1980-х годов стала явью, и современный вариант Великой Армении уже создан. Беда в том, что ее не принимает международное сообщество. Проблемы, с которыми сегодня сталкивается армянская нация, целиком связаны с социально-экономическим развитием. Территория, утраченная азербайджанцами, досталась Армении. Но у Азербайджана есть нефть, деньги и международное влияние, в результате чего он невосприимчив к внешнему давлению. Армения же, не имеющая сырьевых ресурсов, лишенная выхода к морю и расположенная в стороне от транзитных путей, сильно зависит от поддержки диаспоры в США, Европе, России и на Ближнем Востоке.

Проблема **Казахстана** в момент обретения независимости заключалась в том, что его титульная нация составляла меньшинство на собственной земле. В XX в. доля казахов в его населении снижалась: 67% в 1911 г., 57% в 1926 г., 39% в 1938 г. и 30% в 1959 г. По состоянию на 1989 г., накануне распада СССР, казахов в республике было чуть

меньше 40%. В этой ситуации одной из главных политических целей руководства страны стала «казахизация» Казахстана.

К 2009 г. этнический баланс в республике изменился — в основном за счет более высокой рождаемости у казахов, а также эмиграции русских и представителей других национальностей. Доля казахов увеличилась до 63%, а доля русских снизилась столь же резко — с 38% в 1989 г. до 23% двумя десятилетиями позже. Многие представители других народов — немцев, украинцев и белорусов — покинули страну, что привело к сокращению общей численности населения на 10%.

«Казахизация» включала также назначение казахов на высокие должности в правительстве и административном аппарате, а также переименование городов, имевших русские названия. В результате корректировки этнического баланса власти Казахстана стали спокойнее относиться к другим вопросам, в частности, допустив употребление русского языка в качестве официального. Однако когда в 2010 г. русский выразил желание баллотироваться в президенты Казахстана, он подвергся нападкам со стороны казахских националистов. Это вообще весьма болезненная тема: еще в 1986 г. спокойный Казахстан потрясли беспорядки, когда стало известно, что главой республиканской компартии должен стать русский аппаратчик.

После 1991 г. **Киргизия** по сути пыталась добиться той же цели: передать всю власть коренной национальности. И здесь этому способствовала массовая эмиграция представителей других этнических групп — в основном русских, других славян и немцев. После нее реальную конкуренцию киргизам составляли лишь узбеки, проживающие на юге страны. Летом 2010 г. межэтнические трения в Оше привели к погромам и массовому исходу узбекского населения в соседний Узбекистан.

Сам **Узбекистан** с момента обретения независимости не ощущал такой угрозы со стороны «чужаков», как Казахстан и Киргизия. Усилия Ташкента в сфере национального строительства сосредотачивались на восстановлении преобладающего положения страны в регионе. Поскольку Бухара, Самарканд, Хива, Хорезм и значительная часть Ферганской долины находятся на его территории, узбекские власти «приватизировали» фигуру великого завоевателя и создателя средневековой империи Тамерлана (1336—1405 гг.) в качестве «отца-основателя» новой страны.

Власти **Таджикистана**, где уровень национального сознания остается сравнительно низким и откуда почти все русское население выехало в 1990-х годах во время гражданской войны, пытались

вывести происхождение своего нынешнего государства от династии Саманидов, создавшей в IX–X вв. обширную империю на территории Центральной Азии и Ирана. В память об этих древних правителях воздвигались памятники, а таджикский рубль заменила новая валюта под названием сомони[53].

В **Туркмении** был выбран иной путь. Вместо прославления древних династий и эмиров последний глава республиканской компартии Сапармурат Ниязов, назначенный на этот пост Горбачевым, сделал «отцом» туркменской нации самого себя и даже получил официальный титул Туркменбаши (аналог Ататюрка). В стране был введен культ личности, невиданный в бывшем СССР со времен смерти Сталина и сравнимый разве что с ситуацией в Северной Корее. В 2001 г. Туркменбаши написал книгу под названием «Рухнама», содержавшую официальную версию истории и национальных устремлений Туркмении, а также чрезвычайно консервативный набор ценностей. Всему населению предписывалось неустанно изучать этот труд; правда, позднее преемник Ниязова прекратил эту практику, заменив учение Туркменбаши собственными более актуальными, пусть и не столь амбициозными постулатами.

ЭКОНОМИКА

Постимперская Россия пережила тяжелейший коллапс экономики — валовой внутренний продукт в реальном исчислении сократился на 43%. Уровня 1990 г. ВВП страны достиг лишь в 2007 г., накануне мирового финансового кризиса. Общие экономические потери России в период между этими двумя датами составили цифру, в семь раз превышающую объем ее ВВП в 1989 г.[54] Едва преобразовав советскую административно-командную систему в очень грубый и примитивный вариант рыночной экономики, Россия прошла через серьезнейший кризис в 1998–1999 гг., спровоцированный дефолтом по государственной задолженности, и вновь выбралась из пропасти не без помощи резкого роста нефтяных цен. В 2000-х годах экономика России росла такими темпами, что в долларовом исчислении ее ВВП в 2007 г. превзошел уровень 1999 г. в целых семь раз! Российское правительство, ободренное опубликованным в 2001 г. докладом «Goldman Sachs» о странах БРИК, поставило цель: подняться на две ступеньки вверх в глобальной иерархии, заняв к 2020 г. пятое место в мире по размеру экономики. Затем грянул кризис 2008 г.

К этому моменту Россия уже занимала седьмое место в мире по объему ВВП в пересчете по паритету покупательной способности, оправдав наконец, пусть и задним числом, свое членство в «большой восьмерке». Это соответствовало самоощущению российского руководства, считавшего себя игроками высшей лиги. Оно было глубоко оскорблено тем, что в 1990-х годах Москве постоянно напоминали: по объему экономики Россия стоит вровень с Голландией, по размеру бюджета — с Нью-Йорком.

Когда Путин в конце 1999 г. поставил задачу к 2015 г. догнать Португалию по ВВП на душу населения, многие россияне были шокированы. Они не были готовы к тому, чтобы их страну сравнивали с Португалией — да и с Голландией или Нью-Йорком тоже. Теперь ситуация более или менее вернулась к «норме», и бюджет Москвы измеряется цифрами того же порядка, что и у Нью-Йорка и Токио.

Тем не менее мировой экономический кризис 2008—2009 гг. ударил по России сильнее, чем по любой другой крупной державе. В 2009 г. ее ВВП сократился почти на 10%. Сегодня Москва рассчитывает достичь его докризисного уровня (2008 г.) в 2012 г.[55] Однако статистические показатели — только полдела. Важнее то, что у России возникла совершенно иная экономика — по сути капиталистическая, хотя и не по-настоящему свободная, страдающая от ужасающей коррупции, отсутствия гарантий прав собственности и верховенства закона.

Этим отличия не исчерпываются. Конечно, утверждать, что у Советского Союза был лишь сравнительно небольшой гражданский сектор в рамках по сути милитаризованной экономики, было бы гротескным преувеличением, но зерно истины в этом есть. Оборона была приоритетом, интересы потребителей — нет. С 1991 г., когда государственные заказы практически полностью прекратились, военно-промышленный комплекс России сократился и деградировал. Модернизация вооруженных сил — за исключением стратегических ядерных вооружений — была отложена на два десятилетия. В результате российские оборонные предприятия снабжали оружием иностранные армии: китайскую, индийскую, иранскую и др. Лишь во втором десятилетии нового века Москва планирует всерьез начать закупки отечественной военной продукции, выделяя на это до 2020 г. 600 млрд долл. с лишним[56].

В непосредственно постимперский период финансовые возможности России по большей части были крайне ограниченными. В 1992 г. ее золотовалютных резервов хватало лишь на несколько месяцев импорта, к 2000 г. они достигли лишь 12 млрд долл. Получаемые нефте-

доллары использовались в основном для выплаты государственной задолженности (в 1999 г. она была эквивалентна 100% ВВП, а семь лет спустя снизилась до 10%), увеличения валютных резервов и создания стабилизационного фонда, существенно смягчившего удар мирового финансового кризиса. Деньги, заработанные страной в 2000-х годах, не тратились на внешнеполитические проекты, в том числе в ближнем зарубежье. Напротив, Россия прекратила субсидировать экспорт энергоносителей в республики бывшего СССР и пыталась вернуть долги, накопленные еще в советские времена бывшими клиентами Москвы на Ближнем Востоке и в Африке.

Энергетическое влияние России по мощи сравнивают с ее ядерным арсеналом. Считается, что она обладает сильнейшими рычагами давления на своих европейских клиентов. На деле же Россия чрезвычайно зависит от одного фактора — цен на нефть, а потому уязвима по отношению к ее колебаниям. Поступления от экспорта энергоносителей, крайне низкие в 1999 г. (на 13% ВВП меньше среднего показателя за длительный период), в 2006 г. стали аномально высокими (на 12% ВВП выше среднего) благодаря резкому росту цен[57]. Посткризисный уровень цен на нефть близок к исторической норме, а потому явно недостаточен, чтобы способствовать реализации амбиций российского правительства. В результате появилась идея модернизации.

Ни коллапс российской экономики после распада СССР, ни ее последующий подъем не были существенным образом связаны с разрывом или восстановлением связей с бывшими советскими республиками или сателлитами. Хотя советское народное хозяйство было высокоинтегрированным, а экономическое объединение социалистических стран — Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) представлял собой закрытый экономический блок, либерализация внешней торговли немедленно отодвинула эти рынки на второй план, а приоритетное значение приобрел экспорт в развитые страны, особенно Западную Европу. Россия и новые независимые государства с их одинаково устаревшими технологиями и разладившимися экономическими механизмами мало что могли предложить друг другу. Доля партнеров по СНГ во внешнеторговом обороте России резко снизилась[58]. Что же касается стран СЭВ, то о них в 1990-е годы почти позабыли. Единственным, кто сетовал на эту ситуацию, был военно-промышленный комплекс, зависевший от предприятий бывших советских республик в плане поставок запчастей.

Помимо же СНГ и СЭВ советская империя в экономической сфере была потребителем советского оружия и снаряжения (поставляв-

шегося в основном в кредит, причем бóльшая часть этих кредитов так и не возвращена) и технической помощи. Когда не стало СССР и его сверхдержавных амбиций, отпали политические и идеологические причины для поддержания отношений со странами бывшей империи, да и средства для этого отсутствовали. В результате Африка, Азия и Латинская Америка в 1990-х годах исчезли с экономического горизонта России. В 2000-х ситуация начала меняться, но возвращение России в эти регионы сегодня обусловлено экономическими, а не стратегическими или идеологическими соображениями.

Если прежде, как гласил старый советский анекдот, русский ездил за границу на танке, то теперь все больше россиян отправляются за рубеж, облачившись в деловые костюмы — или с купальными костюмами в чемоданах. Россия входит в глобальное бизнес-сообщество двумя десятками крупных компаний, в основном топливно-энергетических и металлургических. Государство их поддерживает (по принципу «что хорошо для "Газпрома", то хорошо для России»), но может также и использовать в своих целях.

Если говорить о странах Новой Восточной Европы, то Украина прошла по сути тот же путь, что и Россия, преобразовав народное хозяйство советского типа в грубый вариант рыночной экономики[59]. В Белоруссии в отличие от этих двух стран экономика сохранила советский характер с некоторыми модификациями[60]. Народное хозяйство Молдавии фактически рухнуло: бóльшая часть промышленных мощностей осталась в Приднестровье, а молдавской сельскохозяйственной продукции все труднее проникать на российский и украинский рынки сбыта. В этих условиях Молдавия превратилась в экспортера рабочей силы.

На Южном Кавказе единообразной ситуации не существует — за исключением повсеместного демонтажа советской модели. Азербайджан смог построить народное хозяйство на основе энергетического сектора, экономика Армении во многом базируется на зарубежных грантах. Грузии удается благодаря своему географическому положению извлекать выгоду из транзита каспийской нефти и газа; она тоже получает иностранные субсидии — особенно после войны с Россией. Кроме того, Тбилиси предпринимает серьезные усилия по привлечению зарубежных инвестиций.

Для Центральной Азии, как и для Южного Кавказа, время пребывания в составе российской и советской империй было периодом модернизации. Современные промышленность и сельское хозяйство, светское образование, системы здравоохранения и социального обе-

спечения — все это появилось в те 100–180 лет, когда территория нынешних центральноазиатских государств входила в Российскую империю/СССР. Распад Советского Союза обернулся серьезным сокращением объема ВВП этих новых независимых республик. К 2000 г. только Узбекистан приблизился по этому показателю к уровню 1990 г. (на 95–97%). ВВП Казахстана и Туркмении на тот же момент составлял 75% от уровня 1990 г., Киргизии — 70–73%, а разоренный гражданской войной Таджикистан мог дать лишь 37–40% от максимума, достигнутого в 1988 г.[61]

В сущности страны постсоветской Центральной Азии следовали по тому же пути экономических реформ, что и Россия, Украина и другие государства СНГ. Они провели приватизацию экономики, создали рыночные механизмы и диверсифицировали экономические связи. В то же время их народное хозяйство пережило примитивизацию, деиндустриализацию и непропорциональное увеличение энергетического сектора[62]. Наиболее успешно реформы осуществил Казахстан, Узбекистану удалось во многом смягчить экономический шок от распада СССР, а Туркмения получает прибыль за счет своих природных богатств. Однако у Киргизии и Таджикистана дела идут гораздо хуже.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Сухопутные империи, как правило, отличаются авторитарным правлением: единая территория не допускает гармоничного сосуществования парламентской демократии в метрополии и колониального режима в заморских владениях. В царской России существовал традиционный самодержавный строй — исключение составляли только Финляндия и, ненадолго, Польша. Советское же государство было полностью тоталитарным.

У Российской Федерации есть демократическая конституция, принятая в 1993 г., и все официальные институты демократии. Кроме того, она представляет собой федеративное государство. На деле, однако, в России авторитарный политический режим, пусть даже умеренный и в целом не репрессивный. Она фактически является унитарным государством, но это зависит от молчаливого согласия регионов с таким положением вещей. В XXI в. никакая модернизация России невозможна без приведения политической системы в соответствие с современностью, т. е. перехода от имперского государства к той или иной форме подлинной демократии.

Из стран бывшего СССР только в **прибалтийских государствах**, входящих в ЕС и НАТО, создана дееспособная демократия. На другом полюсе находятся несколько центральноазиатских государств, где у власти стоят жесткие авторитарные режимы. Россия оказалась где-то между этими двумя лагерями, хотя, несомненно, ближе к последнему.

Украина, Молдавии и Грузия, напротив, располагаются ближе к демократической группе. Из этих трех стран демократический «послужной список» **Грузии** выглядит наименее убедительно. Ее определенно можно назвать скорее прозападной, чем демократической страной. Харизматический лидер «революции роз» Михаил Саакашвили пользуется немалой поддержкой, особенно в сельской местности. Однако его управленческий стиль скорее авторитарен, чем демократичен. Разрозненная, раздираемая распрями оппозиция зачастую подвергается гонениям и не в силах составить реальную альтернативу власти. Одним словом, Грузию при Саакашвили вряд ли можно назвать «маяком свободы для региона и всего мира», как заявил президент Джордж У. Буш во время визита в Тбилиси в 2005 г.

Даже принятие в 2010 г. новой конституции, превращающей Грузию из президентской в парламентскую республику, многие скептики расценивают лишь как средство оставить Саакашвили у власти после второго президентского срока, истекающего в 2013 г. В то же время если Саакашвили найдет иной способ руководства модернизацией страны и допустит подлинную либерализацию политической системы, грузинская демократия может обрести дееспособность.

«Оранжевая революция» 2004 г. на **Украине** стала значительным шагом в сторону демократического строя. Ее результатом стали по-настоящему свободные выборы, независимость судебной власти, а также свободные и энергичные СМИ включая телевидение. В то же время на украинской политической арене давно уже господствуют мощные альянсы финансовых группировок, уровень коррупции в государственном аппарате остается высоким, а роль парламента, усиленная в 2004 г., была снова урезана в пользу президента шестью годами позже. Тем не менее Украина может послужить для других стран СНГ — прежде всего России и Белоруссии — наглядным примером того, что создания системы, обеспечивающей подлинный политический плюрализм, незачем ждать десятилетиями.

Поначалу политические преобразования на Украине в середине 2000-х годов представляли собой четкий разрыв с формой правления, существующей в России и (в разной степени) многих других странах СНГ. К сожалению, немалая часть этого ценнейшего капитала была

впустую растрачена в 2005–2009 гг. в ходе личной борьбы за влияние между двумя лидерами «оранжевых» – президентом Виктором Ющенко и премьер-министром Юлией Тимошенко. Тем временем реформы на Украине уступили пальму первенства удовлетворению групповых интересов. Избрание президентом Виктора Януковича, потерпевшего поражение в 2004–2005 гг. и победившего в 2010-м, представляет собой важный экзамен на зрелость и прочность украинской политической системы. Улучшение экономической ситуации в стране – насущная необходимость, но консолидация власти настолько, что ее передача станет невозможной, обернется для Украины трагическими последствиями. К сожалению, судебное преследование Юлии Тимошенко, предпринятое Януковичем, по-видимому, с одной целью – исключить ее из украинской политики, ведет страну в неверном направлении.

Однако украинская политическая культура носит плюралистический и уж точно не царистский характер. Обретение независимости, а затем и «оранжевая революция» обеспечили зримое смещение политической системы страны в сторону демократической Европы. Естественное направление ориентации для демократической Украины – это Евросоюз. Когда она добьется существенного продвижения по пути модернизации, т. е. в данном случае европеизации, это окажет значительное влияние на Россию, вынуждая Москву пересмотреть собственные позиции в отношениях этих двух стран. Плохо это или хорошо, но для многих россиян Украина остается «Малороссией». Эти люди внимательно следят за событиями по ту сторону границы и воспринимают их отнюдь не равнодушно.

Весьма интересна ситуация в **Молдавии**. С конца прошлого – начала нынешнего столетия она остается единственной страной СНГ, где существует парламентская форма правления, и в этом отношении напоминает государства Балтии. Из-за тупиковой политической ситуации Молдавия с 2008 г. по сей день вынуждена вообще обходиться без президента. Кроме того, и это еще важнее, в Молдавии несколько раз менялись правящие партии: в 2000 г. вместо аграриев и либералов к власти пришли коммунисты, а в 2008-м коммунисты уступили либеральной коалиции. Самая парадоксальная вещь, связанная с политической системой Молдавии, заключается в том, что одна из самых демократических стран СНГ остается и одной из беднейших.

В середине 2000-х годов реакция Кремля на «цветные революции» на Украине, в Грузии и Киргизии была негативной. В лучшем случае они трактовались как инспирированные Вашингтоном попытки заме-

нить влияние Москвы в ближнем зарубежье гегемонией Запада. В худшем же варианте события на Украине расценивались как генеральная репетиция смены режима в России. Как выразился один кремлевский чиновник, «добрые полицейские» на Западе стремятся подчинить Россию внешнему управлению, а «злые полицейские» — расчленить ее[63]. В рамках обеих трактовок демократия рассматривалась как простой инструмент западной экспансии на бывшей имперской территории России.

Несомненно, Кремль играл на опасениях авторитарных правителей других постсоветских государств оказаться жертвами следующих «цветных революций» (впрочем, подобные доводы приводила не только Москва: свергнутый президент Грузии Эдуард Шеварднадзе написал письмо главам центральноазиатских государств, предупреждая, что они могут разделить его судьбу). Тем не менее говорить об *авторитарном интернационале* — этакой неформальной ассоциации недемократических лидеров постсоветских государств во главе с Москвой — было бы большим преувеличением.

Никто из автократов, опасавшихся демократической оппозиции, не считал покровительство Москвы наилучшим способом сохранить власть. Самым наглядным примером в этой связи можно считать действия президента Белоруссии Лукашенко. У администрации Джорджа У. Буша никогда не было осознанной стратегии замены авторитарных лидеров в странах бывшего СССР подлинными демократами. Некоторые из этих лидеров, например, президент Узбекистана Ислам Каримов, были важными союзниками США в «войне с террором». Другие, вроде деспота — основателя Туркмении Ниязова или династии Алиевых в Азербайджане, контролировали большие запасы энергоносителей, и Запад их всячески обхаживал.

Позднее Москва с удивлением обнаружила, что иметь дело с протодемократическими плюралистическими режимами в Киеве, Кишиневе и — на короткое время — даже в Тбилиси проще, чем с авторитарными правительствами, пусть и формально союзниками России, такими как Минск. Во всех других странах бывшего СССР власть носит авторитарный характер, хотя степень этого авторитаризма варьируется от сравнительно мягких форм в Армении, Азербайджане, Казахстане, Киргизии и Таджикистане до более жестких в Белоруссии и Узбекистане. Туркмения выделяется на общем фоне, представляя собой полутоталитарное государство.

ВОЕННАЯ МОЩЬ

Если Советский Союз накануне распада мог похвастаться 207 дивизиями, то двадцать лет спустя Российской Федерации пришлось довольствоваться лишь 85 бригадами, горько сетовал бывший министр обороны СССР Дмитрий Язов[64]. Постсоветская Россия прошла через процесс демилитаризации — одной из самых радикальных в истории. Менее чем за пять лет она вывела войска из Восточной Германии, Чехословакии, Польши, Венгрии, стран Балтии, Грузии, Азербайджана и Монголии. Она закрыла военные базы на Кубе и во Вьетнаме. Москва позволила, чтобы соединения, дислоцированные на Украине, в Белоруссии и Казахстане, составили основу национальных вооруженных сил этих стран. Россия также сократила собственную армию — с 3 млн военнослужащих до примерно 1 млн.

Со времен кончины СССР основные факторы международного влияния изменились. Военная мощь по-прежнему важна, но она уступает пальму первенства экономическому, финансовому и научно-техническому потенциалу. «Мягкое влияние» привлекательности превалирует над «жестким влиянием» запугивания. Российское руководство учло этот факт и почти двадцать лет позволяло своим вооруженным силам постепенно деградировать. Результатом же начатой в 2008 г. военной реформы становится армия, уже не ориентированная на ведение масштабных войн. Это настоящая революция в российской военной мысли.

Контингенты, дислоцированные сегодня за рубежом, — лишь бледная тень того, что было в еще недавнем прошлом. По состоянию на 2010 г. ситуация выглядела так: в Севастополе находилась принадлежащая России бóльшая часть бывшего советского Черноморского флота — до 40 кораблей, в большинстве своем очень старых; на территории Молдавии (в Приднестровье) размещался символический контингент — чуть больше тысячи военнослужащих; в Абхазии и Южной Осетии — несколько тысяч солдат; в Армении — силы общей численностью до дивизии; в Таджикистане — мотострелковая дивизия неполного состава и в Киргизии — небольшая авиабаза. Помимо этого Россия имеет небольшие небоевые контингенты, обслуживающие объекты в Белоруссии (центры связи), Азербайджане (радиолокационная станция) и Казахстане (центр по запуску космических аппаратов).

Нынешний военно-промышленный комплекс также представляет собой лишь малую часть бывшего советского мастодонта. В 1992 г. правительство Егора Гайдара радикально урезало военный бюджет,

практически перестав давать заказы на вооружения и военное снаряжение. После этого полтора десятка лет сменявшие друг друга кабинеты по сути не препятствовали разложению вооруженных сил и оборонной промышленности. Военные учения на уровне выше батальона не проводились. После аварии с подводной лодкой «Курск» в 2000 г. спасательные службы не смогли выручить ее экипаж. Война в Чечне, поначалу проходившая катастрофически неудачно, стала символом краха некогда могучей армии.

Позднее, однако, положение изменилось. В начале 2000-х годов российские военные все же добились победы в Чечне. Война с Грузией в 2008 г. продлилась всего пять дней. После этого конфликта военная реформа началась всерьез. Были возобновлены масштабные учения, пилоты снова начали летать, а боевые корабли — выходить в море. В 2009 г., несмотря на экономический кризис, Россия приступила к реализации крупной многолетней программы перевооружения армии. Тем не менее впервые в недавней истории страны новая военная доктрина, принятая в 2010 г., не предусматривает ведения масштабных войн. Россия не готовится к традиционной большой войне с НАТО в Европе или с Китаем в Азии.

Эти перемены оборачиваются для российских вооруженных сил далеко идущими последствиями. Предусмотренное нынешней реформой сокращение армии примерно на 200 тыс. человек на деле не так радикально, как кажется: во многих случаях урезаться будут вакантные должности. В то же время количество воинских частей сокращается по-настоящему резко: с 26 тыс. в 2007 г. до 6 тыс. в 2010-м, а затем до 2,5 тыс. к 2020 г.[65] Это вызвало протесты со стороны тех, кто считает, что реформа равносильна полному уничтожению российской армии.

Изменения действительно очень велики. В 2010 г. была упразднена система военных округов, существовавшая с 70-х годов XIX столетия. Вместо шести округов и семи армий российские вооруженные силы теперь включают четыре региональных командования: «Запад» со штабом в Санкт-Петербурге (где находится также главное командование Военно-морского флота), «Юг» со штабом в Ростове, «Восток» со штабом в Хабаровске и «Центр» со штабом в Екатеринбурге.

Существовавшие ранее отдельные главкоматы Сухопутных войск, Военно-морского флота и ВВС теперь становятся структурными подразделениями Генерального штаба. Сам Генштаб, традиционно затмевавший своим всемогуществом Министерство обороны (последнее в советские времена называли «одним из этажей» Генштаба), утратил политическую автономию, попав в прямое подчинение к министру

обороны — гражданскому лицу, а статус и значение самого министерства, куда пришли штатские менеджеры, повысились.

При всех изъянах и сокращениях армии Россия остается преобладающей военной державой на пространстве бывшего СССР. Поскольку Украина, Белоруссия и Казахстан отказались от советских стратегических вооружений, размещавшихся на их территории, Российская Федерация — единственное постсоветское государство, обладающее ядерным оружием. Ее войска по-прежнему дислоцируются на территории бывшей империи. В 2008 г. Черноморский флот патрулировал побережье Абхазии, защищая ее от возможных грузинских десантов.

Ряд других стран СНГ сократили свои вооруженные силы (пропорционально численности населения) не менее радикально, чем Россия. У Украины, на чьей территории в советские времена располагалась 450-тысячная военная группировка, сегодня под ружьем не более 180 тыс. человек. Белоруссия, некогда самая милитаризованная из советских республик, сохранила лишь пятидесятитысячную армию. Молдавия в буквальном смысле продала свои ВВС (имевшиеся у нее МиГ-29 приобрели Соединенные Штаты) и содержит крошечную армию, а ее военные расходы составляют лишь 0,4% ВВП. Грузия, правда, до войны 2008 г. тратила большие средства на развитие вооруженных сил[66]. Велики также военные расходы Азербайджана. В Центральной Азии небольшую, но эффективную армию имеет Казахстан.

Итак, Россия в конце концов начала реформу вооруженных сил, но какова будет роль обновленной армии, пока что отнюдь не ясно. Сегодня можно с определенной уверенностью утверждать следующее:

1. Российское военно-политическое руководство не считает вероятной большую войну в Европе. В этом регионе, по мнению Москвы, военная мощь в качестве политического инструмента может принести лишь минимальную пользу. «Мы разместим ракеты в Калининградской области» — таков стандартный ответ на любые американские военные планы, которые, по мнению российского руководства, представляют для страны угрозу или несут дестабилизирующий эффект. В принципе Москва готова к демилитаризации отношений со всеми европейскими странами. Однако в глазах российского руководства дело осложняется присутствием и ролью США в Европе в качестве фактора силы.

2. Москва по-прежнему считает военную мощь США угрозой для себя. Она не слишком хорошо представляет, как действовать в ситуации, когда поддерживать равновесие с Соединенными Штатами в плане неядерного военного потенциала невозможно, а смириться с лидерством (или, как говорят некоторые, гегемонией) Америки не-

желательно. Российские лидеры по-прежнему привержены принципу стратегической самостоятельности страны, но видят, как она подрывается усилением военной мощи США и развитием американских технологий. Основой решения может стать определенный уровень стратегического взаимодействия — в частности, в области противоракетной обороны, — способного преобразовать стратегические отношения между двумя странами и сделать неактуальным (в условиях прекращения соперничества) военное превосходство США. В противном случае Москве придется в ответ на создание Соединенными Штатами системы ПРО усиливать свой стратегический потенциал сдерживания.

3. Стратегические отношения России с Китаем основываются на политическом сотрудничестве и не афишируемом сдерживании — как стратегическом, так и достратегическом. Москва де-факто больше не считает Японию и Южную Корею потенциальными противниками, а к присутствию и роли США в Восточной Азии относится гораздо менее негативно, чем в Восточной и Центральной Европе. Участия страны в масштабной войне в Азии российское руководство тоже не прогнозирует — хотя и по несколько иным причинам, чем в отношении Европы. Проблему для России представляют «чужие» конфликты, прежде всего на Корейском полуострове. В будущем проверкой способности Москвы мыслить и действовать стратегически станет развитие китайско-американских отношений.

4. В краткосрочной и среднесрочной перспективе наиболее серьезные военные вызовы для России могут возникнуть в Центральной Азии и на Кавказе. К российским войскам могут обратиться за помощью в борьбе с вторжениями вооруженных джихадистских групп из-за рубежа (например, из Афганистана), в урегулировании межэтнических и локальных конфликтов в странах — участницах Организации Договора о коллективной безопасности, внутриполитических потрясений, угрожающих региональной стабильности, и иных «нарушений порядка». Российские военные будут и дальше участвовать, хотя бы косвенно, в обеспечении безопасности на Северном Кавказе. Кроме того, Россия стремится к укреплению отношений в военной сфере с Индией и внимательно наблюдает за событиями в Афганистане. Тем не менее «афганский синдром» по-прежнему достаточно силен, и это исключает в ближайшие несколько лет любое прямое вовлечение российских вооруженных сил в ситуацию в этой стране.

5. В 2008—2009 гг. Россия применила силу против Грузии, прошла через период напряженности в отношениях с Украиной, предупреди-

ла НАТО о возможном размещении ракет в Калининградской области и стремилась «произвести впечатление» на Эстонию военными учениями. Однако балансирование на грани конфронтации, которое привело к войне с Грузией и к другим конфликтам, на деле работает против подлинных интересов страны. Вместо того чтобы внушать уважение к России и ее интересам, такая политика создает ей имидж «громилы», помешанного на имперском реванше, которого Москва не планирует, да и не имеет ни желания, ни возможностей осуществить. В отношениях с европейскими соседями и Казахстаном цель России — создать сообщество безопасности, что в принципе исключает применение силы или угрозу силой.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

С 1991 г. лидеры России рассматривают ее как государство — преемника СССР. В результате они взяли на себя международные обязательства Советского Союза, все его долги и собственность за рубежом. И, самое важное, Россия сохранила в своих руках «скипетр и державу» СССР — ядерный арсенал и место постоянного члена в Совете Безопасности ООН.

У сегодняшней Российской Федерации хорошие международные связи. Она не стала членом НАТО и Евросоюза, как надеялись некоторые в 1990-х, но вошла в Совет Европы (в 1996 г.) и в престижную «большую семерку», в результате чего та в 1998 г. превратилась в «восьмерку». Годом позже Россия присоединилась к организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, а в 2005 г. получила статус наблюдателя в Организации «Исламская конференция» (ОИК). Вместе с Китаем она является неофициальным «сопредседателем» Шанхайской организации сотрудничества. В 2010 г. Россия вошла в Форум «Азия — Европа» (Asia-Europe Meeting — ASEM), а в 2011 г. стала участником Восточно-Азиатского саммита. Долгая эпопея с ее вступлением во Всемирную торговую организацию (ВТО), начавшаяся еще в 1993 г., возможно, наконец, приближается к завершению. После этого Россия будет стремиться стать членом Организации экономического сотрудничества и развития.

Другие республики бывшего СССР быстро стали членами ООН и Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), в 1994 г. переименованного в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Казахстан даже председательствовал в этой

организации в 2010 г. «Балтийская тройка» интегрирована в европейские и атлантические институты, восточноевропейские и южнокавказские республики вошли в Совет Европы, а мусульманские — в ОИК и Организацию экономического сотрудничества (которая включает также Иран и Турцию). Помимо стран Балтии только Украина, Молдавия, Грузия и Киргизия на сегодняшний день вступили в ВТО.

Связь между советскими республиками в рамках Содружества Независимых Государств, учрежденного в декабре 1991 г. одновременно с демонтажем СССР, крайне слаба. Сегодня СНГ по сути обеспечивает лишь институционализованную площадку для саммитов и встреч высокопоставленных чиновников, а также безвизовый режим для простых граждан. После выхода из СНГ Грузии в 2009 г. Содружество насчитывает 11 стран-участниц, одна из которых — Туркмения — перешла от полномасштабного членства к своеобразному статусу наблюдателя (хотя Устав СНГ его не предусматривает). В результате глава этого государства принимает участие не во всех мероприятиях, а для посещения Туркмении требуется виза.

Тот факт, что Россия и другие страны СНГ пока оказываются не в состоянии создать эффективные международные институты, обеспечивающие их взаимоотношения, напоминает и об их неспособности построить подобные институты на внутриполитическом уровне. Главную ответственность за это несет Россия — крупнейшее государство Содружества и его естественный лидер. Парадокс, и весьма красноречивый, заключается в том, что двусторонние отношения стран СНГ с государствами, не входящими в Содружество, и международными организациями структурированы и организованы гораздо лучше, чем многосторонние отношения между самими «братскими» республиками. Последние остаются хаотичными и непрозрачными; в частности, подписанные соглашения зачастую не выполняются.

Первопричина такого небрежения, возможно, заключается в том, что сами участники СНГ, не говоря этого вслух, считают его чем-то неполноценным. Для многих в России новые независимые государства — еще не совсем государства. Примечательно, что политическими отношениями с ними по-прежнему ведает глава кремлевской администрации, а не министр иностранных дел. В самих новых государствах многие рассматривают СНГ как пережиток имперской эпохи, клуб, в котором они по-прежнему не равны бывшему гегемону. Конечно, существуют практические вопросы, из-за которых периодические встречи лидеров имеют в их глазах смысл, но ни у России, ни у других десяти членов Содружества сердце к нему по-настоящему не лежит.

Исправить эту ситуацию, пожалуй, уже невозможно. В то же время судьба других, не столь масштабных постсоветских структур складывается удачнее. Среди них — Евразийское экономическое сообщество, в которое входят Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан, и Организация Договора о коллективной безопасности, состоящая с 1999 г. из этих же стран, а также Узбекистана. В более «эксклюзивном» Таможенном союзе, действующем с 2010 г., членов всего трое, причем лишь Россия и Казахстан участвуют в нем реально; присоединению Белоруссии препятствуют на внешнем уровне претензии Минска к Москве, а по сути — нереформированный характер белорусской экономики. Существует на постсоветском пространстве и организация, в которую Россия не входит, — эта своеобразная антитеза возглавляемой Москвой ОДКБ называется Организацией за демократию и развитие и объединяет Грузию, Украину, Азербайджан и Молдавию (ГУАМ).

Таким образом, Украина, Молдавия и Грузия тяготеют к ЕС, а среднеазиатские государства движутся в сторону мусульманского мира. Армения и Белоруссия, Азербайджан и Казахстан, а также сама Россия находятся где-то посередине. Россия — евро-тихоокеанская страна, Казахстан, подобно Турции, — евразийская, Армения и Азербайджан слишком увязли в конфликте друг с другом, чтобы двигаться вперед, а Белоруссия сможет определиться со своим будущем только тогда, когда ее диктаторское настоящее станет прошлым. Более подробно геополитическая ситуация в постимперской Евразии анализируется в следующей главе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская Федерация — не империя ни по конституции, ни по внешнеполитическим устремлениям. Во внутренней политике имеет место «неоцарский» режим, а на международной арене она хочет оставаться великой державой; изменения вроде бы в нюансах, но крайне важные. Стремления к повторному захвату или реинтеграции утраченных земель у России нет. Со временем фантомные боли становятся все глуше. Интерес к ближнему зарубежью, конечно, сохраняется, но речь идет не о жестком контроле, а о мягком преобладании.

Великодержавность одно время считалась наряду с коммунизмом пережитком прошлого. Либералы резко выступали против самого этого понятия. В качестве замены предлагался термин «великая

страна»[67]. Прошли годы. Так возможна ли демократическая великодержавность? Примерно 85% россиян считает свою страну великой державой, но такой же процент полагает, что Россию будут уважать только в том случае, если она сможет построить мощную экономику. Многие ее граждане ожидают, что она станет одной из ведущих держав мира. Но для подавляющего большинства это не самый актуальный вопрос. Качество жизни, толика порядка, более справедливое отношение властей для них важнее, чем статус государства на международной арене.

Правители России нашли иные, более «личные» пути к богатству и славе, чем территориальная экспансия. Однако параллельно с богатством этой группы растут и ее амбиции. Победители мыслят глобально. Они не считают нужным сосредоточиваться только на пространстве бывшего СССР: мир велик, и самые благоприятные возможности могут открываться не по соседству, а в далеких странах. Впрочем, бывшие имперские «окраины» — все равно что плоды, висящие на расстоянии протянутой руки, и игнорировать их не стоит. Что же касается тех, кто проиграл от преобразований в России, то они, конечно, не слишком довольны своим положением и больше обеспокоены такими вопросами, как нелегальная иммиграция. Их девиз: Россия для русских. Но и это постимперский феномен.

Новые независимые государства доказали свою жизнеспособность. Хотя замороженные конфликты в Молдавии и вокруг Нагорного Карабаха до сих пор не урегулированы, а независимость двух откоповшихся регионов Грузии признана Россией, ни одна из бывших советских республик не превратилась в недееспособное государство. Везде своим чередом идет государственное строительство, формируется национальная идентичность — зачастую впервые за много столетий. В экономическом плане все постсоветские республики представляют собой развивающиеся страны с низкими или средними доходами населения, все они вошли в состав глобального рынка — в основном как поставщики энергоносителей и другого сырья или сельскохозяйственной продукции.

В том, что касается политических систем, относительная демократия на Украине и в Молдавии соседствует с авторитаризмом в России и Белоруссии; Грузия, чья демократическая репутация явно преувеличена, но еще может быть спасена, расположена рядом с автократическими Азербайджаном и Арменией. В Центральной Азии Киргизия выделяется как относительно свободная страна, а Туркмения — как государство с самым жестким политическим режимом; в остальных

странах региона — Казахстане, Таджикистане и Узбекистане — власть авторитарна. В результате ситуация в Киргизии наименее стабильна из всей пятерки, там часто происходят внутренние конфликты, а Туркмения в политическом плане напоминает заледеневшую пустыню.

Однако различия в политическом строе не приводят к резкому размежеванию между относительными «демократами» и твердыми «авторитаристами». Никакого *авторитарного интернационала* во главе с Москвой не существует. Куда более важными движущими силами политического процесса стали клановые интересы, маскируемые под национальные, а образ действий диктуется прагматизмом. В качестве «путеводного маяка» коммунистическую доктрину сменила геополитика — и об этом пойдет речь в следующей главе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Зиновьев А.* Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия. — М.: АСТ, 2009.

2 Путин — не единственный, кто так считает. Второй президент Украины Леонид Кучма, назвав распад СССР «великим историческим событием», которое «возродило Украину», оговорился, что он стал и «трагедией века», имея в виду вызванные им социально-экономические потрясения. См.: *Кучма Л.* После Майдана: Записки президента, 2005–2006. — М.: Время, 2007. — С. 165.

3 *Тихонова Н.* Постимперский синдром или поиск национальной идентичности? // После империи / Под ред. И. Клямкина. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. — С. 62.

4 Опрос проводился Институтом комплексных социальных исследований РАН в 2001 г.

5 Общественное мнение-2009. — М.: Левада-Центр, 2009. — С. 146, табл. 18.1.

6 *Тихонова Н.* Указ. соч. — С. 164.

7 *Горшков М., Тихонова Н., Чепуренко А. и др.* Россия на рубеже веков. — М.: РОССПЭН, 2000; *Горшков М., Тихонова Н.* Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. — М.: «Летний сад, 2004; *Они же.* Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. — М.: Наука, 2005.

8 Это заявление он сделал в ходе ток-шоу на Первом канале 7 ноября 2007 г.

9 В частности, Виталий Третьяков.

10 *Цымбурский В.* Остров Россия. — М.: РОССПЭН, 2007. — С. 21.

11 В Выборге сохранился единственный на территории России рыцарский замок, заложенный шведами в 1293 г.

12 Именно так поступил в свое время СССР, создав Молдавскую Республику рядом с оккупированной Румынией Бессарабией, Карельскую АССР у границы с Финляндией и Белорусскую ССР, которая в один прекрасный день смогла бы предъявить претензии на Западную Белоруссию, принадлежавшую Польше.

13 По данным опроса, проведенного ВЦИОМ в 2005 г.

14 См.: *Тренин Д., Баев П.* Арктика: взгляд из Москвы / Моск. Центр Карнеги. — М., 2010.

15 Выступление Путина на заседании Русского географического общества, Москва, 22 сентября 2010 г.

16 *Гайдар Е.* Гибель империи: Уроки для современной России. — 2-е изд. — М.: РОССПЭН, 2007.

17 *Кучма Л.* Указ. соч. — С. 104—106, 235.

18 Например, Сергей Караганов.

19 Как сообщается, Путин заявил это на заседании Совета Россия-НАТО в Бухаресте 4 апреля 2008 г. (http://archive.kremlin.ru/eng/speeches/2008/04/04/1949_type82915_163150.shtml).

20 Пыталово/Арбене в Латвии, Ивангород и Печоры в Эстонии.

21 Единственным регионом Прибалтики, где угроза территориального сепаратизма была реальной в начале 1990-х годов, был Нарвский район Эстонии с подавляющим преобладанием этнического русского населения. Однако «Принарвская Эстонская республика» — по образцу Приднестровской — так и не была провозглашена. Эстонцы, отказавшись предоставить русским жителям права граждан Эстонии, сохранили контроль над мэрией, а Москва не стала провоцировать опасный конфликт, чреватый столкновением с Западом.

22 Подробнее см.: *De Waal T.* Black Garden. — N.Y.: New York Univ. Press, 2003.

23 *Колеров М.* Новый режим. — М.: Изд-во «Дом интеллектуальной книги» и Модест Колеров, 2001. — С. 16.

24 *Андрусенко Л.* Сильный ход или ошибка президента? // Полит. журн. — 2007. — № 29. — 15 окт. — С. 11.

25 Эти слова принадлежат первому заместителю главы президентской администрации Владиславу Суркову, кстати, чеченцу по национальности. Цит. по: *Мурадов М.* Красивый мы все-таки народ // Коммерсантъ. — 2010. — 25 окт. (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1528383).

26 Подробнее о Чечне и Северном Кавказе см. главу 2.

27 См., например, речь президента Минтимера Шаймиева на праздновании тысячелетия Казани 25 августа 2005 г. (http://shaimiev.tatar.ru/pub/view/973).

28 В этом году приняла ислам Волжская Булгария, располагавшаяся на территории нынешнего Татарстана.

29 *Бегимбетова И., Бойко В.* Борису Грызлову назначат день принятия ислама // Коммерсантъ. — 2010. — 3 июня (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1379947).

30 *Колеров М.* Без СССР: «Ближнее зарубежье» новой России и «задний двор» США. — М.: Regnum, 2008. — С. 12—13.

31 Там же. — С. 13.

32 См.: Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2008 году / М-во иностр. дел Российской Федерации. — М., март 2009 (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/c77fbfe0819669b9c32575e100338b95/$FILE/THE%20FOREIGN%20POLICY%20AND%20

DIPLOMATIC%20ACTIVITIES%20OF%20THE%20RUSSIAN%20FEDERATION%20IN%202008.pdf).

33 См.: выступление президента Эстонии Тоомаса Хендрика Ильвеса на Пятом всемирном конгрессе финно-угорских народов 28 июня 2008 г.; *Кузьмин В.* Ильвес испортил праздник // Рос. газ. — 2008. — 30 июня (http://www.rg.ru/2008/06/30/ilves.html).

34 *Цымбурский В.* Указ. соч. — С. 25.

35 Цит. по: *Ларин В.* Азиатско-Тихоокеанский регион в начале XXI века: вызовы, угрозы и шансы тихоокеанской России. — Владивосток: ДВО РАН, 2010. — С. 8.

36 Ларин приводит цифры, свидетельствующие, что две трети взрослых жителей Дальнего Востока бывали в Китае, а как минимум 15—20% — в Японии и Южной Корее. См. *Ларин В.* Указ. соч. — С. 41.

37 *Звонарев Ю., Попов А.* Русский Новый Свет // Эксперт-Дальний Восток. — 2007. — № 39 (580). — 22—28 окт. — С. 6—7.

38 *Паин Э.* Империя в себе: О возрождении имперского синдрома в России // После империи / Под ред. И. Клямкина. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. — С. 102.

39 См. например: *Petrov N.* All Power to the Regions // Moscow Times. — 2010. — Oct. 5 (http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/all-power-to-the-regions/418432.html).

40 *Ларин В.* Указ. соч. — С. 44.

41 *Звягельская И.* Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. — М.: Аспект Пресс, 2009. — С. 156.

42 *Солженицын А.* Как нам обустроить Россию: Посильные соображения // http://solzhenicyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_313.html.

43 См.: *Паин Э.* Указ. соч.

44 *Зевелёв И.* Будущее России: нация или цивилизация? // Россия в глобальной политике. — 2009. — Сент.—окт. (http://eng.globalaffairs.ru/print/number/n_14246).

45 История России. XX век. — Т. 1: 1894—1939 / А. Зубов (отв. ред.). — М.: АСТ, 2009.

46 *Тихонова Н.* Указ. соч. — С. 158.

47 *Гудков Л.* Негативная идентичность: Статьи 1997—2002. — М.: Новое лит. обозрение; ВЦИОМ-А, 2004. — С. 193.

48 *Козенко А., Буранов И., Коробов П., Туровский Д.* Атака вторым темпом // Коммерсантъ. — 2010. — 16 дек.

49 Данные ВЦИОМ. См.: Коммерсантъ. — 2009. — 24 февр.

50 На 46% в 2010 г.

51 *Зевелёв И.* Указ. соч.

52 См.: Белоруссия и Россия: общества и государства / Ред.-сост. Д. Е. Фурман. — М.: Права человека,1998.

53 *Звягельская И.* Указ. соч. — С. 49.

54 Российский статистический ежегодник-2008 // http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_13/Main.htm

55 По словам министра финансов Алексея Кудрина. См.: Высказывания А. Л. Кудрина информационным агентствам на встрече G-20 // http://www.minfin.

ru/ru/press/speech/index.php?afrom4=04.09.2009&ato4=07.09.2009&type4=&id4=8064.

56 Послание президента Федеральному Собранию 30 ноября 2010 года // http://президент.рф/news/9637.

57 *Bond K., Kuznetsov A.* Russia: 20 Years of Change: Collapse, Recovery and Transformation / Troika Dialog. — [S. l.], Jan. 2011. — P. 21 (http://www.kremlin-ag.de/_files/downloads/20%20Jahre%20Wandel%20in%20Russland_en.pdf).

58 Подробнее об этом см. в главе 3.

59 *Åslund A.* How Ukraine Became a Market Economy and Democracy. — Washington, D.C.: Peterson Inst. for Intern. Economics, 2009.

60 *Романчук Я.* В поисках экономического чуда. — Минск: Центр Мизеса, 2008 (http://liberty-belarus.info/images/stories/book/V_poiskah_ekonom_chuda.pdf).

61 *Фридман Л. А.* Очерки экономического развития стран Центральной Азии после распада СССР. — М.: Гуманитарии, 2001. — С. 15–17.

62 *Звягельская И.* Указ. соч. — С. 41.

63 *Колеров М.* Без СССР... — С. 20.

64 Солдат Советского Союза [интервью Олега Одноколенко с маршалом Дмитрием Язовым] // Итоги. — 2010. — 4 дек. (http://www.itogi.ru/spetzproekt/2010/15/150831.html).

65 *Литовкин В.* Парад реформ не затормозил // Независимое воен. обозрение. — 2010. — № 17. — 14–20 мая (http://nvo.ng.ru/realty/2010-05-14/1_parad.html).

66 *Барабанов М. С., Лавров А. В., Целуйко В. А.* Танки августа: Сборник статей. — М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2009 (http://www.cast.ru/files/the_tanks_of_august_sm.pdf).

67 Президент Билл Клинтон употребил эту формулировку на встрече со студентами Московского университета в ходе одного из визитов в Россию в 1990-е годы.

2

ГЕОПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

Распад Советского Союза означал и конец Евразии как единого целого. В прошлом лишь Чингисхану удалось создать империю, политическое пространство которой простиралось от Восточной Азии до Восточной Европы, от южной границы сибирской тайги до пустынь Центральной Азии [1]. Российско-имперский/советский вариант Евразии по масштабу не уступал монгольскому и просуществовал дольше. Да и нынешняя Российская Федерация, чья территория охватывает девять часовых поясов (в прошлом их было одиннадцать, но в 2010 г. президент Медведев распорядился сократить их количество), *выглядит* потенциальным ядром нового «издания» Евразии, и сегодня манящей многих в России.

Эта идея не нова. После большевистской революции, уничтожившей старую Россию, группа русских интеллигентов-эмигрантов в Праге создала концепцию евразийства [2]. После крушения СССР, создавшего наиболее расширенный вариант традиционной российской империи, возникло неоевразийство, нацеленное на восстановление имперского могущества России [3].

Однако Евразия как синоним российской империи навсегда канула в Лету [4]. В эпоху глобализации с ее новыми возможностями в плане мгновенной связи и скорости передвижения, а также быстрой модернизации охваченных спячкой обществ прежние различия между Европой и Азией стираются. Они теперь имеют не больше смысла, чем обелиск на окраине Екатеринбурга, обозначающий «границу» между Европой и Азией. Куда уместней сейчас выглядит аналогия со стамбульскими мостами через Босфор, соединяющими европейскую и азиатскую части одного города. К худу или к добру, но Евразия становится и более взаимосвязанным, и более взаимозависимым пространством. Вот только Россия — уже не ядро, а лишь один из элементов этой весьма сложной картины.

После распада СССР положение России на международной арене резко изменилось. Европейские страны объединены в экономической

и все в большей степени в политической сфере в составе Евросоюза; в военном плане они давно уже объединились (под началом США) в рамках НАТО. Китай превратился в экономический локомотив с авторитарным политическим строем и активно модернизируемыми вооруженными силами. Мусульманский мир, хотя он и испытывает трудности с модернизацией, полон кипучей энергии, проявившейся, в частности, в революциях и восстаниях 2011 г. Турция, Иран и Пакистан превратились или превращаются в региональные державы, а одна из них — Пакистан — уже обладает ядерным оружием. Воздействие этих трех центров притяжения на постсоветские государства, особенно расположенные в прилегающих к ним регионах, оказывается мощнее, чем «сила гравитации» России. Более того, в экономическом плане сама Россия разрывается между ЕС и Китаем.

Свой рассказ я начинаю с вопросов геополитики и безопасности, поскольку лидеры России и других стран СНГ традиционно ставят их на первое место. Их мир — все еще в первую очередь мир государств, а геополитика по-прежнему считается основой искусства государственного мужа. Если бы в подобном мире существовало место для теории, это была бы теория Realpolitik. Что же касается безопасности, то она составляет важнейшую заботу любого правительства, но для авторитарных режимов на первом месте стоит безопасность их собственной власти. Ее значение усиливается и тем, что многие высокопоставленные лидеры сами вышли из структур безопасности.

ВВЕДЕНИЕ. ОБЩИЙ ПОДХОД РОССИИ К НОВЫМ НЕЗАВИСИМЫМ ГОСУДАРСТВАМ

14 декабря 1992 г. российский министр иностранных дел Андрей Козырев выступал на заседании Совета Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Стокгольме. Он заявил: «Я должен внести поправки в концепцию российской внешней политики... Сохраняя в целом курс на вхождение в Европу, мы отчетливо сознаем, что наши традиции во многом, если не в основном, в Азии, а это устанавливает пределы сближения с Западной Европой... Пространство бывшего СССР не может рассматриваться как зона полного применения норм СБСЕ. Это, по сути, постимперское пространство, где России придется отстаивать свои интересы с использованием всех доступных средств, включая военные и экономические. Мы будем твердо настаивать на том, чтобы бывшие республики Союза незамедлительно

вступили в новую федерацию или конфедерацию. И об этом пойдет с ними жесткий разговор»[5].

Слова российского министра, не раз заявлявшего о своей прозападной позиции, буквально привели в оцепенение его зарубежных коллег. Некоторые даже подумали, что в Москве произошел переворот, и Козырева заставили сделать такое заявление. Вскоре, однако, все облегченно вздохнули. Козырев пояснил: внешнеполитический курс Москвы остается неизменным, и он лишь хотел показать, какой станет ее политика, если в стране возьмут верх «реакционные националистические силы».

Сегодня, двадцать лет спустя, концепция «постимперского пространства» претерпела определенную эволюцию. Россия не вошла в Европу в том смысле, который вкладывал в это понятие Козырев, да и традиционная модель распределения власти внутри страны оказалась сильнее демократических инноваций, которые стремились внедрить ельцинский министр и его единомышленники. Более того, Москве действительно случалось отстаивать свои интересы экономическими и даже военными средствами, например, в ходе конфликтов с Украиной и Грузией.

Однако в том, что касается ключевого вопроса о воссоздании империи в форме федерации или конфедерации, российское руководство демонстрирует удивительное равнодушие. Иными словами, после того как «линия Козырева» была отвергнута, Москва воплотила в жизнь многое из того, от чего он предостерегал, однако до реализации конечной, по версии министра, цели — попытки снова «собрать» империю — дело не дошло. В чем причина?

Можно сказать, что СССР пал жертвой борьбы за власть в имперских верхах и недовольства низов социально-экономической ситуацией, что парадоксальным образом напоминает крушение Российской империи в 1917 г. В обоих случаях независимость окраинам принесли не национально-освободительные движения: скрепы империи разорвали противоборствующие силы в ее столице. Этим Россия отличается от классических колониальных держав вроде Франции и Португалии, упорно боровшихся за свои заморские владения, или от таких «сухопутных» империй, как Германская, Австро-Венгерская и Османская, рухнувших в результате военного поражения. Британия, конечно, тоже распустила собственную империю, но этот процесс растянулся на десятилетия, а Россия демонтировала ее в одночасье.

Это, разумеется, не означает, что со временем национально-освободительные движения не могли восторжествовать. Так, еще до

1917 г. было очевидно, что Польша и Финляндия постепенно обретут независимость. Они постарались бы добиться автономии (в случае Польши) или расширить ее (в случае Финляндии) и в конечном счете стали бы суверенными государствами. С другими имперскими провинциями, например, с Прибалтикой и Украиной, подобной ясности, однако, не было.

В конце 1917 и в 1918 г. декларации независимости зачастую представляли собой акты отчаяния в ответ на большевистский переворот и экстремистские шаги новой власти в Петрограде. Аналогичным образом поддержка независимости в конце 1991 г. населением таких республик, как Украина включая Крым, проголосовавший всего шестью месяцами раньше за сохранение обновленного Союза, была реакцией на самоликвидацию центра и быстро ухудшавшуюся ситуацию в экономике.

Поскольку сразу после кончины СССР его распад казался событием чуть ли не случайным, в начале 1990-х годов многие в Москве были убеждены, что бывшие советские республики, а ныне независимые государства естественным порядком вернутся в лоно России, хотя бы по чисто экономическим причинам. *Волноваться нечего, надо просто подождать* — этот подход Москвы был по сути пассивным и не принес особых результатов. Деятельность СНГ чуть ли не с самого начала сводилась лишь к бесконечным саммитам и подписанию сотен не работающих соглашений. В последнем десятилетии прошлого века Москва сосредотачивала основное внимание на отношениях с Западом и получении кредитов от Международного валютного фонда, игравших для нее роль спасательного круга. Единственным номинальным достижением в 1990-е годы стал заключенный в декабре 1999 г. российско-белорусский договор о создании Союзного Государства, но и оно оказалось мертворожденным. Главный инициатор проекта лидер Белоруссии Александр Лукашенко не добился той цели, которую он с ним связывал, — сменить Бориса Ельцина в Кремле.

Преемник Ельцина Владимир Путин взял на вооружение более активный и прагматический подход к отношениям с бывшими советскими республиками. В отличие от своего предшественника он не ощущал личной вины за гибель СССР. И саммиты СНГ не были для него неким эквивалентом заседаний почившего в бозе Политбюро, где лидеры на деле суверенных государств внешне демонстрировали почтение к Ельцину, — но они пели хвалу российскому президенту лишь потому, что рассчитывали взамен на материальные выгоды. Ельцину все это нравилось, он готов был платить за удовольствие фактически

субсидируемым экспортом энергоносителей: российский газ поставлялся в республики бывшего СССР по ценам намного ниже европейских. Путин был полон решимости покончить с этой ситуацией.

Для него новые независимые государства являлись в первую очередь не бывшими окраинами «Великороссии», а зарубежными странами — пусть даже слабыми и зависимыми. Не делая попыток вернуть их в состав России (он хорошо понимал, что это невозможно, да и не нужно), Путин исходил в отношениях с ними из российских интересов. Если ельцинская политика была пассивной и ностальгической, то путинская — напористой и лишенной сантиментов. Российская Федерация выступала уже не как империя, заботящаяся о своих подданных, но как великая держава, готовая жестко и неприкрыто продвигать собственные интересы. Таким образом, на смену ельцинской псевдоинтеграции пришла путинская экспансия.

Впрочем, основополагающая идея тоже существовала. Когда порыв Москвы к интеграции с *Западом* исчерпал себя, Путин решил сделать Россию одним из центров силы в рамках многополярного мироустройства. И бывшие советские республики представлялись одним из естественных элементов этого проекта. В 2003—2004 гг., через десять лет после козыревской речи-предупреждения, в Кремле возникло нечто вроде «проекта СНГ». Он предусматривал радикальный пересмотр расценок на поставляемый странам Содружества российский газ, в результате которого они должны были прийти в соответствие с тарифами для других клиентов «Газпрома» — в том числе государств Центральной Европы и Балтии, плативших за голубое топливо реальную цену. Другим пунктом было формирование экономического союза, который со временем должен будет стать основой союза политического. В частности, Кремль всячески обхаживал Украину, чтобы она вместе с Россией, Белоруссией и Казахстаном создала «единое экономическое пространство». Расплывчатый Договор о коллективной безопасности, заключенный в 1992 г. по сути для раздела военного наследства СССР, был дополнен организацией (ОДКБ), ставшей основой для военного альянса. Содружество Независимых Государств в целом стало уже не инструментом, а площадкой, пространством для великодержавной активности России[6].

В рамках этого пространства Москва не претендовала на контроль «советского образца»: ее цели были более ограниченными. На первом месте стояло общее ощущение «геополитического комфорта». Кремль не оказывал давления на новые независимые государства, чтобы они против собственной воли присоединялись к возглав-

ляемым Россией военным блокам, — главное, чтобы они не вступали в те альянсы, куда Россия не входила, прежде всего в НАТО. Не стремилась Москва и наращивать свое сравнительно небольшое военное присутствие в бывших окраинах, но при этом настоятельно рекомендовала постсоветским государствам не допускать создания на своей территории иностранных баз. В зонах межэтнических конфликтов Россия признавала границы 1991 г. и не стремилась изменить сложившийся там статус-кво, но это служило предупреждением всем участникам: они также не должны менять статус-кво в одностороннем порядке (Саакашвили проигнорировал это предупреждение в 2004 г. и утратил поддержку Путина; вторая попытка в 2008 г. обернулась для него потерей Южной Осетии и Абхазии).

В экономической сфере Россия вела себя куда спокойнее, она даже примирилась с неприятной реальностью возникновения «конкурирующих» маршрутов для каспийских энергоносителей, но четко давала понять, что не потерпит любого вмешательства в деятельность ее собственных экспортных трубопроводов, по которым российский газ доставлялся клиентам в странах Евросоюза (Украина в 2006 и 2009 гг. сделала вид, что этого предупреждения не услышала)[7]. В том же, что касается активных шагов, российское руководство стремилось создать экономическую базу для евразийского «центра силы» и превратить Москву в финансовый перекресток всего региона к востоку от Европы и к северу и северо-востоку от Китая. Наконец, Российская Федерация рассчитывала остаться культурным и языковым гегемоном в соседних странах, и Кремль всячески поддерживал усилия своего союзника — Русской православной церкви (РПЦ) по сохранению ее «канонической территории», особенно на Украине.

Эту новую концепцию нельзя назвать совершенно нереалистичной, но осуществлялась она зачастую слишком топорно, чтобы привести к успеху. «Газовые войны» с Украиной обернулись для «Газпрома» материальными убытками, а также серьезно подорвали репутацию концерна (да и России в целом) в Европе и за ее пределами. Попытки превратить замороженные конфликты в препятствие для расширения НАТО вышли Москве боком, приведя к эскалации напряженности, а затем и к войне с Грузией.

Впрочем, самую серьезную неудачу Москва потерпела, пытаясь повлиять на результат президентских выборов 2004 г. на Украине. С них мы и начнем — рассмотрим сначала развитие событий на «западном фланге» бывшей империи, а затем переместимся на юг, восток и, наконец, на север.

ЗАПАДНЫЙ ФЛАНГ

«ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» НА УКРАИНЕ

Для Москвы «потеря прежнего влияния (особенно в границах бывшего Советского Союза) — это катастрофа», написал в своих мемуарах второй президент Украины (в 1994—2005 гг.) Леонид Кучма. Это для российского руководства «вопрос жизни и смерти»[8]. Кучма преувеличивает. Утрата влияния была серьезной проблемой, но не катастрофой, это был болезненный вопрос, но о жизни и смерти речь не шла.

Когда Путин впервые попытался решить эту проблему, он, возможно, неосознанно руководствовался знаменитым афоризмом Збигнева Бжезинского (его часто повторяют в России): без Украины российской империи быть не может. Собственно, к такому же выводу пришли и Горбачев с Ельциным после украинского референдума о независимости 1 декабря 1991 г.: поскольку Украина вышла из Союза, СССР больше нет. И в 2003—2004 гг. Путин был убежден: ни один мегапроект на постсоветском пространстве не может увенчаться успехом без участия Украины.

Отсюда и план создания единого экономического пространства, разработанный с прицелом на Киев, привилегии, которыми пользовались в России украинские граждане, и однозначная поддержка Путиным на президентских выборах 2004 г. премьер-министра Януковича, которого Кучма хотел видеть своим преемником. Кремль отверг рекомендации действовать осторожнее, демонстрируя внешнюю беспристрастность: так сказать, во вторник встретиться с Януковичем, в четверг — с его соперником, экс-премьером Виктором Ющенко, а на выходные пригласить колоритную и безгранично амбициозную «газовую принцессу» Юлию Тимошенко. В то время российское руководство не было настроено выдерживать равновесие, исповедуя принцип «победитель получает все». И сложило все яйца в одну корзину.

Путин, в тот момент все еще пользовавшийся большой популярностью на Украине, лично вмешался в ход предвыборной кампании, активно поддерживая Януковича. Он, в частности, специально приехал в Киев, чтобы появиться вместе с ним на военном параде. Медведев, возглавлявший тогда президентскую администрацию, координировал действия со своим украинским коллегой Виктором

Медведчуком, занимавшим аналогичный пост в аппарате Кучмы. При Януковиче неотлучно находились присланные Кремлем политтехнологи, в частности Глеб Павловский.

Чтобы Янукович стал президентом Украины, Москва задействовала громадные ресурсы — финансовые, политические, административные, людские. Можно было подумать, что это не очередные выборы в соседней стране, а битва за Украину — не больше и не меньше. Надвигающуюся бурю Кремль заметил слишком поздно [9].

Тяжелым и внезапным пробуждением для российского руководства стали события на киевских улицах, названные позднее «оранжевой революцией». Самый известный кремлевский политтехнолог Павловский сразу после этого шока оправдывался: «У меня было задание Кремля обеспечить победу Януковича на выборах, и я его выполнил, но мы столкнулись с революцией, а задания ее остановить у меня не было» [10]. Что ж, ему удалось выкрутиться, но клиенты политтехнолога были в бешенстве. Путин воспринял украинское фиаско как свое самое серьезное поражение на внешнеполитической арене. Медведев мрачно рассуждал о тяжелых последствиях украинских событий для России [11]. По его мнению, возникла угроза дезинтеграции страны в результате раскола элиты по «оранжевому» сценарию.

Саму «оранжевую революцию» российская официальная пропаганда преподносила как спецоперацию ЦРУ с использованием доктрины «распространения демократии» в качестве предлога для реализации геополитических целей США. Эти цели как минимум заключались в том, чтобы поставить России подножку в «ближнем зарубежье» и ослабить ее влияние. По максимуму же речь могла идти о превращении Киева в «промежуточную станцию», плацдарм для революционного марша на Москву и смены режима уже в России. Таким образом, геополитические соображения для Кремля тесно переплелись с задачей сохранить собственную политическую власть.

Впрочем, это почти паническое состояние продлилось недолго. Выяснилось, что угроза отнюдь не так страшна, как казалось. Раскол произошел в самом «оранжевом» лагере: Ющенко и Тимошенко вскоре стали непримиримыми врагами. К середине 2005 г. революционный порыв в народе сменился горечью и апатией. В 2006 г. после парламентских выборов главой кабинета вновь стал Янукович. Годом позже, когда в кресло премьера вернулась Тимошенко, ее соперничество с Ющенко в преддверии новых президентских выборов обернулось почти полным параличом власти в стране. Кремль постепенно привык к вечному «треугольнику» внутриполитических усобиц на

Украине, где каждая из сторон обладала долей власти, но никто не получал ее целиком. Он усвоил уроки «оранжевой революции» и начал готовиться к применению собственных технологий для возвращения Украины в орбиту России. Затем грянул гром среди ясного неба.

«Суть дела — в противостоянии Америки и России», — резюмировал уже в отставке Леонид Кучма; «оранжевую революцию» он в своих мемуарах называет «майданом», намекая на торжество охлократии[12]. Находясь у власти, он придерживался куда более нюансированного подхода. В принятом в 2003 г. законе о национальной безопасности Украины членство в НАТО значилось как конечная цель курса страны на евроатлантическую интеграцию. Словно не зная о том, как к этому относится Москва, Кучма увязывал присоединение Украины к Евросоюзу и Атлантическому альянсу с «добрососедскими отношениями и стратегическим партнерством с Российской Федерацией». Более того, позднее он высказал совсем уж невероятную идею: хорошие отношения с Россией — предпосылка вступления страны в НАТО. Кучма также приписывал своей «сбалансированной» политике отсутствие резкой реакции Москвы на отправку украинского контингента в состав возглавляемых США коалиционных сил в Ираке и даже мечтал о том, как Украина в Североатлантическом блоке будет играть роль лоббиста в пользу России![13] Что это было — наивность или неискренность? Ответа от Кучмы мы не услышали.

После «оранжевой революции» в Москве возникли опасения, что НАТО теперь перейдет «запретную черту». Новоизбранный президент Ющенко, тревожились в Кремле, уже через несколько лет приведет Украину в Атлантический альянс. Московские пропагандисты заговорили об американских авиабазах на Днепре и грядущем размещении в Севастополе уже не российского Черноморского флота, а кораблей ВМС США. Когда Кремль оправился от потрясения, эти страхи сошли на нет. Более того, российское руководство обрело уверенность, что сумело подобрать ключ к «оранжевым» и «синим» (предвыборный цвет сторонников Януковича) принцам и принцессам. Но в январе 2008 г. натовская угроза снова замаячила на горизонте[14].

В чем же состояла опасность подключения Украины к «Плану действий по подготовке к членству в НАТО»? Говоря коротко, этот шаг расценивался как необратимый. Все страны, сумевшие дойти до этого этапа, в конце концов оказывались в составе Альянса. Что же касается конкретно вступления Украины в НАТО, то в этой связи российские официальные круги и влиятельные эксперты высказывали целый ряд аргументов от крайне эмоциональных до сугубо практических.

Будет нарушена граница «исторического пространства» России. С середины 1990-х годов россияне смирились с тем, что Украина стала отдельным государством, но так и не смогли полностью воспринимать ее как зарубежную страну. В представлениях элит и отчасти простых граждан Киев оставался «матерью городов русских». Вступление Украины в НАТО превратило бы эту часть общенационального наследия России в западный антироссийский плацдарм.

Украина повернется против России. Большинство представителей российской элиты было убеждено — что бы ни думал на этот счет Кучма, — что НАТО и Запад превратят Украину во враждебную России силу наподобие Польши. Их уверенность основывалась на тезисе о том, что украинской элите свойственен «комплекс Мазепы» (этот гетман повернул оружие против Петра I и в 1709 г. участвовал на стороне шведского короля Карла XII в знаменитой Полтавской битве), а потому она подспудно нелояльна к России.

Украина порвет с Русской православной церковью. Членство в НАТО облегчит Ющенко реализацию его долгосрочного проекта по официальному отделению Украинской церкви от Московской патриархии и создании национальной православной церкви. Тем самым будет изменена культурная идентичность Украины.

Российско-украинская граница превратится в подобие разделительных линий времен «холодной войны». Там, где несколько столетий рубеж существовал только на карте, появится «настоящая» граница. Придется вводить визовый режим и пограничный контроль. Демаркация границы спровоцирует бесконечные споры. И поскольку при вступлении Украины в НАТО России придется рассматривать ее как потенциального противника, неизбежно создание на этом рубеже мощных военных группировок.

России придется разорвать связи с военно-промышленным комплексом Украины. Продолжение сотрудничества по ряду совместных проектов в оборонно-промышленной сфере, естественно, будет исключено.

Американские вооруженные силы вытеснят российские из Причерноморья. Черноморскому флоту придется покинуть Крым. Соединенные Штаты, вероятно, установят военное присутствие на Украине по ряду направлений — от размещения объектов ПРО до базирования кораблей Шестого флота. В этом случае, предостерег в 2008 г. Путин на совместной пресс-конференции с Ющенко в Москве, России, возможно, придется сделать то, о чем и «подумать страшно»: нацелить на Украину свои ядерные ракеты [15].

Несмотря на беспокойство и завуалированные угрозы Кремля, реальная проблема с членством Украины в НАТО заключалась не столько в реакции Москвы, сколько во внутриполитических последствиях такого шага в самой стране. В Берлине и западнее основная миссия Альянса сегодня связывается с Афганистаном, но к востоку от германской столицы она по-прежнему воспринимается в контексте России. Конечно, членство в Организации Североатлантического договора служит еще и удостоверением принадлежности к «Западу», однако, если не считать балканские страны, сама эта принадлежность в Восточной Европе воспринимается как гарантия безопасности от России. Поскольку вступить в НАТО относительно легче, чем в ЕС, этот процесс рассматривается как мостик на пути в объединенную Европу. Но так как Евросоюз не дает военных гарантий безопасности своим членам, НАТО играет четкую и уникальную роль защитного зонтика.

В 2008 г., как, собственно, и сейчас, в каждой из стран Центральной и Восточной Европы в общем и целом существовал тот или иной внутриполитический консенсус по отношению к НАТО и России. Даже в странах Балтии русскоязычные граждане по разным причинам не протестовали активно против их вступления в НАТО. Белорусы в целом относятся позитивно и к России, и к российскому народу; большинство молдаван предпочитают, чтобы их страна оставалась нейтральной и демилитаризованной; в Грузии Россию однозначно рассматривают как противника. На Украине все обстоит по-иному.

Если бы в украинском обществе также преобладало единое мнение о членстве в НАТО и о России, решить проблему было бы куда проще. При глубоко подозрительном отношении украинцев к восточному соседу стране нужны были бы гарантии Запада, а России, в свою очередь, потребовались бы гарантии того, что вступление Украины в НАТО не станет для нее реальной угрозой. Иными словами, повторилась бы история с присоединением к Альянсу центральноевропейского трио (Польши, Венгрии и Чехии — возможно, в «усиленном» варианте с учетом размеров Украины и ее географической близости к России.

На Украине, однако, по этому вопросу единства нет. Отсутствие энтузиазма относительно членства в НАТО вызвано не отсутствием информации об Альянсе или даже интереса к этой идее со стороны украинцев. Это скорее вопрос идентичности. Хотя зачастую провокационные заявления и действия некоторых российских политиков — например, Юрия Лужкова, много лет возглавлявшего московскую

мэрию, — служили сплочению украинцев вокруг своего суверенного государства[16], они не смогли вызвать у них враждебности к России. Большинство украинцев не хочет, чтобы их страна входила в ее состав, но и разрыва с Россией они тоже не желают. К этому добавляются постоянные раздоры в высших эшелонах власти, пропасть между элитой и простыми гражданами, по-прежнему сильные межрегиональные различия и связанные с этим конкурирующие версии истории страны и национальной идентичности, а также наличие значительной доли этнических русских в составе населения Украины. Любое решение о присоединении к НАТО, принятое без учета этих противоречий, спровоцирует нестабильность.

Если Украина расколется по этому вопросу, это не просто спровоцирует глубокий политический кризис, способный парализовать управление страной; возникнет и возможность внешнего вмешательства — прежде всего со стороны России, но не только. До начала «перезагрузки» отношений между Вашингтоном и Москвой при президенте Обаме в России не было недостатка в самых мрачных сценариях подобного развития событий. Вступление Украины в НАТО открыто интерпретировалось как casus belli. Утверждалось, что Кремль считает его эквивалентом решения добить Россию, нанести ей последний, смертельный удар[17]. Пророки апокалипсиса говорили о возобновлении ядерного противостояния с США, как во времена СССР, и возврате Москвы к реваншистскому антизападному курсу. Правящий режим в России в результате станет жестче, и о модернизации можно будет забыть. Одним словом, Россия будет готова повторить путь Германии после Первой мировой войны со всеми его трагическими последствиями. Можно ли считать это нагнетание страха блефом? Вероятно, такие сценарии были элементом тактики Кремля, призванной воздействовать на Киев, а потому их авторы не избежали некоторых преувеличений, но и на деле последствия вступления Украины в НАТО были бы самыми серьезными.

После президентских выборов 2010 г. на Украине Москва сполна насладилась местью. На сей раз она придерживалась иной тактики. Кремль не стал избирать себе фаворита, но четко дал понять, кого он *не* хочет видеть в президентском кресле в Киеве — Ющенко. Что же касается двух других главных претендентов, то здесь Москва решила подстраховаться. В то время как «Единая Россия» сотрудничала с Партией регионов, возглавляемой Януковичем, премьер Путин наводил мосты со своей украинской коллегой Тимошенко. Победа Януковича быстро расчистила путь к договоренности по самым трудным вопро-

сам — о цене на газ и аренде базы для Черноморского флота. Решены они были пакетом: в обмен на 30%-ную скидку по газу (за 25 лет упущенная выгода составит до 40 млрд долл.) Москва сохранила за собой базу в Севастополе (соглашение об аренде истекало в 2017 г.) еще на четверть века[18].

По мнению некоторых критиков в России, сделанные Киеву уступки были чересчур щедрыми. Черноморский флот, по их мнению, того не стоил. Он состоит из трех десятков самых старых в российском Военно-морском флоте кораблей — их средний возраст 28 лет — и напоминает скорее музей былой славы, чем эффективную боевую силу. Их оппоненты указывали, что новая база для флота в Новороссийске строится крайне медленно, что российское военное присутствие в Крыму имеет большое символическое значение и, конечно, служит препятствием для возможных в будущем попыток Киева присоединиться к НАТО.

ОТ ЗАМОРОЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ К ПЯТИДНЕВНОЙ ВОЙНЕ: ГРУЗИЯ

Основополагающей причиной российско-грузинского конфликта был вопрос о членстве в НАТО, обещанном Тбилиси в Бухаресте. Конечно, по стратегическому значению для России Грузию нельзя сравнить с Украиной. В этом регионе реальные задачи Москвы в сфере безопасности куда меньше связаны с традиционными понятиями соотношения сил: на первом месте стоят такие угрозы, как экстремизм в религиозной упаковке, терроризм и сепаратизм.

Во время Чеченской войны часть грузинской территории — Панкисское ущелье — использовалась боевиками в качестве убежища. С точки зрения Кремля это напоминало ситуацию с «аль-Каидой» и талибами. В 2002 г. Россия выступила с жестким предупреждением в адрес Тбилиси, повторяя некоторые формулировки, использовавшиеся американцами в ходе «войны с террором».

В то время у грузинского правительства было двойственное отношение к Чеченской войне. С одной стороны, грузины, представители равнинной цивилизации, традиционно боялись горцев, спускавшихся в их долины для разбойничьих набегов. Кроме того, страна, пострадавшая от абхазского и югоосетинского сепаратизма, не могла испытывать симпатии к чеченским сецессионистам. С другой стороны, грузины ставили России в вину поддержку Абхазии и Южной Осетии и не могли сдержать злорадства, когда их обидчик оказался в том же положении, на которое обрек Грузию.

В ельцинский период политика Москвы в отношении Грузии, не считавшейся приоритетным направлением даже в контексте отношений со странами СНГ, была по сути отдана на откуп военным и спецслужбам. Ельцин периодически встречался с Эдуардом Шеварднадзе, бывшим горбачевским министром иностранных дел, занимавшим пост президента Грузии с 1992 по 2003 гг., а глава российского внешнеполитического ведомства Евгений Примаков пытался выступить посредником в грузино-абхазском конфликте. Однако на повседневном уровне этими вопросами занимались чиновники Министерства обороны и, все больше, Федеральной службы безопасности, действовавшие от имени России в Абхазии и Южной Осетии.

Подход армии и спецслужб к отношениям с Грузией во многом основывался на их отношении к Шеварднадзе. Российские силовые ведомства абсолютно не доверяли «серебристому лису», как его окрестила американская пресса, считая, что в последние годы существования СССР он сделал слишком много уступок американцам. Вот некоторые из его «прегрешений»: Шеварднадзе без всякой необходимости включил одну ракетную систему в список вооружений, попадавших под запрет согласно Договору о ракетах средней и меньшей дальности, заключенному в 1987 г., уступил США часть советской акватории в Арктике при демаркации границы в Беринговом проливе в 1990 г. и согласился на неприемлемо ускоренный график вывода советских войск из Центральной и Восточной Европы. Из-за предполагаемого «предательства» Шеварднадзе правонационалистические советские, а затем и российские СМИ характеризовали его как американского агента влияния, склонившего Горбачева к еще большему капитулянтству перед США по широкому кругу вопросов.

Хотя в начале 1992 г., после свержения и изгнания первого президента Грузии Звиада Гамсахурдиа, Шеварднадзе встал во главе республики при поддержке Москвы и хотя российский министр обороны Павел Грачев скорее всего в буквальном смысле спас ему жизнь, вывезя на самолете из Сухуми во время наступления абхазов в 1993 г., позднее российские официальные круги, несомненно, подумывали о смене режима в Тбилиси. На Шеварднадзе было совершено несколько покушений. В 1995 г., после второго такого случая, он перестал активно искать договоренности с Москвой и обратился за поддержкой к Вашингтону.

Это привело к ухудшению (но не разрыву) отношений между Россией и Грузией. Под давлением Москвы и по рекомендации США грузинские военные провели операцию в Панкисском ущелье — как

раз в то время, когда российская армия брала под контроль горные районы Чечни.

Когда в ноябре 2003 г. Шеварднадзе был свергнут в результате «революции роз», Кремль не слишком печалился. Однако его беспокоила ситуация неопределенности, возникшая в связи с уходом со сцены лидера-ветерана. Путин отрядил в Тбилиси с ознакомительной миссией министра иностранных дел Игоря Иванова (тот родился в Грузии). После сербских событий 2000 г. это была уже вторая «цветная революция», которую Иванову суждено было наблюдать вблизи. В мире считали, что Москва осуществляет посредническую миссию в своей «сфере влияния». На деле, однако, ее посланец мало что мог сделать, кроме оценки ситуации и установления контактов с новыми лидерами-революционерами.

Путин установил прямой личный контакт с Михаилом Саакашвили в начале 2004 г. Первое время их связывали весьма близкие отношения: Саакашвили в неофициальной обстановке выражал восхищение Путиным, называл его примером для подражания и всячески подчеркивал уважение к российскому президенту[19]. Путин счел, что с молодым и энергичным грузином можно иметь дело, и в апреле 2004 г. позволил ему вернуть под контроль Тбилиси Аджарию — автономную республику, еще в 1991 г. превращенную местным «удельным князем» в свою вотчину.

В Аджарии, прежде имевшей большое стратегическое значение, у России была военная база, а ее пограничники охраняли границу с Турцией. В постсоветский период серьезные активы в Аджарии приобрели мэрия Москвы и друзья Юрия Лужкова. Путин, однако, был готов поступиться всем этим ради укрепления отношений с Грузией. Российский военный гарнизон оставался в казармах, а «удельный князь» с семьей бежал из республики под крылышко московского мэра.

Для Саакашвили, однако, это было только началом. Он намеревался восстановить территориальную целостность страны в международно признанных границах Грузинской ССР на 1991 г. Путин обещал помочь ему с поэтапным урегулированием конфликтов с Абхазией и Южной Осетией, но грузинский президент был молод и горяч. В августе 2004 г. он отдал приказ о проведении полицейской операции по борьбе с югоосетинскими контрабандистами. Дело дошло до вооруженных столкновений. Прежде Саакашвили мог беспрепятственно приехать в столицу Южной Осетии Цхинвали и поговорить на улице с горожанами. После спецоперации от доброй воли ничего не осталось, и вроде бы угасавший конфликт вспыхнул с новой силой. Путин

был в ярости. Он утратил доверие к человеку, которого считал своим партнером. Осенью 2004 г. Саакашвили не раз пытался дозвониться в Кремль, но ответом ему было молчание[20].

С рейдом грузинских внутренних войск в Южной Осетии закончилась и позитивная интерлюдия в отношениях между Москвой и Тбилиси. В дальнейшем ситуация лишь неуклонно ухудшалась. Особенно прискорбным событием стала скоропостижная кончина в 2005 г. премьер-министра Зураба Жвании — человека рассудительного и вдумчивого. Сдерживать Саакашвили стало больше некому. Москва поставила на нем крест и начала наращивать давление на Тбилиси.

К тому времени жителям Абхазии и Южной Осетии была предоставлена возможность получать российские паспорта. Глава Администрации президента России Александр Волошин мотивировал это гуманитарными соображениями — стремлением обеспечить людям свободу передвижения, но Тбилиси расценил подобную практику как недопустимое вмешательство во внутренние дела Грузии. В 2006 г. грузинские власти задержали нескольких российских военнослужащих, обвинили их в шпионаже и организовали в Тбилиси публичный судебный процесс. В той обстановке это выглядело как преднамеренная попытка спровоцировать бывшего офицера КГБ Путина на несоразмерную реакцию.

Российские власти расценили инцидент как незаслуженное оскорбление. Посол России в Грузии был отозван в Москву. Россия ввела эмбарго на ввоз грузинских вина и минеральной воды, прервала авиационное и морское сообщение с республикой, а также передачу почтовых отправлений — в результате грузинские гастарбайтеры утратили возможность переводить домой заработанные деньги. Некоторые из этих рабочих были депортированы как нелегальные иммигранты. С санкции властей начались гонения на простых людей грузинского происхождения — как приезжих, так и российских граждан.

Иными словами, Москва наказывала грузин за действия их президента. Впрочем, она воздержалась от крайней меры, возможно, предвкушавшейся грузинским руководством, — от попыток освободить подсудимых силой (в то время в Тбилиси еще оставался российский воинский контингент), в результате чего она выставила бы себя агрессором. В конце концов после вмешательства Вашингтона суд был прекращен, и арестованных передали России.

Как ни странно, этот эпизод не привел к приостановке процесса вывода российских войск из Грузии, о чем стороны договорились ранее. К 2007 г. на территории страны не осталось ни одного российского

солдата — за исключением Абхазии и Южной Осетии, где по соглашению с Грузией от 1992 г. Россия держала миротворческие контингенты. В ответ на переговорах с грузинской стороной Москва стремилась получить гарантии, что после вывода российских войск Тбилиси не допустит иностранного военного присутствия на своей территории и не станет вступать в военные альянсы. Саакашвили отказался вносить в конституцию пункт о нейтральном статусе, но заверил россиян, что не будет стремиться к вступлению страны в НАТО[21].

Возражения России против членства Грузии в НАТО имели по сути геополитическую природу. В Москве опасались «эффекта домино»: за Грузией мог последовать Азербайджан, а Армения будет вынуждена опираться на США для сдерживания Баку и отдалится от России. В результате Москва полностью утратила бы рычаги давления на Азербайджан и позиции в Армении. Более того, весь стратегически важный энергетический коридор из Прикаспия в Европу оказался бы в руках Запада, под защитой американских войск, и США стали бы гегемоном на Черном и Каспийском морях. Это ободрило бы те силы на Северном Кавказе, которые стремятся к отделению от России: в 1990-х годах и Грузия, и Азербайджан, и Турция поддерживали чеченских сепаратистов. Наконец, Сочи — «третья столица» России после Москвы и Петербурга, если судить по тому, сколько времени там проводят Путин и Медведев, — оказалось бы всего в двух десятках километров от границы с членом НАТО.

Передумал ли Саакашвили или лукавил с самого начала, вопрос академический. Так или иначе, в начале 2007 г. Москва предприняла последнюю попытку стабилизировать отношения с Грузией. Вернувшись в Тбилиси, российский посол предложил грузинской стороне договоренность: если Грузия согласится не вступать в НАТО и не размещать на своей территории иностранные войска, а также заявит о своем постоянном нейтралитете, Россия поможет ей урегулировать абхазский и югоосетинский конфликты. Это предложение было отвергнуто.

Когда стороны оказались в тупике, а перспектива членства Грузии в НАТО становилась все более манящей для Тбилиси и все более угрожающей для Москвы, началась война нервов. Она изобиловала перестрелками и бомбардировками в зоне конфликта, полетами беспилотных разведчиков, арестами шпионов и судами над ними, пропагандистскими маневрами. Ощущение было такое, что обе стороны подталкивают друг друга к первому выстрелу. Российская сторона провоцировала грузинских лидеров на непродуманные решения, которые доказали бы, что они — горячие головы, всегда готовые схва-

титься за оружие, и их нельзя принимать ни в один «клуб» для ответственных людей, и уж тем более в НАТО. В Тбилиси надеялись, что своими действиями Москва продемонстрирует: Россия — лишь новое издание СССР, такое же агрессивное, жестокое и алчное. Из этого, полагали они, будет сделан вывод, прямо противоположный тому, на который рассчитывала Москва: от России исходит прямая угроза, а Грузия — прифронтовое государство вроде Германии в годы «холодной войны», и ее защита равносильна защите свободного мира.

Адресатами «послания» России были прежде всего западноевропейские страны НАТО, Грузия рассчитывала на США. В какой-то степени обе стороны были услышаны: об этом свидетельствует более чем странное решение Бухарестского саммита Альянса. Кроме того, в Бухаресте был установлен крайний срок для окончательного выбора: заседание Североатлантического совета на уровне министров иностранных дел в декабре 2008 г. Москву тревожило, что Грузия не захочет отказаться от мятежных провинций ради вступления в НАТО, а Альянс, в свою очередь, не пожелает принимать в свои ряды страну, имеющую на руках два неурегулированных конфликта с участием соседней ядерной державы. Таким образом, если Грузия стремится войти в Атлантический блок, а тот готов ее принять, это может означать восстановление территориальной целостности страны таким способом, который позволит вывести Россию из игры.

Россия по сути проводила в отношении Грузии политику сдерживания. Она стремилась укрепить сепаратистские режимы в Абхазии и Южной Осетии, поставляя им все больше оружия (и все более мощного), а также развивая инфраструктуру и пути сообщения в обеих республиках; в Абхазии, в частности, была восстановлена железная дорога. Москва проводила на Северном Кавказе учения, сценарий которых предусматривал помощь Южной Осетии, подвергшейся нападению. Держа под контролем оба анклава, служившие, по мнению российского руководства, гарантией от вступления Грузии в НАТО, Кремль был убежден, что и Вашингтон держит под контролем грузинского президента. В начале августа 2008 г. недавно вступивший в должность президент Медведев отправился в круиз по Волге, а премьер Путин вылетел на открытие пекинской Олимпиады.

Саакашвили рассчитывал, перейдя рамки уже привычных провокаций, первым нанести молниеносный удар, захватить Цхинвали до подхода российских войск и погасить хотя бы один из двух конфликтов на собственных условиях. Захватив инициативу, он смог бы потребовать введения в Абхазию международных миротворческих сил,

заявив, что российские войска не справляются с этой ролью, и при поддержке США изменить политический статус-кво в Абхазии таким же образом, как он изменил военный статус-кво в Южной Осетии.

Пятидневная война в августе 2008 г.[22] стала самой серьезной угрозой для безопасности в Европе с тех пор, как в 1988 г. Горбачев начал сокращение вооруженных сил и стратегическое отступление. По мнению Москвы, она воевала не столько с Грузией, сколько с Соединенными Штатами, а Тбилиси выступал лишь в роли марионетки. Российское руководство с самого начала не верило, что совместная с американцами программа оснащения и обучения вооруженных сил Грузии, а также отправка грузинских контингентов в Ирак и Афганистан преследовали какие-либо цели, кроме получения оружия, помощи инструкторов и политической поддержки в рамках подготовки к войне для возвращения двух отколовшихся провинций.

После окончания конфликта (соглашение о прекращении огня было достигнуто при посредничестве президента Франции Николя Саркози, в то время председательствовавшего в ЕС) ситуация была вновь заморожена. Боевые действия не возобновлялись, даже небольшие инциденты случаются крайне редко. России не удалось добиться от своих союзников солидарной позиции в вопросе о признании Абхазии и Южной Осетии. Страны, имеющие реальные или потенциальные территориальные проблемы (в частности, государства Центральной Азии), категорически отказались следовать ее примеру, и даже те, у кого таких проблем нет, например, Белоруссия, воздерживаются от признания двух республик. Очевидная причина, хотя о ней и не говорили вслух, у всех была одна и та же: никто не хотел прослыть марионеткой Москвы. Вопрос признания стал экзаменом на независимость, и ни одна из стран СНГ не считала возможным его провалить.

Утрату Абхазии Грузия в конечном счете, возможно, будет оценивать по принципу «нет худа без добра»: это позволит стране куда плодотворнее использовать свою энергию и строить этнически однородное национальное государство. Если когда-либо в будущем урегулирование этого конфликта станет возможно, то видится оно следующим образом.

Южная Осетия — в качестве независимого государства она существовать не способна, а ее аннексия Северной Осетией (т. е. вхождение в состав Российской Федерации) слишком дорого обойдется в политическом плане — должна взять на вооружение «андоррскую модель». Республика станет номинально независимой, но фактически

над ней будет установлен грузинско-российский кондоминиум. Российские войска будут выведены с ее территории, что устранит потенциальную военную угрозу Тбилиси, но Москва официально получит полномочия обеспечивать безопасность осетинского народа. Тбилиси, в свою очередь, получит такое же право в отношении грузинского населения Южной Осетии. Тем не менее ни одна из сторон не будет иметь военного присутствия в республике. Поддержание мира должен будет обеспечивать полицейский контингент ЕС.

Грузинско-абхазская договоренность должна быть достигнута путем переговоров. Абхазия откажется от населенного грузинами Гальского района, который будет возвращен под контроль Тбилиси. В ответ Грузии следует отказаться от требования о возвращении в родные места беженцев, покинувших другие районы Абхазии в 1990-х. После этого Тбилиси и Сухум проведут демаркацию границы и согласуют комплекс мер по укреплению доверия. В результате между двумя странами будут восстановлены торгово-экономические связи и транспортное сообщение. В завершение Грузия признает независимость Абхазии [23].

Даже в ходе войны с Грузией и в процессе признания ее отколовшихся регионов Москва всячески давала понять, что это единичный случай, а не новая общая тенденция. Так, Кремль в обстановке максимальной публичности осуществлял посредническую миссию в урегулировании армяно-азербайджанского конфликта, организовав несколько встреч глав обеих стран; первая из них состоялась буквально через несколько недель после Пятидневной войны.

Перемирие между участниками Карабахского конфликта, заключенное при посредничестве России в 1994 г., действует, и крупных инцидентов на бывшей линии фронта не происходило. Однако попытки так называемой Минской группы ОБСЕ (в роли ее сопредседателей выступают Россия, США и Франция) довести процесс урегулирования до конца пока не увенчались успехом. Ближе всего к соглашению стороны подошли в Ки-Уэсте (штат Флорида) в 2001 г.: президенты Гейдар Алиев и Роберт Кочарян договорились о горизонтальных отношениях между Нагорным Карабахом и Азербайджаном в рамках единого государства. Вскоре после этого Алиев вынужден был дать задний ход: даже его ближайшие помощники сочли такие условия неприемлемыми. Все годы со времени окончания Карабахской войны Москва была лояльным членом «минской тройки», в полную силу работая в команде с американцами и европейцами. Возобновляя свои посреднические усилия после войны

с Грузией, Россия также действовала в тесном контакте с западными партнерами.

Россия была непосредственно вовлечена в конфликт на Днестре — между Молдавией и непризнанной Приднестровской Молдавской республикой. В 2003 г. она попыталась в одиночку решить вопрос, предложив соглашение о федерализации Молдавии. Главным переговорщиком от России был амбициозный кремлевский чиновник Дмитрий Козак. Договоренность сорвалась в последний момент, когда президент Молдавии Владимир Воронин после консультаций с западными столицами отказался санкционировать постоянное присутствие российских войск на территории страны.

После этого процесс мирного урегулирования вяло тянулся еще пять лет; Кремль был явно недоволен прозападной внешнеполитической ориентацией воронинской Партии коммунистов, притом что на внутриполитической арене молдавский президент все больше прибегал к авторитарным методам. В моменты наибольшей неуверенности Кремля и апогея предполагаемого проникновения Запада на постсоветское пространство — после «оранжевой революции» на Украине и в ходе ее попыток добиться вступления в НАТО — некоторые научные (и не только) круги в Москве жонглировали идеей масштабного политического переустройства в Северном Причерноморье, в рамках которого юг Украины от Крыма до Одессы должен был отделиться от Киева и превратиться в дружественное России буферное государство Новороссию[24]. Одним из элементов этой грандиозной схемы было объединение крохотного Приднестровья с новым государством или его поглощение Новороссией. Оставшуюся часть Молдавии могла бы в дальнейшем аннексировать Румыния.

Эти концепции так и остались на уровне теоретизирования. В итоге осенью 2008 г., после войны с Грузией, мирный процесс опять активизировался; новый импульс он получил в 2009 г., когда коммунисты утратили власть в Кишиневе[25]. В Приднестровье, как и в Грузии или — косвенно, в связи с «крымским вопросом» — на Украине, Москва использует замороженные конфликты в качестве препятствий расширению НАТО путем присоединения Грузии и Украины или поглощению Молдавии натовской страной — Румынией.

Когда эта опасность миновала, Россия была готова двигаться вперед. В середине 2010 г. президент Медведев договорился с германским канцлером Ангелой Меркель о расширении сотрудничества между Россией и ЕС в процессе урегулирования Приднестровского конфликта в рамках общего усиления координации действий между

Москвой и Брюсселем на внешнеполитической арене. Как и на Кавказе, в этом регионе Россия принимает в качестве партнера ЕС, но не НАТО. С чем это связано?

ВОПРОС РАСШИРЕНИЯ НАТО

Даже в последнем варианте военной доктрины России, принятом в 2010 г., расширение НАТО значится в качестве угрозы безопасности страны [26]. Каковы причины столь негативного отношения к Альянсу через двадцать лет после окончания «холодной войны», когда даже президент Медведев называет утверждения о его «агрессивности» мифом? [27] История отношения России к Организации Североатлантического договора — это перечень иллюзий и заблуждений.

В глазах многих россиян НАТО — синоним американского присутствия в Европе, а точнее, возглавляемой США системы союзов и силовой инфраструктуры. Примечательно — с учетом истории XX столетия, — что страха перед Германией или обиды на нее в России нет. Михаил Горбачев в свое время дал согласие на воссоединение Германии. В этом он солидаризировался с президентом США Джорджем Бушем-старшим, но пошел наперекор инстинктивным ощущениям всех крупных европейских держав — Британии, Франции и Италии [28]. В 1994 г., когда последний российский солдат покинул территорию бывшей ГДР, процесс примирения между двумя странами был фактически завершен [29]. Сейчас мы видим то, что еще двадцать лет назад казалось немыслимым: на полях сражений Великой Отечественной войны появились немецкие военные кладбища.

Две другие крупные европейские державы, входящие в НАТО, Великобритания и Франция, были союзниками России в обеих мировых войнах. Франция в особенности считается в России традиционным другом и союзником. Вторжение Наполеона в 1812 г. и пожар Москвы — уже древняя история, и это не вызывает враждебности. Выход Франции из военной организации НАТО при Шарле де Голле, его концепция «Европы от Атлантики до Урала» и страстная речь генерала, произнесенная с балкона Моссовета в 1966 г., убедили Кремль и российский народ, что Франция им не враг. С тех пор и вплоть до окончания «холодной войны» у Москвы существовало особое отношение к Парижу.

К Великобритании в России традиционно относятся неоднозначно, хотя крупных военных конфликтов с ней не было. За Лондоном числятся лишь отдельные нападения на окраины Российской

империи — крупнейшим из них стало его участие в Крымской кампании 1853—1854 гг., когда несколько европейских держав объявили войну России. Британия была не столько прямым врагом, сколько политическим конкурентом, особенно в ходе «Большой игры» в Центральной Азии и на Кавказе, или близким союзником главного потенциального противника России — Соединенных Штатов — в годы «холодной войны». Другие крупные страны НАТО либо никогда не рассматривались в России как противники, как это было с Италией и Испанией, либо резко улучшили отношения с ней в постсоветский период, как Турция.

Почему же тогда в России столь негативно относятся к расширению НАТО? Отправной точкой следует считать окончание «холодной войны». Большинство россиян считают, что прекращение сорокалетней конфронтации стало возможно прежде всего благодаря горбачевской политике примирения и компромисса с Западом. Люди демократических убеждений добавляют, что «холодная война» по-настоящему завершилась, когда Россия отвергла коммунистический строй. Некоторые дополнительно указывают на распад советской империи и демонтаж самого СССР при преобладающей роли российских элит. Так или иначе, большинство россиян убеждены, что окончание «холодной войны» было их выбором и заслугой. Конечно, для этого необходимы были партнеры — Рейган, Буш, Маргарет Тэтчер, Гельмут Коль, Франсуа Миттеран и др., а потому прекращение конфликта следует считать общей победой россиян, европейцев и американцев.

Исходя из этого, было бы логично ожидать быстрой интеграции России в систему западных институтов. В первом послании Ельцина руководству НАТО в декабре 1991 г. говорилось, что Россия ставит вопрос о вступлении в Альянс в недалеком будущем. Однако Кремль ждал неприятный сюрприз: немедленного ответа Брюсселя не последовало. Вместо этого России вместе со всеми постсоветскими республиками и бывшими странами Варшавского договора было предложено войти в Совет североатлантического сотрудничества. Москва была явно разочарована. В конце концов через две недели в штаб-квартиру НАТО было отправлено другое письмо с разъяснением, что в текст первого послания вкралась опечатка, и читать его следует с точностью до наоборот: Россия *не* ставит вопрос о вступлении в НАТО в обозримом будущем.

Многие на Западе считали, что новая Россия по-прежнему слишком велика, а значит, трудноуправляема, что там царит хаос, что она явно не готова к членству в НАТО, но при этом чересчур амбициоз-

на. Совет североатлантического сотрудничества — консультативный орган, главной задачей которого было обеспечить выполнение постсоветскими государствами обязательств СССР в области контроля над вооружениями, — был совсем не тем «общеевропейским домом», о котором мечтал Горбачев. Что же касается призыва Буша-старшего к созданию «единой и свободной Европы», то у Ельцина и его министра иностранных дел Козырева возникли сомнения: включает ли она Россию? Весной 1992 г. в Вашингтоне Буш категорически отверг предложение Ельцина о российско-американском альянсе, ссылаясь на его неуместность в условиях новой эпохи мира во всем мире. Надежды России, что Запад раскроет ей объятия, были быстро развеяны. И в «провокационной» стокгольмской речи в 1992 г. Козырев предупреждал Запад о том, что может произойти, если он не пожелает интегрировать Россию в свои ряды.

Когда в 1994 г. Соединенные Штаты анонсировали программу «Партнерство во имя мира» в качестве схемы сотрудничества в сфере безопасности между НАТО и бывшими странами Варшавского договора, а также постсоветскими государствами включая Россию, Москва приняла предложение Вашингтона. Какое-то время она надеялась, что эта программа станет альтернативой расширению НАТО и потому отнеслась к ней позитивно. Вскоре, однако, Россию постигло жестокое разочарование: администрация Клинтона в ответ на просьбы Польши, Венгрии, Чехии и Словакии о приеме в НАТО и давление групповых интересов в Вашингтоне начала перестройку «Партнерства во имя мира» в инструмент подготовки к вступлению в Альянс для некоторых участников программы.

Поначалу Ельцин был склонен отнестись к расширению НАТО толерантно, о чем он дал понять президенту Польши Леху Валенсе в ходе визита в Варшаву в сентябре 1993 г. Однако практически весь российский истеблишмент, связанный с обороной и безопасностью, придерживался диаметрально противоположной точки зрения. В отсутствие какого-либо альянса России с Западом единственным ощутимым положительным результатом внешнеполитического курса Горбачева стало появление между Россией и НАТО обширной буферной зоны. Теперь ее существование оказалось под угрозой [30]. Ельцин, вынужденный опираться на военных в противостоянии с оппонентами из Верховного Совета — коммунистами и националистами, вынужден был отступить.

Российские демократы, потрясенные психологическим реваншем коммунистов и националистов на парламентских выборах 1993 г., вос-

приняли эти шаги Запада как вотум недоверия демократии в России, т. е. им самим. Теперь они начали предостерегать: расширение НАТО, не включающее Россию (а она, по их мнению, должна была первой из стран бывшего Восточного блока вступить в Альянс), вновь создаст в стране представление о НАТО как о враждебной структуре. Бывшие участники переговоров о воссоединении Германии утверждали, что в их стенограммах зафиксировано обещание западных партнеров не расширять зону ответственности НАТО за те пределы, которые она имела в 1989 г. Таким образом, Запад теперь нарушал свое слово.

Из происходящего был сделан вывод, убийственный для репутации НАТО в глазах Москвы. Блок не только не самораспустился после крушения коммунистической системы, продолжая функционировать в качестве военного союза, но и начал принимать в свои ряды страны, граничащие с Россией. В зоне ответственности НАТО других потенциальных противников, кроме России, у него не было. Теперь россияне осознали: по мнению Запада, Советский Союз проиграл «холодную войну», и Российская Федерация — его правопреемник — должна смириться с последствиями этого поражения.

Центральная Европа, «поле боя» этой многолетней конфронтации, теперь попадала под контроль победоносного Запада как военный трофей и потенциальное «предполье» на случай будущего возрождения российской мощи. Сама Россия находилась в лучшем случае на «испытательном сроке» и по-прежнему воспринималась с немалой долей подозрительности. В результате в рядах ее политической элиты впервые возник почти полный консенсус: расширение НАТО противоречит национальным интересам страны. У этого консенсуса была по сути националистическая основа. Нарождающаяся российская демократия, обманутая в лучших ожиданиях, уступила пальму первенства «державности».

Москва организовала шумную, но с самого начала безнадежную кампанию, призванную остановить расширение Альянса. Ее воздействие на Запад было минимальным. Более того, если у этой кампании и был какой-то результат, то исключительно контрпродуктивный. Сторонники расширения получили возможность преподнести возражения России как доказательство сохраняющихся у нее имперских амбиций и нежелания позволить бывшим сателлитам свободно выбирать стратегических партнеров. Страны Центральной Европы, сумевшие благодаря горбачевской политике покончить с коммунизмом «бархатными» методами, а затем демонстрировавшие солидарность с Ельциным в борьбе «за вашу и нашу свободу», уверились в том, что

в главном Россия не изменилась. Ельцин — лишь очередной «царь», а путь в НАТО — единственно верный.

В самой России политические последствия были еще более негативными. Многие политики и чиновники начали воспринимать «Партнерство во имя мира» как уловку, призванную обеспечить ускоренное присоединение некоторых участников этой программы к НАТО, а другие государства, в том числе Россию, удерживать в рамках бессмысленной структуры, в школе, где им никогда не получить аттестат зрелости. В 1994–1997 гг. идея интеграции с Западом была во многом дискредитирована, и на арену вернулось евразийство, пусть и в новой форме. Книга Николая Данилевского «Россия и Европа», написанная после горького поражения в Крымской войне, была переиздана в 1995 г. и сразу стала бестселлером. Геополитику в традиционном варианте Realpolitik поднимали на щит как высшую форму искусства государственного деятеля. «Звездой салонов» стал Александр Дугин — в прошлом никому не известный публицист-обскурант. В заголовках газетных статей сплошь и рядом встречались формулировки вроде «Натовские войска у ворот Петербурга и Смоленска» или «Новое 22 июня уже не за горами». В январе 1996 г. Козырев, ставший символом прежнего политического курса, был снят с поста министра иностранных дел.

В конечном счете новый глава российского МИДа Евгений Примаков и генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана договорились о формате расширения НАТО, который, по мнению руководства Альянса, должен был успокоить Москву. В мае 1997 г. Ельцин прибыл в Париж, чтобы подписать Основополагающий акт о взаимных отношениях между Россией и НАТО. Но это были напрасные хлопоты. В России Акт был воспринят в основном негативно. Традиционалисты сочли, что таким образом российское руководство пытается сохранить лицо, затушевать свою безоговорочную капитуляцию. Некоторые национал-либералы полагали, что целесообразнее было бы отказаться признать расширение НАТО. Лишь очень немногие надеялись, что «денверский прорыв» — согласие Билла Клинтона на присоединение России к «большой семерке» в качестве полноправного участника — может затмить «мадридское унижение» (на саммите в этом городе трем странам Центральной Европы было официально предложено вступить в Альянс).

Впрочем, все это по-прежнему волновало в основном элиту. Широкая общественность оставалась равнодушной к абстрактным геополитическим конструктам. Но если войны в Хорватии и Боснии не

оказали сильного воздействия на российское общество, то применение НАТО военной силы против Югославии в марте-июне 1999 г. по-настоящему шокировало большинство россиян. НАТО — к тому времени его оборонительный характер в годы «холодной войны» был лишь недавно признан Москвой — вдруг превратилось в *наступательный альянс*. Его участники проигнорировали протесты Москвы и осуждение этой войны как пустые фразы: они начали бомбардировки Югославии без санкции Совета Безопасности ООН, где Россия могла бы наложить вето на резолюцию о применении силы. Москва была бессильна что-либо сделать.

В то время в России пользовался популярностью такой тезис: разница между Российской Федерацией и Сербией состоит в том, что у первой есть ядерное оружие, и потому она может не опасаться натовской агрессии, в противном случае ее постигла бы та же судьба. Тогда западная общественность в целом сочувствовала не только косовским албанцам, но и чеченцам. Российский премьер Примаков, направлявшийся в Вашингтон, узнав о начале бомбардировок Югославии, приказал развернуть самолет над Атлантикой. Этот шаг, тут же получивший название «петля Примакова», стал символом драматической смены курса не только в воздухе, но и в политике.

Косовский конфликт высветил новую геополитическую картину в Европе. Почти одновременно Польша, Венгрия и Чехия[31] вступили в НАТО. Когда Генеральный штаб в Москве, отдавший приказ российскому миротворческому контингенту в Боснии передислоцироваться в Косово, решил направить ему подкрепления по воздуху, Украина, Румыния и Болгария отказались предоставить для этого воздушный коридор. Небольшой российский отряд, занявший аэродром в Приштине (что было чревато риском вооруженного столкновения с натовскими войсками), оказался в полной изоляции. Более того, водой и продовольствием его какое-то время снабжал британский контингент. Российские миротворческие силы вопреки желанию Москвы не получили собственного сектора в Косово.

Четыре года спустя российские миротворческие контингенты были полностью выведены и из Косово, и из Боснии. С тех пор Москва рассматривает Балканы как сферу влияния Запада — НАТО и ЕС. Через десять лет после падения Берлинской стены пределы влияния Москвы в Европе физически сузились до границ постсоветского пространства.

После терактов 11 сентября Путин сделал серьезную заявку на «альянс с Альянсом», как выразился тогдашний посол США в России

Александр Вершбоу. Он сразу же позвонил своему американскому коллеге Джорджу У. Бушу, чтобы выразить солидарность с Соединенными Штатами, но этим дело отнюдь не ограничилось: осенью 2001 г. Россия больше, чем любая другая страна, помогла американцам свергнуть режим талибов. Ядро группировки, взявшей Кабул, составили афганские союзники Москвы из Северного альянса. Кроме того, Россия передавала Вашингтону ценные разведданные и поделилась собственным афганским опытом.

Пойдя вразрез с только что утвержденной российской военной доктриной, Москва не стала возражать против создания американцами военных баз для борьбы с талибами на территории ее центральноазиатских союзников — участников ОДКБ. При этом Россия не претендовала на особую роль в освобожденном Афганистане, согласившись с преобладанием США в регионе. А ведь всего двадцатью годами раньше опасения Москвы относительно усиления американского влияния в этой стране подтолкнули СССР к вторжению, ставшему прологом десятилетней войны.

В 2000—2002 гг. Путин намеками (публично)[32] и напрямую (конфиденциально)[33] давал понять, что Россия хочет войти в НАТО. Но максимум, чего ему удалось добиться, — это создать вместо Совместного постоянного совета Россия-НАТО новый орган: Совет Россия-НАТО. Предполагалось, что это приведет к повышению уровня отношений между сторонами: Россия не будет, как прежде, иметь дело с объединенной «натовской стороной», а станет равноправным членом группы наряду со всеми странами Альянса. Была также принята декларация о принципах сотрудничества[34]. Однако эта схема не оправдала возлагавшихся на нее надежд.

Уже в середине 2002 г. администрация Буша потеряла интерес к тесному сотрудничеству с Москвой, сосредоточив все внимание на Ближнем Востоке. Вторжение в Ирак привело к дальнейшему охлаждению российско-американских отношений; с этого момента и вплоть до окончания второго президентского срока Буша-младшего они неуклонно ухудшались. В итоге подобно тому, как натовская кампания против Югославии в 1999 г. парализовала деятельность Совместного постоянного совета Россия-НАТО, сотрудничество в рамках Совета Россия-НАТО было прервано после российско-грузинской войны.

Так или иначе, недолгое потепление в отношениях между Россией и НАТО не остановило процесс расширения Альянса: напротив, в этой сфере произошел качественный сдвиг. В 2004 г. российское руководство согласилось с тем, что в 1990-е годы многим казалось

немыслимым: присоединением к НАТО трех государств Балтии. Конечно, даже в советскую и имперскую эпохи Прибалтика считалась в России чем-то вроде «внутреннего зарубежья». Верно и то, что Латвию, Литву и Эстонию отпустили из состава СССР без каких-либо условий сразу после провала августовского путча в 1991 г. А в 1993 г. после настойчивых просьб Клинтона Ельцин приказал Министерству обороны прекратить проволочки и полностью вывести войска из трех республик.

Тем не менее смириться с продвижением НАТО на расстояние 100 км от Санкт-Петербурга и с превращением Калининградской области в анклав на натовской территории (некоторые сравнивали это с положением Западного Берлина в годы «холодной войны») было нелегко. Когда в 2006 г. Альянс провел саммит в Риге, впервые выбрав местом его проведения одну из бывших советских республик, многие европейцы расценили это как символ перемен. Но если на Западе это воспринималось как триумф демократии, то в России многих волновали прежде всего геополитические последствия такого сдвига.

В то же время Россия спокойно реагировала на стремление Румынии и Болгарии присоединиться к Альянсу. Когда они в 2004 г. стали членами НАТО, из Москвы не прозвучало никаких возражений. Румынскую армию и в качестве противника, и в качестве союзника в России традиционно оценивали крайне низко, а к членству Болгарии во враждебных коалициях россияне привыкли по опыту двух мировых войн. Однако с 2004 г. и на Балтике, и на Черном море преобладает НАТО. У прежнего гегемона — России — там остались лишь небольшие плацдармы.

Выведя в 2003 г. миротворческий контингент с Балкан и уступив Балтию (в отличие от ельцинской эпохи при Путине расширение Альянса не сопровождалось шумной кампанией протеста; Москва пережила его, «стиснув зубы»), российское руководство стремилось за счет этого консолидировать оставшиеся немногие активы там, где это было важнее всего, — в странах СНГ. Кремль был готов отказаться от какой-либо роли в своей прежней сфере интересов — Центральной и Восточной Европе, а также в Прибалтике. Но Россия была полна решимости не допустить дальнейших покушений Запада на ту территорию, которую она считала своим «историческим пространством».

Испытаниями этой решимости стали 2004 г., когда Украину захлестнула волна «оранжевой революции», чьи лидеры не скрывали стремления привести страну в НАТО, и 2008 г., когда на Бухарест-

ском саммите Альянс, пусть и не называя конкретных сроков, пообещал принять в свои ряды Украину и Грузию. А под конец пребывания Джорджа Буша-младшего на посту президента в отношениях между сторонами появился еще один серьезный раздражитель: планы по развертыванию американской системы ПРО в Центральной Европе.

Принятое в 2007 г. решение администрации Буша о размещении 10 ракет-перехватчиков в Польше и радиолокационной станции ПРО в Чехии было призвано обеспечить защиту от ракетного удара Ирана. По мнению Москвы, однако, этот шаг мог обернуться весьма серьезными последствиями. Во-первых, развернутые в Центральной Европе объекты должны были составить третий позиционный район глобальной системы ПРО, к созданию которой Вашингтон приступил еще в 2002 г., после выхода из Договора об ограничении систем противоракетной обороны, заключенного тридцатью годами ранее. Два других района — на Аляске и в Калифорнии — предназначались для нейтрализации ракетной угрозы со стороны Северной Кореи.

Отказ Буша принять предложение Путина о сотрудничестве в сфере противоракетной обороны, которое он высказал в 2007 г. на саммите в Кеннебанкпорте (штат Мэн, США), был воспринят в Москве как зловещее предзнаменование. Кроме того, администрация Буша начала постепенно сворачивать российско-американские учения по защите от баллистических ракет и саботировать заключенное в 2000 г. соглашение о создании совместных центров слежения за ракетными пусками. Эксперты в Москве предполагали, что рано или поздно глобальная система ПРО сможет нейтрализовать и арсенал стратегических ракет самой России, стареющий и тающий на глазах, подрывая ее возможности сдерживания в отношении США.

Немаловажным представлялся и выбор района дислокации объектов ПРО в Европе. С территории Польши американские перехватчики теоретически могли сбивать российские ракеты, запущенные по целям в Северной Америке [35]. Конечно, десяток ракет-перехватчиков особой роли не сыграл бы, но при увеличении их числа ситуация могла измениться. Что же касается радара, то с его помощью американцы могли бы следить за всей российской стратегической группировкой в европейской части страны. Наконец, Москву возмущало, что объекты будут развернуты именно в Польше и Чехии, входивших в число стран НАТО, наиболее скептически относившихся к России и категорически возражавших против постоянного присутствия российских военных на своей земле, даже если речь шла о немногочисленных инспекторах на американских объектах.

Если ельцинский раунд стратегической интеграции между Россией и Западом закончился в 1999 г. под взрывы бомб, падающих на Белград, то путинский раунд похоронила Пятидневная война 2008 г. Начало новому этапу положили избрание Барака Обамы 44-м президентом США и «перезагрузка» политики Вашингтона в отношении Российской Федерации. В ноябре 2010 г. Медведев прибыл на натовский саммит в Лиссабоне с совершенно иным багажом, чем тот, что Путин привез в Бухарест в апреле 2008-го. НАТО и Россия договорились об осуществлении целого ряда совместных проектов. Самый амбициозный из них — координация усилий в области противоракетной обороны — способен изменить сам характер стратегических отношений между ними, покончить с антагонистической моделью времен «холодной войны». Однако на отношения Москвы и НАТО влияет еще один важный фактор: ситуация в соседних с Россией странах и представления о ней.

БУДУЩЕЕ: НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Новая Восточная Европа — не просто примета сегодняшнего дня, это долгосрочная реальность. Сейчас уже невозможно представить себе ни одного правдоподобного сценария поглощения бывших советских республик Российской Федерацией. Что же касается их интеграции в действенный экономический союз во главе с Россией, то хотя Путин в октябре 2010 г. и заявил, что Таможенный союз с Белоруссией и Казахстаном в принципе открыт для всех заинтересованных сторон[36], это будет зависеть в основном от того, захочет ли Москва стать мотором такой интеграции, т. е. играть роль донора. Пока, несмотря на сделанные годом позже новые заявления Путина о Евразийском союзе, подобного стремления не наблюдается, и, чтобы взять на себя эту роль, России нужно будет серьезно изменить свой внешнеполитический курс.

Возможность вступления постсоветских государств в Евросоюз появится лишь после того, как он преодолеет последствия экономического кризиса 2008—2009 гг. и долгового кризиса, вступившего в острую фазу в 2011 г., а также полностью переварит результаты взрывного расширения 2004—2007 гг., когда к ЕС присоединились целых 10 стран, наладит эффективное управление объединением, состоящим из 30 государств, и вернет себе утраченное ощущение лидерства и цели. Но даже после этого «первыми в очереди» в кратко- и среднесрочной перспективе останутся балканские страны: Хорватия уже

находится на пороге вступления в ЕС, за ней выстроились Сербия и Косово, а затем придет черед других государств региона — Албании, Македонии, Черногории. В долгосрочной перспективе можно представить, что ЕС примет в свои ряды маленькую Молдавию. Турция скорее всего останется за пределами Евросоюза, по крайней мере в обозримом будущем. Путь Украины в Брюссель будет очень долгим, а говорить о вступлении в ЕС других стран региона в настоящее время вообще невозможно.

Пятидневная война подвела черту под тем периодом истории европейского Востока, который прошел под знаком реального расширения атлантических и европейских структур, а также надежд на присоединение к ним. Еще до Бухареста было очевидно, что безопасный предел натовского Drang nach Osten уже достигнут[37]. Одновременно глобальный кризис и его последствия (особенно клубок экономических, финансовых и социальных проблем, возникших в 2009—2010 гг. в ряде стран Евросоюза) не оставили сомнений в том, что в процессе расширения ЕС наступила как минимум долгая пауза.

Кроме того, Россия продемонстрировала полную неспособность, да и нежелание инициировать в зоне своих «привилегированных интересов», как выразился Дмитрий Медведев в 2008 г., серьезный интеграционный проект. Правда, в середине 2009 г. Путин ускорил формирование Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России, что на какое-то время породило сомнения в сохраняющемся интересе Москвы к завершению процесса вступления в ВТО. Однако вскоре стало очевидно: реальная экономическая интеграция пока возможна только между Россией и Казахстаном. Их таможенный союз (в усеченном варианте) начал действовать в июле 2010 г. Тем временем осенью того же года отношения Кремля с белорусским президентом Александром Лукашенко беспрецедентно ухудшились. К тому же моменту Россия достигла договоренности с США и оказалась «в двух шагах» от членства в ВТО[38].

Попытки Москвы склонить руководство Украины к участию в Таможенном союзе потерпели полную неудачу. Весьма символичен тот факт, что первый зарубежный визит Янукович нанес в Брюссель. В Молдавии российскому руководству пришлось иметь дело с партийной коалицией под красноречивым названием «Альянс за европейскую интеграцию». Грузия, чьи надежды на ускоренное присоединение к НАТО рухнули, к 2009 г. официально вышла из СНГ; на всех правительственных зданиях в Тбилиси вывешиваются флаги Евросоюза. Азербайджан продолжает богатеть, а значит, проводит

все более независимую политику. Армения в августе 2010 г. укрепила альянс с Россией, но в ответ добилась от Москвы гарантий неприкосновенности своих границ, в том числе с Азербайджаном.

Из шести перечисленных стран три — Белоруссию, Молдавию и Украину — можно в совокупности назвать Новой Восточной Европой [39]. Три другие — Азербайджан, Армения и Грузия — относятся к Южнокавказскому региону. Сегодня, через двадцать лет после демонтажа СССР, все они стали подлинно независимыми государствами. Различия между двумя группами носят не только географический и культурный характер. Южный Кавказ отделен от ЕС не просто расстоянием. За исключением Грузии в странах региона не наблюдается сильных проевропейских настроений. Они расположены бок о бок с Турцией и Ираном и могут считаться частью Большого Ближнего Востока в такой же степени, как и частью Большой Европы. И напротив, участники восточноевропейского трио не только граничат со странами ЕС, но и считают Европу своим домом. В то же время они тесно связаны с Россией.

Эту реальность нелегко воспринять тем, кто двадцать лет грезил о «присоединении к Европе». Украинские националисты, или «западенцы», убеждены: если страна не интегрируется с западным миром, ее суверенитет будет постоянно находиться под угрозой. Таким образом, вопрос о присоединении к НАТО — на деле вопрос о сохранении все еще непрочной независимости Украины. Будучи президентом, Ющенко утверждал: «Членство в НАТО и независимость Украины — синонимы» [40]. Украинские националисты предпочитают подавать эту дилемму не с точки зрения пророссийской или антироссийской направленности, а в плане пользы или вреда для самой Украины. Кроме того, они говорят о «цивилизационном выборе» в аспекте горизонтальной или вертикальной организации государства. В этом смысле можно утверждать, что авторитарные тенденции в России льют воду на мельницу националистов, увеличивая разницу между двумя странами [41].

На Восточной Украине, однако, считают, что на посту главы государства Ющенко присоединился к усилиям по созданию вокруг России «санитарного кордона». Превращая Россию в оппонента украинских интересов, он нанес гигантский экономический ущерб собственной стране. Его политика носила целенаправленный антироссийский характер по принципу «помогай любым врагам Москвы». Существовавшие при Кучме надежды на превращение Украины в регионального лидера, создание «мягкой» альтернативы России развеялись как дым. По мнению «восточников», стране необходима много-

векторная внешняя политика: партнерство с НАТО, зона свободной торговли и ассоциация с ЕС, альянс с континентальной Европой, и в первую очередь с Германией и Францией, в качестве противовеса американскому влиянию, промышленное сотрудничество с Россией и подключение Киева к диалогу Москвы и ЕС с США[42].

За пять лет пребывания у власти «оранжевых» стало очевидно, что проект «западенцев» не стал фундаментом современной украинской нации. В теоретическом плане они лишь до бесконечности повторяли сентенции Михаила Грушевского столетней давности. К тому же, представляя по сути сельскую культуру, «западенцы» ничего не могли предложить не только жителям крупных промышленных центров Востока и Юга (Харькова, Донецка, Одессы), но и киевлянам. Вывод был однозначен: Западная Украина — лишь одна из субкультур в рамках формирующейся общеукраинской нации.

Что же касается белорусского президента Александра Лукашенко, то он, вместо того чтобы играть роль лояльного союзника Москвы в обмен на экономические льготы и политическую защиту, занялся сложным геополитическим маневрированием. Лакмусовой бумажкой здесь стал вопрос о признании Абхазии и Южной Осетии. В 2008—2009 гг. Минск обещал Москве признать независимость двух республик, но так и не сдержал слово, поставив своих покровителей в неловкое положение и вызвав их гнев.

Лично для Лукашенко этот вопрос, возможно, был тестом на собственную независимость. Чувствуя, что он может «продать» Западу свой отказ быть московской марионеткой, президент Белоруссии установил прямой контакт с руководством ЕС. Это должно было служить и предупреждением Кремлю: кроме ориентации на Россию у Белоруссии есть и другие варианты. Один белорусский оппозиционный политик назвал это тактикой «двойного шантажа»[43]. Чтобы нейтрализовать угрозу Москвы относительно приостановки субсидий, Минск обратился к Пекину с просьбой о кредитах.

Кроме того, Лукашенко договорился об импорте нефти из Венесуэлы, призванном компенсировать сокращение российских поставок, и в апреле 2010 г. предоставил убежище свергнутому президенту Киргизии Курманбеку Бакиеву, прогневавшему Москву своей двурушнической позицией по ряду политических и экономических вопросов. Наконец, публичные комментарии белорусского президента о внутренних делах России спровоцировали Кремль на беспрецедентную пропагандистскую кампанию против Лукашенко накануне выборов в Белоруссии в декабре 2010 г.

Впервые с 1996 г. Москва не поддержала Лукашенко в ходе президентских выборов. Оппозиции это победы не принесло. И Кремлю, клеймившему белорусского президента как абсолютно ненадежного партнера и даже уголовного преступника, после голосования пришлось работать с ним и его правительством. Более того, выборы в Белоруссии вряд ли можно было назвать менее свободными и честными, чем в самой России и большинстве других стран СНГ. Одним словом, российское руководство оказалось в явно неловком положении. Москва утратила рычаги влияния на Минск, который не только не уступал ее давлению, но и активно искал других партнеров от Китая и Венесуэлы до Евросоюза и Соединенных Штатов.

Москва получила помощь с самой неожиданной стороны — от самого Лукашенко. Обрушившись сразу же после президентских выборов 2010 г. с репрессиями на оппозицию, он собственными руками разрушил мосты, которые начал было возводить с Евросоюзом. Можно лишь строить предположения относительно причин, подвигнувших Лукашенко на иррациональное с точки зрения его политических интересов поведение, но результат очевиден: на фоне ухудшающегося экономического положения Минск оказался в финансовой зависимости от Москвы. Россия же требует от Минска открытия белорусской экономики, что в перспективе лишает режим Лукашенко экономической базы.

Рано или поздно «последний диктатор Европы», конечно, сойдет со сцены. Лишившись российских субсидий, он оставит страну, и прежде всего ее экономику, в худшем состоянии, чем во всех соседних государствах. Тем не менее Белоруссия на политической карте превращается не в простое «продолжение» России, а в самостоятельную страну и государство. И для любого преемника Лукашенко это станет отправной точкой. Несомненно, вновь встанет вопрос и о политической ориентации Белоруссии на долгосрочную перспективу. Граждане страны уже не будут оглядываться только на Москву: они начнут смотреть и на западных соседей, также в свое время входивших в советскую империю.

Если политический режим в Белоруссии — самый жесткий во всей Новой Восточной Европе, то в Молдавии он самый либеральный. В стране с 2000 г. существует парламентская республика; там уже произошел безболезненный конституционный переход власти от аграриев к коммунистам, а затем, что еще удивительнее, от коммунистов к либералам. Конечно, по значению для России Молдавия несравнима с Украиной и Белоруссией, но Москва не может не уде-

лять внимание событиям в Кишиневе в свете замороженного Приднестровского конфликта, важности проходящего через молдавскую территорию газопровода, доставляющего российское «голубое топливо» на Балканы, амбиций и устремлений Румынии в отношении соседнего государства с этнически близким населением и вездесущего вопроса о расширении НАТО.

Именно эти интересы, а не персоналии или находящиеся у власти партии определяют политику России в отношении Молдавии. Так, президент с чисто русскими именем и фамилией Владимир Воронин [44], до 1994 г. служивший в российской милиции и имевший генеральское звание, а затем возглавивший Партию коммунистов Республики Молдова, поначалу считался в Москве союзником. Позднее, после того как он отказался смириться с российским военным присутствием в стране в рамках плана по урегулированию конфликта в Приднестровье, Воронин на время был списан со счетов как «прозападный» политик и, наконец, стал прагматически восприниматься Кремлем как один из ключевых игроков на небольшой молдавской политической арене. Из всех этих игроков Москва не рассматривала в качестве потенциального партнера лишь исполнявшего обязанности президента [45] Михая Гимпу, известного резкими антироссийскими заявлениями и симпатиями к Румынии. С остальными — либералами, демократами, либерал-демократами, коммунистами — Россия готова иметь дело при условии, что они будут учитывать ее интересы. Такой же подход сформировался у Москвы и в отношениях со странами, в прошлом участвовавшими в Варшавском договоре и СЭВ.

ЗАБЫТЫЕ САТЕЛЛИТЫ: ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА, ПРИБАЛТИКА

После войны с Грузией российское руководство предприняло целенаправленные усилия по улучшению отношений с Польшей. Эта страна, долгое время остававшаяся без внимания Москвы и списанная со счетов из-за ее «генетической русофобии», стала серьезным барьером на пути развития связей России с Евросоюзом. В 2005 г. конфликт из-за поставок в Россию мяса из Польши привел к приостановке переговоров по новому договору между ЕС и Россией, призванному заменить заключенное в 1994 г. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). В результате к окончанию срока действия СПС в 2007 г. новое соглашение так и не было заключено. В ЕС и НАТО Польша (в 2005—2007 гг. ее возглавляли братья Качиньские: Лех занимал пост президента, а Ярослав — премьера) считалась одновременно

признанным экспертом по России и одним из главных «русоскептиков» — убийственное сочетание! Расставляя точки над «i», Варшава даже заморозила контакты с Москвой на правительственном уровне.

Первые попытки Кремля преодолеть «варшавский барьер» за счет налаживания «особых отношений» с ключевыми странами ЕС, особенно с Германией и Францией, результата не дали. Польша отказывалась уступать, призывая Евросоюз проявить солидарность с его членом, оказавшимся лицом к лицу с авторитарной Россией. Для Ангелы Меркель и Николя Саркози объединение усилий с Путиным ради давления на бывшего советского сателлита было неприемлемо в моральном плане и самоубийственно в плане политическом, а значит, исключено.

В конечном счете Москва решила устранить препятствие напрямую, воспользовавшись результатами выборов в Польше, после которых там было сформировано более умеренное правительство. В 2008 г. российский МИД получил указание начать масштабные и серьезные консультации с польскими коллегами. Поляки с удивлением почувствовали, что российские визави стали относиться к ним с уважением.

В 2009 г. Путин решил лично посетить Гданьск для участия в церемонии, посвященной семидесятилетию начала Второй мировой войны. Его визиту предшествовала статья в популярной «Gazeta Wyborcza», написанная в весьма примирительном тоне. На самом мероприятии Путин услышал немало критики в адрес бывшего СССР. Однако в кулуарах ему удалось найти взаимопонимание с новым польским премьером Дональдом Туском. В начале 2010 г. Путин пригласил Туска посетить Катынь, где в 1940 г. сталинский НКВД расстрелял 22 тыс. поляков — офицеров и гражданских лиц.

Значение катынской трагедии для поляков трудно переоценить. В ходе совместного визита 7 апреля 2010 г. Путин преклонил колено перед мемориалом в память погибших и четко возложил ответственность за это массовое убийство на Сталина. Но уже через три дня наметившееся российско-польское сближение подверглось неожиданному и жестокому испытанию.

Путин пригласил в Катынь Туска, но не президента Леха Качиньского. Это полностью соответствовало дипломатическому протоколу: премьер-министр приглашает премьер-министра. Кроме того, если Туск пользовался репутацией прагматика, то Качиньский считался неисправимым русофобом. Последний, однако, не мог отдать церемонию в Катыни на откуп своему политическому сопернику Туску.

10 апреля 2010 г. он вылетел туда с неофициальным визитом вместе с десятками высокопоставленных польских деятелей. При посадке на ближайшем к Катыни аэродроме под Смоленском самолет разбился. Все находившиеся на борту погибли.

Это был самый страшный из всех возможных ударов по отношениям двух стран. Но российские власти в связи с этой трагедией повели себя безупречно. Они проявили профессионализм, такт, открытость, готовность к сотрудничеству и глубокое сочувствие к родным погибших и всему польскому народу. И хотя Ярослав Качиньский, безуспешно претендовавший на президентский пост на выборах летом 2010 г., и ряд его сторонников утверждают, что дело нечисто (в лучших конспирологических традициях Восточной Европы выдвигается даже версия о заговоре Путина и Туска с целью устранить с дороги Леха Качиньского), тенденцию к улучшению польско-российских отношений удалось сохранить.

Процесс примирения России и Польши необходимо углублять, придать ему необратимый характер, а также распространить на других новых членов НАТО и ЕС, в частности, на страны Балтии. Их отношения с Россией отличаются напряженностью буквально с сентября 1991 г., когда этим трем республикам позволили выйти из состава доживавшего последние месяцы СССР.

В то же время отношения с другими бывшими сателлитами, оставшиеся фактически без внимания в 1990-х годах, за первое десятилетие нового века активизировались в связи с возникшей у Москвы заинтересованностью в диверсификации транзитных маршрутов доставки энергоносителей основным клиентам «Газпрома» из стран ЕС. Так, Венгрии, Румынии, Болгарии и Словакии было предложено принять участие в ряде газпромовских проектов. Россия налаживает диалог и с государствами бывшей Югославии — Словенией, Хорватией и Сербией. Чехия (она, что примечательно, не охвачена сотрудничеством с «Газпромом») занимает первое место по числу постоянно проживающих там россиян и наряду с Хорватией, Черногорией и Болгарией является одним из излюбленных мест отдыха российских отпускников. В странах Юго-Восточной и отчасти Центральной Европы граждане России успешно сочетают деловую активность с приятным времяпровождением.

В военном плане ситуация на стратегическом направлении, традиционно считавшемся важнейшим, все больше стабилизируется. В 2009 г. Москва под явным воздействием стереотипов прошлого избрала для учений «Запад» очевидно нереальный сценарий: нападение

НАТО на Россию. Но поскольку в основе нынешнего внешнеполитического курса страны лежат потребности модернизации, бывший «западный фронт» быстро превращается в площадку для взаимодействия с наиболее развитыми странами из соседних с Россией регионов.

С учетом этого «тектонического сдвига» в 2010 г. архитекторы российской военной реформы объединили Московский и Ленинградский военные округа, сухопутные силы, дислоцированные в Калининградской области, а также Балтийский и Северный флоты в единое региональное командование со штабом в Санкт-Петербурге. В его состав по-прежнему входит сильная войсковая группировка, но основное внимание Москва сегодня уделяет другим стратегическим направлениям. После окончания «холодной войны» и распада СССР приоритетное значение приобрел юг.

В 1945 г. в Ялте Сталин, как отмечал Вадим Цымбурский, «получил ровно то, что западный мир в лице его лидеров не считал с уверенностью своим» — Чехословакию, брошенную Лондоном и Парижем на произвол судьбы еще в Мюнхене, Польшу, на агрессию против которой в 1939 г. Британия и Франция ответили лишь «странной войной», и Балканы, до недавних пор вообще не считавшиеся частью «Европы». Шестьдесят пять лет спустя Запад раздвинул свои пределы, включив все эти страны в расширенное сообщество. Москва смирилась с этим самое по́зднее в 2003 г., когда она вывела своих миротворцев с Балкан и решила не реагировать на «девятый вал» расширения НАТО и ЕС. Трехсотлетний период активного военно-политического участия России в европейских делах закончился. Центр ее внимания переместился в другие регионы.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ

Если противоречия на западном направлении все больше переходят в политическую плоскость, то на южном возникли вполне реальные военные угрозы. Самые серьезные задачи сегодня стоят перед Оперативно-стратегическим командованием «Юг» со штабом в Ростове-на-Дону, которому подчинены бывший Северокавказский военный округ, Черноморский флот, Каспийская флотилия и некоторые части расформированного Приволжско-Уральского округа. Кавказ, как и в XIX в., превратился в неспокойный рубеж России. Если Российская Федерация стремилась к выходу из СССР, то Чечня попыталась отделиться от самой России. Когда чеченские сепаратисты были побежде-

ны, в регионе появился новый противник: воинствующий радикализм, поднявший знамя исламизма и избравший главным оружием террор.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Чеченский конфликт рассматривается в одной из предыдущих моих книг — «Время Юга», написанной в соавторстве с Алексеем Малашенко[46]. Война в Чечне велась за сохранение в составе Российской Федерации крохотного обломка бывшей империи, бóльшая часть которой была отпущена на свободу. Она шла в то время, когда государственная власть в России была беспрецедентно слаба, и главной причиной конфликта стали опасения Москвы: если границы Российской Федерации не будут восприниматься как нечто незыблемое, она попросту развалится вслед за Советским Союзом. В полном соответствии с «теорией домино» считалось, что вслед за Чечней из состава России выйдут не только другие республики Северного Кавказа, но и все населенные мусульманами регионы включая Татарстан и Башкирию.

Значение чеченского фактора в истории постимперской России трудно переоценить. Если первая чеченская кампания 1994—1996 гг., завершившаяся поражением федерального центра и фактическим признанием Москвой независимости республики, стала символом слабости и дезорганизованности России, то вторая (1999—2001 гг.), в ходе которой сепаратисты были разгромлены, символизировала рецентрализацию страны в более или менее традиционном духе. Согласно новой версии Кремля «хаос» ельцинской эпохи сменился при Путине «наведением порядка».

В конечном счете Чечню удалось «замирить», но за это пришлось заплатить дорогую цену. Президент Путин, вопреки мнению многих советников, доверил республику бывшему противнику, сражавшемуся против российских войск, — Ахмату Кадырову, с которым он заключил личную договоренность. После убийства Кадырова в 2005 г. Кремль позволил его клану во главе с сыном Ахмата Рамзаном установить в Чечне «династическое» правление и действовать в республике фактически по своему усмотрению. Через десять лет после начала второй войны, в 2009 г., режим контртеррористической операции в Чечне был отменен, и ситуация там официально считается «нормализованной».

Решение превратить бывшего врага в партнера и поручить ему восстановление республики имело далеко идущие последствия. За не-

сколько лет Чечня достигла удивительно высокой степени автономии. Политика «национального примирения», проводившаяся Кадыровыми, позволила убедить многих боевиков оппозиции прекратить борьбу и спуститься с гор. Российские войска, дислоцированные в Чечне, по сути изолированы, они редко покидают казармы. Батальоны «Восток» и «Запад», сформированные российской военной разведкой из чеченцев — но не только из сторонников Кадырова, — были распущены[47]. При этом чеченцам призывного возраста разрешено проходить воинскую службу на территории республики.

Практически никто из этнических русских, прежде проживавших в Чечне и бежавших от войны в 1990-х годах, не осмелился вернуться назад. В рамках борьбы с радикальным исламизмом Кадыровы — сначала бывший муфтий Ахмат, а потом и Рамзан — установили в Чечне смягченный вариант исламской республики[48]. В Грозном построена крупнейшая на территории Европы мечеть. Одежда, которую следует носить чеченкам, официально регламентируется. Кроме того, и это куда серьезнее, чеченским властям фактически разрешено безнаказанно преследовать своих врагов по всей территории России.

В результате Чечня сегодня реально представляет собой «ханство», связанное с Россией лишь личной договоренностью между Кадыровым и Путиным. Можно сказать, что все цели, ставившиеся погибшими лидерами сепаратистов Джохаром Дудаевым и Асланом Масхадовым[49], — за исключением официальной независимости — достигнуты. Со временем оба они еще могут быть признаны национальными героями, заняв в чеченском пантеоне место рядом с имамом Шамилем[50]. События, известные нынешнему поколению россиян как «Чеченская война», в самой республике без лишнего шума преподносятся в контексте национально-освободительной борьбы. Как бы то ни было, Чечня впервые за 150 лет предоставлена самой себе, и Москва, удовлетворяясь внешними знаками лояльности, не пытается изменить эту ситуацию[51].

Если в Чечне боевые действия официально завершились, то Ингушетию и Дагестан, граничащие с ней с запада и востока, захлестнула волна насилия. В 2009 г. президент Ингушетии получил тяжелое ранение в результате покушения, в Дагестане был убит министр внутренних дел. Выступая в столице Дагестана Махачкале, Медведев признал: проблемы Северного Кавказа имеют внутреннее происхождение, а не являются результатом внешнего вмешательства — со стороны исламистов или Запада[52]. Оба региона страдают от слабости и коррумпированности местных властей, а также от борьбы кланов.

В 2004 г. Кремль отправил в отставку первого президента Ингушетии — героя Афганской войны генерал-майора Руслана Аушева, считая, что он слишком близок к чеченским сепаратистам. Его преемником был назначен бывший генерал ФСБ Мурат Зязиков. Второй президент был полностью лоялен Москве, но крайне непопулярен в республике. При Зязикове там царили коррупция и произвол правоохранительных органов, теракты происходили один за другим. За пять лет его пребывания на посту президента в Ингушетии было убито более 400 милиционеров, а три с лишним тысячи мирных граждан получили ранения[53].

В результате Ингушетия все быстрее скатывалась к хаосу, и Кремлю пришлось искать замену Зязикову. Третьим лидером республики стал полковник Воздушно-десантных войск Юнус-бек Евкуров. Он сумел завоевать определенную личную популярность и авторитет, пережил покушение, но обуздать коррупцию, приструнить могущественные кланы и ослабить привлекательность исламизма, растущего на дрожжах народного недовольства, ему не удалось.

В Дагестане Москве удается поддерживать хрупкий баланс между тремя десятками этнических групп, составляющих его население. Однако к ее немалой досаде местные правители занимаются в основном дележом трансфертов из федерального бюджета. На этот счет ходит циничная шутка: «Дагестан не присоединялся к России добровольно и добровольно из ее состава не выйдет». Коррумпированные чиновники утрачивают авторитет, и он все больше переходит к религиозным лидерам. Как и в Ингушетии при Зязикове, местная полиция жестоко расправляется с радикалами-ваххабитами, но не может искоренить это движение[54]. Перестрелки, взрывы и убийства стали в республике повседневной реальностью: только за 2010 г. там погибло более 180 милиционеров.

По словам заместителя генерального прокурора России Ивана Сыдорука, курирующего Северный Кавказ, первопричиной ужасающей ситуации с преступностью в регионе является пустившая глубокие корни коррупция. Боевики покупают оружие и боеприпасы у военных и блюстителей порядка. В частности, «ствол», из которого застрелили министра внутренних дел Дагестана, был «взят в аренду» в воинской части, а затем возвращен на место[55]. Российские власти, однако, сосредотачивают практически все внимание на местных чиновниках, выгораживая федеральную бюрократию.

Западная часть Северного Кавказа сейчас более неспокойна, чем в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Жестокие методы борьбы

с экстремизмом в Кабардино-Балкарии привели к радикализации местных оппозиционеров и поначалу умеренных исламистов, что в 2005 г. закончилось взрывом — вооруженным восстанием в столице республики Нальчике. Наряду с Чечней, Дагестаном и Ингушетией Кабардино-Балкария превратилась в одну из «горячих точек» региона. В соседней Карачаево-Черкесии исламское движение также приобретает более радикальный характер. В Адыгее сгущаются тучи этнического национализма.

В этой ситуации разброда и тревоги находящаяся в центре региона Северная Осетия вновь обрела свою историческую роль опоры России на Северном Кавказе. Республику часто сотрясают теракты: достаточно упомянуть о захвате школы в Беслане в 2004 г., закончившемся гибелью более 300 человек. Кроме того, Северная Осетия, где большинство населения составляют православные, вовлечена в территориальный спор с соседней Ингушетией. В 1992 г. этот конфликт был заморожен благодаря вмешательству российской армии, но он до сих пор не урегулирован. Еще больше осложнили ситуацию война с Грузией из-за Южной Осетии и признание Москвой независимости этого крохотного анклава. Какое-то время в качестве возможного варианта рассматривалось объединение Осетии с предоставлением ей независимости. Позднее от этой идеи отказались, но будущее Южной Осетии остается проблематичным по двум причинам: во-первых, она явно неспособна существовать в качестве самостоятельного государства, а во-вторых, ее независимость создает соблазн для других республик российского Северного Кавказа [56].

В этой обстановке Путин попытался усилить позиции России в неспокойном регионе, успешно пролоббировав в 2007 г. заявку Сочи на проведение зимней Олимпиады-2014. Позднее, в конце 2009 г., для решения самой серьезной, по словам Медведева, внутриполитической проблемы страны был создан новый федеральный округ, в который вошли национальные республики Северного Кавказа. Таким образом они были отделены от субъектов Федерации с преимущественно русским населениям, оставшихся под эгидой урезанного Южного округа. Главой новой административной единицы Кремль в январе 2010 г. назначил известного предпринимателя и бывшего губернатора Красноярского края Александра Хлопонина.

«Это было типичное закулисное повышение человека, не имеющего необходимого опыта, обусловленное внутренней бюрократической логикой, а не насущными национальными интересами», — прокомментировал это назначение известный специалист по Кавказу

Сергей Маркедонов [57]. Мысль о том, что стимулирование экономического развития региона — лучший способ борьбы с мятежом, в принципе верна. Уровень безработицы среди молодых мужчин на Северном Кавказе просто ужасает: 44% в Карачаево-Черкесии, 50% в Кабардино-Балкарии, 79% в Чечне, 84% в Ингушетии [58].

Вскоре, однако, план погасить радикализацию денежными потоками столкнулся с жестокой реальностью — повальной коррупцией на всех уровнях. Даже, казалось бы, замиренная Чечня стала объектом серии терактов: в частности, в 2010 г. нападению подверглись родовое село клана Кадыровых Центорой и здание республиканского парламента в Грозном. В 2009 г. после шестилетнего перерыва террористы-смертники произвели два взрыва в Москве, их жертвами стали десятки пассажиров метро. Однако российское правительство, несмотря на принятие установочного документа по Северному Кавказу, создание нового федерального округа и назначение Хлопонина, пока не может выработать эффективную стратегию противодействия этим явлениям.

Российские чиновники и их союзники в республиках, похоже, этого не осознают. Рамзан Кадыров постоянно говорит о 50—60 «шайтанах», бегающих по горам; руководители правоохранительных органов Дагестана уверяют, что «непримиримых» в республике насчитывается не более двух сотен. Но уже тот факт, что эти люди способны совершать столь частые и масштабные теракты, говорит о терпимом, а то и дружественном отношении населения к боевикам. А обвинения в адрес иностранных «наемников», «аль-Каиды» или грузинских властей, звучащие из уст российского министра внутренних дел, его подчиненных или главы Совета безопасности Российской Федерации, указывают лишь на их неспособность либо нежелание видеть реальную картину происходящего.

Сегодня Северный Кавказ часто называют «внутренним зарубежьем» России. И это не просто хлесткая фраза. Некоторые наблюдатели считают, что данный регион — последний осколок российской империи. Возможно, именно в этом заключался непредвиденный символизм создания нового округа: Южный округ со столицей в Ростове — это Россия, а Северо-Кавказский — Российская Федерация или попросту имперское пограничье. Российские гражданские администраторы, командование военных и полицейских структур иногда смотрят на местных жителей как на людей второго сорта: диких аборигенов, опасных чужаков, у которых, правда, при случае можно вымогать взятки. Даже президент Медведев говорил о «колониальных»

стереотипах у чиновников, работающих в регионе[59]. Подобное высокомерие в сочетании с репрессиями подпитывает радикализм и приводит все новых сторонников в ряды экстремистов. К сожалению, публичные заявления на эту тему высокопоставленные российские чиновники расценивают как «поддержку терроризма».

Возможно, Северный Кавказ — действительно небольшой уцелевший обломок империи, но сегодня там происходит нечто прямо противоположное процессам, имевшим место в XIX–XX вв., когда эта территория завоевывалась, аннексировалась, переустраивалась, местные элиты интегрировались и социализировались, а население частично ассимилировалось и диверсифицировалось за счет миграции.

Сейчас, однако, Россия не приходит на Кавказ, а уходит оттуда. Русские покидают национальные республики[60], и их население становится еще более этнически однородным. Российские войска по-прежнему присутствуют в регионе, но они в основном остаются в казармах и время от времени подвергаются нападениям. Роль спецслужб сложна и неопределенна. Временами они действуют как «рука Москвы», временами выполняют поручения в интересах местных групп, с которыми связаны, а порой ведут собственную игру. В то же время полиция самым тесным образом связана с местной средой.

На Северном Кавказе происходит демодернизация. Суды все еще действуют под распростертыми крыльями двуглавого российского орла, но за пределами их зданий вновь утверждаются местные традиции включая и законы шариата. Ислам находится на подъеме, причем его официальные структуры теснят радикалы и экстремисты, часто объединяемые общим понятием «ваххабиты».

Таким образом, на Северном Кавказе образовалась цепочка крохотных этнократических образований, протянувшаяся от каспийского побережья почти до Черного моря. В совокупности их можно охарактеризовать как смягченные варианты фактически самостоятельной Чечни, но у каждого есть собственная ярко выраженная политическая культура. Все они формально связаны с Россией, и эта связь для них — еще и спасательный канат: северокавказские «недогосударства» живут за счет федеральных субсидий. В лучшем случае их можно назвать протекторатами России или «ассоциированными членами», а не полномасштабными субъектами Российской Федерации. По многим вопросам они вполне способны сказать Москве «нет».

Кстати, к той же категории относятся еще две республики: Абхазия и Южная Осетия. В обоих случаях первоначальная эйфория в связи с признанием их суверенитета Россией сменилась горьким

разочарованием[61]. Абхазия, как это ни парадоксально, обретя независимость от Грузии, одновременно стала более зависимой от России. Это ведет к трениям, а на низовом уровне даже к конфликтам, обычно из-за денег и собственности.

Южная Осетия очень мала, причем во всех отношениях: по размеру территории, населению, объему ресурсов и даже численности политической элиты. В результате многие высокие посты в республике занимают российские чиновники, военные и бизнесмены. Будущее Южной Осетии представляется неясным: подлинная независимость для нее невозможна, возврат в состав Грузии после нападения на Цхинвали 7 августа 2008 г. немыслим, а аннексия Россией или Северной Осетией спровоцирует куда более мощное политическое землетрясение, чем признание суверенитета, ведь в этом случае меняться начнут уже границы России, а не Грузии. Прямой контроль над Южной Осетией и Абхазией обеспечивает России физическое присутствие в Закавказье.

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ И СОСЕДНИЕ РЕГИОНЫ

Выше уже говорилось о конфликтах России с Грузией и ее позиции в связи с Карабахским конфликтом. Если наладить отношения с Тбилиси Москве не удалось, то между Баку и Ереваном она маневрирует весьма искусно. Армения — официальный союзник России в рамках Организации Договора о коллективной безопасности, на ее территории находится единственная оставшаяся российская военная база в регионе — за исключением Абхазии и Южной Осетии, конечно. В августе 2010 г. Москва заручилась согласием Еревана на продление своего военного присутствия в этой стране до 2044 г. Задача передовой военной базы в Гюмри — сдерживать всех остальных игроков на Южном Кавказе: Грузию на севере, Турцию на юге, Азербайджан на востоке.

Это произошло буквально через несколько месяцев после заключения аналогичного соглашения с Украиной, позволяющего российскому Черноморскому флоту базироваться в Севастополе до 2042 г. Тенденция очевидна: Россия укрепляет свой периметр безопасности, продлевая действие временных договоренностей первых постсоветских лет до середины нынешнего столетия.

В обмен Россия согласилась гарантировать неприкосновенность всех границ Армении, а не только армяно-турецкой. Это был намек Баку: не пытайтесь вернуть Нагорный Карабах силой.

Впрочем, это не единственный «месседж». В 2007 г., выстраивая геополитический баланс, Москва предложила Азербайджану поставки оружия, хотя он находится фактически в состоянии войны с ее союзницей Арменией. Дело в том, что Баку занимает весьма важное место в российской энергетической и трубопроводной политике. В 2010 г. «Газпром» предложил увеличить закупки азербайджанской нефти, что опять же, мягко говоря, не вызвало удовольствия в Ереване.

Россия готова терпеть масштабные и весьма прибыльные связи Баку с западными нефтяными грандами, его близкие отношения с Турцией, чьи флаги в Баку встречаются почти так же часто, как флаги ЕС — в Тбилиси, и контакты с Соединенными Штатами. В то же время Москве не нравится помощь Вашингтона в модернизации военно-морских сил Азербайджана и Казахстана. Она твердо отстаивает принцип: Каспийское море принадлежит только прикаспийским государствам, а посторонним следует держаться поодаль, особенно в том, что касается региональной безопасности. В частности, на американскую инициативу «Каспийский страж» Россия ответила контрпредложением по созданию совместной военно-морской группировки CASFOR.

Находясь в куда менее благоприятной стартовой позиции по отношению к Москве, чем Грузия (православная страна, весьма тесно связанная с Россией в культурном и историческом плане), Азербайджан — и его правящий авторитарный режим — чрезвычайно умело строит контакты с Кремлем. Подобно Грузии Азербайджан вошел в СНГ лишь в 1993 г. и, опять же подобно Грузии, отказался присоединиться к Договору о коллективной безопасности. В 1993 г. страну покинули российские войска, кроме небольшого подразделения, обслуживающего радиолокационную станцию раннего оповещения в Габале, отслеживающую ракетные пуски и полеты бомбардировщиков в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке [62].

Кроме того, Азербайджану удалось построить нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан и газопровод Баку — Тбилиси — Супса, которые заменили прежние маршруты транспортировки энергоносителей, проходившие через юг России, не нанеся непоправимого ущерба отношениям с Москвой. Рабочих-мигрантов из Азербайджана в России больше, чем грузин, но власти не подвергают их деятельность никаким ограничениям. Между двумя странами действует безвизовый режим. Очевидно, что Баку уже давно принял решение не пересекать две запретные черты: не пытаться вступить в НАТО и не размещать на своей территории американские военные базы.

С XIX в. и вплоть до окончания «холодной войны» Россия рассматривала Закавказье в качестве плацдарма против Османской, а затем натовской Турции. Однако с тех пор российско-турецкие отношения радикально изменились к лучшему. Турция стала важным торговым партнером России в сфере энергетики, строительства и даже поставок оружия. Кроме того, для миллионов россиян она сменила Крым в качестве излюбленного места отдыха.

Россия оценивает тот факт, что Турция стала региональной державой на стратегическом перекрестке Европы и Ближнего Востока, и не усматривает в этом угрозы для себя. В частности, Москва с уважением относится к независимой позиции Анкары по отношению к Соединенным Штатам: Турция — член НАТО, но она способна сказать Вашингтону «нет»[63]. Умеренный исламизм правящей Партии справедливости и развития также не вызывает у Кремля беспокойства. Взлет Турции и ее независимая политика четко вписываются в российскую концепцию многополярного мира, в котором влияние США ограничено.

Непростые отношения Анкары с Евросоюзом и ослабевающие шансы на ее присоединение к ЕС лишь подкрепляют мнение Москвы о том, что Турция становится новым центром силы, с которым следует строить прочные отношения, основанные на собственных интересах. Последние во многом связаны с торговлей энергоносителями, где Турция выступает и как покупатель российского газа, и как региональный транзитный узел в сфере энергопоставок.

Конечно, интересы России и Турции не во всем совпадают, но деловая конкуренция, как правило, воспринимается Москвой как нечто само собой разумеющееся. Озабоченность российской стороны вызывает не это, а поддержка некоторыми турецкими неправительственными организациями сепаратизма на Северном Кавказе. Обладая довольно многочисленной диаспорой черкесов, бежавших из этого региона в XIX в., Турция не всегда играет роль пассивного наблюдателя за событиями в этом самом волатильном районе России. В то же время Москва не возражает против дипломатических инициатив Анкары по стабилизации обстановки на Южном Кавказе или ее попыток в 2009—2010 гг. достичь примирения с Арменией. Россия давно уже признала армянскую резню в Османской империи в 1915 г. актом геноцида, но это не привело к кризису в ее отношениях с Турцией.

Аналогичным образом Москва учитывает наличие тесных этнических, языковых и политических связей между Анкарой и Баку и спокойно воспринимает развитие турецко-азербайджанских отношений.

Утихли преобладавшие в начале и середине 1990-х годов опасения в связи с «пантюркистской» угрозой создания новой «османской империи» от Балкан до Кавказа и Центральной Азии (там в четырех из пяти новых независимых государств говорят на тюркских языках). Президента Тургута Озала, с энтузиазмом продвигавшего эту идею, давно нет в живых, у Турции, как выяснилось, для столь амбициозного предприятия просто не хватит ресурсов, а «неоосманский» внешнеполитический курс, разработанный и осуществляемый министром иностранных дел Ахметом Давутоглу, считается в Москве «нормальным» для региональной державы.

В XIX в. значительная часть присоединенных к Российской империи земель на Кавказе была отвоевана у Ирана. Персия неоднократно подвергалась частичной оккупации российскими и советскими войсками, последний раз — в 1941—1946 гг. В годы «холодной войны» шахский Иран был союзником США. Затем Исламская революция 1979 г. впервые поставила Москву лицом к лицу с радикальным исламом.

После распада СССР руководство новой России опасалось вмешательства Тегерана в дела бывших советских республик — подрыва тамошних слабых светских режимов и утверждения исламского государства по образу и подобию иранского. Этого, однако, не случилось. Более того, в 1997 г. Иран объединил усилия с Россией для прекращения гражданской войны в говорящем на фарси Таджикистане. И главное, Тегеран поддержал Москву по Чечне, в то время как многие другие мусульманские страны заняли антироссийскую позицию. Иранское руководство также поддержало заявку России на присоединение к Организации «Исламская конференция» в качестве наблюдателя, и это стало реальностью в 2005 г.

На Южном Кавказе Иран не пытался заниматься подрывной деятельностью в номинально шиитском, а на деле светском Азербайджане и установил активные торговые контакты с российской союзницей Арменией, подвергшейся экономической блокаде со стороны Баку и Анкары. Для Еревана это был настоящий спасательный круг. В конце 1990-х — начале 2000-х годов эксперты заговорили о создании геополитической оси Россия — Иран — Армения в противовес другой, состоящей из Турции, Азербайджана и США.

Действия Ирана на Ближнем Востоке не слишком волновали Москву. Связь между Тегераном и ливанским движением «Хизбалла» она расценивала в контексте стремления Ирана оказаться «на расстоянии удара» от его соперника в регионе — Израиля, выступающего, в свою очередь, в качестве орудия Соединенных Штатов. Кроме

того, Москва рассматривает «Хизбаллу» как реального игрока в Ливане и в общем контексте арабо-израильского конфликта. То же относится и к еще одному другу Ирана — палестинскому ХАМАСу, которого в России считают не столько террористической группировкой, сколько политической организацией с «нетрадиционным» военным крылом. Давая понять, что Россия не просто «для мебели» входит в Ближневосточный квартет, включающий также США, Евросоюз и ООН, Кремль пригласил в Москву представителей ХАМАСа. А в ходе визита в Дамаск в 2010 г. Медведев встретился с главным идеологом этой организации.

В 1990-х Москва стала одним из главных поставщиков оружия Ирану. Кроме того, она взялась строить ядерный реактор для АЭС в Бушере после того, как немецкая фирма «Siemens» по политическим причинам вынуждена была выйти из этого проекта. На сегодняшний день после ряда задержек строительство все же завершилось, и в 2011 г. АЭС в Бушере начала вырабатывать электроэнергию. Проект осуществляется под надзором Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ): Россия снабжает Иран ядерным топливом, и ей же оно возвращается в отработанном виде. США и другие страны считают Бушер безопасным в плане нераспространения ядерного оружия и называют его образцом, которому Тегерану стоит следовать в ядерной сфере.

Впрочем, нельзя сказать, что российско-иранские отношения полностью лишены противоречий. Так, в связи с распадом СССР возник вопрос о Каспийском море, статус которого регулировался советско-иранским договором 1921 г. Тегеран не согласился с поддерживаемой Москвой формулой раздела Каспия, настаивая на большей доле его акватории, чем Россия и другие страны готовы были предоставить. В отношении Баку Иран даже прибег к угрозе силой, что Москва сочла покушением на свои интересы, хотя она и не гарантировала безопасность Азербайджана. Однако по-настоящему серьезным испытанием для двусторонних отношений стали иранские программы по созданию ядерного оружия и баллистических ракет.

По мнению Москвы, эти программы направлены в первую очередь против США, Израиля и Саудовской Аравии, однако перспектива появления у идеологизированного государства арсенала ядерных боеголовок и ракет дальнего радиуса действия ее не устраивала. Россия попыталась выступить посредником между Тегераном и Западом в надежде, что иранское руководство поведет себя разумно и согласится на компромисс с международным сообществом. Однако в си-

туации, когда тегеранские клерикалы упорствовали, а Вашингтон нуждался в международной поддержке, Москва в 2010 г. поддержала санкции ООН против Ирана и ввела эмбарго на поставки ему тяжелого вооружения. Будущее развитие противостояния между Ираном и международным сообществом вызывает у России серьезную озабоченность — во многом из-за возможных последствий военного конфликта между Ираном и США/Израилем для Центральной Азии.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ[64]

Пять центральноазиатских республик — Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан — не отделялись от СССР: это Союз, распавшись, бросил их на произвол судьбы. К чести этой пятерки следует отметить, что она успешно пережила «свободное плаванье», хотя и не имела в современную эпоху опыта существования в качестве независимых государств — даже такого скудного, как у трех республик Южного Кавказа. Кроме того, они не стали открыто пытаться перекроить границы, которые в 1924–1925 гг. были проведены большевиками произвольно, без учета распределения этнических групп по территории российского Туркестана.

Авторитарные постсоветские режимы в новых центральноазиатских государствах в большинстве своем сохранились по сей день, а некоторые прошли и через процесс передачи власти. Сегодня, через двадцать лет после распада СССР, в Казахстане и Узбекистане у власти по-прежнему находятся их первые президенты. В Туркмении покойного Туркменбаши сменил лидер из второго поколения. Киргизия, имеющая самый либеральный в регионе политический строй, пережила своего рода «цветную революцию» и до сих пор не может преодолеть нестабильность. Наконец, Таджикистаном руководит лидер, выдвинувшийся в годы гражданской войны в этой стране. Эта братоубийственная распря, стоившая жизни 100 тыс. человек и вынудившая сотни тысяч других бежать из родных мест, стала единственным конфликтом на территории бывшего СССР, который удалось успешно урегулировать в рамках процесса национального примирения.

С 1991 г. Россия в этом регионе медленно отступает. Новые независимые государства постепенно научились обходиться без Москвы, самостоятельно решать свои дела как во внутренней, так и во внешней политике. Россия, однако, продолжала причислять Центральную Азию к своей орбите. Все пять стран остаются в составе СНГ, хотя Туркмения и снизила уровень участия в Содружестве до статуса на-

блюдателя. Четыре из них входят в Организацию Договора о коллективной безопасности (исключение составляет опять же Туркмения, провозгласившая себя в 1995 г. нейтральным государством), а три — в Евразийское экономическое сообщество (Узбекистан приостановил свое членство в этой организации). В двух странах — Таджикистане и Киргизии — размещены небольшие воинские контингенты России[65]. Наконец, Казахстан в 2010 г. вместе с Белоруссией и Россией создал Таможенный союз, считающийся ядром будущего единого экономического пространства.

Практически все риски и потенциальные угрозы в сфере безопасности в Центральной Азии имеют региональное происхождение. Основные интересы России в регионе по-прежнему связаны со стабильностью в Казахстане — притом что приближается время, когда президенту — основателю государства придется уступить кресло преемнику. Надежду на сохранение стабильности в стране дает наличие у нее довольно многочисленной, современной и хорошо структурированной элиты, кровно заинтересованной в дальнейшем повышении благосостояния богатой энергоресурсами республики. Немаловажное значение имеют и в целом хорошие межэтнические отношения в Казахстане. Для Москвы Астана — не часть проблемы, а ключевой элемент при решении любых проблем в регионе.

Центральная Азия находится в зоне ответственности недавно созданного Оперативно-стратегического командования «Центр» со штабом в Екатеринбурге. При этом единственным серьезным военным союзником России в регионе является Казахстан, чьи вооруженные силы численно превосходят войска, подчиненные командованию «Центр», и по уровню подготовки, несомненно, занимают первое место в Центральной Азии. Кроме того, Казахстан и Россия — единственные страны, выделившие значительные контингенты в состав Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ[66].

Ситуация в соседней Киргизии носит прямо противоположный характер. С 2005 г. в стране произошли две революции, между ее северными и южными регионами существует хроническая напряженность; к этому добавляется и серьезный межэтнический конфликт. Киргизия бедна: у нее нет существенных сырьевых ресурсов, а место национальной элиты занимают враждующие кланы. Кроме того, страна страдает от исламского радикализма и наркоторговли.

Пока Россия воздерживается от активного вмешательства в эти конфликты. Она предпочитает, чтобы киргизы сами решали свои проблемы, а затем устанавливает контакты с победившей стороной.

Москва явно не желала выделять войска для разделения враждующих киргизов и узбеков, чтобы ее солдаты не оказались под перекрестным огнем. Но одновременно у России отсутствуют и достаточные ресурсы в виде мобильных армейских и полицейских частей, которые можно было бы разместить в Киргизии, а также доскональное знание и полное понимание местных особенностей.

В то же время Москва заняла весьма активную позицию в вопросе об американской авиабазе «Манас» на территории Киргизии. Сначала, после терактов 11 сентября 2001 г., она согласилась на американское военное присутствие в стране. Затем Россия создала там собственную авиабазу «Кант», расположенную в сорока километрах от «Манаса». Наконец, в 2005 г. Москва инициировала призыв Шанхайской организации сотрудничества к сворачиванию американского военного присутствия в Центральной Азии. Она начала оказывать давление на администрацию Курманбека Бакиева, пришедшую к власти в результате «революции тюльпанов», чтобы та последовала примеру Ташкента и указала американцам на дверь. Бакиев колебался. В 2009 г. Бишкек получил от России пакет финансовой помощи, а также обещание вложить в киргизскую экономику значительные капиталы и в ответ взял на себя обязательство закрыть «Манас». На деле же киргизские власти договорились с Вашингтоном о существенном повышении арендной платы, и база сохранилась под другой вывеской.

Москва почувствовала себя обманутой. В 2009 г. в российско-американских отношениях уже началась «перезагрузка», но Кремль хотел, чтобы решающее слово в вопросе о базе «Манас» оставалось за ним. Российское руководство скорее всего согласилось бы с продлением срока аренды, но в рамках собственной договоренности с Вашингтоном, отводя Бишкеку лишь роль «субподрядчика»: в конце концов, разве Киргизия не союзник России по ОДКБ? На деле же все решилось без участия Москвы. Кремль был возмущен, но предпочел выждать. Весной 2010 г., когда режим Бакиева был свергнут в результате восстания, поднятого его политическими противниками, Москва с удовольствием наблюдала за его падением и быстро признала новое правительство во главе с Розой Отунбаевой. Затем, в конце 2010 г., после визита в Бишкек госсекретаря США Хиллари Клинтон, срок аренды базы был продлен еще на три года.

Если в отношении Киргизии с ее периодическими восстаниями Россия занимает осторожную позицию, то в гражданскую войну в Таджикистане в начале 1990-х она была вовлечена самым непосредственным образом. Режим, которому Москва помогла утвердиться

в Душанбе в 1992 г., остается у власти до сих пор. Более того, в 2000-х годах он даже укрепил свое положение, эффективно нейтрализовав оппозицию после заключения мирного соглашения. Однако к началу 2010 г. в стране начали проявляться признаки кризиса власти. Это может иметь серьезные последствия, поскольку Таджикистан граничит с Афганистаном, а как будут развиваться события в этой стране, неясно. После 11 сентября Таджикистан как прифронтовое государство стал пользоваться большим вниманием Вашингтона. И уход американских и натовских войск из Афганистана может стать большим ударом для Душанбе.

В Туркмении за 25 лет, прошедших с начала горбачевской перестройки, не было не только конфликтов и вооруженных столкновений, но и публичных акций протеста. Даже скоропостижная кончина в 2006 г. обожествлявшегося при жизни первого президента страны не нарушила стабильности. Правящий режим, опирающийся на сырьевые богатства Туркмении, — самый репрессивный в Центральной Азии, он эффективнее всех других расправляется с оппонентами.

Наконец, Узбекистан может стать самой опасной «пороховой бочкой» в регионе. В стране скоро встанет вопрос о передаче власти в связи с уходом со сцены первого президента, там действуют радикалы-исламисты, что в 1999, 2000 и 2005 гг. приводило к восстаниям и терактам, а в перенаселенной Ферганской долине социально-экономическая напряженность может вызвать масштабные потрясения, способные затронуть соседние Киргизию и Таджикистан.

С 2003 г. Москва надеется «вернуться» в Центральную Азию — уже не в качестве патерналистской империи, а как движимая собственными интересами великая держава. Расширенные по ее инициативе положения Ташкентского договора 1992 г. стали основой для создания военного альянса — Организации Договора о коллективной безопасности. Россия также старается играть на страхе центральноазиатских правителей перед «цветными революциями», используя в качестве наглядного примера события в Киргизии.

После Андижанского восстания в 2005 г. Кремль рассчитывал, что Узбекистан не только отдалится от Соединенных Штатов, но и вернется в сферу влияния России. Этого, однако, не случилось. К 2010 г. Ташкент официально вышел из ЕврАзЭС и фактически из ОДКБ. По словам Кучмы, хотя Каримов в разговоре с ним признавал, что стоит перед «проблемой выживания» в связи с исламистской угрозой, «получить серьезную помощь от России он не мог, и не очень, наверное, хотел»[67].

Внутриполитическая нестабильность — не единственная проблема в сфере безопасности, тревожащая Россию в Центральной Азии. Еще один повод для беспокойства — напряженность между странами региона, особенно между Узбекистаном и всеми четырьмя его постсоветскими соседями. Ташкент крайне недоволен даже скромным военным присутствием России в Киргизии и протестует против любых планов его наращивания. Российские аналитики не могут с уверенностью спрогнозировать шаги Узбекистана в случае возникновения какой-либо серьезной ситуации в регионе или его реакцию на действия Москвы. Популярный в 1990-х сценарий, согласно которому талибы способны развернуть наступление вплоть до Волги, сегодня полностью утратил актуальность. Если они пересекут границу, военным структурам ОДКБ и войскам центральноазиатских государств по силам отразить нападение. Куда труднее, однако, будет остановить инсургентов-исламистов, если те объединят силы с единомышленниками из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Их вторжения на территорию Киргизии и Узбекистана в 1999—2000 гг. продемонстрировали, что Ташкент и Бишкек не в состоянии бороться с подобными угрозами. В то время российский министр обороны мог предложить лишь нанести ракетные удары по тренировочным лагерям мятежников в Афганистане. Сегодня в распоряжении его преемника есть десантные части[68].

Российский контингент в составе КСОР — военнослужащие 31-й десантно-штурмовой бригады (дислоцируется в Ульяновске) и 98-й воздушно-десантной дивизии (дислоцируется в Иванове) — в состоянии нанести поражение сравнительно небольшим группам боевиков. Однако с массовым восстанием в Ферганской долине Россия и ее союзник Казахстан справиться не смогут. Максимум, на что они способны в случае развития событий по наихудшему сценарию, — остановить волну беспорядков у южной границы Казахстана. Эта граница сегодня представляет собой южный стратегический рубеж Российской Федерации[69].

Кроме того, Москву все больше беспокоит превращение региона в перевалочный пункт транспортировки афганских наркотиков, которые затем попадают в Россию и становятся причиной гибели все большего количества молодых людей. Что же касается Центральной Азии, то 1990-е годы стали для нее лишь «подготовительным классом» в мире большой международной политики. В октябре 2001 г., когда американцы вторглись в Афганистан из-за того, что талибы предоставили убежище и поддержку «аль-Каиде», Центральная Азия из тихой

заводи превратилась в прифронтовой регион в войне с терроризмом. Наркотики и террор — вот с чем ассоциируется Афганистан у северных соседей [70].

Наркотрафик стал главным предметом озабоченности Москвы в связи с Афганистаном. Сразу после 11 сентября Россия тесно сотрудничала с Соединенными Штатами и оказывала им политическую, тыловую и разведывательную поддержку в проведении операции «Несокрушимая свобода». Москва поддержала Боннские соглашения и, когда Хамид Карзай стал президентом Афганистана, вела себя в Кабуле сдержанно, не пытаясь интриговать против него в интересах собственных союзников.

После «перезагрузки» американо-российских отношений в 2009 г. Москва усилила поддержку операции США и НАТО в Афганистане. Через территорию России проходит важный транзитный маршрут доставки по суше грузов для коалиционного контингента: он начинается в Риге и заканчивается в Термезе, на узбекско-афганской границе. Помимо этого Россия открыла свое воздушное пространство для перевозок американских военнослужащих самолетами. Поскольку ситуация в Пакистане осложняется, значение северного пути снабжения группировки возрастает. Кроме того, в 2010 г. российские и американские спецслужбы провели в Афганистане совместную спецоперацию, уничтожив четыре лаборатории по производству наркотиков вблизи границы с Пакистаном [71].

Вопреки собственной военной доктрине, в которой постоянное присутствие американских войск в республиках бывшего СССР рассматривалось как источник потенциальной опасности, Путин после терактов 11 сентября согласился с созданием американских баз в Центральной Азии на территории стран-союзниц по ОДКБ — Узбекистана и Киргизии. Однако в связи с ухудшением российско-американских отношений в середине 2000-х годов и превращением афганской войны в затяжной конфликт отношение Кремля к американскому военному присутствию на аэродромах, построенных в советские времена, стало негативным. Москва поддержала президента Узбекистана Каримова, заподозрившего, что за восстанием в Андижане в 2005 г. и киргизской «революцией тюльпанов», завершившейся свержением президента Акаева, стояли США, и приветствовала его решение закрыть американскую авиабазу «Карши-Ханабад». В том же году Россия, Китай и их центральноазиатские партнеры по Шанхайской организации сотрудничества призвали к полному завершению американского военного присутствия в регионе.

К тому времени американская база оставалась только в Киргизии, в аэропорту «Манас». Новый президент страны Курманбек Бакиев начал игру и с россиянами, и с американцами, надеясь выудить деньги у тех и у других. К 2009 г. ему удалось добиться от Вашингтона согласия на повышение арендной платы, а от России — финансовой помощи и пакета инвестиций в обмен на обещание закрыть базу. Чтобы выкрутиться, Бакиев проделал следующий трюк: формально база была закрыта, но тут же вновь стала действовать под названием «антитеррористического центра». Однако тем самым он необратимо погубил свою репутацию в глазах Москвы. Самое интересное, что к тому времени Россия уже не возражала против существования американской базы в Киргизии — она просто хотела сама быть фактическим «подрядчиком». Весной 2010 г., когда положение Бакиева пошатнулось, Москва и пальцем не пошевелила, чтобы его спасти, и даже отказалась предоставить свергнутому президенту убежище, хотя ранее приняла его предшественника Акаева.

Наблюдая за операцией США и их союзников в Афганистане с высоты собственного горького опыта, россияне видели, что американцы в ряде случаев повторяют их ошибки. Попытки США модернизировать и демократизировать Афганистан (а он, несомненно, нуждается и в том, и в другом) вступали в противоречие с более насущными задачами: обеспечить минимальную стабильность внутри страны или хотя бы сделать так, чтобы из нее не исходили угрозы внешнему миру.

Вместо попыток нанести поражение движению «Талибан» — или, самим превращаясь в пораженцев, воссоздавать Северный альянс — американцам следовало бы наладить сотрудничество с пуштунами. Именно эта этническая группа, самая многочисленная в стране, должна быть основой любого стабильного афганского правительства. Да, сегодня большинство боевиков «Талибана» — пуштуны, но это движение очень разнородно, и его участников не следует мерить одним аршином. К 2010 г. именно такой подход начал определять политику США по отношению к Афганистану.

По мере подготовки к выводу американских и натовских войск из страны роль государств региона, в том числе России, будет усиливаться. Вместе с тем возрастет и бремя, которое им придется нести. Однако отказ от этой ответственности чреват большой опасностью.

Важную роль в регионе могла бы играть Шанхайская организация сотрудничества. Ее происхождение связано с переговорами о границах сначала между Китаем и СССР, а затем между Пекином и постсоветскими государствами. В 1996 г., когда пограничное соглашение

было подписано, его участники — Китай, Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан — создали «шанхайскую пятерку» для надзора за его выполнением.

К 2000 г., когда эта неформальная группа была институционализирована и превратилась в организацию, она стала площадкой для диалога между странами региона по вопросам безопасности и развития. Еще одним членом ШОС стал Узбекистан, а Индия, Пакистан, Иран и Монголия присоединились к ней в качестве наблюдателей. На ежегодных саммитах ШОС, как правило, обсуждается ситуация в Афганистане, и у президента России сложилась традиция встреч с руководителями Афганистана и Пакистана в кулуарах этих заседаний, а также в особом формате «четверки», с участием таджикского коллеги.

В связи с этим возникает также вопрос об отношениях между НАТО и возглавляемой Россией ОДКБ. Москва уже давно, но безуспешно призывает к установлению официальных контактов между двумя организациями. Полуофициальное объяснение НАТО состоит в недемократическом характере некоторых членов ШОС (обычно в этом контексте упоминается Белоруссия), но подлинная причина скорее всего связана с нежеланием Запада узаконивать военно-политическую гегемонию России на постсоветском пространстве. Наладив полезные двусторонние связи с несколькими государствами ШОС, в том числе с Россией, члены Альянса не видели необходимости контактировать с возглавляемой Москвой организацией, что могло сузить свободу маневра ее участников в отношениях с НАТО и США. Однако переоценка роли России на международной арене и более расширенный анализ происходящего в регионе, выходящий за пределы миссии НАТО в Афганистане, может изменить эту позицию. В 2009 г. Збигнев Бжезинский стал первым авторитетным деятелем Запада, выступившим за установление связей между НАТО и ОДКБ [72]. Гораздо большей популярностью, однако, пользуется идея установления связей между США и ШОС.

Со времен распада СССР многие наблюдатели рассматривают Центральную Азию как арену для нового варианта «Большой игры». По мнению россиян, теперь ее участниками стали Москва и Вашингтон. США, не теряя времени, пришли в регион, немедленно признав все новые независимые государства и создав в их столицах свои посольства. Поначалу США руководствовались необходимостью не допустить распространения советского ядерного оружия, но позднее они заинтересовались энергоресурсами Прикаспия. В Москве эта активность была воспринята ревниво и неприязненно. Возникли про-

блемы с трубопроводами, военными базами, уровнем политического влияния и т. д.

На деле же на бывших советских «задворках» развернулась конкурентная борьба со многими участниками. Китай делал акцент на безопасности, торговле, поставках энергоносителей. Именно Пекин инициировал процесс демаркации и демилитаризации границ, одновременно принимая меры к тому, чтобы в соседних странах не нашли убежища уйгурские сепаратисты. Позднее он расширил свое присутствие, стараясь застолбить источники поставок энергоносителей и рынки сбыта для китайских товаров. Среди торговых партнеров центральноазиатских стран Китай занимает второе место — его опережает только Россия. При этом соотношение сил смещается в пользу Пекина, и Россия не оставляет этот факт без внимания, хотя и не выражает озабоченность публично.

Примечательно, что Москва куда терпимее относится к проникновению Китая в регион, чем к роли США в Центральной Азии. Похоже, она понимает, что региональным державам (Китаю или Турции, например) необходимо иметь некоторое влияние в соседних странах, но категорически отказывается признавать за США или НАТО любую глобальную роль. Налицо и нежелание подвергать испытанию отношения с могучим соседом, для которого Россия уже не может в одиночку служить противовесом. Впрочем, сам Китай тоже не идет на обострение. Каковы бы ни были стратегические цели Пекина, его тактика отличается осторожностью, учетом интересов Москвы и упором на сотрудничество. Обе страны, несомненно, стремятся усилить свои позиции в Центральной Азии, но в краткосрочной и среднесрочной перспективе Москва и Пекин способны преодолеть различия в интересах и найти способы взаимодействия.

Россию вполне устраивает формат ШОС. Москва и Пекин совместно руководят этой все более престижной азиатской организацией. В первое десятилетие нового века ШОС также служила важным противовесом американскому и западному присутствию в Центральной Азии. Это, впрочем, не отменяет того факта, что в регионе организация ассоциируется в первую очередь с Китаем.

Турция поначалу пыталась активизировать свои действия в тюркоязычных центральноазиатских странах. Однако вскоре стало очевидно, что для роли главного «покровителя» региона у Анкары не хватает ресурсов. Кроме того, в 1990-х годах внимание Турции было поглощено попытками вступить в ЕС. Иран также наладил диалог со своими «языковыми родственниками» в Таджикистане, приняв уча-

стие в мирном посредничестве в годы гражданской войны и установив близкие отношения с Душанбе. Кроме того, иранцы протянули железнодорожную ветку до границы с Туркменией, тем самым установив прямой контакт с северным соседом.

Таким образом, конкуренция налицо, но аналогии с «Большой игрой» неуместны. Будущее Центральной Азии определит не «спарринг» между Москвой и Вашингтоном и даже не «забег» с Пекином в качестве третьего участника. Оно решается в Астане, Ташкенте и столицах других стран региона. Ни одна из этих столиц не видит себя сателлитом Москвы. В этом состоит наиболее правдоподобное объяснение их отказа поддержать признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Кроме того, как подробнее рассказывается в главе 3, ни одна нефте- или газодобывающая страна в регионе не хочет полностью зависеть от России в качестве единственного рынка сбыта или транзитного маршрута для транспортировки энергоносителей.

В то же время центральноазиатские лидеры не желают всецело доверить заботу о безопасности своих стран Соединенным Штатам. «Цветные революции», в ходе которых на смену дружественным Вашингтону режимам в Грузии, на Украине и в Киргизии пришла новая власть, провозглашающая еще более дружественный курс по отношению к США, стали наглядным примером рисков, которыми чревата опора на Америку. Что же касается Китая, то страны региона рады видеть его в качестве торгового партнера, инвестора и кредитора, но опасаются могущества Пекина и его превращения в потенциального регионального гегемона.

В результате у центральноазиатских государств сформировалась многовекторная внешняя политика, возводящая маневрирование между основными центрами влияния — Евросоюзом, Турцией, Ираном, Пакистаном, Индией, Японией и др. — в ранг стратегии. Кроме того, две наиболее крупные страны Центральной Азии, Узбекистан и Казахстан, борются за место регионального лидера. Три их малых соседа не могут позволить себе игнорировать амбиции Ташкента и Астаны.

В этих условиях России необходимо проводить в Центральной Азии дифференцированную политику, отвечающую ее собственным конкретным интересам. «Ностальгический» курс, нацеленный на сохранение региона в сфере влияния Москвы, обречен на провал. Кроме того, России следует задействовать потенциал мягкого влияния, чтобы повысить свою привлекательность в глазах народов Централь-

ной Азии. Просвещенные национальные интересы России требуют стабильности и процветания в регионе, непосредственно прилегающем к ее территории. Кроме того, Центральная Азия — зона прямого схождения и пересечения интересов Москвы и Пекина.

ВОСТОЧНЫЙ ФЛАНГ

Эволюция российско-китайских отношений за последнюю четверть века имеет немного аналогов в мировой истории. Не так часто случается, чтобы затяжная «холодная война» между двумя могущественными соседями столь быстро и гладко превратилась в подлинное партнерство. Тем не менее именно так развивались события после визита Михаила Горбачева в Пекин в мае 1989 г. и его переговоров с Дэн Сяопином и другими китайскими руководителями. Вскоре после этого было подписано первое масштабное соглашение по спорным пограничным территориям, и Россия начала поставлять Китаю оружие. В последующие два десятилетия объем этих поставок достигал в среднем миллиарда долларов в год, что помогало держать военную промышленность России на плаву и способствовало модернизации китайских вооруженных сил.

Редко бывает и так, чтобы отношения между двумя соседними державами продолжали углубляться и приобретать все более дружественный характер в ситуации, когда соотношение сил между ними существенно меняется. В 1990 г. объемы ВВП Китая и России были примерно одинаковы. Двадцать лет спустя Китай по этому показателю превзошел Россию вчетверо. Да, в 2000—2008 гг. Россия в результате повышения нефтяных цен могла похвастаться высокими темпами роста, но китайская экономика развивается еще динамичнее, причем уже тридцать лет без перерыва. Если Россия в 2009 г. из-за кризиса пережила самое резкое снижение объема ВВП среди всех крупных экономических держав, то в Китае темпы роста практически не изменились. Пекину удалось обуздать рост населения в стране, а Россию охватил демографический кризис, и количество людей, живущих в регионах вдоль границы с КНР (и прежде малонаселенных), неуклонно сокращается. Наглядным примером различия в динамике развития двух великих держав может служить появление на месте пограничных китайских деревень, буквально в нескольких километрах от ветшающих Благовещенска и Уссурийска, новых, сверкающих неоном городов, например, Хэйхэ и Суйфэньхэ.

Впервые за три сотни лет Россия уже не может смотреть на Китай свысока — как на страну более отсталую, сонную, изолированную, технически неразвитую и слабую в военном отношении. При этом изменения такого масштаба произошли буквально за десяток лет и в условиях мира. Примечательно, однако, что эти перемены не привели ни к возобновлению прежней вражды, ни к гегемонии более сильного партнера. Незаметно даже недовольства в Москве или восторга в Пекине. Китаю и России удалось установить неплохие и, по крайней мере пока, обоюдно комфортные отношения, которые стороны называют стратегическим партнерством.

Они держатся на нескольких опорах. Первая из них — политическая. Москва и Пекин поддерживали идею многополярного мира задолго до того, как ее приняли в Соединенных Штатах и Европе. Обе страны энергично отстаивают свою стратегическую независимость, государственный суверенитет и территориальную целостность. При этом каждая из них проводит прагматическую политику, основанную на национальных интересах, и стремится к более высокому статусу на мировой арене. Удивительно в данном случае то, насколько обе стороны стараются избегать не то что конфликтов, но и серьезных трений друг с другом. В этом смысле наглядным примером может служить ситуация в Центральной Азии. Москва не пыталась блокировать проникновение Китая в регион, который она считает зоной своих привилегированных интересов, а Пекин, в свою очередь, делает все, чтобы не задеть самолюбие российских партнеров.

Вторая опора связана с экономикой. Здесь соотношение сил резко изменилось, и Россия — хотя она и остается одной из крупнейших ядерных держав — за немногими исключениями поставляет Китаю сырье от нефти до древесины, приобретая у соседа промышленную продукцию, в том числе во все бóльших объемах станки и оборудование. КНР также выдает солидные кредиты крупным российским нефтяным компаниям, в частности, «Роснефти».

В ряде российских городов прочно обосновались китайские торговцы и рабочие. Конечно, сегодняшний Хабаровск нельзя назвать, вспоминая реалии столетней давности, «Харбином наоборот», но общая тенденция ясна. Тем не менее приток китайских мигрантов не вызывает в России большого недовольства, а Москва устанавливает лишь негласные лимиты на китайские инвестиции в энергетический сектор и передачу военных технологий.

Наконец, развиваются и спонтанные контакты между людьми. 1950-е годы были периодом апогея советско-китайского альянса — от-

ношения между двумя странами полностью регулировались правящими коммунистическими партиями. Затем, в 1960–1980-х, контакты между двумя государствами были сведены к абсолютному минимуму. Однако с начала 1990-х связи между двумя народами возобновились, теперь на индивидуальном уровне. Российские и китайские «туристы» (на самом деле «челноки») развернули приграничную торговлю в таких масштабах, что она соперничала по объему с официальным товарооборотом. Российские ученые делились добытыми тяжким трудом знаниями с китайскими коллегами. Китайские крестьяне выращивали арбузы на заброшенных русскими землях. Но потом и это изменилось. Битком набитые чартерные рейсы из сибирских городов начали доставлять уже настоящих российских туристов на Хайнань или в Бэйдайхэ. Китайцы, некогда прилежно учившие русский, сегодня в основном переключились на другие языки, но теперь рядовые россияне изучают китайский, чтобы заниматься бизнесом в Поднебесной.

Это, конечно, не означает, что российско-китайские отношения лишены проблем или настолько стабильны, что способны «лететь дальше на автопилоте». Ведь речь идет об отношениях неравных сторон, в последнее время поменявшихся местами. Кроме того, по культурной специфике и образу мысли эти два гиганта различаются сильнее, чем большинство других стран. Так, китайцы в 2003 г. были буквально ошеломлены, когда их контракт с ЮКОСом на поставку нефти был внезапно аннулирован российскими властями [73]. Российскую сторону, в свою очередь, возмущает «клонирование» китайцами поставленных систем вооружений, например, зенитно-ракетного комплекса С-300 или крылатой ракеты Х-55 [74]. А в 2008 г. внезапное закрытие Черкизовского рынка в Москве, где работали сотни китайцев, стало предметом экстренных межправительственных консультаций: принимая это решение, российские власти попросту не учли «китайский фактор». И подобных примеров можно привести немало.

Характерная черта российско-китайских отношений — четкое понимание сторонами, где лежат их пределы. Это партнерство, но не союз. Поставки оружия есть, но нет диалога по стратегическим вопросам. Пекин и Москва кое-что делают вместе, но они не объединяются против всех. Обе стороны полностью чувствуют себя вправе не соглашаться друг с другом, пусть и в вежливой форме. Экономическое сотрудничество не перерастает в интеграцию. Иммиграции китайцев в Россию никто не препятствует, но «чайнатауны» в ее городах не создаются. Контакты между людьми развиваются, но цивилизационный водораздел между двумя странами остается явным и неустранимым.

Впрочем, речь идет о хороших, даже уникальных взаимоотношениях. Сегодня они устраивают Россию и Китай, их лидеров, бизнесменов и простых граждан. Австралийский дипломат Бобо Ло, ставший видным аналитиком, удачно назвал их «осью по расчету»[75]. Россия и Китай демонстрируют, что подобные отношения способны углубляться и развиваться, а также успешно выдерживать определенные осложнения и даже небольшие шоки.

Можно с немалой долей уверенности предположить, что в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе такой характер отношений между двумя странами сохранится. Для россиян, как говорилось в горбачевские времена, просто нет альтернативы добрососедству и дружбе с Китаем. Иметь Китай в качестве противника для страны равносильно катастрофе — не больше и не меньше. Впрочем, несмотря на некоторые подозрения с российской стороны, ожидать негативного изменения линии Пекина в отношении Москвы нет оснований[76]. При всей своей напористости, проявившейся в последние годы, нынешние пекинские руководители и те, кто придет им на смену в 2012 г., скорее всего продолжат идти прежним курсом. «Потесниться» Китай просит не Россию, а Запад, да и не решенные территориальные споры у него существуют не с северными соседями, а с южными — с Японией, Вьетнамом и Индией.

В долгосрочной перспективе ситуация не столь ясна. С российской стороны подходы не изменятся. Никакое реально возможное сближение с США и НАТО не заставит Москву забыть о том, что с Китаем у нее 4355 км общей границы. Никто в России, да и во всем мире не может представить себе, что эта граница станет предметом гарантий со стороны третьей страны или какого-либо альянса. Вопрос в другом: какую направленность примет внешняя политика Китая, если в Пекине в результате ужесточения позиции будущих лидеров компартии либо падения коммунистической династии и превращения страны в более демократическое, националистическое и воинственное государство возобладают шовинистические тенденции? Такое может произойти примерно в 2025—2030 гг.

Иные риски для российско-китайского партнерства связаны с динамикой развития отношений Пекина с США, а также другими великими державами Азии — Индией и Японией. Кризис на Корейском полуострове, связанный с воссоединением двух Корей под эгидой Юга, но при сохранении в стране американского военного присутствия, а возможно, и ядерного оружия, способен спровоцировать конфронтацию между Китаем и Соединенными Штатами. Вероятность военно-

го конфликта, хотя и меньшая, существует также в связи с Тайванем. Споры об островах Сенкаку/Дяоюйтай и скалах в Южно-Китайском море вряд ли будут иметь серьезные последствия для России: она постарается оказаться вне схватки и скорее всего отклонит требования Пекина о поддержке его территориальных притязаний. Иными словами, Москва отплатит Китаю «услугой за услугу» в ответ на его отказ признать Абхазию и Южную Осетию [77].

Отношения России с Японией во многом носят парадоксальный характер. Можно сказать, что в конце 1980-х годовТокио было легче, чем Бонну и Пекину, добиться всеобъемлющего урегулирования с Москвой, в том числе и по территориальному вопросу. Однако Япония среди всех стран Запада и Востока была одним из наибольших скептиков в отношении горбачевской перестройки. В конечном счете правительство Японии пригласило Горбачева побывать в стране с визитом, но это произошло только в мае 1991 г., когда он уже был не в состоянии принимать самостоятельные решения по серьезным вопросам. Новый шанс у Токио возник при Ельцине: Россия в то время отчаянно нуждалась в деньгах и готова была рассматривать различные варианты.

Однако за те годы прогресса в российско-японских отношениях достигнуть практически не удалось. Токио не желал развивать экономическое сотрудничество и твердо придерживался своих территориальных требований. Москва поначалу была настроена на сближение, но рост националистических настроений в стране не позволял Кремлю вернуть Японии все Южные Курилы, на чем она настаивала. Третья возможность открылась перед японцами уже при Путине, который был готов к компромиссу и предложил решить вопрос об островах по формуле, содержащейся в Московской декларации 1956 г. (справедливости ради следует признать: она страдает сильным перекосом в пользу России). Япония не просто отвергла предложение, лидерам страны даже было запрещено идти на любые компромиссы. Токио хотел либо все, либо ничего.

Сегодня, через двадцать лет, Москва не видит причин для спешки в урегулировании двусторонних противоречий. В 2009 г. она поблагодарила японскую сторону за гуманитарную помощь жителям Южных Курил и попросила в дальнейшем от нее воздерживаться. Россия чувствует себя гораздо увереннее, обладает значительными валютными резервами и не скрывает раздражения, когда токийские политики или государственные мужи поднимают вопрос о «российской оккупации островов». В ноябре 2010 г. Медведев, невзирая на яростные

протесты Японии, первым из кремлевских лидеров посетил Южные Курилы. Возможно, этот шаг был связан с предстоявшими в 2012 г. выборами: более 80% россиян последовательно выступают за полное сохранение суверенитета России над островами. Но, вероятно, вояж Медведева стал и проявлением недовольства негибкостью Токио, не желающего идти ни на какие компромиссы по этому вопросу. В Москве, должно быть, рассчитали, что японское правительство, и дальше отказывая России в помощи в целях развития по государственной линии, не сможет помешать японским компаниям заниматься бизнесом в России. Объем и глубина экономического взаимодействия двух стран сдерживается не столько политической ситуацией в Японии, сколько проблемами с инвестиционным климатом в России.

Другой парадокс заключается в том, что из всех стран Дальневосточного региона Россия, пожалуй, относится к Японии наиболее дружественно. Если японцы по-прежнему переживают из-за вступления СССР в войну на Тихом океане в 1945 г., под занавес конфликта, из-за утраты островов и судьбы их депортированных жителей, то россияне чувствуют себя вполне удовлетворенными — они отомстили за поражение в развязанной Японией войне 1904—1905 гг. и готовы к «вечному миру» с восточным соседом. Япония им даже нравится: в России ее считают миролюбивой, динамичной, технически развитой страной с высокой и утонченной культурой. Правда, японцы воспринимают россиян далеко не так позитивно.

Конечно, Москва должна быть крайне заинтересована в расширении связей с Японией в рамках общей политики модернизации и в частности в целях ускорения развития Сибири и Дальнего Востока. Тезис о том, что Япония — это Германия Востока, наверняка звучит для России убедительно. Чтобы чувствовать себя увереннее и комфортнее, страна нуждается в новых партнерах в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В какой-то момент России необходимо будет подумать о применении того же подхода, что недавно позволил ей урегулировать другие территориальные споры, прежде всего с Китаем и Норвегией. Однако без дипломатической гибкости и стратегического мышления со стороны Токио выход из тупика невозможен.

Потребности модернизации подталкивают Россию навстречу Японии, хотя эта страна подчеркнуто отсутствует в озвученном Медведевым шорт-листе потенциальных партнеров Москвы по «модернизационным альянсам». Другой насущный вопрос — развитие Дальнего Востока. Что же касается Японии, то подвигнуть ее к компромиссу с Россией может китайский фактор. Главный союзник То-

кио находится на другом берегу Тихого океана, и другой ему не нужен, однако дружественные отношения с Россией были бы Японии весьма полезны [78].

Осознавая ограниченность возможностей по развитию отношений с Японией, Москва пытается расширять экономические связи с Южной Кореей. Кроме того, Корейский полуостров, несомненно, важен для нее по геополитическим и стратегическим соображениям. Если Южная Корея превратилась в динамичную экономическую державу, то КНДР обладает ядерным оружием и баллистическими ракетами. У России нет особых рычагов влияния на Пхеньян, но, несмотря на ее определенную пассивность в рамках шестисторонних переговоров по северокорейскому ядерному оружию, она входит в единый фронт международного сообщества и не позволяет Пхеньяну играть на ее разногласиях с Вашингтоном.

Южная Корея — нарождающаяся великая держава, рано или поздно она добьется воссоединения с Севером. При всех гигантских расходах, социально-политических проблемах и необходимости психологической притирки воссоединение скорее всего вдохнет новую энергию в корейский народ, и он пожелает занять сильные и влиятельные позиции в Азии, да и на мировой арене в целом. У корейцев традиционно существовало недружелюбное отношение к Китаю, пытавшемуся выступать по отношению к ним в роли наставника, и к Японии, оккупировавшей их страну. Российская империя и Советский Союз также вмешивались в дела полуострова, но, к счастью, лишь на короткие периоды. У Москвы и Сеула существуют немалые возможности для формирования прочных отношений, что будет способствовать миру и стабильности в Северо-Восточной Азии.

В ходе дискуссий о ситуации в Северо-Восточной Азии часто забывают не только о России, но и о Монголии. В вопросах геополитики и безопасности подобная «лаконичность» неоправданна. Этой большой стране с важным стратегическим расположением и небольшим населением горбачевская перестройка и ее последствия принесли поистине гигантские перемены. И монголы умело воспользовались представившимся шансом: они построили работоспособную демократию и рыночную экономику, диверсифицировали внешнюю политику, отнюдь не ограничиваясь связями с двумя соседними великими державами, и за счет этого сумели выстроить равноправные отношения с Москвой, не превращаясь одновременно в сателлита Пекина. Наконец, в психологическом плане они «перенеслись» из Восточной Европы в Северо-Восточную Азию.

Конечно, Монголии пошли на пользу политические преобразования в России: Москва без промедления вывела из страны семидесятипятитысячный воинский контингент, дислоцировавшийся там в советские времена, и позволила Улан-Батору самостоятельно выбирать свой путь. По сути в 1990-х годах Россия полностью оставила Монголию на произвол судьбы и вообще о ней не вспоминала. Изменения в экономической сфере обернулись для страны утратой советского и сэвовского рынка сбыта, но это оказало на нее стимулирующее воздействие. Монголия сумела воспользоваться наличием у себя под боком гигантского китайского рынка, а также стратегическим интересом, который проявили к ней две другие державы — Япония и США. Когда Москва вновь «вернулась» в эту страну в середине 2000-х годов, руководствуясь в основном экономическими соображениями, она обнаружила в ее лице уверенного в себе и зрелого партнера.

На деле «самым восточным» соседом России являются Соединенные Штаты. Вспомним: до 1867 г. Аляска входила в состав Российской империи. А Форт-Росс, конечный пункт проникновения русских поселенцев на североамериканский континент, расположен всего в 80 км к северу от Сан-Франциско. Российско-американские отношения в Тихоокеанском регионе носили совершенно иной характер, чем в Европе, отличаясь несколько большей дружественностью.

В 1945 г. СССР по настоянию Вашингтона вступил в войну с Японией. Пятью годами позже Сталин дал Ким Ир Сену зеленый свет на присоединение Южной Кореи, что спровоцировало войну на полуострове, но в этом противостоянии с Америкой он старался действовать через «посредников» — Ким Ир Сена и Мао Цзэдуна. Никите Хрущеву претил ядерный авантюризм Мао, что послужило одной из причин разрыва между СССР и КНР в 1960 г. После этого главной стратегической головной болью Москвы в Азиатско-Тихоокеанском регионе были не Соединенные Штаты, а Китай. Сложные отношения между тремя державами вписались в знаменитый «стратегический треугольник», причем с Вашингтоном они у Москвы складывались неизмеримо лучше, чем с Пекином.

После окончания «холодной войны» американское военное присутствие в Азии — альянсы Вашингтона с Токио, Сеулом и другими столицами и даже создание объектов ПРО на Аляске и в Калифорнии, а также сотрудничество США с Японией в области противоракетной обороны — не вызывает протестов со стороны Москвы. Контраст с вопросом о расширении НАТО получается просто поразительный. Объяснение заключается в следующем: в Азиатско-Тихоокеанском ре-

гионе, по мнению Москвы, Соединенные Штаты играют роль противовеса Китаю. Кроме того, за исключением Монголии в регионе нет стран, которые Россия может рассматривать в качестве стратегической буферной зоны. В отличие от Пекина Кремль не слишком беспокоит перспектива исчезновения с политической карты Северной Кореи в результате воссоединения с Югом: Пхеньян служит буфером для Китая, а не для России.

В целях модернизации и развития Дальнего Востока и Сибири Россия должна приветствовать сотрудничество с Америкой, Канадой, Австралией и другими тихоокеанскими странами. Партнерство со странами региона, охватывающее экономику, технологии и образование, может во многом способствовать большей открытости и инициативности во внешней политике Москвы. И раз уж я перешел к «морской» теме, пришла пора исследовать «последний берег» России — ее арктический регион.

СЕВЕРНЫЙ ФЛАНГ

Воля к сотрудничеству понадобится и для упорядочения международных отношений на Крайнем Севере. Арктика — четвертый геополитический фасад России. Русские утвердились там очень давно. Первый договор о границе между Норвегией и Новгородом относится к 1323 г., и с тех пор ее линия не претерпела существенных изменений. Архангельск еще в конце XVII — начале XVIII в. стал основным портом России, через который шла торговля с Западной Европой.

В годы Второй мировой войны арктические конвои союзников доставляли в Мурманск боевую технику и другие грузы для СССР. «Холодная война» стала периодом беспрецедентной милитаризации Арктики: в Североморске расположились штаб советского Северного флота и атомные ракетные подводные лодки, а Новая Земля превратилась в полигон для ядерных испытаний. Воздушное пространство региона регулярно патрулировалось стратегическими бомбардировщиками, а в случае войны над Арктикой пролегли бы траектории американских и советских баллистических ракет.

Сегодня, через два десятилетия после окончания «холодной войны», новая вспышка интереса к Арктике обусловлена несколькими факторами: изменением климата, ростом спроса на энергоресурсы и потребностью в новых транспортных маршрутах, и все это на фоне отсутствия четкого международно-правового режима на последнем ру-

беже обитаемого мира. Из-за ускоренного таяния арктических льдов разведка сырьевых ресурсов Северного Ледовитого океана стала технически осуществимой, а рост спроса на энергоносители может сделать их разработку коммерчески выгодной. То же изменение климата, что очистило гигантские пространства Арктики ото льда, сделав их судоходными, обернулось оживлением интереса к Северному морскому пути, северо-восточному проходу между Европой и Азией, а также к северо-западному проходу между Тихим океаном и Атлантикой.

Россия надеется извлечь из всех этих перемен немалую выгоду. Она подала заявку (которую теперь необходимо подкрепить научными данными) на исключительную экономическую зону площадью в 1,2 млн кв. км. Считается, что на этой территории расположена бóльшая часть сырьевых ресурсов, оставшихся за пределами существующих экономических зон. Кроме того, Россия вновь перешла к активному использованию Северного морского пути, полностью проходящего в границах ее территориальных вод или экономической зоны.

Вопрос об Арктике привлек внимание всего мира в 2007 г., когда экипаж российского глубоководного аппарата установил сделанный из металла государственный флаг страны на морском дне в точке Северного полюса. Это вызвало ажиотаж и легкое смятение; несколько государств выступили с жесткими заявлениями и даже провели на Севере военные учения[79]. Напряженность начала спадать в 2008 г., когда Россия и другие государства — члены Арктического совета договорились о мирном решении всех спорных вопросов — путем переговоров или в суде. Проясняя собственные позиции, Россия и Норвегия в 2010 г. нашли компромиссное решение длившегося сорок лет спора о границе в акватории Баренцева моря. Это стало поистине этапным событием, которое, будем надеяться, укажет правильный курс и тон для продвижения вперед. Кроме того, в 2011 г. российская компания «Роснефть» подписала соглашение с «ExxonMobil» о совместной разработке энергоресурсов в Карском море к востоку от Новой Земли.

Среди других позитивных факторов следует отметить, что бóльшая часть ресурсов региона, например, крупнейшее в России Штокмановское газовое месторождение, находится в пределах признанных исключительных экономических зон литоральных государств, а их коммерческая эксплуатация — дело отнюдь не завтрашнего дня.

Важный не урегулированный вопрос касается участников процесса принятия решений по Арктике. Москва однозначно предпочитает ограничить их круг пятью приарктическими государства-

ми — Канадой, Данией, Норвегией, Россией и США. В этом состоит принципиальный подход России к таким вопросам: аналогичную позицию она заняла и по Каспию. Российская сторона не желает участия в делах региона Евросоюза (Дания входит в его состав) и уж тем более НАТО (к которому принадлежат все четыре других литоральных государства). Отвергает Москва и аргумент, выдвигаемый, в частности, Китаем, о том, что территория за пределами нынешних исключительных экономических зон арктических государств представляет собой «общее достояние всего человечества». Россияне понимают, что их страна обладает лишь немногими сравнительными преимуществами, и теми, что есть в наличии, желает воспользоваться сполна[80]. Таким образом, интернационализации Арктики она говорит категорическое «нет».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из краткого обзора концепций и практики России в сфере геополитики и безопасности следует ряд важных выводов.

Страна отказалась от традиционной модели территориального расширения. Объединение с Белоруссией никогда не рассматривалось Москвой в качестве приоритета. Абхазию и Южную Осетию она превратила в военные буферные зоны, но в данном случае речь идет о чрезвычайных обстоятельствах. Единственной целью раздувания сепаратизма в Крыму было создание препятствий для присоединения Украины к НАТО. Возникновение всех новых независимых государств воспринимается российским руководством как геополитическая реальность.

Москва больше не рассматривает постсоветское пространство как единое целое. Она не проводит единую политику в рамках СНГ и даже внутри отдельных его регионов — Новой Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии, да и в Прибалтике, сознательно выстраивая отношения с отдельными государствами и придерживаясь индивидуального подхода к каждому из них.

Бывшие страны — «клиенты» СССР в Восточной (ныне Центральной) Европе включая и Балканы руководство России считает частью ЕС и НАТО, понимая: те государства, что еще не вошли в состав этих структур, присоединятся к ним в недалеком будущем. Таким образом, впервые за триста лет Россия в политическом и стратегическом плане оказалась вне Европы, взаимодействуя при этом с европейцами на

разных уровнях, в разных форматах и по широкому кругу вопросов, с акцентом на экономику.

В Кремле традиционное и отчасти идеологизированное имперское мышление сменилось прагматичным великодержавным менталитетом. Путинский вариант «постимперства» отличается от ельцинского, но направление движения то же — в сторону от империи. Москва больше не стесняется задействовать свои преимущества в отношениях с менее крупными государствами, но преимущества и аннексия — вещи разные.

Российское руководство определилось со своими интересами в новых регионах Восточной Европы, на Кавказе и в Центральной Азии. Эти интересы не равносильны гегемонии, но требуют уважения к потребностям России в области безопасности (в их понимании Кремлем) и говорят о стремлении Москвы к преобладающей роли в сферах экономики и культуры.

В культурном плане лишь Украина и Белоруссия воспринимаются как «члены семьи», а потому не совсем «иностранцы». Многие другие страны — центральноазиатские и южнокавказские включая христианские Армению и Грузию — подпадают под категорию «иностранных государств». К ней относятся также Молдавия и страны Балтии.

Россия осознает, что вдоль всех ее границ формируются мощные и динамичные центры силы: ЕС, Китай, Турция, Иран, Индия. Она уже не может рассчитывать на важную геополитическую роль в Европе, ныне объединенной, или в Азии, где Китай и Индия превратились в «тяжеловесов». Несомненно, не рассчитывает Москва и на любую ведущую роль на Большом Ближнем Востоке. Сосредоточившись в основном на самой себе и стараясь не попасть под влияние других государств, Россия считает, что в условиях глобализации у нее есть достаточно возможностей, чтобы служить «решающей гирей» на чаше весов, влияя на общемировой баланс сил. Насколько обоснованны эти надежды? Ответ зависит от успеха ее нынешней политики модернизации. А это, в свою очередь, неразрывно связано с динамикой развития и диверсификацией ее экономики.

Однако от прошлого российский истеблишмент унаследовал страх перед нападением американцев. Неуверенность относительно целей Соединенных Штатов — особенно в условиях, когда их могущество после окончания «холодной войны» чрезвычайно выросло, а мощь России заметно ослабла, — представляет собой серьезную проблему в контексте евроатлантической безопасности, хотя в Вашингтоне, возможно, так и не считают. Расширение НАТО, развертывание

системы противоракетной обороны, поддержка Грузии и Украины — конфликты по всем этим вопросам отражают скорее ощущение Москвой собственной уязвимости перед лицом Соединенных Штатов, чем некий неоимперский порыв к восстановлению контроля над бывшими собственными провинциями и сателлитами. Даже в конце 2010 г., в разгар «перезагрузки», Медведев и Путин предостерегали: если США не захотят создавать систему ПРО совместно с Россией, Москва развернет собственную — для защиты от Америки[81].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См. прекрасную беллетризированную биографию Чингисхана: *Калашников И.* Жестокий век. — М.: Сов. писатель, 1980.

2 См.: Исход к Востоку: Предчувствия и свершения / Ст. П. Савицкого, П. Сувчинского, кн. Н. С. Трубецкого и Георгия Флоровского. — София: Балкан, 1921.

3 *Проханов А.* Пятая империя. — М.: Амфора, 2007; *Юрьев М.* Третья империя: Россия, которая должна быть. — М.: Лимбус Пресс; Изд-во К. Тублина, 2007.

4 *Trenin D.* The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization. — Washington, D.C.: Carnegie Endowment for Intern. Peace, 2002.

5 *Козырев А.* Преображение. — М.: Междунар. отношения, 1995. — С. 5.

6 См. анализ этой политики по горячим следам: *Тренин Д.* Realpolitik Москвы // Независимая газ. — 2004. — 9 февр. (http://www.ng.ru/courier/2004-02-09/9_realpolitik.html).

7 Подробнее об этих кризисах см. главу 3.

8 *Кучма Л.* После Майдана: Записки президента. 2005—2006. — М.: Время, 2007.

9 Хорошее описание событий «оранжевой революции» см. в кн.: *Колесников А.* Первый Украинский: Записки с передовой. — М.: Вагриус, 2005.

10 См. интервью Павловского журналу «Эксперт» в декабре 2004 г.: *Гурова Т.* Революция, ее вожди и ее технологии // Эксперт. — 2004. — № 46 (446) (http://www.expert.ru/expert/2004/46/46ex-ukr-pav_27653).

11 См. интервью Валерия Фадеева с Дмитрием Медведевым: Сохранить эффективное государство в существующих границах // Эксперт. — 2005. — № 13 (460) (http://www.expert.ru/expert/2005/13/13ex-medved_5168).

12 *Кучма Л.* Указ. соч. — С. 280.

13 Там же. — С. 97—98.

14 См. введение.

15 Пресс-конференция Путина по окончании переговоров с Президентом Украины Виктором Ющенко и второго заседания Российско-Украинской межгосударственной комиссии, Москва, Кремль, 12 февраля 2008 года // http://archive.kremlin.ru/appears/2008/02/12/2027_type63377type63380_160013.shtml.

16 *Кучма Л.* Указ. соч. — С. 176.

17 *Караганов С.* Магия цифр 2009, или Неоконченная война // Рос. газ. — 2009. — № 4867 (Федеральный выпуск). — 13 марта (http://www.rg.ru/2010/03/13/karaganov.html).

18 *Соловьев В.* Из украйности в крайность // Коммерсантъ. — 2010. — 22 апр. (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1358173&print=true).

19 Некоторые проницательные наблюдатели, в том числе Стивен Сестанович, занимавший при Клинтоне пост посла США в странах СНГ, тоже проводили параллели между этими двумя политиками.

20 Об этом автору в ноябре 2004 г. рассказал тогдашний премьер-министр Грузии Зураб Жвания.

21 По словам Игоря Иванова, возглавлявшего российскую делегацию на переговорах.

22 Пятидневная война между Россией и Грузией, ее предыстория и последствия подробнее описаны во введении.

23 См.: *Trenin D.* How To Make Peace With Georgia // Moscow Times. — 2010. — Aug. 9; *Маркедонов С.* Можно ли сегодня добиться мира с Грузией? // Полит. Ру. — 2010. — 9 сент. (http://www.polit.ru/analytics/2010/09/09/georgia.html).

24 Новороссией было названо северное побережье Черного моря, отвоеванное у османов и присоединенное к империи в 1768—1791 гг. при Екатерине II. Сегодня бóльшая часть Новороссии входит в состав Украины.

25 См. комментарий Аркадия Дубнова во «Времени новостей»: Приднестровьем займется Казахстан // Время новостей. — 2009. — 19 марта (http://www.vremya.ru/2009/45/4/225315.html).

26 Военная доктрина Российской Федерации // http://www.scrf.gov.ru/documents/33.html.

27 Это заявление он сделал на встрече в Москве с участниками Мюнхенской конференции по вопросам безопасности 20 октября 2010 г. См.: http://kremlin.ru/transcripts/9299.

28 *Kohl H.* Erinnerungen 1982—1990. — Munich: Drömer Verl., 2005. — S. 961.

29 Общественное мнение-2009 / Левада-Центр. — М., 2009. — С. 166.

30 См. доклад Совета по внешней и оборонной политике: Политический контекст: интересы Запада, стран Центральной и Восточной Европы, и России: Рекомендации, 21 июня 1995 года (http://svop.ru/live/materials.asp?m_id=7009&r_id=7044).

31 Словакия не вошла в первую «волну» расширения из-за внутриполитической ситуации. Она стала членом Альянса на следующем этапе, в 2004 г.

32 Например, в интервью в эфире программы Би-би-си «Завтрак с Фростом» 5 марта 2000 г. См.: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/03/05/0000_type63379type82634_125251.shtml.

33 В беседах с лордом Робертсоном, генеральным секретарем НАТО с 1999 по 2004 гг.

34 NATO-Russia Relations: A New Quality: Declaration by Heads of State and Government, Pratica di Mare air force base, Italy, May 28, 2002 (http://archive.kremlin.ru/eng/events/articles/2002/05/156782/161245.shtml).

35 *Lewis G. N., Postol Th. A.* European Missile Defense: The Technological Basis of Russian Concerns // Arms Control Today. — 2007. — Oct. 13—18 (http://www.armscontrol.org/act/2007_10/LewisPostol).

36 *Батыгин А.* По единым правилам игры // Союз. Беларусь-Россия. — 2010. — № 476 (40). — 21 окт.

37 *Jackson B.* A Turning Point for Europe's East // Hoover Digest. — 2010. — Apr. 1 (http://www.hoover.org/publications/policy-review/article/5292).

38 На экономических аспектах создания Таможенного союза и вступления России в ВТО я остановлюсь в главе 3.

39 Абхазия и Южная Осетия не включены в этот список из-за их спорного статуса, а также полной зависимости (по крайней мере в настоящее время) от России. По сходным причинам я не выделяю в качестве отдельных образований Нагорный Карабах и Приднестровье.

40 *Marson J.* Ukraine, Eastern Europe Worries About Losing Clout in Washington // Kyiv Post. — 2009. — Sept. 24 (http://www.kyivpost.com/news/nation/detail/49399).

41 *Стецкив Т.* Национальный интерес сегодня // Зеркало недели. — 2009. — № 32. — 29 авг. — 4 сент. (http://www.zn.ua/1000/1550/67040).

42 *Тигипко С.* Наше место на карте мира // Зеркало недели. — 2009. — № 32. — 29 авг. — 4 сент. (http://www.zn.ua/1000/1550/67039).

43 Это выражение принадлежит Александру Лебедько. Цит. по: *Ходасевич А.* Лукашенко ставит на таможни // Независимая газ. — 2009. — 19 марта (http://www.ng.ru/cis/2009-03—19/6_Lukashenko.html).

44 Он занимал пост президента Молдавии с 2001 по 2009 гг.

45 С 11 сентября 2009 г. по 28 декабря 2010 г. С 30 декабря 2010 г. исполняющим обязанности президента является Мариан Лупу.

46 Анализ событий Чеченской войны см. в: *Trenin D., Malashenko A.* Russia's Restless Frontier: The Chechnya Factor in Post-Soviet Russia. — Washington, D.C.: Carnegie Endowment for Intern. Peace, 2004.

47 *Сухов И.* Нет «Востока» и «Запада» нет // Время новостей. — 2008. — 10 нояб. года (http://www.vremya.ru/2008/207/4/26635.html).

48 *Малашенко А.* Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности / Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2009.

49 Джохар Дудаев — летчик бомбардировочной авиации, дослужившийся до звания генерал-майора Советской армии, стал первым президентом Чеченской Республики, провозгласившей независимость в 1991 г. Пятью годами позже он был убит ракетой, выпущенной с российского самолета. Аслан Масхадов — полковник-артиллерист в Советской армии — занял пост президента Чечни в 1997 г. В 2000 г., после поражения чеченских сепаратистов, он возглавил партизанскую войну против российских войск. В 2005 г. Масхадов был ликвидирован российским спецназом.

50 Имам Шамиль — военный, политический и духовный лидер Чечни и Дагестана. Он много лет вел войну против российских завоевателей. В 1859 г. Шамиль капитулировал и провел остаток жизни в России, фактически на положении пленника.

51 См. репортаж Ивана Сухова: Халва с гарантией // Время новостей. — 2007. — 27 августа (http://www.vremya.ru/2007/153/4/185693.html).

52 *Медведев Д.* Выступление на расширенном оперативном совещании с членами Совета Безопасности, Махачкала, 9 июня 2009 года (http://kremlin.ru/transcripts/4383).

53 По словам президента Ингушетии Юнус-бека Евкурова. См.: В Ингушетии за пять лет от рук террористов погибли более 400 милиционеров, заявил Евкуров // Newsru.com. — 2010. — 3 окт. (http://www.newsru.com/russia/03oct2010/evk.html).

54 Интервью с министром внутренних дел Дагестана Адильгереем Магомедтагировым (позднее погибшим). См.: *Сухов И.* Мы будем биться до последнего // Время новостей. — 2009. — 19 марта (http://www.vremya.ru/2009/45/4/225224.html).

55 *Машкин С.* Опровержимые доказательства // Коммерсантъ. — 2010. — 28 окт. (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1530053&print=true).

56 *Малашенко А.* Северный Кавказ: когда закончилась война // Pro et Contra. — 2008. — № 5–6 (43). — Сент.–дек.

57 *Markedonov S.* A Strategy for North Caucasus: don't mention politics or religion! // openDemocracy.net. — 2010. — Nov. 1 (http://www.opendemocracy.net/od-russia/sergei-markedonov/strategy-for-north-caucasus-don%E2%80%99t-mention-politics-or-religion).

58 Как в колониях // Ведомости. — 2010. — 20 октября.

59 Там же.

60 Подробнее о внутренней миграции в России см. главу 4.

61 См., например: *Малашенко А.* Цена вопроса // Коммерсантъ. — 2009. — 16 марта (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1137091&print=true).

62 Именно этот объект Путин в 2007 г. в Кеннебанкпорте предложил Бушу в качестве вклада России в совместную систему противоракетной обороны.

63 Например, в 2003 г. Анкара не разрешила использовать турецкую территорию для вторжения в Ирак коалиции во главе с США.

64 Прекрасный анализ ситуации в постсоветской Центральной Азии содержится в работах Марты Брилл Олкотт. См.: *Olcott M. B.* Kazakhstan: Unfulfilled Promise. — Washington, D.C.: Carnegie Endowment for Intern. Peace, 2002 (русский перевод: *Олкотт М. Б.* Казахстан: непройденный путь / Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2003), *Olcott M. B.* Central Asia's Second Chance. — Washington, D.C.: Carnegie Endowment for Intern. Peace, 2005 (русский перевод: *Олкотт М. Б.* Второй шанс Центральной Азии / Моск. Центр Карнеги; Фонд Карнеги за Междунар. Мир. — Москва; Вашингтон, 2005). О политике США, России и Китая в регионе подробнее см.: *Rumer E., Trenin D., Huasheng Zhao.* Central Asia: Views from Washington, Moscow, and Beijing. — Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2007. — P. 75–136.

65 Речь идет о военной базе в Таджикистане, где дислоцированы 6 тыс. военнослужащих сухопутных войск и ВВС, и авиабазе в Киргизии, где находится с полдесятка боевых самолетов и 500 человек персонала. Кроме того, российские военные из небоевых частей находятся на космодроме Байконур, который Россия арендует у Казахстана.

66 *Храмчихин А.* ОСК «Центр» против Центральной Азии // Независимое воен. обозрение. — 2010. — № 40. — Oct. 22–28 (http://www.nvo.ng.ru/concepts/2010-10-22/1-osk.html).

67 *Кучма Л.* Указ. соч. — С. 175.

68 *Храмчихин А.* Указ. соч.

69 В главе 3 будет показано, что эта граница представляет собой и реальный предел экономической интеграции между Россией и ее соседями.

70 Подробнее об этом см.: *Тренин Д., Малашенко А.* Афганистан: взгляд с севера / Моск. Центр Карнеги. — М., 2010.

71 Россия и США впервые провели совместную операцию в Афганистане, разгромив четыре нарколаборатории // Newsru.com. — 2010. — 29 окт. (http://www.newsru.com/world/29oct2010/fsknafghan_print.html).

72 *Brzezinski Z.* An Agenda for NATO // Foreign Affairs. — 2009. — Sept.—Oct.

73 Позднее контракт перешел к «Роснефти» и был ею выполнен, но с большим запозданием.

74 Кроме того, никто не знает точно, сколько истребителей Су-27 (в Китае они получили обозначение J-11) китайцы произвели сверх тех двух сотен, на которые им была выдана лицензия. См.: Друзья-соперники // Ведомости. — 2009. — 12 марта (http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2009/03/12/185719).

75 *Bobo Lo.* Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics. — Harrisonburg, Va.: R. R. Donnelley, 2008.

76 См. дискуссию между Виталием Цыгичко и Дмитрием Трениным: Китай для России: товарищ или господин? // Индекс безопасности. — 2007. — № 2 (82). — С. 147–156.

77 См.: *Wen Liao.* China Crosses the Rubicon // Moscow Times. — 2009. — June 19.

78 Развернутую аргументацию на этот счет см.: *Тренин Д., Михеев В.* Россия и Япония как ресурс взаимного развития: Взгляд из XXI в. на проблему XX в. / Моск. Центр Карнеги. — М., 2005 (http://www.carnegie.ru/publications/?fa=35887).

79 См., например: *Храмчихин А.* В перспективе — Арктический фронт // Независимое воен. обозрение. — 2009. — № 4. — 6–12 февр. (http://nvo.ng.ru/wars/2009-02-06/4_arktika.html); Многополярный мир становится во многом приполярным миром // НГ-Наука. — 2009. — 24 июня (http://www.ng.ru/science/2009-06-24/12_mnogopoliarnyi.html).

80 *Гаазе К., Зыгарь М.* Россия поменяет внешнюю политику // Рус. Newsweek. — 2010. — № 20 (288) (http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/49383-rossiya-pomenyaet-vneshnyuyu-politiku).

81 Ежегодное послание Медведева Федеральному собранию, 30 ноября 2010 г.; Интервью Путина в программе «Larry King Live», 2 декабря 2010 г.

3

ЭКОНОМИКА И ЭНЕРГЕТИКА

Советская империя по сути представляла собой военно-политическую конструкцию. В первые годы после Второй мировой войны СССР пользовался тем, что в «социалистический лагерь» вошли более развитые в экономическом отношении Восточная Германия и Чехословакия. С 1945 г. в рамках репараций целые немецкие предприятия демонтировались, и все их оборудование вывозилось в Советский Союз. В 1947 г. Москва, отгораживая Чехословакию от Запада, не позволила Праге присоединиться к Плану Маршалла.

Эти преимущества, однако, носили ограниченный и недолговечный характер. Далеко не все страны Восточной Европы, вошедшие в 1949 г. в Совет экономической взаимопомощи, можно было назвать передовыми в экономическом отношении. Но даже развитая экономика, например, тех же ГДР и Чехословакии, быстро деградировала из-за введения административно-командной системы. Что же касается неевропейских членов СЭВ — Кубы, Монголии, Вьетнама и Лаоса, то они были объектами масштабных и зачастую неэффективных программ развития, ежедневно обходившихся СССР в миллионы долларов.

«Социалистическая ориентация» ряда государств третьего мира — в большинстве своем бедных — по сути сводилась к получению советского оружия и экономической помощи. Об особых правах Москвы на эксплуатацию ценных сырьевых ресурсов в тех немногих ее странах-клиентах, которые ими обладали, речь не шла. Ангольские нефть и алмазы оставались в руках американских и других западных компаний. Власти Алжира ревностно контролировали нефтегазовые ресурсы страны, такую же политику проводили правительства богатых нефтью Ирака и Ливии. Москва могла надеяться максимум на то, что Алжир, Триполи и Багдад будут расплачиваться за советские оружейные поставки наличными; бедные страны вроде Эфиопии и Южного Йемена получили их фактически безвозмездно. В экономическом плане «заморская империя» СССР, несомненно,

была провальным проектом. Ее ценность в глазах Москвы носила исключительно политический, идеологический и стратегический характер.

Когда к концу 1980-х годов советское руководство устало от «холодной войны» и решило ее прекратить, одной из выгод мира с Западом считалась возможность избавиться от бремени содержания клиентов в третьем мире. Власти новой России немедленно прекратили помощь тем странам, которые все еще ее получали, например, Афганистану и Кубе, не особенно задумываясь об экономических, социально-политических и военных последствиях этого шага. Когда же в «свободное плаванье» отправились страны СЭВ, в Москве это также было воспринято без особого сожаления.

Совет экономической взаимопомощи добило принятое в 1991 г. решение заменить в расчетах между его членами искусственную общую валюту — переводной рубль — реальными твердыми деньгами. Москве давно уже не нравилась схема, в рамках которой за советские энергоносители и сырье — их легко можно было продавать за твердую валюту — она получала низкокачественную восточноевропейскую продукцию. Переход на валютные расчеты, однако, означал конец СЭВ. А экономическая заинтересованность в Центральной Европе у России появилась лишь десятилетие спустя.

С исторической империей все обстояло по-другому. Москва рассматривала весь Советский Союз как единое экономическое целое: никакого разделения на «экономическую метрополию» и «эксплуатируемые колонии» не было. И хотя Узбекистан, например, традиционно считался источником сырья — от газа до хлопка — для промышленных регионов Союза, его столица Ташкент была крупным индустриальным центром. В конце концов ведь и сама РСФСР служила основным источником сырья для остальных четырнадцати республик.

Советская экономика отличалось высоким уровнем интеграции, и это была целенаправленная линия: в Москве принимались политические решения об увязке предприятий из разных уголков страны в единый комплекс. В основе лежал тот же принцип, согласно которому призывников отправляли служить как можно дальше от родных мест: советское, общегосударственное — выше местного. Когда распался СССР, очень многие в Москве считали, что экономическая общность пересилит политические разногласия и приведет к реинтеграции на новом уровне, более выгодной для России. Этого, однако, не случилось. И уже в 1993 г. Россия полностью вывела из обращения советский рубль, ликвидировав тем самым «рублевую зону».

После роспуска СССР Российская Федерация стала его единственным правопреемником — как в плане прав, так и обязательств. Москва взяла на себя ответственность за 103 млрд долл. советской внешней задолженности (в основном краткосрочной) и получила в собственность зарубежные активы СССР на общую сумму в 140 млрд. (в значительной степени невозвратные долги стран — клиентов СССР). В результате все новые независимые государства были полностью освобождены от внешних обязательств и могли начать с чистого листа, без задолженности. В то же время они не получили ни одного из зданий советских посольств и представительств за рубежом: этот второй компонент «нулевого варианта» вызывал их недовольство (а первый не был оценен по достоинству).

В 1990-х годах экономические отношения между Россией и другими странами СНГ страдали от хронического безденежья сторон. Результатом становились бартерные сделки, задержка платежей и неизбежные политические трения. Бессистемные и преждевременные шаги в интеграционном духе (например, отмена таможенных барьеров или практика сбора налога на добавленную стоимость) вели лишь к взаимным обвинениям. Договор о свободной торговле стран СНГ, подписанный в 1994 г., стал мертвой буквой с момента подписания.

К середине 1990-х годов, когда первый шок от крушения СССР прошел, в СНГ наступила некоторая стабилизация. Успехи макроэкономической политики Москвы и укрепление рубля ненадолго дали странам Содружества возможность наращивать экспорт в Россию. Однако дефолт 1998 г. резко ослабил роль России в региональной торговле. Первоначальные надежды на экономическую интеграцию окончательно сошли на нет. Украина, чья валюта вслед за российской мгновенно девальвировалась в 2,7 раза, и другие новые независимые государства стали ориентироваться на Евросоюз в качестве главного экономического партнера.

В начале 2000-х годов подпитывавшийся высокими ценами на энергоносители экономический рост в России снова вернул туда товары и рабочую силу из стран СНГ. Повышение уровня жизни в Российской Федерации (в докризисном 2008 г. по среднедушевому доходу она превосходила Украину в 3 раза, Молдавию в 6 раз, а Узбекистан, Киргизию и Таджикистан в 11—16 раз[1]) повысило ее привлекательность. Но «газовый шок» 2006 г., когда «Газпром» повысил тарифы на поставляемое странам СНГ «голубое топливо» до международного уровня, фактически нанес последний удар по *бывшему СССР*. Оставшись без российских субсидий, страны СНГ фактически наконец об-

рели политическую свободу от бывшей метрополии. Теперь, однако, им приходилось сполна платить за газ.

Сегодня, через двадцать лет после распада СССР, процесс интеграции между его бывшими республиками по-прежнему идет медленно. Россия явно преобладает в СНГ: на ее долю приходится 72% совокупного регионального продукта. Однако ее роль в экономике Содружества в основном ограничивается поставками энергоносителей и другого сырья и предоставлением сравнительно открытого рынка сбыта для товаров и трудовых ресурсов соседних стран. В принципе Россия должна быть заинтересована в стабильности и экономическом росте на пространстве СНГ. Это, несомненно, способствовало бы ее собственному развитию и приросту ее капитала.

В краткосрочной перспективе, однако, Россия извлекает выгоду из того, что ее соседи менее развиты экономически, и даже из неурегулированных конфликтов на их территории. Москва понимает, что непрозрачность, характерная для экономики постсоветских государств, дает российским компаниям определенное конкурентное преимущество перед западными соперниками, которое они могут утратить при усилении транспарентности и выравнивании правил игры. Кроме того, по политическим причинам Россия проигнорировала экономический рост в Грузии после 2003 г. и успехи, достигнутые Украиной в «оранжевую» эпоху.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В СНГ

Хотя основное внимание Россия уделяет торговле со странами ЕС — ее главными партнерами — и Китаем, в СНГ у нее сохраняются важные интересы. В некоем метафизическом плане Москва рассматривает постсоветское Содружество как пьедестал, необходимый для великодержавного статуса России, но на практике акцент делается на экономике. Считая крупные региональные экономические объединения — ЕС, Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА), АСЕАН, латиноамериканский МЕРКОСУР и формирующееся восточноазиатское сообщество — основными элементами мировой экономики, российское руководство надеется возглавить аналогичный блок в лице СНГ. Россия хочет преобладать на экономическом пространстве между Евросоюзом и Восточной Азией. В этом геополитический смысл проекта Евразийского союза, предложенного Владимиром Путиным в октябре 2011 г.

В конкретном же плане россияне заинтересованы в доступе к сырьевым ресурсам бывших окраин. Хотя в 2008 г. на долю стран СНГ (не считая России) приходилось всего 1,3% общемирового ВВП (в пересчете по паритету покупательной способности), Казахстан и Азербайджан в 2008 г. обеспечивали примерно 5% мировой нефтедобычи, а Туркмения — до 6% мировой добычи газа. Настаивая на том, чтобы эти энергоносители экспортировались через российскую территорию, Москва пытается ослабить конкуренцию со стороны прикаспийских поставщиков и усилить собственные позиции «гаранта общемировой энергетической безопасности»[2]. Россия также стремится к приобретению активов в стратегически важных секторах соседних стран — военной, ядерной, авиакосмической отраслях (на долю Казахстана и Узбекистана, например, приходится 25% мирового производства урана).

По сути именно эти интересы легли и в основу концепции «либеральной империи», изложенной в сентябре 2003 г. архитектором российской приватизации Анатолием Чубайсом[3]. Он призвал российские энергокомпании — от нефтегазовых до электроэнергетических — использовать свое сравнительное преимущество для завоевания гегемонии в экономике новых независимых государств. Кроме того, для превращения постсоветского пространства в «империю нового типа» он предлагал задействовать российские транспортные корпорации и инфраструктуру.

Если оставить за скобками слово «империя», большинство предложений Чубайса выглядело вполне разумно. Можно даже, пусть и с определенной натяжкой, говорить об империи «Газпрома» или РАО ЕЭС — электроэнергетической корпорации, которую Чубайс в то время возглавлял. Ей, в частности, принадлежали энергокомпании в Грузии и Молдавии.

Однако идея объединить все многообразие интересов российского бизнеса под одним флагом империи, управляемой из Москвы и тесно связанной с российским правительством (если не возглавляемой им), обрекала весь проект на гарантированную неудачу. Чубайс — он в большей степени либерал, а не «империалист» — пытался совместить либеральный капитализм с имперскими традициями России. В результате он не только не умиротворил своих недругов на родине, но и встревожил многих за рубежом: российский бизнес стал восприниматься как «рука Кремля».

Впрочем, в конечном счете особого значения это не имело. Через считанные недели после публикации «либерально-имперского» мани-

феста был арестован Михаил Ходорковский, через год его компания ЮКОС была демонтирована и национализирована. Российский большой бизнес — нефтяной, газовый, металлургический — попал под прямой или косвенный контроль Кремля. Либеральная империя умерла, не успев родиться, а нелиберальная не имела ни одного шанса. Помимо внешней экспансии на бывших окраинах российский бизнес стремится задействовать определенные ресурсы новых независимых государств на благо российского народного хозяйства. В частности, Россия, страдая от серьезного и обостряющегося дефицита рабочей силы, старается воспользоваться избытком трудовых ресурсов в странах СНГ. Наряду с рабочими, квалифицированными и неквалифицированными, она хотела бы привлечь представителей интеллигенции и технических специалистов из бывших советских республик, чтобы частично компенсировать утечку мозгов на Запад. Помимо привлечения иммигрантов Россия также заинтересована в развитии торговли, инвестиций и интеграции с соседями.

ТОРГОВЛЯ

На долю России и других стран СНГ приходится очень небольшая часть мировой торговли: 3,5% оборота товаров и 2,5% услуг. Из совокупного объема их товарооборота более половины составляет торговля со странами ЕС, 20% — друг с другом и 10% — с азиатскими государствами. Когда распался СССР, существовала надежда, что тесные экономические связи между республиками позволят сохранить единое экономическое пространство. Однако она развеялась всего за пару лет. Торговые контакты диверсифицировались с головокружительной быстротой, а прежние связи, сложившиеся в условиях командно-административной системы, возводившей автаркию в ранг высшего принципа, при рыночной экономике зачастую утрачивали смысл. Объем торговли между странами СНГ мгновенно и резко сократился.

За последние двадцать лет торговые связи России со странами Содружества сильно ослабли. Коллапс промышленности на всем постсоветском пространстве и преобладание добывающих отраслей в ряде стран бывшего СССР почти не оставляли возможностей для взаимодополняемости и усиливали конкуренцию в сфере сырьевого экспорта. Торговля стран СНГ чрезвычайно диверсифицировалась. Те 20% совокупного товарооборота, что приходятся на

связи между ними, почти несравнимы с аналогичным показателем для Североамериканской зоны свободной торговли (40%) и Евросоюза (65%)[4].

Доля стран Содружества в товарообороте России снизилась с 24% в 1994 г. до 15% в 2009-м. При этом 52% ее товарооборота приходится на страны ЕС. Среди 15 крупнейших торговых партнеров России числятся лишь три государства СНГ — Белоруссия, Украина и Казахстан (в 2009 г. Белоруссия занимала среди них 5-е место, Украина 6-е, а Казахстан — 13-е)[5]. Первые места в списке занимают страны Евросоюза во главе с Германией и Китай.

В то же время доля стран СНГ в несырьевом экспорте России повысилась (с 15% до 25%): они, в частности, приобретают до 55% ее экспортной промышленной продукции. В свою очередь, Россия ввозит 60% продукции машиностроения и 50% потребительских товаров, производящихся в странах СНГ (табл. 1)[6].

Страна	Доля товарооборота, %
Белоруссия	34,2
Украина	33,4
Казахстан	18,7
Узбекистан	3,7
Азербайджан	2,6
Киргизия	1,9
Молдавия	1,5
Туркмения	1,5
Армения	1,1
Таджикистан	1,1
Грузия	0,3
Всего	*100,0 (68,5 млрд долл.)*

Таблица 1. Товарооборот России со странами СНГ в 2009 г.

Источник: *Чернышев С.* На пути к единой Евразии // Россия в глобальной политике. — 2010. — № 3. — Май—сент. (http://www.globalaffairs.ru/number/Na-puti-k-edinoi-Evrazii-14872).

Доля России в экспорте стран СНГ снизилась с 42% в 1995 г. до 15% в 2008 г.; в сфере импорта из-за больших объемов энергопоставок сокращение оказалось меньше — с 48% до 32,5%[7]. Россия больше не преобладает во внешней торговле стран Содружества, но остается для них важным партнером. Она по-прежнему является крупнейшим рынком сбыта для Армении, Белоруссии, Киргизии, Туркмении и Украины и главным источником импорта для всех постсоветских республик кроме Молдавии и Грузии (последняя вышла из СНГ). В частности,

аграрный сектор и машиностроение новых независимых государств очень сильно зависят от российского рынка.

Согласно средне- и долгосрочным прогнозам торговые связи между Россией и большинством ее партнеров из СНГ скорее всего будут и дальше ослабевать[8]. Их промышленные товары по-прежнему неконкурентоспособны на рынках друг друга, высококачественной продукции как не было, так и нет, транспортные тарифы высоки, коррупция и протекционизм вездесущи.

В принципе двусторонний товарооборот между странами СНГ определяется заключенными еще в 1990-х годах соглашениями о свободной торговле. Последние, однако, печально известны огромным количеством изъятий — их списки пересматриваются ежегодно. Нередко возникают конфликты, особенно между Россией и Украиной, каждая из которых стремится защитить свой внутренний рынок от соседа. Торговыми войнами отмечены также российско-белорусские отношения. Кроме того, тарифы в странах СНГ, сравнительно низкие по сравнению с российскими, девальвируют преимущества свободной торговли для российских экспортеров, которым приходится вести трудную конкурентную борьбу на рынках государств Содружества. Существуют и препятствия внеэкономического порядка.

Россия, не входящая во Всемирную торговую организацию, иногда использует торговлю со странами СНГ в политических целях. Соседи это знают. В 1992 г., будучи премьер-министром Украины, Леонид Кучма отметил: «Антироссийские действия (Киева. — *Д. Т.*) в политике, как правило, приводили к антиукраинским экономическим последствиям»[9]. В 1990-х годах Москва бойкотировала экспортные товары прибалтийских государств, стремясь тем самым заставить Латвию и Эстонию либерализовать процедуру предоставления гражданства русскоязычным жителям. В качестве инструмента давления на Молдавию после срыва достигнутой при посредничестве России договоренности об урегулировании Приднестровского конфликта и переориентации Кишинева на Запад российские власти в 2004 г. ввели эмбарго на ввоз молдавского вина и сельскохозяйственной продукции. Позже, для давления на руководство Тирасполя, возникали сомнения в качестве приднестровской коньячной продукции. Отчасти эти санкции остаются в силе до сих пор.

Однако сильнее всего испытала на себе гнев Москвы грузинская экономика. С 2006 г. Россия прекратила импортировать грузинские вина и минеральную воду, прервала авиа- и почтовое сообщение с этой страной, в результате чего гастарбайтеры из Грузии лишились воз-

можности переводить на родину заработанные деньги (вскоре они, правда, нашли выход из положения, делая переводы через Украину). Российская милиция устраивала облавы на нелегальных иммигрантов из Грузии, некоторые из задержанных были депортированы. Российская служба санитарного надзора приобрела печальную известность из-за возведения барьеров против экспортной продукции отдельных стран, она превратилась в инструмент давления в руках Кремля.

В целом, если не считать «большой тройки» — Белоруссии, Украины и Казахстана, товарооборот России с новыми независимыми государствами не имеет для нее особого значения. Большое активное сальдо ее торгового баланса связано в основном с поставками энергоносителей в развитые страны и государства с переходной экономикой. Часть получаемых доходов инвестируется. Как же выглядит ситуация в странах СНГ в этой сфере?

ИНВЕСТИЦИИ

В целом российские инвестиции в странах СНГ невелики. В 2001 г., перед началом нефтяного бума, они составляли 1,5 млрд долл., а к концу десятилетия, в 2009 г., достигли почти 13 млрд. Однако эти цифры составляют соответственно лишь 6% и 8% капиталовложений России за рубежом [10]. В богатых энергоносителями соседних странах ее инвестиций почти не видят. В Азербайджане две трети иностранных капиталовложений приходится на долю США и Великобритании, а примерно четверть — на долю Японии, Турции и Норвегии. Россия в списке инвесторов стоит на девятом месте [11]. В Казахстане Россия не вошла даже в десятку крупнейших инвесторов: ее капиталовложения составляют 1,6% общего объема прямых иностранных инвестиций в этой стране. На Украине она занимает шестое место (5,6% совокупного объема ПИИ). В «обратном направлении» картина выглядит еще хуже: страны СНГ вложили в России всего 880 млн долл. (0,4% общего объема ПИИ) [12].

Российские инвесторы, как правило, сетуют на протекционистскую политику других государств СНГ, нежелание их властей расставаться с ценными активами и повсеместную практику «присвоения ренты». На Украине, когда премьер-министром была Юлия Тимошенко, предпринимались целенаправленные шаги против российских собственников. Но и Партия регионов, оказавшись у власти в 2010 г., при всей своей дружественной риторике видит в российских бизнес-

менах конкурентов. Зачастую западные и другие инвестиции считаются в странах СНГ более надежными и приемлемыми с политической точки зрения, чем российские. Либерализация делового климата на пространстве Содружества и появление в некоторых странах элементов верховенства закона приводят к тому, что там отдают предпочтение западным или азиатским компаниям, лишая россиян их прежнего преимущества.

Эпопея ЮКОСа в середине 2000-х годов породила своего рода фобию в отношении экономической активности россиян за рубежом. В странах Балтии и даже в некоторых государствах СНГ, например, на Украине, опасаются не только ставшей притчей во языцех агрессивности российских компаний, но и в еще большей степени Кремля, который за ними стоит или по крайней мере может стоять. Таким образом, российскому бизнесу приходится расплачиваться за связь с государством, подлинную или мнимую.

Тем не менее российские инвесторы могут сыграть важную роль в ряде стран и географических регионов СНГ. «Если в Крым не придут в основном русские деньги, он останется неосвоенным»[13], — признает Леонид Кучма. От российских денег также зависит, выживут или тихо угаснут целые отрасли промышленности, например, авиастроение, атомная энергетика и судостроение на Украине. Придут ли они? Даже в отсутствие политических препятствий после выборов 2010 г. четкого ответа на этот вопрос нет.

Финансовая помощь России странам СНГ, как и ее инвестиции, существенного значения не имеет, если оставить за скобками вопрос о больших долгах Украины и Молдавии за энергоносители. По геополитическим и стратегическим соображениям Москва оказывает финансовую поддержку Белоруссии и Армении. Однако российская финансовая помощь партнерам по Содружеству отличается низкой эффективностью, поскольку она не обуславливается требованием о проведении реформ. Российские государственные кредиты способствовали поддержанию макроэкономической стабильности, устранению чрезвычайных ситуаций или осуществлению отдельных крупных проектов. Но часто выделенные средства использовались нецелесообразно и не приносили серьезных результатов в плане модернизации экономики стран-реципиентов.

Накануне экономического кризиса в моду вошли разговоры о превращении России в один из международных финансовых центров, а рубля — в одну из мировых резервных валют, господствующую на гигантском пространстве между еврозоной и вотчиной ки-

тайского юаня. Хор этих голосов возглавил только что вступивший в должность президент Медведев. Однако уже через несколько месяцев подобные мечты рухнули, как и тезис о том, что Россия во время мирового экономического шторма представляет собой безопасную гавань.

Простые россияне, не слишком осведомленные обо всей этой риторике, больше доверяли традиционным конвертируемым валютам. В конце 2008 — начале 2009 г. российские власти девальвировали рубль на 40% по отношению к валютной корзине. В Казахстане доллар и евро пользовались вдвое большей популярностью, чем российский рубль[14]. То же можно сказать и о других странах СНГ. Кризис не похоронил идею превращения Москвы в международный финансовый центр, но в 2010 г. замысел стал куда скромнее: речь уже идет лишь о центре для стран — участниц Таможенного союза, т. е. Белоруссии и Казахстана[15].

Экономический кризис выявил диспаритет между возможностями России и международных финансовых организаций — и даже некоторых стран. К концу 2009 г. общий объем антикризисных пакетов, выделенных Международным валютным фондом странам бывшего СССР, достиг 23 млрд долл. включая 16,5 млрд для Украины, 3,5 млрд для Белоруссии, 1,2 млрд для Грузии, 800 млн для Армении и 600 млн для Молдавии.

Россия, в свою очередь, объявила о предоставлении помощи на общую сумму в 5 млрд долл.: по 2 млрд для Белоруссии и Киргизии и по 500 млн для Армении и Молдавии[16]. При этом Китай выделил далекой и, казалось бы, не интересующей его Молдавии 1 млрд долл. — вдвое больше, чем обещано Москвой. Правда, Россия не ограничилась странами СНГ и предложила Монголии кредит на 300 млн долл.

МИГРАЦИЯ

Наибольшим подспорьем для соседей является способность российского рынка труда принимать большое количество гастарбайтеров. В 2008 г., по данным Федеральной миграционной службы, в стране на законных основаниях находилось 1,8 млн работников из стран СНГ. И хотя даже согласно официальной статистике их количество резко возросло за предыдущие восемь лет (в 2000 г. таких гастарбайтеров насчитывалось всего 106 тыс.), подлинное число мигрантов, работающих в России, составляет по разным оценкам от 10 до 20 млн.

Денежные переводы гастарбайтеров для многих стран СНГ являются одним из важных источников дохода. По данным Всемирного банка, в 2008 г. они составляли половину ВВП Таджикистана, почти треть ВВП Молдавии, более четверти ВВП Киргизии и почти 10% ВВП Армении. Российский Центробанк оценивает совокупный заработок мигрантов с 2000 по середину 2009 г. в 68 млрд долл., или в среднем по 8 млрд ежегодно. В то же время вклад гастарбайтеров в российскую экономику, по оценкам, равен 3–5% ВВП, или от 37,5 до 62,5 млрд долл. ежегодно (данные на 2007 г.).

После проведенной в 2007 г. реформы миграционного законодательства Россия устанавливает квоты на въезд трудовых мигрантов, стремясь несколько ограничить и взять под контроль этот процесс. Иммиграция (особенно когда она нелегальна и приезжие представляют общества, сильно отличающиеся от российского в культурном плане) превратилась для России в политическую проблему: она подпитывает национализм и ксенофобию. Тем не менее подавляющее большинство мигрантов по-прежнему трудится в России нелегально. О проблеме их интеграции в российское общество говорится в главе 4. Здесь же речь пойдет об иной интеграции — международном экономическом взаимодействии.

ИНТЕГРАЦИЯ

В отличие от стран Центральной, Восточной Европы и Балтии о СНГ нельзя сказать, что это пространство целиком следует «парадигме перехода». Последняя обычно означает достаточно прямой путь от коммунизма к либеральной демократии и социальной рыночной экономике еэсовского типа, дополненный еще и вступлением в НАТО. О странах Содружества можно сказать, что они отошли от коммунизма и в принципе движутся к капитализму. Однако их развитие застыло на том отрезке, где первые победители извлекают максимум выгоды из достигнутого успеха и не делятся своими прибылями с другими социальными группами, да и с обществом в целом.

На уровне официальной риторики Россия последовательно выступает за интеграцию между всеми странами СНГ. На деле, однако, она быстро обнаружила, что обладает более мощными рычагами влияния на новые независимые государства, если строит с ними отношения по отдельности. Таким образом, интеграция на постсоветском

пространстве стала трактоваться по-новому — как интеграция с Россией в рамках предложенного «меню».

Когда стало очевидно, что некоторые страны, в частности, Украина, будут категорически возражать против любой схемы, содержащей хотя бы намек на подчинение России, Москва выбрала менее масштабные варианты интеграции — с участием одного, двух или пяти партнеров по СНГ, надеясь, что вокруг этого ядра в дальнейшем сгруппируются остальные. Инициированный Москвой процесс интеграции оказался в основном политическим проектом, служащим прежде всего интересам России как великой державы. В политическом плане это было неприемлемо для большинства новых государств, чьи элиты ставили на первое место укрепление недавно обретенной независимости от России.

С экономической точки зрения у стран СНГ отсутствует главная предпосылка для интеграции: высокий уровень развития обрабатывающей промышленности и связанная с этим диверсификация импорта и экспорта [17]. Россия, как указывалось, торгует с ними в основном сырьем. Кроме того, если в начале 1990-х годов она была лидером в сфере экономических реформ, то в дальнейшем утратила это преимущество, а с ним и привлекательность в глазах стран Содружества. Процесс вступления России в ВТО начался еще в 1993 г., но тянется до сих пор.

Тем временем помимо трех прибалтийских республик к Всемирной торговой организации присоединились еще четыре постсоветских государства — Грузия, Киргизия, Молдавия и Украина. Кроме того, если несколько государств СНГ — Азербайджан, Казахстан, Россия и Туркмения — относятся к числу добывающих стран, то большинство остальных — потребители энергоносителей, что ведет к диаметральному различию в интересах. Ситуацию усугубляет тот факт, что потребители, например, Украина и Белоруссия, к тому же и транзитные страны.

Незадолго до начала кризиса 2008 г. Россия и ее главные экономические партнеры Казахстан и Белоруссия по объему ВВП вышли на уровень конца 1980-х годов. Завершение процесса восстановления экономики создало более благоприятные условия для сотрудничества. Российские власти заговорили об использовании — в адаптированном виде — интеграционной парадигмы Евросоюза.

По опыту ЕС экономическая интеграция состояла из трех этапов: на основе зоны свободной торговли был создан таможенный союз, что способствовало формированию единого экономического

пространства, и, наконец, это сооружение было увенчано экономическим и валютным союзом. Через двадцать лет после распада СССР в СНГ существуют зона свободной торговли, но в основном на бумаге, Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России, Евразийское экономическое сообщество и российско-белорусское Союзное Государство.

Соглашение о зоне свободной торговли в масштабах СНГ, заключенное в 1994 г., так и не было реализовано: товарооборот регулируется на двусторонней основе. Лишь десять лет спустя Москва активизировала процесс, и в 2011 г. в С.-Петербурге было подписано соглашение о свободной торговле с участием восьми стран Содружества — Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, России, Таджикистана и Украины.

Это самая многочисленная группа стран, принимающих участие в общих экономических проектах на постимперском пространстве. Остальные объединения отличаются более узким составом. Задачей ЕврАзЭС (в основном политического проекта с участием шести стран, инициированного в 2000 г.) было создание зоны свободного перемещения товаров и капиталов, общей транспортной системы, общего энергетического рынка. Все это должно было создать предпосылки для введения единой валюты. Были даже учреждены Евразийский банк развития с капиталом в 1,5 млрд долл. (две трети суммы внесла Россия) и Антикризисный фонд в 10 млрд долл. (российский вклад составил три четверти этих средств). Данные институты, однако, в основном остаются «бумажными». На практике ЕврАзЭС служит политической площадкой для экономической интеграции.

Из провалившихся проектов в один еще можно вдохнуть новую жизнь — речь идет о едином экономическом пространстве. Когда Москва в 2003 г. выдвинула эту идею, ее целью было привлечь Украину в общий интеграционный проект с Россией и ее ближайшими партнерами Казахстаном и Белоруссией. В 2005 г., после «оранжевой революции», от этого замысла пришлось отказаться; вторая, более мягкая попытка была предпринята в 2010 г., когда Янукович победил на президентских выборах, но тоже потерпела неудачу. Очевидно, что Киев независимо от того, кто находится там у власти, не заинтересован в экономической интеграции с Россией. Этого, однако, нельзя сказать о нескольких других странах СНГ, которые могут создать единое экономическое пространство без участия Украины.

Эта группа формируется вокруг Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, учрежденного в 2010 г. На самом деле мы

наблюдаем второе пришествие этой схемы: договор о таком союзе, включавшем еще и Киргизию с Таджикистаном, был заключен в 1999 г. и годом позже включен в структуру ЕврАзЭС. Однако первый договор остался «мертвой буквой»; единая таможенная зона, созданная Россией и Белоруссией в 1995 г., также действовала недостаточно эффективно [18]. Теперь идея состоит в том, чтобы с помощью Таможенного союза построить фундамент для будущего общего рынка, объединяющего 165 млн человек.

Учреждение Таможенного союза связано и с внезапным резким изменением позиции России по вопросу о вступлении в ВТО в середине 2009 г. Объявление о его создании сопровождалось очередным экономическим конфликтом между Москвой и Минском — не слишком многообещающее начало. Россия была недовольна тем, что Таможенный союз превратит ее в младшего партнера Белоруссии и Казахстана, стремящихся сполна воспользоваться преимуществами своего положения транзитных стран [19]. Самое парадоксальное, что при этом из всех членов Союза таможенные процедуры в России наиболее громоздки. То, что на белорусском таможенном посту делается за два часа, на российском занимает десять рабочих дней, а на практике порой и месяц [20].

Россия подала заявку на вступление во Всемирную торговую организацию еще в 1993 г. Президент Путин также поначалу относился к этой идее с энтузиазмом. США и Евросоюз не раз обещали Москве, что конец процесса уже близок. Однако за восемь лет пребывания на посту главы государства Путин так и не добился этой цели. Это привело к мучительному переосмыслению позиции и корректировке курса. Мировой финансово-экономический кризис создал новую ситуацию; усилились протекционистские тенденции. В этих условиях Сергей Глазьев и некоторые другие экономисты считали экономическую интеграцию с соседями России фактически спасением для страны.

Российско-белорусское Союзное Государство возникло как чисто политический, даже персональный проект. К концу пребывания Бориса Ельцина на посту президента Александр Лукашенко стремился стать его преемником. Когда эта попытка провалилась, он использовал Союзное Государство для получения от Москвы экономических льгот и субсидий (их объем составлял до 60% ВВП Белоруссии [21]), за которые он успешно расплачивался антинатовской риторикой. Путин в конечном счете урезал, хотя и не отменил полностью эти особые преференции для Минска, в результате чего «союзное государство» фактически перестало функционировать. К началу президентства

Дмитрия Медведева этот проект был скорее мертв, чем жив. Теперь же его должен официально заменить Таможенный союз.

Пока что для интеграции на постсоветском пространстве характерно обилие оптимистических заявлений при скромных конкретных успехах. В этом процессе сполна задействован бюрократический аппарат стран СНГ, но эффективный результат получается далеко не всегда; деловые круги в основном игнорируются или сами держатся в стороне. Российское государство почти ничего не предпринимает, чтобы создать для российского бизнеса благоприятные условия на пространстве Содружества.

Другой важной особенностью является сохранение в СНГ модели экономических отношений по принципу «центр — периферия». Например, Белоруссия и Казахстан являются важными торговыми партнерами России, и наоборот, но белорусская продукция составляет лишь 1% совокупного импорта Казахстана[22]. При этом казахская общественность в равной мере поддерживает интеграцию с Россией и с Евросоюзом[23].

Слабость российской экономики усилила центробежные тенденции в Содружестве. Нынешний кризис стал для него «моментом истины»[24]. Одной из главных причин неудачи российских инициатив в сфере экономической интеграции является нежелание Москвы за нее платить. Российское руководство почти всегда рассматривает СНГ как собственный экономический ресурс. За счет интеграции оно стремится увеличить ВВП самой России и отвергает тезис о том, что никакая интеграция невозможна, если Россия не станет за нее платить, не пойдет на серьезные уступки потенциальным партнерам. Москва сегодня настроена приобретать активы, а не транжирить деньги. С 2003 г. она взяла на вооружение принцип рыночного прагматизма в отношениях с новыми независимыми государствами.

Это реакция на роль донора, которую Россия играла в рамках СССР. В те времена РСФСР поставляла «окраинным» республикам энергоносители и другое сырье, а взамен получала потребительские товары и сельскохозяйственную продукцию. При этом по сравнению с мировыми ценами свои ресурсы она предоставляла крайне дешево, а за потребительские товары переплачивала. В 1989 г. объем этих косвенных субсидий равнялся 41 млрд долл.[25] Именно стремлением покончить с такой ситуацией было продиктовано решение Верховного Совета РСФСР в июне 1990 г. провозгласить суверенитет республики в составе СССР. Этот шаг дал старт параду суверенитетов, закончившемуся через полтора года распадом Союза.

Кроме того, в России мало внимания уделяется увязке различных интеграционных проектов. В частности, неясно, каким образом российско-белорусское Союзное Государство будет соотноситься с Таможенным союзом, включающим еще и Казахстан, а тот, в свою очередь, с ЕврАзЭС, в котором помимо них участвуют Армения, Киргизия и Таджикистан. Когда же Москва в 2003 г. подписывала «дорожную карту» совместных действий с Брюсселем, в концепции единого российско-еэсовского экономического пространства даже не упоминались ее партнеры по интеграционным проектам, в частности, Белоруссия, расположенная между Россией и Евросоюзом.

Если Москва пытается учесть свои интересы в СНГ при выработке позиции по общим внешнеполитическим вопросам, то это порой лишь создает новые сложности. В частности, в середине 2009 г. немалый переполох вызвало неожиданное заявление премьера Путина о том, что Россия — после шестнадцати лет так и не завершенных переговоров о присоединении к ВТО — намерена войти в эту организацию вместе с двумя другими участниками Таможенного союза. Прецедента группового вступления в ВТО не было, а переговоры Организации с Казахстаном и особенно с Белоруссией были куда дальше от завершения, чем с Россией. В то время этот шаг был воспринят как результат убежденности Москвы в том, что кризис выдвинул на первый план региональные, а не глобальные объединения и что построение собственного блока в рамках СНГ для нее стало важнее, чем присоединение к общемировой структуре. Российское руководство рассматривало вступление в ВТО как соглашение об условиях внешней торговли, а не как инструмент модернизации экономики страны.

Москва стремится возглавить и контролировать любые интеграционные процессы на пространстве СНГ независимо от их продуктивности. Россия, в частности, с крайней подозрительностью отнеслась к попытке нескольких стран Содружества создать собственную экономическую организацию без ее участия. Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия учредили Организацию за демократию и экономическое развитие, больше известную по аббревиатуре ГУАМ (в 1999—2002 гг. в нее также входил Узбекистан, и тогда она называлась ГУУАМ). Хотя эта структура оказалась совершенно неэффективной — ее единственным реальным проектом стал транзитный коридор для транспортировки каспийских углеводородов в Европу[26], — Москва с крайней настороженностью восприняла появление этого «антироссийского орудия в руках американских кругов, насаждающих в СНГ геополитический плюрализм».

ЭНЕРГЕТИКА

Советский Союз был одной из ведущих нефте- и газодобывающих стран. К концу его существования советская экономика настолько зависела от доходов, получаемых за счет экспорта энергоносителей, что резкое падение нефтяных цен в 1986 г. поставило страну на грань финансовой пропасти. Однако после распада СССР нефтедобыча на постсоветском пространстве резко снизилась. В 1999 г. она составляла лишь половину пикового уровня 1987 г. в 11,5 млн баррелей в сутки.

В результате крушения Советского Союза некоторые его богатые энергоносителями регионы стали независимыми государствами. Только «Газпром» потерял треть своей трубопроводной инфраструктуры советских времен, треть газовых месторождений и четвертую часть компрессорных станций [27]. Азербайджан, Казахстан, Узбекистан и Туркмения, опираясь на свои природные богатства, немедленно начали открыто проводить независимую политику на мировой арене.

Уже в 1994 г. Баку подписал «контракт века» с западными нефтяными компаниями, привлекая немалые инвестиции и благосклонное внимание США и Европы. В 2006 г., когда был введен в эксплуатацию построенный при поддержке США нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан, Азербайджан сломал российскую монополию на транспортировку каспийских энергоносителей. После начала добычи на газовом месторождении Шах-Дениз Баку перестал закупать газ у России и начал экспортировать собственное «голубое топливо» в Грузию и Турцию по газопроводу Баку — Тбилиси — Эрзерум.

Казахстан, располагающий гигантскими нефтяными месторождениями Тенгиз, Кашаган и Карачаганак, также привлек к сотрудничеству крупные международные энергетические компании и завоевал определенное уважение государств Запада. Реализуя многовекторную политику, он экспортирует часть добываемой нефти через нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан, что раздражает Россию, другую часть — через Каспийский трубопроводный консорциум, в котором Россия участвует, и еще часть поставляет в Китай. Путь Узбекистана в международных отношениях весьма извилист: он то входил в ГУАМ, ЕврАзЭС и ОДКБ, то выходил из них. Туркмения под властью экстравагантного Туркменбаши выбрала полуизоляцию, официально зарегистрированный в ООН нейтралитет и не существующий с правовой точки зрения статус наблюдателя в СНГ. Она также заявляет о намерении экспортировать газ по всем направлениям.

Энергетический сектор крайне важен для российской постсоветской экономики. Никогда еще нефть и газ не играли для нее столь критической роли, как в конце XX и начале XXI в. В 2000 г. добыча энергоносителей давала стране до 25% ВВП, и даже накануне кризиса на ее долю приходилось 15% валового внутреннего продукта [28]. После кризиса процесс ослабления зависимости страны от экспорта энергоносителей приостановился. Однако после роста в 2002–2004 гг. их добыча по сути не увеличивается. Поскольку потребление энергоносителей в стране повышается, а внутренние цены на них постепенно сближаются с мировыми, сильно увеличить экспорт России не удастся.

Необходимо помнить, что соглашения о поставках и транзите газа между странами СНГ – это по сути межправительственные договоренности. «Газпром» означает Россию, «Нафтогаз» – Украину. В 1990-х годах Россия фактически продолжала играть роль донора для стран Содружества – особенно для Украины и Белоруссии. Москва попрежнему поставляла им нефть и газ по субсидируемым ценам. Однако субсидии сопровождались низкими транзитными тарифами и непрозрачными схемами раздела прибылей. Отсутствие транспарентности было особенно характерно для контрактов «Газпрома» с Украиной [29]. Украина не платила за газ, но «Газпром» (и связанная с ним компания ИТЕРА) закрывали на это глаза. Сам Путин отмечал, что в 1991–2006 гг. в сфере газового экспорта царило «жульничество» [30]. Очень важен и тот факт, что мировые цены на энергоносители в 1990-х годах были сравнительно низкими, и в 1997–1999 гг. они еще больше упали. Однако и в те времена Россия пыталась, правда, безуспешно, получить украинские стратегические активы за газовые долги [31].

Ситуация изменилась в начале 2000-х: начался продолжительный период роста нефтяных цен. Косвенные субсидии России также резко увеличились. С 2000 по первую половину 2009 г. фактическая скидка за нефть и газ, получаемая Украиной и Белоруссией, составила 52 млрд долл.[32] Обе страны использовали это положение дел как сравнительное преимущество для своих экспортно-ориентированных предприятий в целом ряде отраслей от металлургии до нефтехимии.

В России результатом новой ситуации стал резкий рост могущества и влияния частных нефтяных компаний, прежде всего ЮКОСа. За этим последовала его конфронтация с Кремлем. Поражение и демонтаж ЮКОСа положили начало периоду «сырьевого национализма»: энергоносители стали для российского государства излюбленным инструментом влияния. По силе воздействия на зарубежных

партнеров статус России в качестве одной из ведущих добывающих стран приравнивался к ее ядерному потенциалу. Однако энергетическое оружие в отличие от ядерного можно было пускать в дело. И еще оно было, несомненно, прибыльным — для тех, кто владел акциями «Газпрома».

УКРАИНСКИЕ ГАЗОВЫЕ КРИЗИСЫ 2006 И 2009 гг.

В украинской открытой экономике рыночные цены на нефть долгое время сосуществовали с политическим и административным регулированием внутренних расценок на электроэнергию, производимую угольными и атомными электростанциями, а также с субсидированными тарифами на российский газ. Народное хозяйство Украины — одно из самых энергоемких в мире, и долгое время в промышленности страны использовался дешевый газ из Туркмении и России (население обеспечивалось «голубым топливом» за счет собственной добычи). У страны выработалась та же привычка к расточительному энергопотреблению, что и у ее восточной соседки. При этом «Газпром» расплачивался с Киевом за транзит натурой (15% экспортируемого через территорию страны газа), и российская сторона опасалась, что украинцы будут просто реэкспортировать это топливо, получая большую прибыль.

В 2005 г. Москва решила начать поэтапную отмену субсидий. Момент, в который было принято это решение, позволял предположить, что оно было ответом на украинскую «оранжевую революцию» и нежелание новой власти в Киеве участвовать в проекте единого экономического пространства. На деле «цветные революции» в Грузии, Киргизии и особенно на Украине, несомненно, были важным фактором, но они лишь сыграли роль последнего аргумента в пользу отказа от субсидий. Помимо политических расчетов существовала и реальная потребность «Газпрома» в деньгах для приобретения новых активов; его владельцы стремились повысить капитализацию концерна, а для этого была необходима либерализация торговли его акциями и установление правильной цены на основную продукцию. Украинский газовый кризис в январе 2006 г. был обусловлен несколькими причинами, в том числе внезапной сменой курса «Газпрома» и его нежеланием идти на компромисс, дав Украине время адаптироваться к новому ценовому режиму, крайне затруднительным финансовым положением страны и непоследовательностью ее политики, резким ростом цен на газ в странах ЕС.

Как ни парадоксально, первый выстрел в «газовой войне» сделал президент Ющенко, еще в апреле 2005 г. предложивший перейти в контрактах с «Газпромом» с бартера на денежные расчеты. Тем самым он однозначно сыграл на руку российскому концерну. Наибольший реализм в тот момент проявила премьер Тимошенко: она пыталась найти альтернативные источники газовых поставок в Туркмении, Ливии и других странах. По мере того как украинские переговорщики сами загоняли себя в угол, Путин — он фактически возглавлял переговорный процесс с российской стороны — подвергал их все большему давлению: если поначалу предлагаемая цена составляла 100 долл. за тысячу кубометров (вдвое больше, чем в 2005 г.), то под конец он назвал тариф, по которому платила за газ Германия (230 долл.).

Столкнувшись с ультиматумом Кремля, украинская сторона не могла найти выход из положения. Денег, чтобы платить, у страны не было: даже при куда более низких ценах у нее накопилась гигантская задолженность за газ. Предложение Путина предоставить Украине кредит Киев отверг, сочтя, что это ловушка. Все, что украинцы могли сделать, это апеллировать к Западу: «оранжевая революция» в опасности!

Таким образом, в основе конфликта лежало столкновение корпоративных интересов «Газпрома» с иждивенческими наклонностями Киева[33]. Однако, руководствуясь коммерческими интересами, «Газпром» не оценил в полной мере значение политической составляющей своего спора с Украиной. Цинизм, несомненно, может сочетаться с наивностью. Кремль считал: если он прекратит поставки Украине из-за отсутствия нового контракта, но продолжит перекачивать газ через ее территорию в страны ЕС, Киев окажется в изоляции. Более того, если украинцы начнут забирать газ из трубы для внутренних нужд, на них обрушится гнев европейцев. В конечном счете Украина окажется между Россией и ЕС, как между молотом и наковальней.

Однако все произошло с точностью до наоборот. Вместо того чтобы объединиться с Москвой против Киева, европейцы встали на сторону прозападного, вроде бы демократического правительства Украины, которому выкручивает руки авторитарная неоимперская Россия. Москва предъявила Киеву ультиматум, не сумев заранее привлечь ЕС на свою сторону. Украинская же власть, напротив, извлекла максимум из новообретенной демократической репутации и положения слабейшего. Жесткая тактика «Газпрома» оживила у европейской общественности все старые фобии, и ответственность за кризис была возложена не на Украину, а на Россию.

В соответствии с соглашением, достигнутым в 2006 г., «Газпром» добился более благоприятных условий транзита — перехода от бартера к денежным платежам, что позволило ему увеличить экспорт в страны ЕС. Однако его доходы от поставок самой Украине выросли лишь незначительно: последняя предпочла дорогому российскому газу дешевый центральноазиатский. В общем и целом дополнительные поступления «Газпрома» составили 2 млрд долл.

Политические последствия газового спора были разноречивы. Да, после парламентских выборов 2006 г. Тимошенко в премьерском кресле сменил Янукович, и Кремль расценил это как свою большую победу. Но и оборотная сторона медали оказалась весьма существенной. Пережитый шок заставил ЕС задуматься об энергетической безопасности, энергетической стратегии и диверсификации поставок.

Россия, прежде считавшаяся стопроцентно надежным поставщиком, утратила такую репутацию. Теперь мало кого волновало, что даже в процессе распада Союза в 1991 г. она бесперебойно снабжала Европу газом. И мало кто оценил тот факт, что после этого Москва пятнадцать лет продолжала субсидировать Украину. Россия, один из главных поставщиков энергоносителей для Европы, превратилась почти в одночасье в самую серьезную угрозу энергетической безопасности континента. Теперь это понятие стало синонимом безопасности от России! И когда американский сенатор Ричард Лугар в кулуарах Рижского саммита Атлантического альянса в ноябре 2006 г. призвал создать «энергетическое НАТО», у этой идеи нашлось немало сторонников.

Центральноазиатские страны, которые под флагом диверсификации энергопоставок теперь усиленно обхаживали Вашингтон, Брюссель и Киев, смогли добиться более выгодных контрактных условий от «Газпрома», закупавшего их газ для внутрироссийского потребления, а также реэкспорта на Украину. По сути поставщиками Украины стали Туркмения и Казахстан, а Россия теперь играла роль транзитной страны.

В принципе Украина во многом укрепила свою независимость от России. Как отмечали наиболее дальновидные люди в Киеве, подлинная независимость начинается, когда другие перестают за тебя платить. Но чтобы воспользоваться новой ситуацией, необходимо было предпринимать целенаправленные меры по повышению эффективности энергопотребления и осуществлять серьезную реструктуризацию промышленности. Однако пока «оранжевая» коалиция находилась у власти, ни о чем подобном речи не было.

Кризис 2009 г. во многом носил совершенно иной характер. При всем обычном позировании на телеэкранах речь по сути шла о том, что премьеры Путин и Тимошенко за закрытыми дверями договорились о новой цене за поставляемый Украине газ. Урегулирование разногласий — в последнюю минуту, накануне Нового года (очередного крайнего срока) — должно было улучшить шансы Тимошенко в украинской президентской гонке. Однако ее соперник, президент Ющенко, аннулировал договоренность, отозвав украинскую делегацию из Москвы в тот момент, когда Тимошенко уже готовилась вылететь в российскую столицу.

Тогда выяснилось, что Путин, слишком уверенный в успехе, не имел запасного плана на этот случай. Когда Ющенко, считавший, что новый кризис в отношениях с Россией дает ему преимущество, отказался пойти на уступки Москве, Путин и «Газпром» потеряли самообладание. Поставки на Украину были снова прерваны, но украинцы начали забирать газ, предназначенный для стран ЕС. И тут Москва приняла непродуманное решение: полностью перекрыла вентиль транзитного газопровода. Результатом стал самый серьезный кризис в отношениях между Россией и ЕС в энергетической сфере. На сей раз европейцы не встали на сторону Украины, как в 2006 г. вскоре после «оранжевой революции», но и действия российской стороны вызвали их возмущение. В разгар зимы несколько европейских стран — в основном в Юго-Восточной Европе, полностью зависимой от российского газа, — реально страдали от недостатка топлива. Репутации России и «Газпрома» как надежных поставщиков был нанесен новый сильнейший удар. Убытки российского газового монополиста составили не менее 1,5 млрд долл. Впрочем, Украина — не единственная транзитная страна, с которой у России возникают проблемы при экспорте энергоносителей в Европу.

КРИЗИСЫ 2007 И 2010 гг. В ОТНОШЕНИЯХ С БЕЛОРУССИЕЙ

В 1994 г. «Газпром» принял решение о прокладке газопровода, проходящего через территорию Белоруссии, для транспортировки в Европу «голубого топлива» с месторождений на полуострове Ямал. Двумя годами позже строительство началось. К тому моменту газовая задолженность Украины перед Россией достигла 900 млн долл. При этом в то же самое время «Газпром» простил Минску его долг в размере 700 млн долл.[34] Белоруссии в Москве доверяли больше, чем Украине, и прокладка транзитной нитки через ее территорию рассматривалась как способ диверсификации экспортных маршрутов.

Вскоре, однако, Россия начала вкладываться в белорусскую экономику в масштабах, о которых Украина не могла и помышлять. По оценкам, российские газовые субсидии составляли до 20% национального дохода Белоруссии. Если же прибавить к газу дешевую нефть, получится еще более впечатляющая цифра. В обмен «Газпром» хотел получить в собственность компанию «Белтрансгаз» с ее транспортной инфраструктурой. Лукашенко, однако, не хотел расставаться с «жемчужиной своей короны», и это вызвало возмущение «Газпрома», а затем и Кремля.

Лукашенко, как отмечает белорусский экономист и оппозиционный политик Ярослав Романчук, «настолько искусно играл на комплексах имперской неполноценности российских политиков, что добивался от них беспрецедентных льгот и супервыгодных контрактов — и не отдавал взамен ни капли белорусского суверенитета, земли и активов»[35]. Цены на газ в Белоруссии были в полтора-три раза ниже, чем в любой другой европейской стране.

Москва также поставляла в Белоруссию дешевую нефть в объемах, втрое превышавших ее внутренние потребности, и Минск продавал излишки по мировым ценам, кладя разницу в карман. Но в 2007 г. «Газпром» заставил Минск согласиться с поэтапным переходом на рыночные тарифы, а в 2010-м сократил квоту на дешевую нефть до реального объема ее потребления в Белоруссии. Впрочем, даже после этого субсидирование Россией белорусской экономики достигает 2 млрд долл. в год. Следующим шагом Москвы, вероятно, станет требование о передаче Минском в обмен на эти льготы одного из нефтеперерабатывающих заводов.

«Газпром» дважды — в 1997 и 2007 гг. — перекрывал Белоруссии вентиль, тоже из-за ценовых споров, но эти кризисы не привлекли особого внимания в Европе за исключением Польши, которую они затрагивали напрямую, поскольку на Западе правящий в Минске режим и его лидер не пользовались сочувствием. Однако решение Москвы о прекращении субсидий Белоруссии стало серьезным доказательством в пользу того, что подобная политика в отношении стран СНГ в целом продиктована коммерческими соображениями. Временами «Газпром» снижал давление в трубе, чтобы Белоруссия получала ровно столько газа, сколько оплатила.

С 2008 г. «Газпром» увязывает тарифы на газ для Белоруссии с нефтяными ценами. Он также грозил подать на Минск в суд за неплатежи[36]. Разница состоит в самом процессе. Если субсидии Украине были отменены в одночасье, то по отношению к Белоруссии это проис-

ходит медленно, поэтапно. Впрочем, «Газпром» все же рассчитывает получить от Минска активы («Белтрансгаз»), аналогичные тем, которые ему отказался передать Киев. Финансовые трудности, которые испытывает Минск с 2010 г., усиливают давление на Лукашенко.

«ГАЗПРОМ» И ДРУГИЕ СТРАНЫ СНГ

Когда Украина перешла на туркменский газ и скорректировала транзитные тарифы, российские субсидии для ее экономики ушли в прошлое. Тем не менее по отношению к Белоруссии Россия по-прежнему остается донором. Москва субсидировала также Молдавию и Армению. В обмен Кишинев уступил «Газпрому» газораспределительную сеть страны и расположенный на ее территории участок главного экспортного газопровода. Армения тоже открыла концерну доступ к своей газораспределительной инфраструктуре. Особенностью ситуации в Молдавии является наличие большой задолженности (более 2 млрд долл.), накопленной Приднестровьем. Поскольку Кишинев заявляет о своем суверенитете над всей территорией страны в границах 1991 г., этот громадный и неуклонно растущий долг прибавляется к платежным обязательствам Молдавии перед «Газпромом».

По мере сближения внутренних цен на энергоносители в странах СНГ с мировыми — а последние не только повышаются, но и временами падают — и диверсификации источников энергетических доходов влияние России в этой сфере будет и дальше ослабевать. Так, Украина, сократив до минимума закупки «голубого топлива» у России, попрежнему осуществляет транзит больших объемов российской нефти и газа через свою территорию.

Москву часто обвиняют в использовании энергопоставок в качестве политического оружия. Наряду с вышеописанными украинскими и белорусскими кризисами в качестве политически мотивированных акций можно истолковать ряд взрывов на трубопроводах. Так, в январе 2006 г., когда «Газпром» был вовлечен в конфликт с украинским «Нафтогазом», на Северном Кавказе были взорваны трубопроводы, по которым поступал газ в Грузию. Поскольку с лета 2004 г. отношения между Москвой и Тбилиси отличались напряженностью, в Грузии этот инцидент был истолкован как попытка давления на нее со стороны России.

Есть и более однозначный пример: в апреле 2009 г. внезапное решение «Газпрома» снизить давление в основном трубопроводе, соеди-

няющем Туркмению и Россию, привело к взрыву, который вывел эту нитку из строя. К тому моменту российский концерн утратил заинтересованность в приобретении туркменского газа: он стал слишком дорогим. В то же время в ходе Пятидневной войны в августе 2008 г. Грузия продолжала получать из России газ и электроэнергию.

ТРУБОПРОВОДНАЯ ГЕОПОЛИТИКА

Если говорить об общих энергетических отношениях между Россией и Евросоюзом, то они отмечены фундаментальными разногласиями по поводу заключенного в 1994 г. Договора к Энергетической хартии: Москва его подписала, но отказывается ратифицировать. В 2009 г. российская сторона заявила, что для нее это соглашение не имеет силы. По сути Россия возражает против интернационализации своей трубопроводной сети, стремясь сохранить контроль над существующей нефте- и газотранспортной инфраструктурой в Евразии. Это, однако, приводит ее к конфликту не только с ЕС, но и с другими странами СНГ.

В СССР экспортные трубопроводы, например, Уренгой — Помары — Ужгород (основная нитка для газовых поставок в Европу), обслуживали также и приграничные республики. С момента их строительства прошло уже не одно десятилетие, и все они нуждаются в ремонте и модернизации. Но для Украины, в частности, эта задача, вероятно, находится за пределами финансовых возможностей.

Газпромовская стратегия деловой экспансии предусматривает получение контроля над трубопроводной инфраструктурой соседних государств. Это необходимо также для обеспечения бесперебойного транзита энергоносителей на Запад. Концерн уже давно присматривается к украинской трубопроводной сети, при этом россияне готовы приобрести ее на паях с европейцами. Еще в 2002 г. Путин и тогдашний германский канцлер Герхард Шрёдер предложили Украине создать трехсторонний газовый консорциум. Киев отклонил предложение, боясь оказаться между молотом и наковальней. В результате Россия, как заранее предупреждал Путин, начала реализацию проекта по сооружению «Северного потока».

Не возражая против равноправного партнерства с ЕС, Россия в то же время резко выступает против любых сделок по украинским трубопроводам без ее участия. Еще в середине 2008 г. Совет безопасности России заявил, что интересы страны как энергетической державы будут обеспечены лишь в том случае, если украинская трубопроводная сеть перейдет под управление международного консорциума, вклю-

чающего «Газпром»[37]. В то же время кое-кто в Европе стремился взять под контроль всю трубопроводную инфраструктуру страны вплоть до российской границы. В марте 2009 г. из-за этого у Москвы произошел конфликт с ЕС. В ответ на «сепаратное» соглашение Киева и Брюсселя о модернизации украинской газотранспортной инфраструктуры премьер Путин, заявив, что оно представляет собой серьезное покушение на российские интересы, пригрозил пересмотреть все энергетические и транспортные контракты, заключенные европейскими энергетическими компаниями в России, включая ядерную энергетику и электроэнергию. Это затронуло бы целый ряд крупных компаний — в частности, ТНК-ВР, BASF, E.ON, ENI, «Enel», «Total» и «Fortum». В конце концов, для России бизнес с Украиной — это *больше*, чем бизнес.

Двустороннее соглашение между Украиной и ЕС сорвалось. А после победы Януковича на президентских выборах 2010 г. вновь начала обсуждаться идея трехстороннего консорциума.

Газовый конфликт 2009 г. побудил ЕС активизировать усилия по диверсификации поставок. В частности, началось строительство инфраструктуры для приема сжиженного газа из таких стран, как Катар или Тринидад и Тобаго. Сооружаются и трубопроводы, соединяющие друг с другом страны Евросоюза. Наконец, новую актуальность приобрел альтернативный проект «Набукко».

Строительство газопровода «Набукко» планируется осуществить в 2011—2014 гг.: его стоимость должна составить 8 млрд евро (10,9 млрд долл.), а пропускная способность — 31 млрд кубометров. Наполняемость «Набукко» во многом зависит от газовых поставок из Центральной Азии и Ирака. Однако, чтобы добиться подлинной диверсификации импорта, европейцам необходим доступ к иранскому газу, что возможно только после урегулирования иранского ядерного кризиса, а это весьма серьезное препятствие.

В свою очередь, Москва предпринимает решительные действия, чтобы для «Набукко» оставалось как можно меньше газа. Она закупает центральноазиатский газ и даже заключила аналогичный контракт с Азербайджаном — сторонником европейского проекта. Но самое главное — продолжающийся конфликт вокруг ядерной программы Тегерана исключает любое серьезное обсуждение поставок иранского газа через «Набукко». Россия, не возражающая против того, чтобы Иран (потенциально) или Туркмении (реально, с 2009 г.) экспортировали газ в азиатские страны (например, в Китай, Индию и Пакистан), полна решимости не допустить их конкуренции с «Газпромом» на весьма прибыльном рынке ЕС.

Стратегия Москвы состоит в том, чтобы влиять на исходящие потоки газа из Туркмении и Казахстана — ведь все трубопроводы, по которым он транспортируется, проходят через Россию. Политика Кремля в Прикаспийском регионе основывается на двух главных императивах: не допускать сооружения новых газопроводов в обход России или по дну Каспийского моря, а также не допускать военного присутствия на Каспии любых государств, кроме прибрежных[38]. Москва обещает заблокировать любой трубопроводный проект на Каспии по юридическим основаниям: из-за разногласий между пятью прикаспийскими странами по поводу раздела акватории правовой режим этого моря по-прежнему не согласован. Москва, в частности, считает, что разделу подлежит лишь дно Каспия, а его воды должны находиться в общей собственности.

После распада СССР «Газпром» отказался делиться валютными доходами с Туркменией, утверждая, что туркменский газ, транспортируемый через Россию, поступает лишь на Украину, в Грузию и Армению. Это уже в середине 1990-х годов побудило Ашхабад к поиску альтернатив. Возможные варианты включали маршрут по суше через Иран в Турцию, сооружение трубопровода по дну Каспийского моря в Азербайджан, Грузию и Турцию и, наконец, прокладку нитки в противоположном направлении — в Пакистан и Индию через Афганистан, Иран или обе эти страны.

Россия возражала против первых двух вариантов; на руку ей играли позиция США в отношении Ирана и спор между Азербайджаном и Туркменией о морской границе, препятствовавший прокладке транскаспийского трубопровода. В то же время «Газпром» не возражал, чтобы Туркмения перекачивала свой газ в восточном направлении. Рем Вяхирев, возглавлявший концерн в 1992—2001 гг., был в общем лишен имперских амбиций[39]. Однако в глазах россиян, озабоченных вопросами геополитики, только что вышедшее на авансцену движение «Талибан» выглядело своего рода вооруженным караулом, призванным обеспечивать безопасность первой не контролируемой Москвой нитки, сооружаемой в одном из постсоветских государств. Некоторые даже утверждали, что «Талибан» был специально создан компанией «Unocol» (при поддержке правительства США) для эксплуатации газовых ресурсов бывшего СССР. Так или иначе, идея восточного газопровода не была реализована.

В 2003 г. Путин и президент Туркмении Ниязов подписали соглашение о закупке Россией всего туркменского газа в течение следующих 25 лет. Москва расценивала эту сделку как свой большой успех.

Идея состояла в том, чтобы наложить руку на максимально возможный объем сырья. Поскольку цены на энергоносители в тот момент достигли пикового значения, «Газпром» обязался приобретать 80–90 млрд кубометров газа по 375 долл. за тысячу кубометров.

В 2009 г., когда газовые цены резко снизились, «Газпром» разорвал контракт, заявив о сокращении объема закупаемого туркменского газа и потребовав снизить на него цену. Возник кризис. С апреля по декабрь 2009 г. поставки газа из Туркмении в Россию были прекращены; затем они возобновились, но в минимальном количестве (10 млрд кубометров). В будущем Россия вряд ли сможет закупать его в больших объемах. По ее оценкам, в 2015 г. газодобыча во всей Центральной Азии составит от 57 до 82 млрд кубометров — разброс получается весьма значительный. В настоящее время рынок перенасыщен газом, но развитие ситуации в среднесрочной перспективе неясно. Кроме того, российская сторона, стремящаяся сохранить монополию «Газпрома», скорее всего не предоставит Туркмении доступа к своей трубопроводной системе.

Нынешний туркменский лидер Гурбангулы Бердымухамедов справедливо полагает, что ему есть из чего выбирать. Во-первых, существует «китайский вариант». В 2009 г. КНР приобрела тот объем газа, который отказалась забирать Россия. Китай также планирует увеличить пропускную способность трубопровода, построенного им в 2009 г., и получать по нему 60 млрд кубометров газа из Туркмении, Узбекистана и Казахстана. Это в десять раз превысит первоначальную пропускную способность газопровода Туркмения — Китай. Второй вариант — иранский. Тегеран готов проложить еще одну нитку до территории Туркмении и увеличить закупки с 8 до 20 млрд кубометров[40]. Возможно и сотрудничество со странами Южной Азии. Ашхабад не отказался от идеи сооружения газопровода ТАПИ (Туркмения — Афганистан — Пакистан — Индия) с пропускной способностью 30 млрд кубометров. Иран, в свою очередь, рассматривает вариант с маршрутом ИПИ (Иран — Пакистан — Индия); интерес к этому проекту выражает и «Газпром»[41].

Еще одна идея заключается в строительстве трубопровода через Персидский залив и Аравийское море в Саудовскую Аравию. Наконец, несмотря на давление Москвы, Туркмения не повернулась спиной и к «Набукко». Кроме того, Ашхабад прокладывает нитку к каспийскому побережью, и даже если продолжить ее по дну моря не удастся, он сможет поставлять в Азербайджан газ в сжиженном виде.

Озвученная в 2007 г. российская альтернатива «Набукко» — газопровод «Южный поток» — представляет собой куда более дорогостоя-

щий проект. Его пропускная способность должна составить 63 млрд кубометров, а стоимость работ — 20 млрд евро (27,2 млрд долл.). Для реализации проекта «Газпром» создал стратегический альянс с итальянской ENI: обе компании должны иметь в нем равные доли. Кроме того, российское правительство заключило соответствующее соглашение с Турцией, участвующей и в «Набукко»: с помощью этих двух проектов Анкара надеется превратить страну в крупный энергетический транспортный узел. Заручившись согласием Италии и Турции, Россия убеждает страны Юго-Восточной Европы, многие из которых в свое время были сателлитами Москвы, также присоединиться к проекту. Далее, «Газпром» присматривается и к южному направлению: он намерен продлить действующий газопровод «Голубой поток», пока заканчивающийся в Турции, вплоть до Израиля.

Хотя перспективы «Южного потока», как и «Набукко», пока неясны, другой проект «Газпрома» — «Северный поток», о котором было объявлено в 2005 г., реализуется довольно успешно. Этот газопровод должен пройти по дну Балтийского моря, соединяя Россию и Германию; его пропускная способность составит 55 млрд кубометров, а стоимость превышает 7 млрд евро (9,5 млрд долл.). Строительство двух ниток должно завершиться в 2013 г. Первоначально это был совместный российско-германский проект: «Газпром» владел 51% акций, а BASF и E.ON — остальным. Затем состав консорциума был расширен — в него вошли голландская «Gasunie» и французская «Gaz de France», но контрольный пакет «Газпрома» это не затронуло.

Оба «потока» представляют собой элементы схемы, которой Россия следует с конца 1990-х годов, когда она прекратила экспорт нефти через иностранные прибалтийские порты — латвийский Вентспилс и эстонский Таллин. Взамен них были построены терминалы в Приморске и Усть-Луге. Казалось, что таким образом Москва наказывает страны Балтии за нежелание предоставить гражданство всему их русскоязычному населению, но у этого решения была более глубокая стратегическая подоплека. Так, примерно в то же время возможности реэкспортировать российскую нефть лишилась Финляндия. Российская Федерация хотела, чтобы между нею и ее главными клиентами в Западной Европе стояло как можно меньше посредников, в идеале ни одного. Просто первым пришел черед Прибалтики; следующими оказались Украина и Белоруссия.

Еще до того, как страны ЕС занялись устранением чрезмерной зависимости от российского газа, Россия приступила к диверсификации нефтегазового экспорта, ища варианты за пределами все менее дина-

мичного европейского рынка. В качестве новых многообещающих направлений сбыта российские компании и российское государство рассматривали США и Азию. В начале 2000-х годов в России были разработаны предложения о строительстве двух новых крупных нефтепроводов — автором обоих был глава ЮКОСа Михаил Ходорковский. Первая идея состояла в соединении нефтяных месторождений на российском Крайнем Севере с портовым городом Мурманском на Кольском полуострове. Оттуда планировалось танкерами доставлять нефть на Восточное побережье США. Другой трубопровод был предназначен для транспортировки сибирской нефти в северные регионы Китая.

Первый проект воплощал собой нарождающееся энергетическое партнерство между Россией и США. Он сорвался, когда выяснилось, что российская и американская стороны вкладывают в это партнерство совершенно разный смысл. Россияне хотели создать плацдарм на внутреннем энергетическом рынке США, т. е. не только получить прибыль, но и придать двусторонним политическим отношениям прежде не существовавшую «экономическую основу», а американцы присматривались к российским энергетическим активам. Ходорковский, стремившийся выйти на политическую арену, начал переговоры с американскими нефтяными мейджорами «ExxonMobil» и «Shell» о продаже своей компании. Когда об этом узнал президент Путин, судьба нефтяного магната была решена.

Впрочем, второй его проект пережил крах ЮКОСа. Государственная компания «Роснефть», которая приобрела основные активы демонтированной компании, начала прокладку трубопровода до китайской границы, а затем до Японского моря. В плане укрепления позиций России в Азии этот проект сравнивали со строительством Транссибирской магистрали в конце XIX в.[42] Нефтепровод ВСТО (Восточная Сибирь — Тихий океан) с пропускной способностью 30—80 млн т в год должен обеспечить стране доступ на азиатский рынок и ослабить ее зависимость от европейских клиентов, как предписывает «Энергетическая стратегия России на период до 2030 года». Поначалу между потенциальными клиентами существовала определенная конкуренция в отношении конечной точки маршрута (Китай или Япония), но в итоге Москва решила охватить оба направления — при этом Китай должен был получить сибирскую нефть первым. В 2009 г. КНР и Россия подписали контракт на импорт 300 млн т «черного золота» в течение двадцати лет[43] (поставки начались в 2011 г.), хотя «Газпрому» пока не удалось договориться о цене на газ, который он намеревается поставлять китайской стороне.

Энтузиазм Японии относительно ВСТО несколько угас, но она по-прежнему заинтересована в этом проекте. Японское правительство установило максимальную квоту на российские нефть и газ в размере 10% общего объема импорта, чтобы не попасть в слишком большую зависимость от соседа. Москва, в свою очередь, рассматривает страны Тихоокеанского региона — не только Японию, но и Южную Корею с Соединенными Штатами — как рынки сбыта для нефти и газа с сахалинских месторождений. Если россиянам удастся завоевать долю этих рынков, они смогут диверсифицировать экспорт энергоносителей, в настоящее время все еще завязанный на Европу. Европейцы тем временем ищут способы снизить зависимость от российских поставок.

На Крайнем Севере крупнейшим энергетическим проектом стала разработка Штокмановского газового месторождения в Баренцевом море. Первоначально планировалось реализовать ту же цель, что и в рамках злополучного проекта Ходорковского: выйти на американский рынок, но с газом, а не с нефтью, и руками государственного «Газпрома», а не частного ЮКОСа. Когда эта задача была сочтена малоосуществимой, направление будущих поставок было изменено на Европу. В качестве первых партнеров российская сторона выбрала норвежскую «Statoil» и французскую «Total». Из-за сложности разработки и местонахождения Штокмановский проект скорее всего станет одним из важных элементов энергетического сотрудничества России и ее европейских соседей.

Хотя в недрах Арктики, как считается, имеются большие запасы углеводородов, а Россия стремится еще больше расширить свою исключительную экономическую зону в Северном Ледовитом океане, разработка этих ресурсов — дело далеко не ближайшего будущего. Когда же этот момент наступит, наиболее целесообразной схемой, учитывая суровость природной среды в регионе, вероятно, станет международное сотрудничество. Надо сказать, что это идет в русле общей тенденции, благодаря которой прежде автаркическое экономическое пространство бывшего СССР уже интегрируется в глобальную экономику.

ОТКРЫТИЕ РЫНКОВ СТРАН СНГ ДЛЯ ВНЕШНЕГО МИРА

Доля России в импорте промышленных товаров странами СНГ резко снижается. В период бума, предшествовавший кризису 2008 г.,

она уменьшилась почти вдвое. Более качественная, технически передовая, а зачастую и более дешевая продукция ЕС, Китая, США, Японии, Турции и других стран уже преобладает на рынках государств бывшего СССР. Естественно, этим довольны не все. Президент Кучма в своих мемуарах излагает разговор с российским премьером Виктором Черномырдиным, в ходе которого оба сетовали на эгоистически циничное отношение Запада к постсоветским странам [44].

Для большинства стран СНГ ведущим торговым партнером стал Евросоюз. Его экспорт в эти государства (не считая России) с 2000 по 2008 гг. увеличился вшестеро, достигнув 65 млрд долл.[45] Более половины (53,3% на 2009 г.) экспортных поставок самой России также идет в ЕС, а на долю Европы приходится 45% ее импорта — это самый высокий показатель среди бывших советских республик [46]. Молдавия, Казахстан, Белоруссия и Армения вывозят в ЕС 40—50% экспортируемой продукции, а по объему импорта из Европы лидируют Молдавия, Украина, Грузия, Казахстан, Армения и Азербайджан.

С 2003 г. Брюссель проводит «Европейскую политику добрососедства», призванную адаптировать к стандартам ЕС соседние страны Новой Восточной Европы (Белоруссию, Украину и Молдавию) и Южного Кавказа (Армению, Азербайджан и Грузию). С 2009 г. эта политика подкрепляется программой «Восточное партнерство» с участием тех же шести стран. Начиная с середины 2000-х Евросоюз уделяет внимание и Центральной Азии, особенно Казахстану — в основном из-за его роли крупного экспортера энергоносителей.

В 2000—2008 гг. экспорт Китая в страны СНГ (не считая России) увеличился с 1 до 31,5 млрд долл. Объем вывоза России в Китай (в 2009 г. он составлял 5,5% ее совокупного экспорта) примерно в десять раз меньше, чем в ЕС, но доля КНР в российском импорте более существенна (13,8%). Примерно треть приобретаемых Россией китайских товаров составляет продукция легкой промышленности, около 30% — машины и оборудование, а 20% приходится на различные потребительские товары [47]. Мощное наступление Китая на рынке СНГ еще больше сводит товарооборот между странами Содружества к торговле энергоносителями и сырьем. Китайский экспорт подрывает ЕврАзЭС, участники которого все активнее торгуют с Поднебесной [48], превращая собственное экономическое сообщество в пустую формальность. Особенно велико экономическое влияние Пекина в Центральной Азии, которую он рассматривает как источник энергопоставок, рынок сбыта для своих товаров и сухопутный транспортный коридор, связывающий его с Ближним Востоком. Принятая

в октябре 2009 г. программа экономического сотрудничества между Москвой и Пекином закрепила за Дальним Востоком и Сибирью роль поставщиков сырья для Китая, а за КНР — роль экспортера промышленных товаров в Россию.

В 2009 г. Китай стал первой страной, сломавшей почти полную монополию России на газовые поставки из Центральной Азии. Туркмения начала транспортировать природный газ (40 млрд кубометров) по газопроводу в Хорог на таджикско-китайской границе. К 2012 г. Казахстан также планирует увеличить пропускную способность газопровода, соединяющего его с Китаем, до 30 млрд кубометров.

Для обеспечения своих экономических интересов в Центральной Азии и Прикаспии Китай щедро раздает кредиты и помощь в целях развития новым независимым государствам региона. Он осуществляет масштабные инвестиции в нефтегазовый, электроэнергетический и инфраструктурный сектора этих стран. Пекин также стремится придать приоритетную роль экономическим аспектам деятельности Шанхайской организации сотрудничества. Таким образом, если ЕС одним фактом своего существования, а также за счет своих программ препятствует интеграционным усилиям России в Новой Восточной Европе и на Кавказе, то Китай делает то же самое в Центральной Азии.

США сильно отстают от Европы и Китая в качестве экономического партнера стран СНГ. Американские компании серьезно присутствуют в их энергетическом секторе, особенно в Азербайджане и Казахстане. Американские инвестиции в казахскую экономику к 2010 г. достигли 47 млрд долл. Правительство США активно поддерживает диверсификацию энергетических маршрутов из Прикаспия. В 2006 г. вступление в строй трубопровода Баку — Тбилиси — Джейхан покончило с транзитной монополией России в регионе. Этот проект пользовался полномасштабной политической поддержкой Белого дома. США также поддерживают проект «Набукко», видя в нем гарантию ослабления зависимости Европы от российских энергопоставок.

Если же говорить о региональных игроках, то Турция стала одним из главных торговых партнеров Грузии (до 20% ее внешнего товарооборота), Таджикистана (27% экспорта на 2008 г.), Азербайджана (15% импорта), Туркмении и Узбекистана. В то же время крупнейшим торговым партнером Турции является Россия. Ирану также удалось завоевать прочные позиции на рынках Армении, Таджикистана и Туркмении.

ВЫВОДЫ

В свое время СССР заявлял, что на его долю приходится пятая часть общемирового производства, а вместе с партнерами по СЭВ — до трети глобального ВВП. Эти цифры использовались в пропагандистских целях, но не поддавались проверке из-за нерыночного характера советской экономики. Но хотя СССР лишь частично присутствовал на мировом рынке, он был щедро наделен природными богатствами и обладал впечатляющим промышленным (особенно военно-промышленным) потенциалом.

С тех пор ситуация резко изменилась. Сегодня Российскую Федерацию по любым меркам нельзя назвать экономическим полюсом мирового масштаба. Ее доля в общемировом ВВП составляет около 2% (как и доля в населении планеты) и вряд ли существенно увеличится. Роль России сводится преимущественно к добыче энергоносителей и другого сырья. Но из-за отсутствия мощного промышленного, технического и финансового потенциала она неконкурентоспособна практически во всех остальных сферах экономики.

Для ближайших соседей Россия не обладает особой привлекательностью. Она не является источником крупных инвестиций, финансовой или технической помощи. Товарооборот стран СНГ с Россией сокращается. Более того, она до сих пор не относится к новым независимым государствам как к равным партнерам. «Газовые войны» с Украиной и Белоруссией сильно подорвали репутацию России в двух странах, наиболее близких к ней в экономическом и культурном плане. Они также разрушили ее имидж надежного поставщика энергоносителей в Европе и мире в целом. Тем не менее некоторые формы экономической интеграции — например, таможенный союз с Казахстаном и, если это позволит развитие политических событий, с Белоруссией — может привести к возникновению евразийского рынка, который увеличит нынешний рынок Российской Федерации примерно на 20%.

В 2000-х годах роль «магнита» для государств бывшего СССР взяли на себя другие международные экономические центры. Евросоюз привлекает непосредственных соседей — Белоруссию, Молдавию, Украину и во все большей степени страны Южного Кавказа. Китай укрепляет свое влияние в Центральной Азии.

Другие страны, от Соединенных Штатов (в энергетической сфере) до ближайших региональных держав — Ирана, Турции и восточноазиатских государств — Японии и Южной Кореи, также проявляют активность на территории бывшего СССР. Чем дальше заходит про-

цесс либерализации экономики новых независимых республик, тем труднее российским компаниям конкурировать с более сильными международными соперниками. Постсоветское пространство теперь открыто для всех, и Россия больше не является там преобладающим экономическим игроком.

Статус России в качестве энергетической державы не дает Москве той гегемонии, которую многие ей приписывают. После украинского газового кризиса 2006 г. европейские страны предпринимают шаги по ослаблению зависимости от «Газпрома». Кроме того, в последнее время все более доступным в коммерческом плане становится сжиженный газ: он начинает конкурировать с натуральным. Разработка газоносных сланцев еще больше меняет характер рынка. Изменить направление экспорта с европейского на азиатское не так просто, и таких же прибылей, как от торговли с Европой, это может не принести. После глобального экономического кризиса российский бюджет еще больше, чем прежде, зависит от нефтегазовых доходов. Да и полностью избавиться от газового транзита она не сможет.

Несмотря на перечисленные слабые места, Россия по-прежнему серьезно влияет на экономическое развитие соседних стран. Она снабжает их энергоносителями и служит емким рынком сбыта для их товаров — от сельхозпродукции до промышленных изделий, ее рынок труда поглощает излишек рабочей силы на бывшем советском Юге. Кроме того, Россия играет для них роль транзитной страны. Она также по-прежнему обладает определенным техническим и интеллектуальным потенциалом, способным стать основой для экономического возрождения страны. А произойдет это возрождение или нет, зависит от самого российского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Кулик А. А., Спартак А. Н., Юргенс И. Ю.* Экономические интересы и задачи России в СНГ. — М.: Ин-т соврем. развития, 2010. — С. 5 (http://www.insor-russia.ru/files/Intrest_Books_02.pdf).

2 Там же. — С. 6, 8.

3 «Миссия России», выступление Анатолия Чубайса в Санкт-Петербургском государственном инженерно-экономическом университете, Санкт-Петербург, 25 сентября 2003 г. (http://www.chubais.ru/blog/view/611).

4 *Кулик А. А., Спартак А. Н., Юргенс И. Ю.* Указ. соч. — С. 9.

5 Там же. — С. 11.

6 Там же. — С. 29.

7 Там же. — С. 12.
8 Там же. — С. 15.
9 *Кучма Л.* После Майдана: Записки президента. 2005–2006. — М.: Время, 2007. — С. 47.
10 *Кулик А. А., Спартак А. Н., Юргенс И. Ю.* Указ. соч. — С. 17.
11 Там же. — С. 34.
12 Там же. — С. 18.
13 *Кучма Л.* Указ. соч. — С. 83.
14 *Геворкян А. С.* Три страны — три мифа: социально-экономические и политические трансформации Казахстана, Грузии, Украины (опыт социологического анализа). — М.: Регнум, 2008. — С. 61.
15 *Гудков А., Орозалиев Б.* Киргизию оставили без керосина // Коммерсантъ. — 2010. — 7 апр. (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1349904).
16 *Кулик А. А., Спартак А. Н., Юргенс И. Ю.* Указ. соч. — С. 38.
17 Там же. — С. 23.
18 *Суздальцев А.* Политика впереди экономики: риски и перспективы Таможенного союза ЕврАзЭС // Россия в глобальной политике. — 2010. — № 1. — Янв.–март (http://www.globalaffairs.ru/number/n_14564).
19 Там же.
20 *Нетреба П.* Добро уходит в Таможенный союз // Коммерсантъ. — 2010. — 24 марта (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1341995).
21 *Кулик А. А., Спартак А. Н., Юргенс И. Ю.* Указ. соч. — С. 41.
22 Там же. — С. 25.
23 *Геворкян А. С.* Указ. соч. — С. 64.
24 *Николаев И. А., Марченко Т. Е., Титова М. В.* Страны СНГ и мировой кризис: общие проблемы и разные подходы. — М.: ФБК, 2009. — С. 27.
25 *Кулик А. А., Спартак А. Н., Юргенс И. Ю.* Указ. соч. — С. 26.
26 *Кучма Л.* Указ. соч. — С. 175.
27 *Панюшкин В., Зыгарь М.* Газпром: Новое русское оружие. — М.: Захаров, 2008. — С. 22.
28 Российский статистический ежегодник-2009 // http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_13/Main.htm.
29 *Панюшкин В., Зыгарь М.* Указ. соч. — С. 148.
30 Интервью Владимира Путина испанским средствам массовой информации, Москва, 7 февраля 2006 г. (http://archive.kremlin.ru/appears/2006/02/07/1759_type63379_101129.shtml).
31 *Кучма Л.* Указ. соч. — С. 54.
32 *Кулик А. А., Спартак А. Н., Юргенс И. Ю.* Указ. соч. — С. 28.
33 *Григорьев Л., Салихов М.* ГУАМ — пятнадцать лет спустя: Сдвиги в экономике Азербайджана, Грузии, Молдавии и Украины, 1991–2006. — М.: Регнум, 2007. — С. 171–172 (http://common.regnum.ru/documents/guam.pdf).
34 *Панюшкин В., Зыгарь М.* Указ. соч. — С. 126.
35 *Романчук Я.* Белоруссия и Россия после Лукашенко // НГ-Дипкурьер. — 2010. — 18 окт. (http://www.ng.ru/courier/2010-10-18/11_belorussia.html).

36 *Гривач А.* Минск не оценил комфорта // Время новостей. — 2008. — 17 июля (http://www.vremya.ru/2008/127/8/208554.html).

37 *Габуев А.* Россия повышает давление газа // Коммерсантъ. — 2009. — 26 марта (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1144186).

38 *Габуев А., Граник И.* Иран и Россия совпали в Каспийском море // Коммерсантъ. — 2009. — 18 авг. (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1222581).

39 *Панюшкин В., Зыгарь М.* Указ. соч. — С. 172.

40 *Габуев А., Гриб Н.* Газовый неурожай // Коммерсантъ. — 2010. — 21 окт. (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1525677).

41 *Челпанова М.* Восточный призыв // Коммерсантъ (приложение «Нефть и газ»). — 2010. — 7 апр. (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1347156).

42 *Ларин В.* Азиатско-Тихоокеанский регион в начале XXI века: вызовы, угрозы, шансы Тихоокеанской России. — Владивосток: ДВО РАН, 2010. — С. 9.

43 Там же.

44 *Кучма Л.* Указ. соч. — С. 296.

45 *Кулик А. А., Спартак А. Н., Юргенс И. Ю.* Указ. соч. — С. 31.

46 Там же. — С. 112.

47 Там же. — С. 33.

48 На долю КНР приходится 11,8% совокупного импорта Таджикистана, 12,6% импорта Казахстана, 16,6% импорта Узбекистана и 20% импорта Киргизии.

4

ДЕМОГРАФИЯ И ИММИГРАЦИЯ

По идее в этой главе должны были бы содержаться все ответы на наиболее важные вопросы, поставленные выше. На деле же в ней поднимается ряд других непростых вопросов: стоит ли Россия на пороге демографической катастрофы, в результате которой самая большая страна на планете постепенно, но по историческим меркам довольно быстро обезлюдеет и крупнейший в мире «земельный участок» с гигантскими природными богатствами окажется бесхозным? Действительно ли россияне представляют собой «разделенную нацию», и насколько серьезен «русский вопрос»? Как следует понимать обещание Москвы защищать российских граждан за рубежом?

И вот еще: каким образом массовая иммиграция влияет на состав населения России? Способны ли ксенофобия и антииммигрантские настроения проложить путь для русского фашизма? Развязал ли Китай «ползучую демографическую агрессию» против России, и как ей быть с серьезнейшим демографическим дисбалансом на границе двух стран? В условиях, когда русские массово покидают Северный Кавказ, можно ли говорить о том, что этот регион быстро превращается во «внутреннее зарубежье» России? И если так, то каковы последствия этого процесса?

В 1913 г. Российская империя с почти 150 млн подданных была третьей по численности населения страной мира, уступая только Китаю и Индии, и количество ее жителей быстро росло (конечно, Индия тогда входила в состав Британской империи, но там жители колоний и метрополии почти не соприкасались). 78 лет спустя Советский Союз, где согласно последней переписи жили 286 млн человек, занимал то же место в мире по размеру населения. В течение всего XX в. за исключением последнего десятилетия состав первой тройки не менялся, и Россия занимала в ней стабильное и вполне комфортное место. По численности населения она намного превосходила любую страну Европы и явно опережала Соединенные Штаты (табл. 2).

Год	Российская империя / СССР	Российская Федерация
1897	128,2	67,5
1926	147,0	92,7
1939	170,5	108,4
1959	208,8	117,2
1970	241,7	129,9
1979	262,1	137,4
1989	285,7	147,0
2002	–	145,2

Таблица 2. Численность населения Российской империи и СССР, а также проживающих на территории нынешней Российской Федерации, млн человек

Эта прочная стабильность сохранялась, несмотря на страшные демографические потери, понесенные Россией в XX столетии. Первая мировая война унесла жизни 6 млн подданных империи, последовавшая за ней Гражданская война увеличила число жертв на 3 млн, и еще столько же людей вынуждены были покинуть страну. В результате политических репрессий с 1921 по 1985 гг. погибло 5–5,5 млн; кроме того, от 3 до 4,5 млн крестьян были согнаны с земли и высланы в Сибирь и другие районы[1]. Венчает скорбный список Вторая мировая война, стоившая стране 26 млн жизней. Если бы не эти рукотворные катастрофы, население страны к концу 1990-х могло достичь 400 млн. Тем не менее по размеру населения Советский Союз опережал все страны, кроме двух азиатских гигантов, не игравших сколько-нибудь важной роли в силовых играх минувшего века.

Снижение демографического удельного веса России связано в первую очередь с кончиной империи – т. е. с распадом СССР, каким бы мирным и упорядоченным он ни был. Во-первых, Российская Федерация унаследовала две трети территории Союза, но на ней проживало чуть больше 50% его граждан. Таким образом, в плане численности населения новое российское государство представляло собой лишь половину прежней страны. Сегодня, через двадцать лет, Российская Федерация, имевшая в 2010 г. 141,9 млн жителей[2], занимает по численности населения только девятое место в мире, отставая не только от Индии и Китая, но также от США, Индонезии, Бразилии, Пакистана, Бангладеш и Нигерии. Если нынешняя тенденция не изменится, через сорок лет она скорее всего скатится на семнадцатую позицию. При этом помимо Соединенных Штатов другие пятнадцать стран, которые превзойдут ее по размеру населения к тому моменту, будут представлять Азию, Африку и Латинскую Америку.

Но двойное уменьшение численности населения в результате распада СССР — это еще не все. Сегодня на долю всех постсоветских государств приходится лишь 5% населения планеты. С того момента, как рухнул Советский Союз, население России перестало расти и начало сокращаться. Замедление роста наблюдалось уже давно, но реальное сокращение началось в 1992 г. На тот момент в России было 147 млн жителей, но за двадцать лет их число сократилось на 5 млн. При этом если бы не иммиграция, чистая демографическая убыль была бы еще больше.

Демографические перспективы России выглядят отнюдь не радужно, но, возможно, не столь мрачно, как они предстают в некоторых оценках. Так, согласно демографическому прогнозу на период до 2025 г., составленному Национальным советом США по делам разведки, население России уже к 2015 г. сократится до 130 млн[3]. Это представляется маловероятным. Согласно усредненному варианту расчетов ООН в стране к 2050 г. будут жить только 116 млн человек[4]. Этот прогноз, возможно, также чересчур пессимистичен, но тенденция налицо, и она, мягко говоря, вызывает беспокойство у российского руководства.

Отрицательный естественный прирост населения — один из самых убедительных и очевидных аргументов в пользу «постимперского» тезиса данной книги. Россия больше не расширяется, она сжимается, и быстро. После 1991 г. ее народ жил под простым и суровым девизом: выжить. Он выжил, но стал далеко не тем, что прежде.

Сегодня у России возникают проблемы там, где в прошлом ее преимущество было неоспоримо: в частности, даже после резкого сокращения армии в стране с трудом находится достаточное количество призывников для ее комплектования. Парадокс — но отнюдь не уникальный — заключается в том, что демографический кризис проявился не в эпоху войн и репрессий, а в тот момент, когда россияне наконец обрели свободу, которой их прежде лишали, и начали учиться ею пользоваться. Нынешние российские коммунисты, естественно, возлагают вину за кризис на распад СССР, консерваторы клеймят либеральную политику 1990-х годов. На самом же деле корни нынешнего кризиса глубже — их следует искать в последних десятилетиях советской эпохи — и шире: нечто подобное наблюдается во многих развитых странах.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС

В том, что касается отрицательного прироста населения, Россия отнюдь не одинока. Это же происходит почти у всех ее соседей на западе и юго-западе: в странах Балтии, Белоруссии, на Украине, да и во многих государствах ЕС. Большинство стран на востоке и западе, севере и юге Европы сталкивается с заметным сокращением населения из-за низкого уровня рождаемости. В России, правда, он упал особенно резко. За 15 лет с 1976 по 1991 гг. здесь родилось 36 млн детей, а за следующий аналогичный период — лишь 22,3 млн, или на 40% меньше. Нынешняя рождаемость в России составляет лишь 40% уровня, необходимого для простого воспроизводства населения.

Проблемы России выглядят намного серьезнее, чем в других странах, из-за высокого уровня смертности. С начала 1990-х годов он составляет примерно 2 млн человек в год. Смертность в России выше, чем в любой стране Европы, и в пересчете на численность населения вдвое больше, чем в США. Она также на 50% превышает средний общемировой показатель[5]. Во многом это связано с алкоголизмом, курением, пренебрежением к собственному здоровью, безрассудным поведением, а в последнее время еще и с быстро распространяющейся наркоманией.

После демонтажа советского «социального государства» — каким бы оно ни было — доступность (в том числе финансовая) и качество медицинских услуг в России резко снизились. Контроль общества над поведением людей ослаб, и многие нормы перестали соблюдаться. В результате средняя продолжительность жизни мужчин в России сократилась до 58,9 лет (т. е. на 13,5 лет), женщин — до 72 лет (на 7,4 года). Сегодня по этому показателю Россия усредненно занимает 100-е место в мире: 91-е по продолжительности жизни женщин и 134-е — мужчин. Хотя ситуация с уровнем рождаемости и средней продолжительностью жизни у мужчин во второй половине 2000-х годов несколько улучшилась, сочетание низкой рождаемости с высокой смертностью образует так называемый «русский крест». По мнению пессимистов (а таковых немало), Россия вымирает.

Столь неблагоприятные демографические показатели говорят о серьезнейшем подрыве фундамента национальной мощи. Возникает и новый элемент уязвимости: крупнейший в мире по размеру «объект недвижимости» будет обладать сравнительно небольшим — и уменьшающимся — населением. Конечно, в обозримом будущем Россия останется первой по численности населения страной геогра-

фической Европы, даже если брать в расчет только ее территорию к западу от Урала. Если в 2050 г. в России согласно прогнозу ООН будет жить 116,1 млн человек, то в Великобритании — 72,4 млн, в Германии — 70,5 млн, а во Франции — 67,7 млн[6]. Такие страны, как Нигерия (уже обогнавшая Россию по численности населения) и Египет (который может оставить ее позади к 2050 г.), находятся далеко и прямого влияния на положение России не оказывают. В то же время Турция и Иран (в каждой из них по состоянию на 2010 г. проживало 75 млн человек) в совокупности уже превосходят ее по демографическому «весу». К 2050 г. обе они, идя голова к голове, могут приблизиться к России и по отдельности: согласно прогнозу население каждой из этих двух стран должно составить 97 млн.

Ситуация меняется и поблизости от российских границ. Страны Средней Азии и Азербайджан демонстрируют очень высокие темпы прироста населения (табл. 3). Это меняет демографическое соотношение сил между ними и Россией. К моменту распада СССР их население составляло чуть больше четверти (27,7%) российского.

Страна	1990	2000	2005	2010	2020	2030	2030/ 1990, %	2030/ 2005, %
Армения	3,5	3,1	3,0	3,0	3,0	2,8	80	94
Азербайджан	7,2	8,1	8,4	8,7	9,4	9,7	135	115
Белоруссия	10,3	10,0	9,8	9,5	8,9	8,3	81	85
Эстония	1,6	1,4	1,3	1,3	1,3	1,2	77	92
Грузия	5,5	4,7	4,5	4,3	4,1	3,8	69	84
Казахстан	16,5	15,0	14,8	14,8	14,9	14,6	88	98
Киргизия	4,4	5,0	5,3	5,6	6,1	6,4	146	122
Латвия	2,7	2,4	2,3	2,2	2,1	2,0	73	86
Литва	3,7	3,5	3,4	3,4	3,2	3,0	82	88
Молдавия	4,4	4,3	4,2	4,2	4,1	3,9	88	92
Таджикистан	5,3	6,2	6,5	7,0	8,2	9,2	174	142
Туркмения	3,7	4,5	4,8	5,2	5,8	6.3	171	130
Украина	51,9	49,1	46,5	44,1	39,6	35,1	68	75
Узбекистан	20,5	24,7	26,6	28,6	32,5	35,3	172	133
Россия	148,4	146,6	143,2	140,0	133,1	125,3	84	88

Таблица 3. Демографические прогнозы, 1990—2030 гг., млн человек

Источник: UN Population Forecast, 2004.

Сейчас соотношение составляет уже две пятых (39,4%), а к 2030 г. может достичь 53,4%, превысив первоначальный показатель вдвое. Это может привести как к росту их могущества, так и к усилению бедности, к внутренним конфликтам из-за водных и земельных ресурсов или миграции в другие страны, а также к международным спорам или иностранному вмешательству. Так или иначе подобная ситуация означает, что Москве придется уделять бывшим окраинам куда больше внимания — хотя бы по демографическим причинам.

За пределами бывшего СССР демографическая ситуация за последние двадцать лет также изменилась. Довольно аморфное Европейское сообщество превратилось в Евросоюз с населением в 500 млн человек. Более того, он расширился и включает теперь не только страны Западной и Южной Европы, но и почти всех соседей СССР: Финляндию и Швецию, Польшу и Венгрию, Румынию и Болгарию. В прошлом Советский Союз намного превосходил по численности населения любую крупную европейскую державу, а по сравнению с малыми странами Европы выглядел просто Гулливером или Годзиллой. Теперь в России живет в четыре раза меньше людей, чем в объединенной Европе.

Китай сегодня по численности населения (1,3 млрд) превосходит Россию в девять раз, но это отражает лишь количественные, а не качественные изменения. По этому показателю и СССР, и Российская империя всегда намного уступали Китаю. Не так уж важен сам по себе и тот факт, что население России к востоку от Урала, особенно на тихоокеанском побережье, крайне невелико — 25 млн, из которых только 5 млн живут восточнее озера Байкал, — особенно по сравнению с тремя северо-восточными провинциями Китая[7]: в них проживает столько же людей, сколько во всей Российской Федерации.

Однако сухая демографическая статистика дает лишь часть картины. Проблема связана с различной социально-экономической динамикой развития двух стран. Китайская экономика быстро растет, страна наращивает мощь и авторитет, Россия же переживает мучительную, еще не завершенную трансформацию, держится за старое, с болью вспоминает о былом величии и одновременно пытается адаптироваться к постимперским реалиям.

У этой ситуации есть стратегические последствия. Призывная армия в России, несмотря на все усилия традиционалистов в Генштабе, уходит в прошлое — пусть этот процесс и идет неравномерно. Численность потенциального контингента призывников сокращается. С 2008 г. срок обязательной военной службы в стране составляет

лишь 12 месяцев (к моменту распада СССР молодые граждане уходили в армию на два года, а до начала 1970-х — на три). С 2009 г. российская военная доктрина не предусматривает подготовку к большой войне (в 1970—1980-х годах это означало войну с НАТО или Китаем или с обоими одновременно). Теперь акцент делается на создание небольших по численности профессиональных вооруженных сил, способных справиться с различными чрезвычайными ситуациями на южных рубежах страны. Для предотвращения масштабных конфликтов предназначены ядерные силы сдерживания, и только они.

Российское руководство отлично осознает эту новую ситуацию. С момента вступления в должность президента Владимир Путин уделял повышенное внимание демографическим проблемам. Вопрос о сокращении населения был главной темой его первого послания Федеральному собранию в 2000 г. Внешне может показаться, что это внимание дает плоды, но на деле воздействие введенного властями пакета мер по стимулированию роста населения оказалось незначительным. К 2006 г. численность экономически активного населения увеличилась на 3,2%, но это было результатом повышения рождаемости в середине и второй половине 1980-х годов. Больше в обозримом будущем такого повышения ожидать не приходится.

После 2006 г. положение начало ухудшаться. Уже в следующем году в России впервые наблюдалось сокращение трудоспособного населения. Согласно прогнозам в период с 2007 по 2016 гг. этот экономически активный сегмент должен уменьшиться на 2,4%. Старение населения приведет к снижению доли граждан трудоспособного возраста (в настоящее время их насчитывается 78 млн) с 65% до 59%. Количество «коренных» работников, выходящих на рынок труда, пока сокращается медленно (в 2010 г. оно стало меньше показателя 2006 г. на 1,8%), но во втором десятилетии нового века этот процесс ускорится. К 2016 г. сокращение по сравнению с 2006 г. составит уже 5%.

Сокращение числа людей трудоспособного возраста станет серьезным препятствием на пути экономического роста[8]. Поскольку по состоянию на 2008 г. производительность труда в России составляла лишь 25% американского уровня, может показаться, что ей есть куда расти. Путин в 2011 г. озвучил идею создания в стране 25 млн высокотехнологичных рабочих мест к 2020 г. Однако российские экономисты скептически относятся к тому, что реально возможное повышение производительности труда в стране позволит компенсировать дефицит людских ресурсов[9].

Чтобы переломить эту тенденцию, Путин еще в 2006 г. предложил пакет экономических стимулов, призванных способствовать повышению рождаемости. Тем не менее острый дефицит рабочих рук в текстильной, металлургической, деревообрабатывающей и других отраслях промышленности вряд ли может быть ликвидирован без привлечения работников из-за рубежа. По оценкам экспертов, для восполнения этой нехватки России требуется как минимум 15 млн гастарбайтеров, что составляет 10% ее нынешнего населения. Если же взглянуть на проблему под другим углом, то для модернизации и внедрения инноваций российским властям необходимо упростить процедуру выдачи разрешений на работу западным специалистам [10]. Оба эти шага потребуют радикального разрыва с устоявшимися представлениями.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

Сразу после распада СССР Россия начала получать «демографическую помощь» от ближнего зарубежья. Из бывших окраин, получивших независимость, в Российскую Федерацию перебрались более 6 млн человек. В их число вошли 1,6 млн официально зарегистрированных беженцев и вынужденных мигрантов. 70% новоприбывших составляли этнические русские [11].

Времена изменились. Много столетий русские покидали так называемую Центральную Россию, примерно равную территории средневекового Великого княжества Московского, заселяя окраины расширяющегося государства. Они обосновывались на равнинах и в предгорьях к северу от Кавказского хребта, прошли всю Сибирь до Тихого океана, селились в городах Центральной Азии и Прибалтики. Апогеем миграции русских в тогдашние союзные республики стали 1960-е годы. Начиная с 1970-х процесс приобрел обратное направление, в результате чего за последние двадцать лет существования Советского Союза прирост населения Российской Федерации составил 2,5 млн человек [12].

Эта уже существовавшая тенденция резко ускорилась, когда «братские республики» обрели независимость: некоторые из них окунулись в водоворот войн и конфликтов, власти других давали понять, что русское население досталось им в наследство от тоталитарного или колониального прошлого, а потому в новом государстве ему отнюдь не рады. Молдавские националисты скандировали в адрес русскоязычных жителей республики: «Чемодан — вокзал — Россия!».

В результате русское население Молдавии, Узбекистана и Киргизии сократилось наполовину, Армении и Азербайджана — втрое, Грузии — вчетверо, а в истерзанном войной Таджикистане — в семь раз. Этот исход — только из Узбекистана в Россию с 1991 по 2008 гг. вернулось 900 тыс. русских[13] — отчасти напоминает отъезд европейцев из колоний после обретения независимости. Впрочем, здесь есть и отличия, связанные с географической и культурной близостью бывших окраин к России, распространенностью смешанных браков и отсутствием колониальных войн — отчаянных попыток сохранить империю. О Чечне речь пойдет отдельно, здесь же достаточно отметить, что русскоязычное население почти полностью покинуло эту республику, формально входящую в состав Российской Федерации.

Накануне распада СССР и сразу после него этническая консолидация стала общей тенденцией. Только в 1990 г. на родину вернулись 150 тыс. украинцев, а за следующие десять лет это сделали еще 200 тыс.[14] В 1990—2007 гг. в родную республику переехали и 260 тыс. белорусов[15]. В Армении и Азербайджане консолидация по национальному признаку подпитывалась войной в Нагорном Карабахе, а также погромами в Баку и других городах.

Тем не менее большинство из 25—26 млн русских, оказавшихся в декабре 1991 г. за пределами Российской Федерации, не стало трогаться в путь. В странах с наибольшим русским населением, Украине и Белоруссии, они не только автоматически получили гражданство (это делалось во всех государствах бывшего СССР за исключением Эстонии и Латвии), но и чувствовали себя как дома, не испытывая никакого дискомфорта. В Белоруссии важную роль сыграл тот факт, что по результатам референдума, проведенного в 1995 г., русский язык наряду с белорусским получил статус государственного, и это закрепило его фактическое преобладание. На юге и востоке Украины, где проживает бóльшая часть русского населения, русский язык также преобладает, несмотря на кампании по «украинизации» страны, периодически организуемые Киевом. Собственно, и в самом Киеве, где большинство жителей составляют украинцы, говорят в основном по-русски. Конечно, некоторые русские покинули и эту республику, но причиной в основном стала новообретенная самоидентификация и привлекательность экономических условий в России, особенно по сравнению с Украиной. Аналогичным образом большинство украинцев (согласно переписи 2002 г. их число достигает 2,9 млн) и белорусов (800 тыс.), живущих в России, не сочли нужным уезжать: возможно, некоторые из них уже не ощущали прочных связей с «исторической родиной».

Из 3 млн человек, покинувших Казахстан после обретения независимости, немалую часть составляли русские и представители других славянских национальностей. Большинство из них, однако, осталось в республике, а некоторые из уехавших позднее вернулись обратно, привлеченные сырьевым экономическим бумом, благоразумной политикой президента Нурсултана Назарбаева, защищающего права национальных меньшинств, и отсутствием гонений на русский язык. Что же касается русскоязычных жителей стран Балтии, то для них сравнительно комфортная жизнь и благоприятные экономические возможности перевесили отсутствие гражданства. Менее развитая Россия, к тому же охваченная хаосом, не казалась им достаточно привлекательной.

Таким образом, за лозунгами националистов о «разделенной» русской нации нет реального содержания. Русские в принципе не отличаются очень высоким уровнем национального самосознания. Пятьсот лет существования в рамках империи приучили их сосредотачиваться на государстве, а не на составе населения, которое пополнялось все новыми этническими элементами. Затем из-за тоталитарного характера советского государства произошло распыление общества — масштабных горизонтальных связей власть не допускала. Распад СССР в 1991 г. резко изменил угол зрения: пережив неожиданное крушение своего государства, люди сосредоточились на самих себе, а не на национальном строительстве — будь то внутри России или за пределами ее границ.

К этому необходимо добавить, что после дезинтеграции СССР и открытия прежде запертых на замок границ примерно 3 млн бывших советских граждан выехали на постоянное жительство в другие страны: только в США перебралось до миллиона человек, еще столько же — в Израиль. Из них, вероятно, около миллиона составили жители Российской Федерации[16]. Эта цифра сравнима с количеством белоэмигрантов (тоже порядка 3 млн), бежавших из России в ходе Гражданской войны 1918—1921 гг. и после ее окончания. И в начале XX в., и в его конце среди тех, кто навсегда покинул родину, было много образованных людей и высококвалифицированных специалистов — заменить их весьма нелегко. В этом смысле Российская Федерация, естественно, не была исключением из правил среди постсоветских государств. Украина из-за эмиграции потеряла до 10% населения, а Грузия — целых 20%, причем многие лучшие умы отправились на Запад (хотя, конечно, не только туда).

Надежды на то, что возвращение русских на родину из новых независимых государств компенсирует эти потери, оказались в основ-

ном тщетными. Тех, кто, возможно, и хотел отправиться домой, удерживал дефицит достойного и доступного по цене жилья в России, ограниченность экономических и социальных возможностей и в целом негостеприимное отношение к новоприбывшим властей, да и общества в целом.

Сегодня, через двадцать лет после кончины СССР, количество потенциальных эмигрантов-русских, которые могут выехать в Россию из стран СНГ, оценивается примерно в 4 млн [17]. В течение первых десяти с лишним лет существования новой России у ее властей попросту не было никакой иммиграционной политики. Теперь они стараются наверстать упущенное.

Программа переселения, которую российское правительство анонсировало в конце 2006 г., пока не дает результатов. В 2007–2008 гг. перебраться в Россию согласились лишь 9 тыс. человек – а ожидалось, что их будет 30–50 тыс. (если не брать в расчет совсем уж необоснованные надежды привлечь за три года 300 тыс. иммигрантов) [18]. Но даже с этим слабым притоком власти совершенно не справились. Так, на Дальнем Востоке, который, как считалось, примет многих новоприбывших, за первые два года осуществления программы переселения (2007–2008 гг.) согласились обосноваться лишь 30 семей [19].

Впрочем, даже если все 4 млн русских вернутся на родину, это не решит проблемы дефицита трудовых ресурсов в стране. Ликвидировать его можно лишь за счет продуманной иммиграционной политики. Иммиграция уже стала свершившимся фактом, а вот разумный подход к управлению и регулированию этого процесса пока не выработан.

ИММИГРАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ

Всего за несколько лет Россия, в советские времена практически не знавшая притока иммигрантов (в имперскую эпоху он тоже был невелик), превратилась в «страну иммиграции». Многие граждане бывшего СССР устремились в Россию, движимые в основном экономическими причинами и привлеченные тем, что бывшее ядро погибшей империи казалось им привычным по образу жизни. Только в 1994 г. их количество составило 1,2 млн. Со временем поток иммиграции превратился в ручеек – в 2003 г. в Россию прибыло всего 98 тыс. человек. Затем он снова расширился до 130 тыс. в 2006 г. и 240 тыс. в 2007-м [20]. Свобода передвижения, в том числе и миграции, стала одним из главных факторов, снижавших шоковое воздействие постсоветского кризиса [21].

Впрочем, по численности новые постоянные жители и граждане Российской Федерации намного уступают мигрантам-рабочим, привлеченным высоким спросом на российском рынке труда. Оценки количества гастарбайтеров в России крайне разноречивы: накануне экономического кризиса 2008–2009 гг. в некоторых источниках встречалась цифра 8–10 млн человек, а другие включая Федеральную миграционную службу говорили о примерно 5 млн трудовых мигрантов[22]. В докладе Всемирного банка, подготовленном в 2010 г., упоминается о 12,5 млн гастарбайтеров – в результате Россия по этому показателю вклинивается между Соединенными Штатами (42 млн) и Германией (10,8 млн). Считается, что 80% этих рабочих составляют нелегальные мигранты. В национальном, культурном и языковом планах эта группа отражает все этническое многообразие бывшего СССР.

Среди стран, из которых они приезжают, первое место быстро заняла Украина (население – 45 млн человек). В середине 2000-х годов в России находилось до 1 млн украинцев (в основном с востока страны). К тому времени официальную регистрацию из них имели только 245 тыс. Впрочем, эту, несомненно, большую цифру надо сопоставить с другой: в странах ЕС работает 3 млн граждан Украины, в большинстве своем уроженцев западных и центральных регионов[23].

По другим данным, в 2008 г. около 40% трудовых мигрантов с Украины работали в России – примерно столько же, сколько в Польше и Чехии вместе взятых (соответственно 19% и 17%). Денежные переводы гастарбайтеров на родину составляли 5–7 млрд долл. в год. Что же касается Белоруссии, то, по данным Всемирного банка, в 2004 г. за рубежом трудились 400 тыс. ее граждан (при общей численности населения в 10 млн человек); в других источниках утверждается, что число белорусских гастарбайтеров в России составляет 250 тыс.[24]

Считается, что революцию 2009 г., в результате которой было свергнуто коммунистическое правительство Молдавии (население страны – 4 млн человек), организовали молодые люди, чьи родители работали за границей. Гастарбайтеры составляют наибольшую долю (25%) трудоспособного населения страны. Многие молдаване имеют возможность попасть в страны ЕС благодаря Румынии, выдающей свои паспорта тем, кто жил в Бессарабии в 1918–1940 гг., когда она находилась под властью Бухареста, и их потомкам. Тем не менее около 350 тыс. трудовых мигрантов из Молдавии (60% общего количества) работают в России; для сравнения: на долю Италии приходится 20% молдавских гастарбайтеров, на долю Португалии – 5%[25]. В 2003–2008 гг. их переводы составляли 23–38% ВВП страны[26].

В странах ЕС мигранты зарабатывают больше, чем в России, но им необходимо преодолевать языковой барьер. Молдаванам в Италии и Португалии, украинцам в Польше и азербайджанцам в Турции это удается сравнительно легко. Кроме того, Европа по сравнению с Россией привлекает более образованных мигрантов и тех, кто стремится не только найти работу в странах ЕС, но и перебраться туда на постоянное жительство. Россия не дает гастарбайтерам таких возможностей в плане повышения квалификации и социального статуса, но попасть туда гораздо легче, чем в ЕС. Ее границы открыты для граждан всех стран СНГ: исключение было сделано только для Грузии — еще до того, как она вышла из Содружества. Кроме того, там их ждут привычные условия труда и жизни. За последние двадцать лет Россия стала для соседей из СНГ таким же источником доходов, как США для Латинской Америки, Германия для Турции и Балкан, Франция для Северной Африки[27].

Если трудовые мигранты из Новой Восточной Европы могут выбирать между ЕС и Россией, то для жителей Южного Кавказа основные варианты — это Россия и Турция.

Азербайджанцы (население страны — 8 млн человек) предпочитают Россию, по крайней мере если судить по статистическим данным. До мирового экономического кризиса в России работали, вероятно, от 1,5 до 2 млн граждан Азербайджана (25% населения страны)[28]. Многие из них заняты в розничной торговле либо владеют малыми или средними предприятиями. Отправляя в середине и конце 1990-х на родину переводы в объеме 1,5—2,5 млрд долл. в год, они одновременно все больше интегрировались в состав российского среднего класса.

Из 0,7—1 млн армян, покинувших страну (население — 3,5 млн человек) в конце XX в., многие направлялись в Россию. Армяне селятся в России уже несколько столетий, и многие из них полностью интегрированы в ряды ее элиты[29]. Этот факт в сочетании с союзническими отношениями между Москвой и Ереваном дает армянской диаспоре в России отличные возможности для продвижения интересов «исторической родины». Тем не менее большинство русских шовинистов и расистов не только не делают различий между армянами и другими «лицами кавказской национальности», но и порой сознательно выбирают их объектами для своих гнусных преступлений.

Иммигранты-армяне новой волны начали прибывать в Россию в конце 1980-х, спасаясь от войны в Карабахе, погромов в Баку и последствий землетрясения в самой Армении. Многие переехали в Москву, другие обосновались всего в нескольких сотнях километров к северу

от родины, на юге России: в Краснодаре, Ставрополе и Ростове-на-Дону. Кроме того, несмотря на традиционную вражду, экономическую блокаду и отсутствие официальных дипломатических отношений, немало армян работают в Турции. В ходе очередного конфликта по вопросу о геноциде армян в Османской империи, вспыхнувшего в 2010 г., премьер-министр Турции пригрозил депортировать из страны всех армян-гастарбайтеров, которых насчитывалось до 100 тыс.

Что же касается российских властей, то они в ходе острого кризиса в отношениях между Москвой и Тбилиси в 2006 г. действительно выслали некоторое количество грузинских трудовых мигрантов, но большинство из них нашло способ остаться в стране. Много грузин работают также в Турции и Греции. В Грузии, как и в Молдавии, объем переводов от гастарбайтеров превышает получаемую этими странами зарубежную помощь.

В 1992—2006 гг. из Казахстана уехали 3,1 млн жителей — чистая убыль населения составила 2 млн человек, и сегодня его численность равна 16,5 млн. Пик эмиграции из страны пришелся на 1994 г.: тогда ее покинули 500 тыс. человек. Через десять лет отток стабилизировался на уровне 50 тыс. человек в год. Среди уезжавших большинство составляли русские и другие славяне, а также немцы, евреи и татары[30]. Сегодня 20% населения Казахстана — в основном русские — хотели бы покинуть страну, и половина из них предпочла бы обосноваться в России[31]. В то же время казахи обнаружили, что на родине перед ними открывается больше возможностей, чем в России. В ближайшие десятилетия население Казахстана скорее всего утратит «евразийский» характер: в его этническом составе будут все больше преобладать тюрки с некоторой примесью китайцев, которые сегодня там селятся.

Если оставить за скобками Казахстан, число иммигрантов из Средней Азии (по оценкам, от 1,5 до 2 млн человек) растет. В России работают более 700 тыс. узбеков, около 500 тыс. таджиков и 500 тыс. киргизов. Как правило, это выходцы из бедных и перенаселенных регионов, они готовы браться за любую работу. В большинстве случаев они находятся в России нелегально и подвергаются варварской эксплуатации со стороны нанимателей. Тем не менее они посылают домой немалые деньги: переводы одних таджиков в 2008 г. составили 2,5 млрд долл., или половину ВВП Таджикистана. Из-за кризиса эта сумма сократилась до 2 млрд, но ее доля в ВВП страны по-прежнему весьма велика — 35%[32]. Из всех гастарбайтеров в России именно уроженцы Центральной Азии сильнее всего испытывают на себе произвол чиновников и даже подвергаются жестоким нападениям

скинхедов. В последнее время ряды трудовых мигрантов пополняют и туркмены, которым до смерти Туркменбаши в 2006 г. было по сути запрещено самостоятельно выезжать за рубеж.

Россия чрезвычайно нуждается в трудовых ресурсах. Пока эти потребности в основном удовлетворяются за счет иммиграции из стран Новой Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии. Однако за последние двадцать лет качество этой иностранной рабочей силы ухудшилось. Трудовые мигранты стали менее образованными; в основном это нищие жители сел или маленьких городков, в культурном (религиозном, языковом) плане они все более далеки от россиян [33]. В результате, чтобы в полной мере задействовать эти ресурсы, российскому государству необходимо адаптироваться к совершенно новому для него явлению: масштабной иммиграции.

Этот процесс уже идет. После неразберихи и инертности 1990-х годов, а затем ненужной жесткости в начале 2000-х Москва в 2007 г. ввела в действие в целом либеральное иммиграционное законодательство. Теоретически это хороший фундамент, но практическое воплощение новых законов порой ниже всякой критики. Российские чиновники и полиция своими действиями словно нарочно стараются отпугнуть иммигрантов. Депутаты Государственной думы временами впадают в раж из-за оттока средств из страны в виде переводов трудовых мигрантов: в 2009 г. их общая сумма составила 18,6 млрд долл. (по этому показателю Россия занимает четвертое место в мире после США, Швейцарии и Саудовской Аравии). На деле же гастарбайтеры выполняют ту работу, которую не хотят делать сами россияне.

Вместо этого беспокоиться следовало бы о текучести иммиграционных потоков: из 12,5 млн мигрантов, прибывающих в Россию, 11 млн (88%) затем возвращаются на родину. В Германии же этот показатель составляет 32%, во Франции — 25%, а в США — всего 6% [34]. России нужна не только иммиграционная, но и интеграционная политика, а обществу необходимо преодолеть распространенную ксенофобию, культивировать терпимость и понимание. На сегодня и того, и другого российскому социуму явно не хватает. Более того, антииммигрантские настроения усиливаются, вновь порождая призрак «русского фашизма».

АНТИИММИГРАНТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ

Антииммигрантские настроения — четкий признак постимперского состояния. Несчастным жителям рухнувшей империи людские

волны, накатывающиеся на их город из прежних подвластных земель, кажутся незаслуженной карой. Они думают: хорошо, империи больше нет, так пусть ее бывшие подданные оставят нас в покое. Подобное изменение менталитета, когда место прежних попыток властвовать над миром занимает стремление оградить собственную страну и ее граждан, представляет собой суть постимперского переходного периода.

Рабочие-мигранты из православных стран Новой Восточной Европы не только находят в России более или менее привычную обстановку, но и в целом воспринимаются местными жителями как «свои». Они не выделяются своей внешностью, свободно владеют русским языком, почти не отличаются от россиян по привычкам и образу жизни. Но когда речь идет о мигрантах из Центральной Азии, Южного и даже Северного Кавказа, входящего в состав России, все обстоит совершенно по-иному.

Русские, как правило, ожидают от представителей других этнических групп соблюдения общепринятых в России норм поведения на публике. Так же поступают и они сами: переезжая в другую страну на постоянное жительство (а не просто на время), они осознанно стараются ассимилироваться — и тем самым «дерусифицироваться». Однако сегодня, через двадцать лет после кончины Советского Союза, многие рабочие-иммигранты из нищей сельской глубинки Таджикистана или Узбекистана уже не говорят (или почти не говорят) по-русски. Многие чеченцы, дагестанцы и другие выходцы с Северного Кавказа хорошо владеют русским языком, но отличаются кипучей энергией и дерзостью. Еще до Чеченской войны до 70 тыс. чеченцев покинули свою республику, после начала конфликта за ними последовали еще 130 тыс. человек. Наряду со 100 тыс. дагестанцев, осетин и представителей других северокавказских народов они осели в Москве, Санкт-Петербурге и на юге России.

Сам факт, что во время войны чеченцы бежали от нее в Москву, уже примечателен. Важно и то, что уровень межэтнического насилия с их участием в целом невысок. Столкновения, вспыхнувшие в 2006 г. в небольшом карельском городе Кондопоге (тогда несколько местных жителей-русских были убиты мигрантами-чеченцами), выделяются как один из самых серьезных примеров такого насилия за пределами Северного Кавказа в течение последних двадцати лет. Кондопога — не единичный случай. Особое значение приобретают инциденты столице. В декабре 2010 г. убийство в Москве русского футбольного болельщика в ходе драки с группой дагестанцев привело к массовым беспорядкам у стен Кремля.

Ксенофобский лозунг «Россия для русских» набирает популярность. За десять лет число сторонников этой идеи увеличилось с 43% до 54%[35]. Несомненно, за ксенофобией скрываются социальное недовольство и отчаяние, особенно если речь идет о молодежи в крупных российских городах. Однако ни одной из политических организаций, стремящихся оседлать ксенофобские настроения, так и не удалось преодолеть маргинальный статус. Движению против нелегальной миграции (ДПНИ), например, удалось организовать несколько шумных митингов, но этим все в общем и ограничилось.

Впрочем, одна категория иммигрантов волнует в России почти всех — китайцы.

«КИТАЙЦЫ ИДУТ!»

Вопрос об иммиграции китайцев в Россию стал предметом активных спекуляций. Почти сразу после распада СССР в различных источниках появились упоминания о миллионах граждан КНР, наводнивших Дальний Восток и Сибирь[36]. В этих версиях, порой распространявшихся политиками местного и даже общенационального масштаба (например, Дмитрием Рогозиным и Юрием Болдыревым в 1999 г.), фигурировали и зловещие рассказы о том, что коварные иммигранты-китайцы женятся на русских женщинах, приобретают собственность («скупают все», как выразился в том же 1999 г. губернатор Хабаровского края Виктор Ишаев)[37]. Некоторые верили или стремились убедить других, что «массовое просачивание» китайцев в Россию представляет собой элемент секретного плана Пекина по аннексии восточных областей страны за счет «ползучей демографической агрессии».

Возражения насчет того, что традиционное направление миграции китайцев — южное и что они находят российский климат (не говоря уже о действиях полиции и отношении местного населения) негостеприимным, отметались сходу. Скептиков отсылали к опыту китайской колонизации Маньчжурии — после того, как в 1878 г. там были сняты ограничения на их переселение, всего за 25 лет население региона увеличилось с 3 до 13 млн. Поскольку во всем Китае тогда проживало 300 млн человек, это означает, что за четверть века 3% его населения перебрались на север, в регион, по условиям обитания почти не отличавшийся от российского Дальнего Востока и Восточной Сибири[38]. К этому можно добавить, что на сегодняшний день

13 млн — лишь 1% населения Китая, но эта цифра в два с лишним раза превышает число россиян, живущих к востоку от озера Байкал.

На деле все обстоит по-другому. Сегодня, через двадцать лет после окончания «холодной войны» между КНР и СССР, число китайцев, живущих в России, оценивается в 300 тыс. Оно увеличилось по сравнению с концом 1990-х годов (тогда их было 200 тыс.) и в 30 раз превышает количество китайцев, проживавших в СССР, но в то же время примерно столько же китайцев жило в Российской империи до революции. Число зарегистрированных китайских гастарбайтеров в стране [39] выросло с 94 тыс. в 2004 г. до 161 тыс. в 2005-м и 230 тыс. в 2006-м. Большинство из них, однако, обосновалось не в приграничных районах или на Дальнем Востоке. Леонид Драчевский, когда он занимал пост «генерал-губернатора» Сибири, оценивал количество китайцев на территории Сибирского федерального округа (население — 21 млн) максимум в 75 тыс. человек.

Наиболее многочисленная китайская община проживает в Москве. Поначалу мигранты приезжали в Россию в качестве «челноков», но сегодня большинство живущих в ней китайцев хотят остаться в стране либо использовать ее в качестве перевалочного пункта, а затем добраться до Восточной или Западной Европы. Как отмечает профессор Виля Гельбрас, долго изучавший вопрос о миграции китайцев, она представляет собой не проект колонизации: это «специфическая форма движения рабочей силы, обслуживающей товарные потоки» [40].

Торговля с Китаем и китайские рабочие руки играют важнейшую роль в функционировании экономики Востока России. Для дальневосточника близость к Китаю — это благоприятные возможности. Сбой в экономических и торговых отношениях с этой страной почти мгновенно окажет шоковое воздействие на восточные российские регионы. Представители местных властей — и не только в приграничье — быстро осознали выгодность неофициальных контактов с китайскими бизнесменами. Это сотрудничество охватило самые разные виды деятельности — от браконьерства до нелегального экспорта леса и масштабной контрабанды. В столице центром китайской коммерции был Черкизовский рынок; там работали сотни граждан КНР. Когда в 2009 г. российские власти закрыли рынок (по причинам, не имевшим никакого отношения к Китаю), Пекин немедленно отрядил в Москву эмиссара в ранге вице-премьера.

Демографическое преобладание Китая очевидно, как и интерес Пекина к ресурсам Сибири от энергоносителей до леса и питьевой воды. Китайское руководство вряд ли вынашивает планы «демогра-

фической агрессии», но оно открыто призывает граждан КНР «идти вовне» в качестве проводников деловых — и национальных — интересов страны. Однако если России суждено потерять свои восточные территории, то не из-за китайской «агрессии», а из-за собственной неспособности обеспечить развитие региона. В этом случае две страны могут поменяться традиционными ролями: сильный и динамичный Китай начнет эксплуатировать слабую и охваченную стагнацией Россию. Тогда Хабаровск в XXI в. может превратиться в то, чем был Харбин в начале XX столетия: форпост иностранной экономической экспансии, подкрепленной определенным политическим влиянием. В рамках подобного сценария изменения границ может и не произойти, но в экономическом отношении тихоокеанское побережье России и Сибирь станут сырьевой базой и сферой влияния Китая.

Постимперской России надо избавиться от страхов. Ей необходимо найти нужную формулу не только для экономических отношений с гигантским соседом, но и для более плодотворного взаимодействия с китайцами, приезжающими в Россию работать и заниматься бизнесом. Улучшение качества образования может способствовать ослаблению ксенофобии, а налаживание контактов с лидерами местных китайских общин — снизить уровень недоверия. Кроме того, борьба с коррупцией в государственном аппарате и правоохранительных органах обеспечит повышение транспарентности и открытости [41].

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ УЯЗВИМОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Дальний Восток — не единственный регион страны, который можно считать уязвимым в демографическом плане. Однако и там приток китайских мигрантов — не единственная проблема. Куда более серьезная тенденция состоит в том, что регион покидают сами его жители, перебираясь в основном в центральные области России.

Депопуляция на Дальнем Востоке и в Сибири началась одновременно с распадом СССР. В последние десять лет его существования население этих регионов росло быстрее, чем в целом по РСФСР. Этот процесс стимулировался целенаправленной политикой государства. Однако за первое постсоветское десятилетие, когда этих стимулов не стало, население, напротив, сокращалось в шесть раз быстрее, чем в среднем по России. Крайний Север и Дальний Восток покинули 2,5 млн человек. Последний недосчитался 800 тыс. жителей, или около 15% населения.

Из всех регионов, официально объединенных названием Крайний Север, только богатая нефтью Тюменская область избежала общей тенденции к оттоку населения. Северные территории Европейской части страны с 1991 по 2002 гг. недосчитались миллиона жителей; на тихоокеанском побережье и без того небольшое население Магаданской области и Чукотки сократилось на две трети. Читинская область и Приморский край, граничащие с Китаем по Амуру и Уссури, за тот же период потеряли четверть миллиона жителей [42].

В отсутствие командной экономики и тоталитарного имперского государства это явление было неизбежно. Получив свободу и возможность выбора, люди начали покидать форпосты империи, которые государство больше не могло поддерживать. Однако пик этого процесса пришелся на первую половину 1990-х годов. Те, кто остался, уезжать не собираются. Впрочем, по сравнению с приарктическими регионами США, Канады, Дании (Гренландией) и Норвегии население российского Крайнего Севера по-прежнему весьма велико. Оно составляет 10,6 млн человек, или 7% населения России. Мурманск (307 тыс. жителей) и Норильск (105 тыс.) по сравнению с поселениями в аналогичных климатических зонах других стран выглядят мегаполисами. В будущем, по мере потепления в Арктике, рост экономической активности в районе Северного морского пути, возможно, привлечет в эти регионы новых поселенцев.

По сравнению с Дальним Востоком и Крайним Севером демографическая ситуация в Калининградской области — самой западной части Российской Федерации — выглядит совсем неплохо. Население региона имеет стабильную численность (чуть меньше миллиона человек) и остается однородно русским по национальному составу: лишь очень немногие российские немцы предпочитают селиться там, а не переезжать в Германию. «Окружение» Калининградской области Евросоюзом после 2004 г. не столько отдалило анклав от остальной России, сколько создало для его жителей новые возможности в соседних странах.

В России в целом этнический баланс пусть и незначительно, но изменился. В 1991 г. более 80% населения Российской Федерации составляли русские. С тех пор доля других этнических групп увеличилась в результате действия нескольких факторов, благоприятных для этих групп: более высокой рождаемости, меньшей смертности и иммиграции. В частности, несмотря на очень небольшую территорию, которую занимает Северный Кавказ (0,65% территории страны), его население сравнительно многочисленно (6,6 млн, или 4,6% на-

селения России, по данным переписи 2002 г.). Плотность населения в этом горном регионе составляет 59,4 человека на квадратный километр (в среднем по России — 8,4 человека). В самой маленькой из северокавказских республик, Ингушетии, она достигает 130 человек на квадратный километр.

В 1989—2002 гг. население Северного Кавказа увеличилось на 25%, а число русских, живущих в регионе, напротив, сократилось на 27%. Мигранты и с Северного, и из Южного Кавказа стекаются в столицы — Москву и Санкт-Петербург, а также в региональные центры, например, в Ставрополь (в 2002 г. там проживали 500 тыс. нелегальных иммигрантов), Краснодар (1 млн в 1990-е годы) и Ростов. Население российских городов, таким образом, приобретает все более полиэтнический характер, а исход русских из национальных республик тем временем продолжается.

До войны в Чечне жили около 350 тыс. представителей некоренных национальностей, из которых 220—240 тыс. составляли русские — как горожане (в 1989 г. население Грозного было на 72% русским), так и крестьяне, потомки терских казаков. Из них 320 тыс., в том числе 230 тыс. русских, покинули республику в годы войны. Это, конечно, понять нетрудно. Но более красноречив другой факт: после окончания боевых действий буквально никто из них не вернулся. Послевоенная Чечня по сути этнически однородна: русских в ней осталось максимум 18 тыс. (они живут в двух традиционно населенных казаками районах на севере республики), если, конечно, не считать 22 тыс. российских солдат, которые, впрочем, редко покидают свои казармы[43]. Со временем и эти оставшиеся скорее всего, как они сами говорят, «переедут в Россию». При этом наряду с отъездом русских численность чеченского населения росла.

Чечня, конечно, пережила войну, но аналогичный процесс идет по всему Северному Кавказу. В 1989—2002 гг. до миллиона уроженцев Кавказа вернулись в родные места, и за этот же период регион покинули более 300 тыс. русских[44]. В результате доля коренного населения в северокавказских республиках увеличилась с 66% до 80% (в Чечне — с 66% до 95% с лишним), а доля русских сократилась с 26% до 15% (в Чечне — с 25% до 2%, в Ингушетии — с 13% до 1%, в Дагестане — с 9% до 5%).

Даже в Северной Осетии, которая считается опорой России на Северном Кавказе, доля русского населения сократилась с 30% до 23%[45]. Хотя в некоторых республиках сложилась иная ситуация[46], нынешний исход русских из региона укладывается в долгосрочную тенденцию. В 1959 г. соотношение между русскими и коренными на-

циональностями на Северном Кавказе составляло 38,9% и 50,7%, в 1970 г. — 29,3% и 60,4%, а в 1999-м — 19% и 70,6%. Если эта тенденция сохранится — а пока она только ускоряется, — русских в регионе скоро останется очень мало.

Средний возраст проживающих на Кавказе русских выше, рождаемость у них ниже, чем у коренных жителей, а последние отличаются высокой активностью, и среди них велик процент молодежи. Русским трудно успешно конкурировать с кавказцами в бизнесе, их становится все меньше в местных органах власти и силовых структурах, перспективы повышения социального статуса или профессионального роста у них становятся все слабее. Таким образом, фактическая деколонизация происходит даже в рамках общего с правовой точки зрения государства.

Сокращение числа русских оборачивается и другими последствиями, в том числе дальнейшей фрагментацией коренных народов, ослаблением культурных и эмоциональных связей между Северным Кавказом и остальными регионами Российской Федерации [47]. Налицо также ответная реакция в России на этот процесс: она выражается в так называемой кавказофобии.

Даже сегодня в результате десятилетней Чеченской войны, периодических терактов в Москве и других городах, кажущегося бесконечным насилия на Северном Кавказе и массовой иммиграции из региона в столицу и другие центры многие русские стали воспринимать кавказцев, особенно мусульман, как чужаков, фактически иностранцев. Чечня для простых русских уже стала «запретной зоной», у них не возникает и мысли ее посетить. В связи с нарастающей «дерусификацией» многие регионы Северного Кавказа — за исключением Черноморского побережья и Сочи, столицы зимней Олимпиады-2014, — будут рассматриваться как российское «внутреннее зарубежье».

В других мусульманских регионах Российской Федерации соотношение между различными национальностями, напротив, остается стабильным. Из Татарстана и Башкирии русские не уезжают. Доля татар в 1990-х годах увеличилась, но ненамного — с 48,5% до 50,2%, а доля башкир в населении республики выросла с 22% до 24%, но там их по-прежнему меньше, чем русских и татар.

«СООТЕЧЕСТВЕННИКИ ЗА РУБЕЖОМ»

Двадцать лет назад «русский вопрос» казался весьма актуальным. Многие наблюдатели считали, что новые границы Российской Федерации, рассекающие единое тело русской нации, не окончательны. Однако русские пока что проявляют устойчивость перед соблазном агрессивного национализма. Ни в самой России, ни за ее пределами единого «русского народа» не существует — есть только граждане русской национальности.

Если в 1990-х годах кое-кто в Москве надеялся, что русские иммигранты из стран СНГ помогут компенсировать отток людей из России, другие придерживались прямо противоположной точки зрения. Они призывали русские меньшинства не покидать страны СНГ, а стать опорой культурного, экономического, а в конечном счете и политического влияния России в бывших окраинах. Как мы видели, расчеты на «компенсационный» приток специалистов и высококвалифицированных рабочих не оправдались. Надежды на консолидацию русских в соседних странах на основе прочных связей с Москвой также оказались тщетными.

Одной из причин этого стало сокращение численности русских меньшинств во всех странах, прежде входивших в состав СССР (табл. 4). Если в 1989 г. в союзных республиках русских было 25 млн, то к 2000 г. их осталось всего 17 млн. И в дальнейшем эта цифра продолжала сокращаться. Во всех постсоветских государствах доля русского населения снизилась. Даже там, где для русских существуют сравнительно комфортные условия, например, на Украине, в Белоруссии и Казахстане или в более зажиточных странах Балтии, она сократилась на 11—21%. И дело не в том, что те, у кого раньше были возможность и стимулы называть себя русскими, теперь предпочитают отождествляться с титульной нацией. На результат это не влияет.

Другой причиной снижения «веса» русского населения в новых независимых государствах стал этнический национализм, практикуемый на официальном уровне правительствами многих из этих стран. Для всех постсоветских республик независимость — это прежде всего независимость от России. И русское население воспринимается как наследие имперского/колониального прошлого, к которому новые режимы относятся резко отрицательно.

Кроме того, русские слабо укоренены в местном обществе. Большинство из них не говорит на языке титульных народов. Их культура

и мировоззрение остаются русоцентричными. После обретения независимости русских стали увольнять или вытеснять с ответственных постов в правительстве, государственном аппарате, полиции, вооруженных силах, образовании и других важнейших структурах.

Страна	Доля русских в 1989 г.	Доля русских сегодня	Год последнего подсчета
Российская Федерация	81,5	79,8	2002
Армения	1,6	0,5	2001
Азербайджан	5,6	1,8	1999
Белоруссия	13,2	11,4	1999
Эстония	30,3	25,6	2000
Грузия	6,3	1,6	2002
Казахстан	37,4	30,0	1999
Киргизия	21,5	12,5	1999
Латвия	33,9	29,6	2002
Литва	9,4	6,3	2001
Молдавия	13,0	5,9	2004
Таджикистан	7,6	1,1	2000
Туркмения	9,5	6,7	1995
Украина	22,1	17,3	2001
Узбекистан	8,4	5,0	1996

Таблица 4. Русские меньшинства в бывших советских республиках, получивших независимость,%

Источник: *Григорьев Л., Салихов М.* ГУАМ — пятнадцать лет спустя. — М.: Регнум, 2007 (http://common.regnum.ru/documents/guam.pdf).

Конечно, в разных странах ситуация во многом варьируется. В Белоруссии между русскими и горожанами-белорусами различий практически нет, и первые не чувствуют себя там меньшинством. Кроме того, в этой стране национализм в его нынешней форме (весьма своеобразной) имеет политическую, а не культурную основу. В соседней Украине четыре президента, сменившихся после обретения независимости, — Кравчук и Кучма, Ющенко и Янукович — демонстрировали весьма различную официальную линию по отношению к России и всему, что с ней связано (подробнее об этом говорится в главе 5). В Молдавии, где многие политические лидеры и чиновники носят русские фамилии, национальная идентичность проявилась со всей четкостью: там к русским с самого начала относились как к этническому меньшинству. В политической, экономической и общественной жизни Южного Кавказа — за исключением Абхазии и Южной Осетии —

русские практически не присутствуют, что вполне соответствует их ничтожной доле в нынешней структуре населения стран региона.

В Центральной Азии русских по сути не допускают в политику и крупный бизнес, связанный с государством, но свободные профессии, наука и спорт для них открыты. Откровенным гонениям граждане русской национальности не подвергаются — разве что в случае гражданских войн и локальных конфликтов, но реальной перспективы достичь высот у них нет. Как заметил один московский наблюдатель, «жизнь идет, но мимо них»[48].

Отчасти за сложившуюся ситуацию несут ответственность и сами русские. Они печально известны своим нежеланием учить языки стран, в которых живут, погружаться в местную культуру, знакомиться с историей, принимать новую идентичность — и ассимилироваться. Не могут они и объединиться, самоорганизоваться, требовать, чтобы их интересы были достойно представлены, решительно апеллировать к поддержке Москвы и т. д. Они оказались меж двух огней, представляют собой чисто этническую, а не политическую группу и в то же время не участвуют в построении новой нации. Они живут тускнеющими воспоминаниями и словно остаются в прошлом.

В Казахстане межэтническая напряженность, достаточно острая до середины 1990-х годов, сошла на нет из-за придания русскому языку статуса второго государственного и улучшения экономической ситуации. В роли гаранта межнационального мира выступил сам президент Нурсултан Назарбаев. Стремясь консолидировать новое государство, он сделал искусный ход: перенес столицу на север страны, ближе к границе с Россией и городам, населенным русскими. Казахи, доля которых в составе населения увеличилась с 40% с небольшим в момент обретения независимости до сегодняшних 63%, чувствуют себя более уверенно. Русские же, судя по всему, смирились с положением национального меньшинства и сопутствующими ему ограничениями.

В Туркмении, где до сих пор проживают до 100 тыс. русских, ситуация выглядит во многом иначе. В 1993 г. Ашхабад стал единственной столицей на пространстве СНГ, подписавшей с Москвой соглашение о двойном гражданстве. На практике, однако, оно превратилось в фарс: получившие двойное гражданство русские не могли даже свободно выехать из Туркмении. Через десять лет Ашхабад в одностороннем порядке денонсировал соглашение. Российское правительство не стало даже протестовать: его больше волновала договоренность сроком на 25 лет, согласно которой «Газпром» должен был получить право скупать весь добываемый в Туркмении газ.

Сделка «газ — люди» спровоцировала короткий всплеск публичного осуждения со стороны некоторых российских политиков, например, Дмитрия Рогозина, но далеко идущих последствий не имела. В 2008 г. в новую конституцию Туркмении был включен запрет на двойное гражданство. Москва, по-прежнему заинтересованная в газовых контрактах, снова отмолчалась [49].

РУССКИЕ В ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ

Литва стала единственной из стран Балтии, после обретения независимости предоставившей права гражданства всем своим легальным резидентам. Подобная благожелательность была во многом обусловлена тем, что титульная нация считала свое положение вполне прочным. В 1991 г. русские составляли 9,4% населения Литвы, к 2010 г. их доля сократилась до 4,8%. Однако в двух других прибалтийских республиках, Латвии и Эстонии, демографическая ситуация была совершенно иной: на момент обретения независимости русских там было соответственно 34% и 30%, а коренные нации едва составляли большинство. За прошедшие двадцать лет доля русских сократилась до 19,7% в Латвии и 12,9% в Эстонии. Причинами этого стали меньшая продолжительность жизни русских, эмиграция и склонность тех, кто родился от смешанных браков, идентифицироваться с преобладающей этнической группой.

За два десятка лет число русских, получивших гражданство, возросло в Латвии до 60%, а в Эстонии — до 40%. Многие из них (36% в Латвии и 38% в Эстонии), однако, до сих пор остаются негражданами, хотя с 2004 г. пользуются новыми правами, связанными с членством стран Балтии в ЕС. По уровню жизни их можно сравнить с москвичами, т. е. он выше среднего показателя по России.

Необходимо отметить, что русские в Латвии и Эстонии не стали «пятой колонной» Москвы. В Латвии и Литве (но не в Эстонии, где 21% русских имеют российские паспорта) они не стремились в массовом порядке получить гражданство России. Многие русские в этих странах не испытывают особой привязанности к Российской Федерации или враждебности к коренным нациям. С точки зрения этнического самосознания их взгляды можно считать скорее нигилистическими. Уровень участия русских в политической жизни крайне низок в Эстонии, где они в основном представляют прослойку «синих воротничков», и довольно скромен в Латвии, где многие русские занимаются бизне-

сом, работают юристами или врачами. Можно сказать, что в целом русские, в подавляющем большинстве поддержавшие независимость стран Балтии в 1991 г., сохраняют лояльность к латвийскому и эстонскому государствам, хотя последние не сочли нужным автоматически предоставить всем им права гражданства. Партии русского меньшинства представлены в латвийском парламенте, тогда как в Литве и Эстонии они в настоящее время утратили депутатские кресла.

Первоначально правящие круги в Таллине и Риге по сути намеревались позволить всем русским покинуть страну, а тех, кто не пожелал вернуться на «историческую родину», постепенно ассимилировать. Гражданство им предоставлялось в индивидуальном порядке, после сдачи экзаменов — прежде всего на знание государственного языка и конституции. Чтобы облегчить ассимиляцию следующих поколений, латвийские и эстонские власти поэтапно отменили преподавание на русском языке в вузах и постепенно сократили количество русских школ.

Тем не менее в Латвии и Эстонии сформировалось «двухслойное» общество с очень низким уровнем смешанных браков (в Эстонии — 11%), и в будущем такая ситуация, вероятно, сохранится. Живущие в Прибалтике русские, несомненно, — и все больше — отличаются от своих собратьев в Российской Федерации, но не приобрели сходства и с номинальными соотечественниками — латышами и эстонцами. Наиболее успешные бизнесмены, специалисты и молодежь считают себя не русскими и не латышами/литовцами/эстонцами, а во все большей степени европейцами. Они готовы изучать местные языки, но при этом не забывают овладеть английским.

Москва давно уже требует от Брюсселя оказать более сильное давление на Ригу и Таллин, чтобы те прекратили дискриминацию русских меньшинств, особенно в том, что связано с гражданскими правами, образованием, процедурой натурализации и пользованием родным языком. Особых результатов, это, однако, не приносит, особенно теперь, когда Латвия и Эстония стали уже не кандидатами, а членами Евросоюза. ОБСЕ также закрыла свои миссии в странах Балтии, заявив, что проблема меньшинств там в основном решена. Разочарованная Москва обвинила Запад в лицемерии и двойных стандартах, но этим дело в основном и ограничилось.

Госдума приняла ряд постановлений, осуждающих отношение к русским в Латвии и Эстонии, МИД выступал с жесткими заявлениями, периодически в российских СМИ проводились шумные кампании, раздавались призывы к бойкоту тех немногих товаров из прибал-

тийских республик (например, шпрот), что еще продаются в России. Эстония после переноса памятника советским воинам в Таллине и останков похороненных рядом с ним солдат подверглась более серьезным экономическим санкциями и кибератакам со стороны оставшихся неизвестными хакеров. Но попыток подорвать политический строй двух стран восточный сосед не предпринимал.

Важную роль играет тот факт, что большинство прибалтийских русских отличает политическая пассивность, и их нелегко сделать проводниками интересов Российской Федерации. Наиболее благополучные из них предпочитают индивидуализм ирредентизму. Но, как бы то ни было, Москва не стала разыгрывать «карту меньшинств» для дестабилизации небольших прибалтийских государств в критически важный период до их вступления в НАТО и ЕС, да и позднее не проявила подобных намерений. Вместо того чтобы пытаться изменить неприятные реалии, Кремль решил адаптироваться к ним.

РОССИЙСКИЕ ПАСПОРТА ДЛЯ «ИНОСТРАНЦЕВ»

Официальным объяснением ввода российских войск в Южную Осетию в августе 2008 г., обернувшегося войной с Грузией, стал обстрел грузинскими войсками Цхинвали, квалифицированный как «акт геноцида» против осетинского населения. Из 45 тыс. жителей непризнанной республики 40 тыс. имели российские паспорта. Когда несколькими неделями позже президент Медведев обнародовал новую внешнеполитическую доктрину, в рамках которой защита российских граждан за рубежом провозглашалась одним из главных принципов курса Москвы, это вызвало у многих озабоченность.

Москва, как утверждалось, по гуманитарным причинам, но на деле и не без геополитических соображений начала раздавать российские паспорта людям, живущим в непризнанных государствах. Результат можно было предсказать заранее. Из примерно 200 тыс. жителей Абхазии 150 тыс. стали гражданами России; российские паспорта получили и 100 тыс. человек из 600-тысячного населения Приднестровья. Теперь любой серьезный конфликт в этих регионах затронет большое количество российских граждан и потому потребует вмешательства Москвы, вероятнее всего, вооруженного.

Впрочем, эта политика распространяется не только на «горячие точки». На Украине, где запрещено двойное гражданство, российские консульства также выдали немало паспортов. По оценкам,

в Крыму (население которого чуть меньше 2 млн) их получили до 60 тыс. человек. Необходимо учесть также около 19 тыс. жителей Крыма, работающих в инфраструктуре российского Черноморского флота, который останется в Севастополе до 2042 г. Естественно, Москва не навязывает паспорта иностранцам против их воли. Многие из них стремятся получить российское гражданство по прагматическим соображениям [50].

Россия — не единственная страна, выдающая паспорта людям за пределами своих границ. В 2009 г., например, Румыния активизировала собственную кампанию «паспортизации» в Молдавии. Будапешт с 1990-х годов также проявляет «гостеприимство» по отношению к венграм за границей. Некоторые наблюдатели в этой связи отмечают: если бы посольство США в Москве получило указание начать выдачу американских паспортов россиянам, желающих воспользоваться такой возможностью было бы больше чем достаточно.

РУССКИЕ ДИАСПОРЫ В «ДАЛЬНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ»

Волна эмиграции из России после 1991 г. была по сути обусловлена стремлением людей воспользоваться новыми возможностями. В результате возникла новая диаспора, для которой в отличие от представителей предыдущих волн (в 1920-х, 1940-х и 1970-х годах) характерны космополитизм, политическая пассивность и готовность ассимилироваться.

В постсоветский период Россия почти полностью лишилась этнической группы, оказавшей огромное влияние на ее культуру и общество, — евреев. В начале XX в. в Российской империи их насчитывалось 5,2 млн, в СССР накануне распада — 1,4 млн, а в 2002 г. осталось только 228 тыс. В результате, однако, в Израиле появилось многочисленное русскоязычное сообщество, составляющее до 20% населения еврейского государства и активно проявляющее себя в его медийной индустрии, культуре, искусстве, бизнесе и политике. В 1996 г. бывший советский диссидент Натан Щаранский стал первым русскоязычным министром в правительстве Израиля; в 2009 г. израильский МИД возглавил уроженец Молдавии Авигдор Либерман. Новая ситуация привела к интенсификации контактов между гражданами России и Израиля, установивших в 2009 г. безвизовый режим друг для друга. Этот фактор влияет также на политику Москвы на Ближнем Востоке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если содержание предыдущих глав показалось недостаточно убедительным, та, что вы только что прочли, должна развеять все сомнения: времена империи миновали, Россия вошла в постимперский мир. Демографический кризис, несмотря на всю глубину и серьезность, возможно, не обернется той катастрофой, какую предсказывают некоторые наблюдатели. Российская Федерация вполне способна сохраниться, даже невзирая на то, что население этого крупнейшего в мире «объекта недвижимости» сокращается. В то же время внешняя экспансия ей уже не по силам. Кроме того, меняется — и будет меняться дальше — состав населения России. Среди ее жителей, особенно в крупных городах, доля славян будет уменьшаться, а доля тюрков и азиатов — расти.

Конечно, демографический кризис в России необходимо рассматривать в общемировом контексте: население стран Севера — от Западной Европы до Японии — сокращается, уступая свои традиционные позиции Югу. В 1950 г. 10 из 20 лидирующих по численности населения стран представляли Север; к 2050-му их в «двадцатке» останется только три — США, Россия и Япония. Совокупная доля Севера в населении планеты, составлявшая 34% в 1950 г. и 14% в 2007-м, может к середине века снизиться до менее 10% [51]. Помимо всего остального уже одни демографические факторы могут стать стимулом для усиления интеграции в рамках ЕС и остальной Европы включая Россию и Украину. Впрочем, в самом Евросоюзе эта идея на сегодняшний день не получила распространения.

Несмотря на то что ее население заметно уменьшится, Россия и в 2030, и в 2050 гг. будет занимать по его численности первое место в Европе, сильно превосходя Германию, не говоря уже о Франции, Британии и Италии. Однако с учетом размера территории Россия находится в числе самых редконаселенных стран мира. Это создает для нее серьезную проблему и потенциально чревато геополитическими последствиями гигантского масштаба. От Канады или, например, Австралии, положение России отличается тем, что она окружена многочисленными соседями.

Демографическое давление на Россию начнется в основном с юга: речь идет о Северном Кавказе (в рамках ее собственных границ), Средней Азии и Азербайджане, а также странах Восточной Азии, особенно Китае. В какой-то степени миграция с юга может рассматриваться как позитивное явление: российская экономика остро нуждается в трудовых ресурсах. Однако российское государство и общество

отличаются консерватизмом и сопротивляются этому процессу. Рождаемость в стране не повышается, а вот ксенофобские настроения растут. Для разработки и осуществления разумной политики интеграции иммигрантов в общество российскому руководству понадобятся решимость и государственное мастерство.

Через двадцать лет после крушения СССР репатриация русских из стран СНГ фактически завершилась. Бóльшая часть многомиллионного русского населения новых независимых государств чувствует себя там как дома и уезжать не собирается. Те же, кто прибывает и будет прибывать в Россию, славянами не являются. Однако интеграции может способствовать тот факт, что две трети трудовых мигрантов приезжают в Россию из государств бывшего СССР. Разумная интеграционная политика может серьезно помочь этому процессу, если же она будет продумана плохо или отсутствовать вовсе, последствия могут быть катастрофическими.

В самой России межэтнический баланс будет меняться. В некоторых регионах это может иметь серьезные внутриполитические последствия. Северный Кавказ лишится оставшегося русского населения. Хотя сам по себе этот медленный исход не приведет к превращению региона в цепочку независимых мини-государств, он усилит восприятие Северного Кавказа как «внутреннего зарубежья». Если в имперские времена на земли дагестанцев, чеченцев и других народов прибывали русские поселенцы, то сейчас они сами двинулись «завоевывать» Москву, Петербург, Ставрополь, Ростов и другие города российского «ядра». В постимперский период прошлое возвращается к нам бумерангом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 По данным Общества «Мемориал». См.: http://www.memo.ru.

2 См.: Россия в цифрах-2010 // http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_11/IssWWW.exe/Stg/d1/05-01.htm.

3 Global Trends 2025: A Transformed World / National Intelligence Council // http://www.dni.gov/nic/PDF_2025/2025_Global_Trends_Final_Report.pdf.

4 World Population Prospects: The 2008 Revision / Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat // http://esa.un.org/unpp.

5 Russia, National Human Development Report: Russian Federation, 2008 // UN Development Programme. – Moscow: UNDP, 2009 (http://hdr.undp.org/en/reports/nationalreports/europethecis/russia/NHDR_Russia_2008_Eng.pdf).

6 World Population Prospects.
7 Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин.
8 Russia, National Human Development Report: Russian Federation, 2008.
9 Ibid.
10 *Сергеев М.* Гуса Хиддинка отделят от таджиков // Независимая газ. — 2009. — 19 марта (http://www.ng.ru/economics/2009-03-19/4_gastarbaitery.html).
11 *Зайончковская Ж., Мкртчян Н., Тюрюканова Е.* Россия перед вызовами иммиграции // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж. А. Зайончковской и Г. С. Витковской / Центр миграц. исследований; Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН. — М.: ИТ «АдамантЪ». — 2009. — С. 17 (http://migrocenter.ru/publ/pdf/transform.pdf).
12 *Рыбаковский Л. Л.* Миграционная ситуация в России на стыке XX—XXI веков // http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/kavkaz/m_kavkaz049.php.
13 *Максакова Л.* Узбекистан в системе международных миграций // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. — С. 328.
14 *Прибыткова И.* Миграции и время: украинский вариант развития // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. — С. 78.
15 *Шахотко Л.* Белорусское миграционное притяжение // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. — С. 159.
16 *Рыбаковский Л. Л.* Указ. соч.
17 *Зайончковская Ж., Мкртчян Н., Тюрюканова Е.* Указ. соч. — С. 24.
18 *Корня А., Никольский А., Малков Д.* Переселять некого и не на что // Ведомости. — 2009. — 26 марта.
19 *Ларин В.* Азиатско-Тихоокеанский регион в начале XXI века: вызовы, угрозы, шансы Тихоокеанской России. — Владивосток: ДВО РАН, 2010. — С. 20.
20 *Зайончковская Ж., Мкртчян Н., Тюрюканова Е.* Указ. соч. — С. 11.
21 Там же. — С. 56.
22 *Башкатова А.* Российские гастарбайтеры вырвались в лидеры // Независимая газ. — 2010. — 10 нояб. (http://www.ng.ru/economics/2010-11-10/4_gastarbaiter.html).
23 Эксперт. — 2005. — 31 окт.— 6 нояб.
24 *Шахотко Л.* Указ. соч. — С. 170—171.
25 *Мошняга В.* Миграции в Республике Молдова в трансформационном контексте // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. — С. 198.
26 Там же. — С. 200.
27 *Григорьев Л., Салихов М.* ГУАМ — пятнадцать лет спустя. — М.: Регнум, 2007 (http://common.regnum.ru/documents/guam.pdf).
28 *Юнусов А.* Трудовая эмиграция из Азербайджана: стратегии и риски интеграции в рынок труда // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. — С. 237.
29 Достаточно вспомнить Анастаса Микояна, ветерана Политбюро и председателя Президиума Верховного Совета СССР в середине 1960-х годов. Несколько советских маршалов и генералов, прославившихся в годы Великой Отечественной войны, также были армянами по национальности.

30 *Садовская Е.* Казахстан в центральноазиатской миграционной субсистеме // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. — С. 285.

31 *Геворкян А.* Три страны — три мифа: Социально-экономические и политические трансформации Казахстана, Грузии, Украины. — М.: Регнум, 2008. — С. 63.

32 Лучшие не нужны // Ведомости. — 2010. — 12 нояб.

33 *Зайончковская Ж., Мкртчян Н., Тюрюканова Е.* Указ. соч. — С. 33.

34 Лучшие не нужны // Ведомости. — 2010. — 12 нояб.

35 Общественное мнение-2009 / Левада-Центр. — М., 2009. — С. 144, табл. 17.8.

36 См., например: *Орлов Н.* Великая китайская экспансия // Россия. — 2004. — 11 марта; *Сас И.* Азиатская пневмония — у российских границ // Независимая газ. — 2003. — 18 марта; АиФ-Москва. — 2002. — 6 нояб.; *Тимашова Н., Викторова А., Сусаров А., Поздняев М.* Россия китайская // Новые известия. — 2003. — 5 сент.; *Данилкин А.* Кто ни попадя // Труд. — 2004. — 28 мая.

37 Цит. по: *Гельбрас В.* Китайцы в России: сколько их? // Демоскоп Weekly. — 2001. — № 45—46. — 3—16 дек. (http://www.demoscope.ru/weekly/045/rossia01.php#a01).

38 *Кульпин-Губайдуллин Э.* Россия и Китая: проблемы безопасности и сотрудничества в контексте глобальной борьбы за ресурсы // Полис. — 2008. — № 6. — С. 150.

39 *Зайончковская Ж., Мкртчян Н., Тюрюканова Е.* Указ. соч. — С. 12.

40 *Гельбрас В.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. — М.: Муравей, 2004; *Он же.* Перспективы китайской миграции в Россию // «Статус-кво» Диалог. — 2005. — 29 апр. (http://www.statusquo.ru/689/article_777.html).

41 *Разуваев В.* Китайская экспансия в Россию: возможности и риски // Рос. газ. — 2006. — 6 окт. (http://www.rg.ru/2006/10/06/kitay.html).

42 *Рыбаковский Л. Л.* Указ. соч.

43 *Дзадзиев А.* Миграционные процессы в республиках Северного Кавказа // Кавказ. эксперт. — 2006. — № 4 (http://rcnc.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=75&Itemid=1).

44 Там же.

45 Там же.

46 В Карачаево-Черкесии русские по-прежнему составляют 34% населения (раньше было 42%), в Кабардино-Балкарии — 25% (было 32%), а в Адыгее — 65% (было 68%).

47 *Тишков В.* Русское население республик Северного Кавказа // http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/puti_mira_/russkoe_na.html.

48 *Медведев Р.* Казахстанский прорыв. — М.: Ин-т эконом. стратегий, 2007. — С. 98.

49 *Дубнов А.* Сделка «газ — люди» прошла проверку временем // Время новостей. — 2008. — 25 июня (http://www.vremya.ru/2008/133/5/209059.html).

50 *Ивженко Т.* Охотники за паспортами // Независимая газ. — 2009. — 19 марта (http://www.ng.ru/cis/2009-03—19/1_hunters.html).

51 *Вишневский А.* Конец североцентризма // Россия в глобальной политике. — 2009. — № 5. — Сент.—окт. (http://www.globalaffairs.ru/print/number/n_14035).

5

КУЛЬТУРА, ИДЕОЛОГИЯ, РЕЛИГИЯ

В этой главе я попытаюсь ответить на следующие вопросы: окончательно ли ушла в прошлое имперская идея или она снова возвращается? Можно ли считать «великодержавность» новым синонимом «империи»? Какие ценности — если таковые есть — лежат в основе российской политики? Обладает ли Россия «мягким влиянием»? Дает ли «историческая политика» представление о будущем? Почему история Второй мировой войны имеет такое значение? Какова роль религии в консолидации «русского мира»? Какой язык может стать средством общения между россиянами и грузинами?

ИДЕИ И ИДЕОЛОГИЯ

Долгое время российская внешняя политика несла на себе налет мессианства. Со второй половины XV в. московские великие князья, а затем цари видели себя наследниками великой православной империи — Византии. Поскольку Константинополь в 1453 г. был захвачен османами, «Третьим Римом» стали называть Москву. Более четырехсот лет, вплоть до Первой мировой войны, основополагающей идеей во внешней политике российского государства было воссоединение земель, некогда составлявших Киевскую Русь, и покровительство над восточным христианством под знаменем панславизма. В первой половине XIX в. Петербург также взял на себя роль защиты европейских монархий от революции. Помимо этого Россия осуществляла «цивилизаторскую миссию» в таких регионах, как Туркестан.

Советская империя стала порождением идеи мировой революции. Однако уже через три года стала очевидна ее иллюзорность, и в середине 1920-х годов появилась концепция осажденной крепости — «красной коммуны в капиталистическом окружении». Когда Советский Союз вышел победителем из Второй мировой войны и создал собственную сферу влияния, «крепость» превратилась в «социалисти-

ческий лагерь», имеющий дело с еще более сильным противником. В 1960-х годах «лагерь» переименовали в «социалистическое содружество», и оно начало соперничать с «мировым империализмом во главе с США» уже в масштабе всей планеты. Это соревнование стало лейтмотивом политики Москвы, как внешней, так и внутренней. Оно привело к перенапряжению сил, многочисленным диспропорциям и в конечном счете предопределило крушение СССР.

Идеи панславизма и преемственности по отношению к Киевской Руси, отброшенные как неактуальные после большевистской революции, вновь всплыли на поверхность в конце Второй мировой войны. Именно тогда была возвращена последняя часть киевского наследия — Галиция и Волынь, прежде находившиеся под властью других государств. Православные страны Юго-Восточной Европы — Болгария и Румыния вошли в состав советского блока. Присоединились к нему и католические славянские страны — Польша и Чехословакия, а также многоконфессиональная Югославия. За исключением контроля над Босфором и Дарданеллами (Турция при поддержке президента США Гарри Трумэна не уступила давлению Сталина) давняя мечта русских царей воплотилась в реальность.

Однако гегемония Советского Союза над его восточноевропейской империей в основном осуществлялась за счет «жесткого влияния»: размещения в странах-сателлитах советских войск и их членства в Организации Варшавского договора, идеологического и политического контроля над правящими компартиями и спецслужбами, экономической зависимости союзников от советских энергоносителей и другого сырья, а также рынка сбыта. Когда советское руководство считало, что его геополитические и идеологические интересы оказались под угрозой, как это случилось в результате «Пражской весны» 1968 г., оно прибегало к силе, хотя подобное проявление «жесткого влияния» окончательно и бесповоротно разрушало любой потенциал «мягкого влияния» Москвы в соответствующих странах. Последнему, однако, не придавали первостепенного значения. В рамках советской империи культурная близость как таковая не играла большой роли, а религия была оттеснена на задний план. За пределами Восточной Европы советская империя держалась официально на идеологическом, но на деле тоже жестком геополитическом и военно-стратегическом фундаменте.

Поворотным моментом стало вторжение в Афганистан. Эта непопулярная война, которую было одинаково трудно представить как продиктованную «интернациональным долгом» братскую помощь

соседней стране, строящей справедливое общество, или как защиту передовых рубежей СССР от интриг американского империализма, обрушила и без того неустойчивую идеологическую опору внешней политики Москвы. Имперский порыв выдохся. И довольно скоро сама империя и ее идеология упокоились в общей могиле.

ПРОВАЛ ИНТЕГРАЦИИ

Крушение СССР положило начало новому историческому циклу. Конституция 1993 г. поставила под запрет любую государственную идеологию, но в первые постсоветские годы руководство России было привержено принципам либерально-демократического интернационализма. Борис Ельцин и Андрей Козырев выдвинули тезис о присоединении России к цивилизованному миру, т. е. интеграции с Западом. Империя была бы этому только помехой, и о ее крушении особенно не жалели. Российская Федерация свела к минимуму контакты с международным изгоем — Северной Кореей, а также с режимом Фиделя Кастро на Кубе. Она пыталась играть роль демократического лидера по отношению к авторитарным государствам Центральной Азии, взяв, таким образом, на себя *цивилизаторскую миссию* в новом варианте.

Но этот новообретенный энтузиазм продлился недолго. Россия не интегрировалась в состав Запада и уж тем более не получила одну из ведущих ролей в международном сообществе, на которую претендовали ее лидеры. Тем временем все другие постсоветские государства усердно создавали собственную «установочную» мифологию, основанную на идее национального возрождения. Жизнь была трудна, но их народы — и особенно элиты — могли утешаться обретенной независимостью.

Конечно, эйфория от суверенитета не могла продолжаться до бесконечности. Украинские националисты, например, Вячеслав Чорновил, считали: теперь, когда власть оказалась в руках «сознательных» украинцев, а российский вектор отвергнут, страна скоро изменится до неузнаваемости. Однако сохранить поддержку в массах им не удалось. К моменту гибели Чорновила в автокатастрофе (это случилось в 1999 г.) основанное им десятью годами раньше движение Народный Рух уже не играло существенной роли в политической жизни Украины.

В России события развивались по-иному. Идея ее независимости от СССР, приносившая пользу в ходе острой борьбы за власть между

Горбачевым и Ельциным, была отброшена как явно абсурдная, когда эта борьба завершилась, и победитель взял в свои руки все бразды правления. Россия родилась не в июне 1990 г., когда Верховный Совет РСФСР принял декларацию о государственном суверенитете, не в августе 1991 г., когда поражение путчистов нанесло последний удар коммунистическому режиму, правившему страной с 1917 г., и царский триколор вновь стал ее государственным флагом, и даже не в декабре 1991 г., когда этот флаг был поднят над Кремлем вместо советского красного знамени.

Постсоветская Россия строилась не на мифе, а на стопроцентно рациональной идее демократии. Однако 1990-е годы стали для этой идеи трудным временем. Большинство россиян не жаждало демократии с ее равновесием между правами и обязанностями, принципами ответственности власти перед обществом и участия граждан в управлении государством, а также свободой, неотделимой от самодисциплины. Людям хотелось другого: избавиться от репрессивного и коррумпированного советского режима и как можно скорее оказаться в мире свободы и материального изобилия. Вместо этого, однако, они получили демократический строй, но одновременно и социальное неравенство, а некоторые — полную нищету. Сильнейшие, выживавшие и добивавшиеся успеха, не всегда были лучшими. Неудивительно, что в глазах многих простых россиян демократия быстро утратила привлекательность.

Власть почувствовала эту смену настроения, Ельцин распорядился разработать для новой России «национальную идею». Козырев перестал упоминать о солидарности демократических стран и заговорил о национальных интересах. Но из этих попыток ничего не вышло. Этап становления капитализма в постсоветской России по сути прошел под знаком деидеологизации. В этой обстановке реальными ценностями считались только те, что имели денежное выражение.

Через некоторое время, когда элита с необычайной быстротой баснословно обогатилась, ее представители начали стремиться к международному статусу, соответствующему их политическому и экономическому господству внутри страны. Этим людям реальный и предполагаемый ущерб от демонтажа империи казался более ощутимым. Если Российская Федерация не обрела государственность впервые в истории, как Казахстан, и не вернула себе утраченный суверенитет подобно Эстонии, а просто продолжила прежнее существование, пусть и в несколько изменившихся размерах и форме, то какова ее главная идея? Зачем было разрушать Советский Союз?

Вместо того чтобы пытаться построить совершенно новое государство на непрочном фундаменте ельцинской демократии, российская элита выбрала для него, как ей казалось, более надежную основу — традиционную великодержавность. В 1996 г., заняв пост министра иностранных дел, Евгений Примаков сделал знаменитое заявление: «Россия была, есть и будет великой державой!»[1]. Этот лозунг объединил российскую элиту — под ним «подписались» буквально все. Однако что означает понятие «великая держава» в новую эпоху, было далеко не так ясно.

Официальная концепция на этот счет претерпела любопытную эволюцию, не завершенную и в начале второго десятилетия XXI в. Ельцин и Козырев, Гайдар и Чубайс, Примаков и Черномырдин, Путин и Медведев не просто имели разные — и временами путаные — представления о «великодержавности», эти представления менялись на протяжении их пребывания во власти. Выделить «сухой остаток» таких концепций — дело непростое. Однако это необходимо для понимания первоисточника международных амбиций и ориентации России после утраты империи. И ключевое значение здесь имеет смысл, который ее руководство вкладывает в понятие «великая держава».

Очевидная характеристика великой державы — ее стратегическая самостоятельность. В течение недолгого либерально-интернационалистского периода, примерно совпавшего с первым президентским сроком Ельцина и пребыванием Козырева на посту главы МИДа[2], Россия считала себя частью западного мира. Конечно, Москва воспринимала Россию как великую державу, но готова была относиться к «общим интересам Запада», как к своим собственным, да и не слишком четко представляла, в чем теперь состоят национальные интересы страны.

На деле в те годы Россия сохраняла свободу действий и, вопреки позднейшим утверждениям, отнюдь не «стояла на коленях»[3], но сильно зависела от Запада и искала у него руководящих указаний. Весьма красноречив, например, такой факт: после беседы с Козыревым в 1993 г. у бывшего президента США Ричарда Никсона сложилось впечатление, что постсоветская Россия готова считать общие интересы США и Запада своими. Никсон, геополитик до мозга костей, был просто ошеломлен[4].

Положение России в 1990-х годах уместно сопоставить с ситуацией, в которой оказались после Второй мировой войны Британия и Франция. В отличие от Лондона Москве не удалось установить особые отношения с Соединенными Штатами. В 1992 г., находясь

с визитом в Вашингтоне, Ельцин предложил создать российско-американский альянс, но президент Джордж Буш-старший заявил, что теперь, когда конфронтация времен «холодной войны» ушла в прошлое, в этом нет необходимости.

Западный альянс — НАТО, однако, не был распущен, и если бывшим сателлитам Москвы предлагали к нему присоединиться, то сама Россия такого приглашения не получила. У нее это вызвало сильную обиду. Для Москвы расширение НАТО стало символом стремления Запада воспользоваться слабостью России и актом вероломства[5].

В отличие от Франции у России не было «европейской альтернативы», где ее лидирующая роль в процессе интеграции могла бы компенсировать психологическую травму от утраты империи. Публичные заявления премьера Черномырдина о стремлении России вступить в Евросоюз[6] говорили лишь о том, что в Москве очень мало знают о ЕС. Конечно, российские власти говорили о реинтеграции на постсоветском пространстве, но «интеграционные» проекты 1990-х и зачастую 2000-х годов во многом представляли собой фарс. Даже сама Москва не воспринимала всерьез собственные заявления о приоритетности отношений с республиками бывшего СССР.

Наконец, в отличие от Западной Германии Россия наотрез отказывалась признать себя побежденной в «холодной войне». Кроме того, на ее территории не стояли иностранные оккупационные войска, защищавшие страну от внешней угрозы, а в ее народном хозяйстве не произошло «экономического чуда». Напротив, ВВП России сократился примерно вдвое и достиг уровня 1990 г. лишь в 2007 г., после чего произошел новый спад. Если здесь и можно найти какую-то аналогию, то Россия скорее напоминает Веймарскую республику: она тоже потеряла часть территории и международного статуса, но по-прежнему оставалась большой и потенциально могущественной страной, недовольной и потерявшей ориентиры, воспринимаемой с подозрением, если не с осуждением, за ее действия в советскую эпоху.

Разочарование Запада в России (самым ярким проявлением которого стал тот факт, что после дефолта в 1998 г. он бросил ее на произвол судьбы в трудном положении) сопровождалось не меньшим, если не бóльшим, разочарованием России в Западе из-за того, что тот отказался принять в свои ряды бывшего грозного противника, ставшего ныне таким сговорчивым. Однако вскоре произошло почти чудо: после терактов 11 сентября 2001 г., когда Путин попытался создать стратегический альянс с Западом в мировом масштабе, у сторон появился новый шанс. Вот только продолжалось это не больше года. Шанс был

упущен, когда администрация Джорджа Буша-младшего оттолкнула Россию и Вашингтон сосредоточил внимание на Ираке и Большом Ближнем Востоке.

РОССИЯ ВЫБИРАЕТ ОДИНОЧЕСТВО

Таким образом, возможности интеграции *в состав* Запада (по «французскому образцу», как это называли некоторые в России[7]) в 1990-х годах и интеграции *с* Западом (в форме «альянса с Альянсом»[8]) в начале 2000-х были упущены. Отвергнутая, словно возлюбленный, не пользующийся взаимностью, Россия в середине 2000-х решила восстановить свой великодержавный статус[9].

Великая держава не подчиняется никому по определению. Россия, заявил Путин, больше не будет «под каблуком» у Америки. Она, согласно официальной концепции путинской эпохи, «поднялась с колен». Страна сохранила ядерное оружие и имеет в своем распоряжении новый мощный инструмент, который к тому же можно в любой момент пустить в ход, — энергоносители. В условиях резкого роста нефтяных цен некоторые даже стали называть этот инструмент «оружием»[10].

С тех пор получивший новый импульс великодержавный менталитет блокировал — или по крайней мере резко ограничивал — дальнейшие интеграционные усилия: великие державы ни с кем не интегрируются, они только интегрируют других. Для России, однако, как это ни парадоксально, невозможно было *ни то, ни другое*. С 2003 г. возобновившиеся попытки Москвы инициировать процесс экономической интеграции с другими странами СНГ — например, проект «единого экономического пространства»[11] — отличались непоследовательностью. Препятствием служила как слабость самой России, так и стремление партнеров из СНГ к большей самостоятельности. Что же касается периодических заявлений представителей российской элиты в неоимперском духе, то это лишь «дешевые слова».

Владимир Жириновский (его многие считают подстрекателем, но на деле это талантливый «оператор предохранительного клапана») полностью окарикатурил неоимперство. Он не разжигает ирредентизм, а сводит его к «словам и страсти» и тем самым нейтрализует. Слова заменяют действие. Эмоции ставятся на конвейер. Недовольные получают возможность выпустить пар, а в остальном все остается, как прежде.

В верхах для поддержки ирредентизма не было ни денег, ни сильного желания; в низах приобрел популярность лозунг «Россия для русских», но при всей своей антииммигрантской направленности он носит отнюдь не наступательный характер. Таким образом, россияне воспринимали великодержавие как независимость *от других*, а не зависимость других от России.

Другой атрибут великодержавия, идущий в нашем списке вторым после независимости на международной арене, на деле, возможно, заслуживает первого места: суверенитет во внутренних делах. Если в великой державе существует демократический строй, носителем этого суверенитета является народ. А правящий режим авторитарной великой державы невосприимчив к внешнему давлению. Постсоветская Россия с ее мягким «авторитаризмом с согласия подданных» относится ко второй категории: для нее суверенитет во внутренних делах означает полную независимость правящей элиты. Она на деле стоит выше закона и моральных норм. Опыт 1990-х годов, когда бюджет страны зависел от траншей МВФ, московские аудитории слушали иностранных лекторов, а иностранные советники были вхожи в самые высокие кабинеты, правящая элита 2000-х вспоминает без всякого удовольствия.

Целью Путина было сделать правящий режим независимым как от внешнего давления, так и от иностранной помощи, а также поставить его на прочный фундамент согласия народа, построенный за счет эффективных манипуляционных политических шагов. Мощный поток нефтегазовых доходов в середине 2000-х годов дал ему возможность в основном выполнить эту задачу. Иностранцев попросили не лезть не в свое дело, а российских критиков режима представили «пятой колонной», по выражению самого Путина, «шакалящей у иностранных посольств»[12]. Именно это сочетание внешней и внутренней независимости стало сутью известной формулы «суверенная демократия». Но поскольку демократия предусматривает участие народа в политическом процессе, а оно в сегодняшней России невелико, реальному положению вещей скорее соответствует определение «суверенная бюрократия».

Однако у понятия «великая держава» есть еще один аспект, не ограниченный пределами ее собственных границ. По мнению российских традиционалистов, ее, как короля, играет свита стран-клиентов и просителей. В восприятии российского руководства, мыслящего категориями Realpolitik, мир состоит из нескольких подлинно суверенных великих держав — США, не имеющих себе рав-

ных, Китая, а теперь снова (после перерыва в 1990-х) России — и их «сфер влияния». Российские лидеры и их советники убеждены: в самой природе международных отношений заложена конкурентная борьба великих держав за эти сферы, позволяющая им расширять зоны влияния и утверждать свой авторитет. С этой точки зрения региональная гегемония — явление не только естественное, но и способствующее стабильности, а мировая гегемония, напротив, иллюзорна и опасна.

В этом соревновании постсоветская Россия действует по сути с ревизионистских позиций. Москва выступила против «однополярного мира» и «нового международного порядка», установленного США после окончания «холодной войны». Сама Россия считает свою политику чисто оборонительной. Помимо поддержки многополярности — своего рода «мировой олигархии», не допускающей ничьей гегемонии (об этом речь пойдет дальше), она пытается вернуть себе мягкое преобладание — но не «права владения» — на бывшем советском (имперском) пространстве.

Российские лидеры не претендовали на полный контроль над этим пространством, которым обладал Ленин к концу Гражданской войны или Сталин до, во время и после Второй мировой. Если сталинский министр иностранных дел Вячеслав Молотов ставил себе в заслугу усилия по восстановлению «справедливых» границ государства [13], то нынешний глава российского внешнеполитического ведомства Сергей Лавров говорит об «общем цивилизационном ареале», объединяющем Россию и ее ближайших соседей [14], чей формальный суверенитет Россия тем не менее официально не оспаривает (за важным исключением территориальной целостности Грузии).

В начале 2000-х годов в моду вошли идеи особой российской цивилизации — они прослеживаются еще в трудах консервативных философов XIX в. Николая Данилевского и Константина Леонтьева. К концу десятилетия Кремль выработал концепцию «русского мира», включающего всех, кто отождествляет себя с русским языком и культурой. В качестве политико-ментального конструкта эта концепция конкурирует с такими соперниками, как англоязычный или франкоязычный мир. Идею «русского мира» активно поддерживает патриарх Кирилл: он даже обрисовал его географические границы. По мнению главы Русской православной церкви, цивилизация с центром в России помимо таких православных стран, как Украина, Белоруссия и Молдавия, охватывает два государства, каждое из которых имеет свою древнюю и независимую церковь, — Армению и Грузию, а также

ряд мусульманских стран, где широко распространен русский язык, в том числе Казахстан и Киргизию.

С этой точки зрения именно США «браконьерствуют в чужих угодьях» и переходят все мыслимые границы, как выразился Путин в своей мюнхенской речи [15]. Что еще, открыто спрашивал Кремль на заключительном этапе деятельности администрации Буша-младшего, нужно Америке на Украине, в Грузии и Центральной Азии, кроме расширения сферы своего влияния и попыток связать по рукам и ногам, сдержать и потеснить Россию? Почему Шестой флот США стал частым гостем в Черном море? Для чего, скажите на милость, необходимо расширение НАТО, если Россия не представляет никакой угрозы для Запада? В качестве контрмеры — и чтобы просто позлить Вашингтон — Москва в последнее время сближается с Венесуэлой и другими «боливарианскими» государствами — Никарагуа, Боливией, Эквадором. Впрочем, основной смысл этих демаршей — дать понять США: оставьте нас в покое!

СТРЕМЛЕНИЕ К ГЛОБАЛЬНОЙ РОЛИ

Эта «уравновешивающая» тактика, как показывает только что приведенный пример, предусматривает выход за пределы «естественной» зоны активности России и чревата риском возобновления глобальной конкуренции с очень мощным соперником, которую Москва не сможет вести на равных. Россия, однако, не желает мириться с ролью «средней» державы, актора регионального масштаба. Она видит себя игроком мировой «высшей лиги».

Это крайне важный момент: чтобы считаться великой державой, надо быть в числе тех, кто правит миром. И Михаилу Горбачеву в последние годы пребывания у власти, и Борису Ельцину в начале его президентского срока новый миропорядок виделся как некая форма благожелательной российско-американской гегемонии. Этого не произошло. Позднее в Кремле пришли к выводу, что анархию, воцарившуюся после окончания биполярной эпохи, следует упорядочить за счет создания «мировой олигархии» — так называемого многополярного мира. Причем это не теоретическое умозаключение, а активная позиция. Многополярность — антитеза однополярности, или американской мировой гегемонии. Москва начала кампанию против нее в середине 1990-х годов — символическим рубежом стало назначение министром иностранных дел Евгения Примакова вместо Андрея

Козырева — и выступает против однополярного мира куда громче, чем ее «попутчики», в том числе Китай и Франция. Конечно, ее официальная риторика не отличается той резкостью, которая характерна для Махмуда Ахмадинежада или Уго Чавеса, но эти лидеры зачастую рассматриваются Россией как тактические союзники в борьбе с американской гегемонией — каковыми в прошлом были покойные Саддам Хусейн и Слободан Милошевич. Тем временем на мировой арене формируется реальная «большая двойка» новой эпохи — и она состоит из США и Китая.

Со времен Петра Великого Россия стремилась к статусу великой европейской державы и достигла этого в результате победы над Наполеоном. Затем она стала одним из ключевых участников Священного союза, призванного обеспечивать порядок в Европе. С точки зрения России желание быть в числе полудюжины самых могущественных держав, совместно управляющих миром, вполне естественно. Предпочтительная, если не идеальная для Москвы модель — это Совет Безопасности ООН, обладающий высшей властью в вопросах войны и мира, пять постоянных членов которого включая Россию пользуются важнейшим правом вето. Когда вместе с «холодной войной» закончился и сорокалетний период паралича ООН, Москва надеялась, что эта организация, получившая прилив энергии, станет ядром нового миропорядка. В Европе Россия предложила реформировать ОБСЕ, создав в ее составе Совет Безопасности ооновского образца. Эти ожидания, однако, оказались иллюзорными. В реальности России пришлось сосуществовать — и бороться — с однополярностью.

После окончания «холодной войны» Россия стремилась войти в эксклюзивный клуб промышленно развитых демократических стран, превратившийся, после того как в 1998 г. ей удалось осуществить это желание, из «большой семерки» в «восьмерку». Вступление в ее ряды стало с трудом завоеванным «знаком равенства» с Соединенными Штатами и другими ведущими западными державами. Однако это формальное равенство не привело к интеграции. Ценя членство в «восьмерке» как статусный символ, Россия не могла тем не менее полностью отождествить себя с Западом. Последний, в свою очередь, не рассматривал Россию как «одного из своих» и периодически грозил ей исключением из группы.

Большое, да и символическое значение имел тот факт, что Россию не пригласили вступить в «финансовое отделение» клуба: в этой сфере «большая семерка» сохранилась вплоть до экономического кризиса 2008 г. Кризис же породил группу, куда более соответствую-

щую экономическим и политическим реалиям начала XXI в., чем «семерка» или «восьмерка», — «большую двадцатку»! Россия, что характерно, поддержала новый клуб и демонстрирует там активность.

Таким образом, Россия стремится к членству в различных, частично дублирующих друг друга структурах: «домашних» постимперских клубах, где она по определению доминирует (в рамках СНГ), эксклюзивных западных/глобальных клубах («восьмерке» и «двадцатке»), эксклюзивных незападных глобальных клубах (например, в группе БРИК, объединяющей крупнейшие развивающиеся экономики — Бразилию, Россию, Индию и Китай), региональных клубах без участия Запада (вроде Шанхайской организации сотрудничества, где она де-факто занимает пост сопредседателя наряду с Китаем). Как страна, расположенная в Европе и Азии одновременно, Россия стремится зафиксировать свое присутствие в широких объединениях, например, в ОБСЕ, которая, как надеялись в Москве в 1990-е годы, может прийти на смену НАТО, или форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, к которому она присоединилась в 1999 г. Она гордится тем, что на ее территории проходят глобальные и региональные саммиты, встреча «большой восьмерки» в 2006 г., БРИК в 2009-м, — и готовится принять в 2012 г. саммит АТЭС.

Однако она с меньшим интересом относится к неэксклюзивным организациям, где никто из десятков участников не обладает правом вето, например, к ОБСЕ, Совету Европы, АТЭС, Всемирной торговой организации, Организации экономического сотрудничества и развития, да и к Генеральной Ассамблее ООН. Она старается вступить в такие организации (если еще не входит в их состав), гарантируя таким образом, что они не будут противодействовать ее интересам. Одновременно Москва стремится сохранить свободу маневра, оставаясь за пределами Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), и с настороженностью относится к созданию ее «газового аналога», где ей будет отведена важная роль, но придется подчиняться общим правилам.

Этот анализ взглядов и практических действий российского руководства высвечивает одно фундаментальное различие между империей и великой державой. Империи, при всем неизбежном насилии, сопровождающем их власть, в рамках своей особой миссии все же производят определенные «общественные товары». Что же касается великих держав, то они могут быть не менее жестокими угнетателями, но при этом по сути являются «эгоистами». Результатом масштабной дискуссии о национальных интересах России — которая в 1992 г. знаменовала собой начало перехода к постимперскому состоянию — в конечном сче-

те стала концепция «национального эгоизма». А это требовало корректировки официальной версии собственного прошлого.

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА»

Главные дебаты в России 2000-х годов велись вокруг истории[16]. Подобные дискуссии о прошлом на деле отражают настоящее и помогают определить путь в будущее. Так называемая историческая политика прежде всего касается исторического наследия империи. Нынешние российские элиты видят себя не столько наследниками СССР, сколько продолжателями Российской империи, пусть и с некоторыми явно советскими чертами. В 1990-х годах Ельцин безуспешно пытался убедить коммунистическое большинство в Госдуме сделать официальным гербом страны царского двуглавого орла. В 2000 г. Путин добился этого без труда — но в пакете со сталинским гимном (текст, правда, был переписан — место славословий в адрес Сталина и Ленина, а затем КПСС заняли слова о Боге и Отчизне).

С 1991 г. фигура Ленина оставляет большинство россиян равнодушными, а вся мифология большевистской революции была развенчана еще во времена перестройки. Мавзолей Ленина, словно заблудившись во времени, остается на Красной площади, но выглядит чуждым на фоне рок-концертов, парадов военных оркестров и сотен москвичей, катающихся на заливаемом зимой катке в двух шагах от его стен. Однако отношение людей — и нынешних властей — к Сталину куда более интересно и красноречиво. Оба они были большевиками до мозга костей, но Ленин разрушил империю, а Сталин стал ее строителем.

Общество в постсоветской России разделилось почти пополам в своем отношении к личности и роли Сталина. По данным опроса, проведенного в августе 2009 г., 12% респондентов считали, что он заслуживает осуждения как государственный преступник, и еще 26% выразили частичное согласие с этим тезисом. Но ровно столько же опрошенных высказались категорически против «обвинительного приговора» Вождю народов, а еще 32% более или менее солидаризировались с их точкой зрения[17].

Параллельный опрос относительно роли Сталина в российской истории показал: 49% населения считали его вклад позитивным, а 42% — негативным (в 2003 г. соответствующие показатели составляли 53% и 33%)[18]. Имя Сталина тесно связано с Великой Отечественной войной и победой над нацистской Германией: это единственный

элемент национальной мифологии, и сегодня разделяемый большинством россиян.

Более того, если бы, как подозревали некоторые, российский телеканал не подтасовал результаты голосования в ходе организованного им конкурса, Сталин, возможно, оказался бы самым популярным лидером России за всю ее историю. Массы считают, что Сталин навел бы в стране порядок — «он знал, как с этим злом [терроризмом] успешно бороться», по ироническому замечанию известного сатирика[19], — покончил бы с коррупцией, приструнил сильных мира сего. Многие простые люди воспринимают Сталина просто как строителя империи и лидера страны в годы войны с нацистами. Для них он также символизирует сильное государство, почти идеальный порядок и империю, вызывавшую в мире трепет.

Характерно, что фигура Ленина не занимала важного места в ходе дебатов новой элиты об истории — не говоря уже о Троцком, чье убийство привлекает больше внимания, чем вся его биография. Это свидетельствует о неприязненном отношении элиты и руководства страны к коммунизму и революции. Если же говорить о населении в целом, то 29% россиян полагают, что большевистская революция дала толчок социально-экономическому развитию страны, а 26% считают ее препятствием для этого развития или даже катастрофой (примерно столько же опрошенных, затруднившихся с выбором определенного суждения, назвали ее началом «новой эпохи»)[20]. В отличие от разрушителей-революционеров Сталин, его наркомы, ученые и генералы воспринимаются как строители государства и империи. Сталинские преступления не замалчиваются, но в глазах многих они не перечеркивают его достижений. Со временем последние начинают казаться все более выдающимися, а первые списываются на жестокость того времени.

Но кто же стал победителем телевизионного конкурса, проведенного в 2007 г., о котором я упоминал выше? Им оказался князь Александр Невский, живший в XIII в., причисленный Русской православной церковью к лику святых и вызывавший восхищение у Петра Великого, который распорядился перенести его останки в Петербург. Александр прославился (кстати, особенную известность он приобрел при Сталине, став героем бессмертного фильма Сергея Эйзенштейна) победами над шведами и немцами, вторгавшимися на земли северо-западной Руси.

В то же время — в фильме об этом не упоминается — Александр Невский заключил союз с монголами, только что завоевавшими бóльшую часть русских княжеств (они не дошли только до северо-

запада), и признал себя вассалом хана. Монголы, при всей своей жестокости на полях сражений, предпочитали править завоеванными землями косвенно, через князей вроде Александра, и не покушались на православную церковь — они даже оказывали ей покровительство. Западные католики вроде тех, чьи нападения отразил Александр Невский, напротив, считали православных схизматиками и с благословения папы пытались мечом обратить их в свою веру. И тогда, и позднее это считалось более серьезной угрозой.

Если в России внимание сосредоточивалось в основном на имперском величии, другие постсоветские государства усердно культивировали у себя комплекс жертвы. На Украине многие националисты утверждали, что в составе Российской империи и СССР их страна находилась на положении колонии или оккупированной территории. Реальность куда сложнее. Украину нельзя считать точным аналогом Шотландии по отношению к России-«Англии», но украинцы были полностью интегрированы в российскую, а затем советскую элиту — при условии, конечно, что они разделяли основные цели и задачи государства. А многие украинцы их разделяли и становились активными строителями империи — подобно шотландцам, кстати говоря. Были выходцы с Украины и среди лидеров СССР. Некоторые, напротив, отказывались признать это государство своим, сопротивлялись ему, и даже сражались против СССР во имя независимости Украины.

Прямой конфликт разразился в ноябре 2007 г., когда Киев предложил ООН принять резолюцию, объявляющую страшный голод 1932 г. — так называемый Голодомор [21] — актом геноцида против украинского народа. Необходимо подчеркнуть, что украинская сторона не обвиняла в этом преступлении сегодняшнюю Россию, а возлагала всю ответственность на тогдашнее советское руководство во главе со Сталиным. Более того, в число главных виновников Киев включил и коммунистическое руководство Украинской ССР.

Тем не менее официальные российские круги отреагировали на это крайне остро. Они увидели в кампании Киева стремление представить эти события как «геноцид украинцев, организованный большевистской Москвой»[22]. Москва отказалась поддержать проект резолюции на том основании, что голод затронул также ряд районов России и Казахстана, а потому не может считаться геноцидом украинцев. Кроме того, она обвинила президента Виктора Ющенко в нагнетании антироссийских настроений.

Эта реакция также весьма красноречива. Да, веских доказательств в поддержку гипотезы о геноциде не существует. В 1932 г. Сталин отча-

янно нуждался в средствах для индустриализации, а потому выжимал из крестьянства все соки. Одновременно он стремился «коллективизировать» деревню, чтобы ликвидировать независимость крестьян и укрепить коммунистический режим. Диктатор облекал свои задачи в термины классовой теории, но вряд ли он мыслил этническими категориями. Националистически настроенная украинская интеллигенция сосредоточивалась в городах, и с ней Сталин «разобрался» позднее и другими способами. Однако подобная реакция российской стороны говорит и о том, что Москва воспринимает себя как «хранителя» всего советского прошлого. Всякий, кто покушается на него, рискует вызвать гнев России. В ее ответных действиях не было места для общечеловеческих ценностей: они диктовались лишь геополитикой и национальными интересами.

Надев мантию наследника СССР, Российская Федерация вынуждена защищать коммунистический строй на международной арене — притом что внутри страны Кремль твердо держит компартию в узде. Россия, в частности, протестовала против резолюции Совета Европы, где коммунизм ставился на одну доску с нацизмом. В июле 2008 г., выступая перед российскими послами, президент Медведев утверждал, что цели приравнивания сталинизма к гитлеризму — сделать Россию морально, юридически и материально ответственный за преступления, совершенные в советскую эпоху. Если с этим согласиться, получится, что в 1945 г. немецкая оккупация Центральной и Восточной Европы сменилась советской[23].

РАЗНОГЛАСИЯ ВОКРУГ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Этот вопрос связан с важнейшим периодом в истории — Второй мировой войной. К середине 1990-х годов российские лидеры обнаружили одну вещь: у них и у их советских предшественников есть только один якорь легитимности — война против немецких захватчиков в 1940-х годах. После смерти Сталина и уходом со сцены вместе с Хрущевым энтузиазма «строительства коммунизма» Брежнев и его коллеги в плане легитимности могли опереться только на победу над нацистской Германией.

Широко праздновать День Победы в СССР начали только в 1965 г. Горбачев поначалу поддерживал этот праздник, но затем он отошел на второй план. Ельцин, отказавшийся от традиции проведения парадов на Красной площади, в 1995 г. использовал 50-ю годовщину Победы,

чтобы продемонстрировать: западные лидеры, которые приехали в Москву на торжества, солидарны с ним. Путин вернул боевую технику на Красную площадь и даже увеличил масштаб парадов. Для него они также были предостережением в адрес Соединенных Штатов: не следует игнорировать интересы России. В 2007 г. он даже сравнил политику США с действиями Третьего рейха. Парад 2010 г., проведенный уже при Медведеве, через 65 лет после окончания войны, когда в живых осталось очень мало ветеранов, стал крупнейшим за всю историю.

Этот праздник, несомненно, находит отклик у простых россиян. Память о неисчислимых жертвах и страданиях жива до сих пор, как и гордость за то, что страна (и к тому же почти в одиночку — добавят многие) разгромила самую мощную военную машину в мире. Если спросить россиян, каков самый большой вклад их родины в мировую историю, они скорее всего ответят: победа над нацизмом. Этот ответ встречается в два раза чаще, чем упоминание о распаде СССР, — он представляет собой единственную позитивную опору национального самосознания [24].

День Победы 9 мая с 1960-х годов стал подлинным национальным праздником в СССР, а затем и в России. Таковым он остается и сегодня, и по веским причинам. Советский Союз в последние десятилетия его истории и «единая историческая общность — советский народ» (в той мере, в какой она реально существовала) были порождением Великой Отечественной войны. Хотя большинство ныне живущих россиян родились уже после войны, результат советской, а теперь и российской государственной пропаганды налицо. Для большинства простых россиян Великая Отечественная война по-прежнему священна. Это единственное событие в их общей истории, которым гордятся все: их страна, Советский Союз, победила нацизм — воплощение зла в XX столетии.

Победа, таким образом, свята: всякий, кто хочет пересмотреть историю Второй мировой войны, — враг России или по крайней мере недоброжелатель. Однако ревизия официальной советской версии истории давно уже стала отправной точкой для новых независимых государств, стремящихся вновь открыть собственное прошлое. Страны Балтии, Польша и Молдавия ставят в вину СССР советско-германский пакт 1939 г., согласно которому прибалтийские государства и Бессарабия были включены в сферу влияния Москвы, а Польша была разделена: Западная Украина и Западная Белоруссия вошли в состав Советского Союза. С точки зрения российского руководства пакт Риббентропа-Молотова достоин всяческого нравствен-

ного осуждения, но по сути представляет собой эквивалент Мюнхенского соглашения 1938 г., по которому Британия и Франция при содействии Италии сдали Чехословакию Гитлеру. Считается также, что довоенное польское руководство сотрудничало с Гитлером и даже в марте 1939 г. вместе с ним поделило Чехословакию, урвав свой кусок — Тешинскую область. Таким образом, жертвы в этой истории выступают еще и злодеями.

Убийство 22 тыс. польских офицеров и гражданских лиц в Катыни в 1940 г. было осуждено Горбачевым, потом Ельциным, а затем и Путиным. В ноябре 2010 г., накануне визита Медведева в Варшаву, Кремль надавил на Госдуму, чтобы та официальным постановлением возложила ответственность за это массовое убийство на Сталина и НКВД. Шестью месяцами ранее в трогательной церемонии, посвященной семидесятилетию Катыни, участвовали Путин и его польский коллега — премьер Дональд Туск[25].

Российские публицисты давно уже приравнивают катынский расстрел к печальной участи советских военнопленных: в 1920—1921 гг. 32 тыс. красноармейцев умерли в польских лагерях. Путин даже высказал предположение, что убийство в Катыни в 1940 г. было местью Сталина за то, что произошло двадцатью годами ранее[26]. Для большинства россиян польские офицеры, как и миллионы других, — жертвы сталинских политических репрессий. Поляки и прибалты, большинство которых родились подданными Российской империи, разделили судьбу тысяч и тысяч советских граждан. Эти «преступления, совершенные Сталиным и его палачами», как выразился Медведев, чудовищны, но актом геноцида их назвать нельзя. Так или иначе, когда Путин преклонил колено у мемориала погибшим полякам, это стало важным символом грядущего примирения между двумя странами.

Впрочем, Путин в Катыни не стал вторым Вилли Брандтом в бывшем Варшавском гетто[27]. По сути официальная позиция России попрежнему сводится к следующему: тогда все были не без греха, и Советский Союз во внешней политике вел себя уж точно не хуже, чем западные державы или страны Центральной и Восточной Европы. Цель российских властей — не допустить, чтобы на страну возложили политическую и особенно юридическую ответственность за действия Сталина. Поэтому Россия признает, что прибалтийские государства были аннексированы СССР, но возражает против определения этих событий как «оккупации», что чревато материальными последствиями. Она говорит о преступлениях советского режима, но отрицает термин «геноцид». Путин и Медведев не хотят, чтобы Россия уподо-

билась Германии, поставив себя в положение виновного, оказавшись заведомо ниже других в моральном плане. Она не станет сама себя сажать на скамью подсудимых. Напротив, они желают видеть Россию на вершине «обелиска Победы» и стремятся превратить эту победу в источник силы внутри страны и на международной арене. И парады 9 мая на Красной площади — например, тот, что состоялся в 2010 г., когда вместе с российскими солдатами перед мировыми лидерами прошли американские, британские, французские и польские военные, — помогают создавать необходимый образ.

Впрочем, Москва не только обороняется. Поскольку Россия отвергает тезис об одинаковом злодействе нацизма и коммунизма, она осуждает тех, кто воевал против Советской армии в годы Второй мировой войны и после нее, называя их пособниками нацистов, а то и хуже. Особенно россиян возмущают мероприятия с участием ветеранов «Ваффен СС», регулярно проводящиеся в Эстонии и Латвии. Конфликт из-за переноса советского военного мемориала и останков солдат, захороненных рядом с ним, из центра Таллина на военное кладбище повысил градус враждебности между двумя странами. То, что многим эстонцам видится неприятным напоминанием об имперском господстве СССР и местом проведения митингов «маргиналов», для россиян — символ славы их страны. Когда в 2009 г. грузинские власти по соображениям безопасности распорядились снести гигантский мемориал в Кутаиси, посвященный 300 тыс. грузин, погибших в Великой Отечественной войне, Путин пообещал построить копию памятника в московском Парке Победы. Тот факт, что в самой России многие военные мемориалы находятся в запустении, а за могилами погибших солдат не всегда ведется надлежащий уход, к делу не относится. Россияне хотят, чтобы за рубежом их уважали. И точка.

В странах Балтии взгляд на историю разделяет прежде всего титульные народы и русские меньшинства. На Украине же все общество раскололось по вопросу о войне. Националистические силы и политики с Западной Украины делают акцент на роли Украинской повстанческой армии (УПА), воевавшей и против нацистов, и против Советов. Большинство украинцев, однако, сражалось в рядах Красной армии. Они и их потомки относятся к Второй мировой войне так же, как большинство россиян. И они не меньше, чем россияне, были возмущены готовностью третьего президента Украины Виктора Ющенко уравнять в статусе советских ветеранов войны и тех, кто сражался в рядах УПА. Не понимают в России и равного отношения Кишинева к молдаванам, призванным в 1941 г. в Красную армию, и к тем, кто

записывался в румынские войска, оккупировавшие Одессу и участвовавшие в Сталинградской битве[28]. Подобные нравственные компромиссы, по мнению Москвы, неприемлемы даже как средство залечить прошлые раны нации[29].

Отказ постоянно извиняться и просить прощения связан с убежденностью Путина в том, что при Горбачеве и Ельцине Москва перегибала палку с самокритикой и недостаточно подчеркивала светлые моменты в истории страны. Поэтому он все время приводит позитивные примеры, способствующие укреплению патриотизма. Отчасти это напоминает «историческую политику», проводившуюся канцлером Гельмутом Колем и его советником историком Михаэлем Штюрмером в 1980-х годах, но важнейшее отличие здесь состоит в авторитарном характере российского политического режима.

С 2006 г. в России издан ряд школьных учебников по истории, которые, по словам ученого Алексея Миллера, «воспитывают патриотизм, понимаемый как преданность даже не государству, а власти»[30]. Новая «вертикаль истории», напоминающая даже не столько исторические дискуссии в Германии, сколько знаменитую формулу графа Уварова «православие, самодержавие, народность», основана на идеях сильного государства, суверенитета, военной мощи и отпора Западу[31]. В 2009 г. при президенте была учреждена Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Путин говорит не только от своего имени. Большинство россиян включая политический класс страны не жаждет решать трудные вопросы недавней истории. Социологи отмечают: еще с 1992 г. российское общество хотело слышать об истории лишь то, что несет позитивный и ободряющий заряд[32]. Сегодня большинство людей считает, что все противоречивые вопросы прошлого уже успешно разрешены во времена горбачевской гласности и ельцинской свободы слова. Общество устало от новых фактов и ужаса, который они внушают. В стране нет интереса к обсуждению природы тоталитаризма и проблемы личной ответственности. Бал правит аморализм, не признающий приоритета нравственных ценностей.

Многие молодые россияне, не знакомые с жизнью в СССР по личному опыту, придерживаются выборочного подхода к его истории. Они ставят «величие» выше цены, которая была за него заплачена. На уровне риторики «первое свободное поколение» более «патриотично», чем последнее советское. Разговоры о сталинских преступлениях сегодня вызывают раздражение и злобу[33]. «Покаяние» стало чуть ли не бранным словом.

Национальная гордость поощряется, чтобы формировать уважение к государству, занимающему то место, которое в демократических странах отводится понятию «нация», а в Соединенных Штатах — Конституции. Во всем от спортивных мероприятий и исторических юбилеев до оппозиции американской политике или «чуждому» Западу[34] Россия пытается самоутвердиться в противостоянии с западным миром. Советский праздник, годовщина Октябрьской революции, переименованный при Ельцине в День примирения и согласия, в 2004 г. был заменен Днем народного единства в память об освобождении Москвы от польских захватчиков в 1612 г.[35] Хотя Путин отвергал тезис об «особом пути» России, в последнее время ее представляют как незападную, а то и антизападную страну. Запад, особенно США и Великобритания со свитой «патологических русофобов» — поляков и прибалтов, изображается как сила, по определению агрессивная, гегемонистская и враждебная России.

«НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ» ИСТОРИИ

Еще до того, как Россия в очередной раз начала переписывать свою историю, новые независимые государства уже активно открывали заново собственное прошлое. Почти во всех странах Центральной и Восточной Европы главной темой новой истории стало мученичество. В 1990-х годах в трех странах Балтии были созданы государственные комиссии для расследования политических репрессий при советском режиме. В Польше, а позднее и на Украине были учреждены институты национальной памяти для выявления преступлений, совершенных в советскую эпоху. В Грузии и Латвии открылись музеи советской оккупации.

У историков новых государств работы было выше головы. В советские времена история союзных республик в качестве отдельного предмета не преподавалась, существовал лишь общий курс под нелепым названием «История СССР с древнейших времен». Эстонский политик, а затем премьер-министр Март Лаар говорил не только от лица соотечественников, когда потребовал: «Верните людям их историю!». После распада СССР произошла мгновенная «национализация» истории. «Война памятников» на Украине в 1990 г. стала приметой времени: статуи Ленина сносились, а вместо них возводились монументы лидерам УПА.

Новая националистическая версия истории состоит из нескольких элементов:

- Писалась общая нарративная история нации в стиле XIX в. Она состояла, например, из таких главных тем, как становление украинской нации и ее тысячелетняя борьба за выживание и независимость.
- Создавался государственный миф, в частности, об украинской государственности в период гетманства и 1917–1920 гг.
- Проводилось отмежевание от СССР по принципу: СССР – это та же Россия, а значит, коммунизм, Сталин, Голодомор и Красная армия тоже связаны с Россией и Российской Федерацией как ее правопреемницей.
- Разрабатывалась отдельная национальная версия истории Второй мировой войны, на Украине – под знаком УПА. Очевидно, что значительная часть населения Западной Украины считает боевиков УПА и их лидеров, например, Романа Шухевича, героями. Никакой пропагандой этого не изменишь, сетует российский историк[36].
- Формировалась история «нации-жертвы»: для Украины ее основой стал Голодомор как самая страшная гуманитарная катастрофа XX в. Именно он занимал центральное место в стратегии национального строительства президента Ющенко[37].

В том, что касается Украины, достаточно привести заголовок вышедшей в 2003 г. книги Кучмы «Украина – не Россия», этим все сказано. В украинских школьных учебниках Россия зачастую изображается как виновница трагедий украинского народа, а ее лидеры, как правило, выглядят злобными и коварными. История отношений между двумя народами представлена как постоянная конфронтация: украинцы борются за свободу, а русские стремятся сохранить над ними власть. В конечном счете в заслугу украинскому народу ставится то, что он выжил, преодолев все испытания, и сохранил самобытную культуру даже в самые мрачные периоды «российско-советской оккупации». Лейтмотив этих учебников: история Украины – это не часть российской истории[38]. В связи с историей возникают конфликты не только с Россией, но и с другими народами. Так, в 1943–1944 гг. бандеровцы совершали массовые убийства поляков на Волыни.

Однако и двадцать лет спустя наследие советского прошлого все еще живо. «Мы до сих пор стоим не только двумя ногами, но и головой в той, советской, системе», – саркастически заметил Кучма, говоря об «оранжевой революции» и действиях новой власти[39]. И через несколько лет пришло время коррекции революционных перегибов. Президент Янукович, пришедший на смену Ющенко, отодвинул на

второй план Институт национальной памяти и квалифицировал Голодомор как преступление сталинизма, но не геноцид. В результате в ходе визита на Украину президент Медведев счел возможным возложить венок к памятнику жертвам голода. Еще до этого украинский суд лишил Бандеру посмертно присвоенного ему звания Героя Украины — на том бесспорном юридическом основании, что Бандера, убитый агентами КГБ в 1959 г., гражданином Украины никогда не был.

Тезис об «общей истории» с украинцами, который так любят россияне, не воплощается в единый взгляд на прошлое. Когда в 2009 г. Россия предложила Украине совместно отпраздновать трехсотлетний юбилей Полтавской битвы, Киев холодно отказался. Да, победа Петра I над Карлом XII сделала Россию великой европейской державой, как подчеркнул на торжествах глава администрации президента России, но для украинцев это была чужая война, давшая гетману Ивану Мазепе — номинальному подданному царя — возможность попытаться при помощи шведов добиться независимости для Украины. Петр, однако, победил, и планы Мазепы потерпели крах. В России его считают предателем, но на Украине портрет гетмана красуется на купюрах в 10 гривен.

Первый труд по истории Казахстана вышел лишь в 1945 г. После обретения независимости в создании национального мифа активную роль сыграл президент Нурсултан Назарбаев. Он стал автором нескольких книг по истории страны [40]. Их главный тезис состоит в том, что казахи сумели пронести через столетия свою идентичность, несмотря на все испытания: утрату государственности при присоединении к Российской империи, советизацию, страшный голод в 1930-х годах (тот самый Голодомор), положение этнического меньшинства на собственной земле, получившей статус союзной республики очень поздно, лишь в 1936 г.[41] Нурсултан Назарбаев отвергает распространенное среди россиян представление о том, что казахи были просто кочевниками, перемещавшимися по Великой степи. Он утверждает, что предки его соотечественников издавна владели той огромной территорией, которую занимает современный Казахстан. Кроме того, указывает Назарбаев, в отличие от большинства русских любой казах назубок знает своих предков до седьмого колена.

В отличие от советских времен, когда присоединение Казахстана к Российской империи расценивалось как в целом прогрессивный шаг, сегодня оно изображается в негативном ключе. В казахском фильме «Монгол», вышедшем на экраны в 2007 г., Чингисхан изображен с нескрываемой симпатией, его образ разительно отличается от

того, что дается в российских школьных учебниках. Походы Ермака и его казаков, результатом которых стал разгром Сибирского ханства, рассматриваются как катастрофическое событие, прервавшее естественный путь развития региона. Решение казахов войти в состав Российской империи в XVIII в. было принято под давлением экстремальных обстоятельств. Казаки представлены как колонизаторы, вытеснявшие казахов из родных степей. Населенная казахами территория сокращалась, их хозяйство страдало. Появление русских поселенцев — как первой волны, в ходе столыпинской реформы (в начале XX в. в Казахстан перебралось до полумиллиона человек), так и последующих, при Сталине и Хрущеве (1,2 млн в 1940-х — начале 1960-х годов) — лишь усугубило бедственное положение коренных жителей. В 1916 г. казахи восстали против российских властей, а после подавления бунта до миллиона человек бежали в Китай. Первые коммунистические сатрапы были жестокими, невежественными и черствыми людьми. Голод начала 1930-х стоил Казахстану полутора миллионов жизней. Кроме того, столько же людей перебралось в соседний Синьцзян. В 1929—1933 гг. население Казахстана сократилось вдвое [42]. Заявления Хрущева, что на целинные земли Казахстана прежде не ступала нога человека, выдавали его «невежество и цинизм». Принятое Горбачевым в 1986 г. решение назначить русского аппаратчика Геннадия Колбина на место Динмухамеда Кунаева, долгие годы возглавлявшего партийную организацию республики, было пощечиной всему казахскому народу и спровоцировало первые в СССР беспорядки на этнической почве. Одним словом, Казахстан был сначала царской, а затем советской колонией — в отличие от Украины, входившей в состав имперского «ядра».

А вот еще один, совершенно иной пример: первый президент Туркмении Сапармурат Ниязов (Туркменбаши) написал для новой страны «отеческое наставление» под названием «Рухнама» («Книга души»). Хотя через несколько лет после смерти Ниязова эту книгу в рамках демонтажа культа личности Туркменбаши без лишнего шума «сняли с пьедестала», она остается заветом в плане национальной идентичности.

РЕЛИГИЯ

Первоначальный формат СНГ в составе России, Украины и Белоруссии был прозван Славянским союзом, и сплачивала его не столько

этническая, сколько культурная общность. В то время звучали даже призывы[43] к созданию «сообщества культурно близких народов» — иными словами, православно-христианского клуба.

Одним из первых шагов новых постсоветских лидеров России стало их официальное участие в религиозных праздниках. Было крайне непривычно видеть на телеэкране высших чиновников — президента, премьера, мэра Москвы, еще недавно членов КПСС, в церкви со свечами в руках. Крушение империи стало началом возрождения религиозных конфессий — с благословения властей — в России и новых независимых государствах.

В 1989 г. примерно 75% населения заявляли о своих атеистических убеждениях, и лишь 20% назвали себя православными. Через двадцать лет соотношение стало диаметрально противоположным[44]. Сегодня Русская православная церковь утверждает, что ее паства насчитывает около 125 млн человек, многие из которых живут за пределами России — на Украине, в Белоруссии, Прибалтике и Центральной Азии. Однако, несмотря на заметное увеличение числа религиозных людей в России, регулярно посещают церковь лишь 2—4% указанного количества[45]. Остальных по сути можно назвать, как кто-то иронически выразился, лишь «потомками православных»[46].

В Российской империи церковь официально подчинялась государству, а царь был ее фактическим главой. В атеистическом СССР после 1943 г. деятельность церкви была снова разрешена, но лишь под очень жестким контролем государства. Ни царская, ни советская власть в послевоенные годы не запрещали ислам, но его последователи были изолированы от мусульман в других странах. То же относилось к буддистам, которых, конечно, в стране было гораздо меньше. Отношение к иудаистам и католикам было подозрительным — именно из-за их тесной связи с международным еврейством (которое некоторые путали с сионистами) и Ватиканом.

С распадом СССР эта плотина была прорвана. Все конфессии пережили возрождение и восстановили давно прерванные связи со своими религиозными сообществами за рубежом. Русская православная церковь начала пробуждаться от спячки позднего советского периода в ходе официально санкционированного празднования тысячелетия крещения Руси в 1988 г. В 1990 г., когда пятнадцатым патриархом был избран Алексий II, занимавший этот пост до 2008 г., она обрела энергичного и дальновидного лидера. Почти сразу глава РПЦ столкнулся с множеством новых возможностей — и целым рядом серьезных проблем.

Демонтаж атеистического советского государства и обретение РПЦ независимости от российских властей позволили покончить с семидесятилетним расколом русского православия. Эмигрантская Русская православная церковь заграницей после долгих переговоров при личном содействии Путина в 2007 г. согласилась официально объединиться с Московским патриархатом, сохраняя при этом определенную автономию. Как и в светской жизни, *русский дом* и то, что осталось от *русского зарубежья*, разделенные большевистской революцией, в конце концов соединились.

В то же время в связи с распадом СССР у церкви возникли и немалые проблемы. Слово «Русская» в названии православной церкви связано с прежним понятием «Всероссийская» — в рамках которого Россия, Украина и Белоруссия трактуются как единое целое. И когда государственное целое развалилось, церкви стало очень трудно сохранять собственное единство. В 1992 г. произошел раскол православной церкви на Украине. Ее меньшая, но весьма значительная часть (до 30% приходов) образовала Украинскую православную церковь Киевского патриархата, а бóльшая — самоуправляемую Украинскую православную церковь (Московского патриархата). Еще больше осложнял ситуацию тот факт, что Украинская автокефальная православная церковь, отделившаяся еще в 1917 г. в основном по тем же причинам, по которым это сделало 75 годами позже духовенство, настроенное на независимость, получила возможность действовать открыто, но решила не присоединяться ни к одному из двух новых образований.

Для умеренных националистов на Украине формирование национальной церкви было абсолютно логичным шагом. Они хотели независимости от России и в религиозной сфере. Традиционно большинство православных церквей тесно связано со светскими властями. Кроме того, почти все нынешние православные церкви — греческая, сербская, грузинская — крайне патриотичны. Большинство из них также непосредственно участвуют в политике, зачастую выступая в качестве арбитров между соперничающими политическими силами. Если бы Московский патриархат продолжал осуществлять церковную власть на Украине, это противоречило бы принципам украинского национализма и построения украинской государственности.

Президент Ющенко стремился добиться единства православных *внутри* Украины. Он хотел объединить все три существующие в стране православные организации и создать из них Украинскую национальную православную церковь. Это, естественно, означало бы отделение украинской церкви от российской и независимость Украины от

Москвы в религиозной сфере — как де-факто, так и де-юре. Ющенко надеялся, что ключевую роль в легализации необходимого раскола российской и украинской церквей, а значит, и в создании предпосылок для объединения церквей на самой Украине сыграет патриарх Константинопольский Варфоломей — по традиции самое высокопоставленное духовное лицо в мировом православии. Это должно было совпасть с 1020-й годовщиной крещения Руси. Дата была выбрана по сугубо политическим соображениям: 2008 г. был по-настоящему решающим во многих отношениях.

Его планам, однако, не суждено было осуществиться. Российское руководство восприняло перспективу отделения украинской церкви как потенциальную катастрофу — не меньшую, а то и бóльшую, чем расширение НАТО. Если это случится, Украина из «не-России» станет «анти-Россией». Московские пропагандисты утверждали (не слишком, впрочем, убедительно), что этот проект затеян врагами христианства[47]. Всего за несколько месяцев до кончины на Украине побывал патриарх Алексий II — в первый и единственный раз после распада СССР. Российская пресса[48] сообщала, что Кремль и церковные лидеры за кулисами вели работу по срыву плана Ющенко. Их цель состояла в том, чтобы удержать Украину в цивилизационной орбите России.

Когда Ющенко проиграл выборы и на смену ему пришел более дружелюбный к России Янукович, Москва попыталась закрепить свои успехи. С избранием в 2009 г. нового патриарха Московского Кирилла РПЦ покончила с «пассивной обороной». Кирилл не пожелал быть лишь главой православной церкви Российской Федерации и объявил себя духовным вождем «Святой Руси». Он распорядился установить в своей московской резиденции флаги всех государств, расположенных на «канонической территории» РПЦ, — России, Украины, Белоруссии, Молдавии, где православные составляют большинство.

Неофициально Кирилл, будучи главой самой мощной православной церкви в мире, очевидно, считает себя лидером всего восточного христианства. В ходе визита на Украину в 2009 г. он иногда выступал на украинском языке и назвал Киев «южной столицей русского православия». Он даже говорил о возможности проводить честь времени в Москве, а часть в Киеве. Кирилл также позаботился о том, чтобы единство Русской православной церкви поддержал Константинополь — в обмен на признание Москвой его значения в качестве арбитра.

Аналогичная проблема, хотя и меньшего масштаба, возникла в Молдавии. Там церковь тоже находилась в юрисдикции Московского

патриархата. В попытке разорвать эту связь сторонники ее отделения от России создали Бессарабскую митрополию. Однако вместо формирования национальной молдавской церкви они просто «переметнулись» от Москвы к Бухаресту, попытавшись присоединить митрополию к Румынской православной церкви. Этот план также увенчался лишь частичным успехом. Единство православных в Молдавии было подорвано, но большинство приходов даже на западном берегу Днестра — не говоря уже о Приднестровье — остается под эгидой Московского патриархата.

Осенью 2010 г., в период обострения напряженности в российско-белорусских отношениях, поползли слухи о намерении президента Лукашенко создать сепаратную Белорусскую православную церковь [49]. В отличие от Украины в Белоруссии сегодня нет церковного раскола, но основополагающая идея ясна. Организация православных религиозных структур строится по принципу «одна страна — одна церковь»: у них нет своего папы, а есть лишь первый по старшинству патриарх, но он живет в мусульманском Стамбуле и по сути бессилен. Одним словом, вряд ли можно отказать Белоруссии, Молдавии и Украине в тех правах, что имеют Болгария, Грузия, Греция, Румыния и Сербия.

Определенную гротескность сложившейся ситуации придают такие же проблемы, но «в миниатюре». После признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии встал вопрос о статусе православных приходов в двух республиках. Если патриарх Алексий II был сторонником неделимости канонических территорий и отказывался поощрять тех, кто желал перевести приходы из юрисдикции Тбилиси под эгиду Москвы, то после его смерти положение изменилось. Тем не менее роль патриарха Грузии в качестве неформального посредника между правительствами и обществом двух стран после разрыва дипломатических отношений в 2008 г. удерживает Москву от удовлетворения требований сепаратистов.

Раскол среди православных произошел и в Эстонии, где большинство населения составляют протестанты: некоторые приходы перешли под юрисдикцию Константинопольского патриархата, получив фактическую независимость, другие остались в РПЦ.

«Только атеистический Советский Союз мог объединить Запад и Восток Украины в одну республику», — остроумно заметил историк Рой Медведев [50]. СССР, однако, этим не ограничился. В 1946 г. Сталин заставил часть греко-католического духовенства на Западной Украине разорвать существовавшую с 1596 г. унию с Римом и присоединиться к Русской православной церкви. Храмы отбирались у униатов и пере-

давались РПЦ. Это была бомба с часовым механизмом, заложенная под отношения между церквами на Украине.

Этот «вынужденный брак» по указке Сталина не пережил кончину СССР. В 1990 г. было восстановлено существовавшее до него положение вещей: униаты начали получать обратно церкви, соборы, монастыри. Порой это приводило к столкновениям между приверженцами разных конфессий и напряженности как на самой Западной Украине, так и в отношениях между РПЦ и Ватиканом.

Русская православная церковь категорически настаивает на неприкосновенности своей «канонической территории» — здесь есть некоторая аналогия с принципом территориальной целостности государства. Московский патриархат требовал от католической церкви прекращения «прозелитической деятельности» на Украине и в Белоруссии и фактического признания этих стран, а также России, вотчиной РПЦ. В основном из-за этого конфликта патриарх Московский с 1990 по 2007 гг. не посещал Украину. Русская православная церковь также осуждала папу Иоанна Павла II за визит в эту страну.

В самой постсоветской России католикам, составляющим 1% населения, не был присвоен юридический статус «традиционной конфессии», который имеют православие, ислам, буддизм и иудаизм. РПЦ относилась к христианам-католикам по сути как к «браконьерам» или даже иностранным завоевателям на ее собственной православной территории. Иерархи Московского патриархата обвиняли Римско-католическую церковь в попытках обратить в свою веру их существующую или потенциальную паству, а также «аннексировать» западные регионы Украины и Белоруссии, оторвав их от Русской православной церкви.

Особенно напряженными отношения с Ватиканом были при Иоанне Павле II (папа с 1978 по 2005 гг.). Понтифик, объездивший почти весь мир, неоднократно высказывал желание посетить с визитом Россию, но такая возможность ему предоставлена не была, хотя папа побывал в ряде соседних стран: на Украине, в Белоруссии, Казахстане и Азербайджане. Многие в РПЦ относились к папе-поляку с подозрением, а то и с пренебрежением, называя его «актером». Отношения между двумя церквами улучшились при преемнике Иоанна Павла II немце Бенедикте XVI. Тем не менее историческая встреча между патриархом и папой пока не состоялась.

При всех «покушениях» католиков на православную каноническую территорию важнейшим изменением в религиозной географии постимперского пространства стало пробуждение ислама. До иран-

ской революции и советской интервенции в Афганистане ислам находился в спячке. События в Иране и Афганистане впервые привлекли внимание советского руководства к мусульманскому фактору.

С распадом СССР этот фактор приобрел неконтролируемый характер. По всему югу бывшего СССР исламисты стали одной из влиятельных сил, претендующих на политическую власть. Действуя самостоятельно или в союзе с куда более слабыми демократами, они бросили вызов коммунистическим властям Таджикистана и Узбекистана. В первом случае это обернулось кровопролитной гражданской войной с участием российских войск, в ходе которой исламисты были разбиты, но не уничтожены.

Пять центральноазиатских стран и Азербайджан строят свою идентичность на основе наследия ислама. Формы это принимает разные — от крайне умеренной в Азербайджане и Казахстане до более выраженной в Таджикистане. Азербайджан — светское государство турецкого образца; президент Казахстана Назарбаев, помня о религиозном многообразии в стране, на Пасху посещает православную церковь, а в Рамадан — мечеть. В остальных странах исламизация носит ощутимый характер. Как отмечает Ирина Звягельская, «для светских режимов [в Центральной Азии] ислам играет роль паспорта в мусульманский мир»[51].

Во многих регионах Российской Федерации ислам также официально признан преобладающей религией. Его возрождение видно невооруженным глазом. В Казанском кремле — официальной резиденции президента Татарстана — построена впечатляющих размеров мечеть, доминирующая над окрестным ландшафтом. Грозный теперь может похвастаться крупнейшей мечетью в Европе. По всему Северному Кавказу они сооружаются сотнями. Все это не вызывает нареканий: традиционно мусульманские регионы восстанавливают главный элемент своей культуры и идентичности. Больше проблем возникает, когда мечети появляются там, где мусульман в прошлом почти не было.

Необходимость строительства мечетей в русских городах диктуется демографическими изменениями. Хотя по итогам социологических опросов лишь 6–7% граждан страны называют себя мусульманами[52], традиционно исламское сообщество в России больше как минимум вдвое. Кроме того, массовая иммиграция в постсоветский период изменила этнический состав населения больших городов России. Только в Москве (население — 11 млн) живет от одного до двух миллионов мусульман, и на них приходится всего четыре мечети. В сентябре 2010 г. 50 тыс. истовых мусульман буквально ошеломили

москвичей и городские власти, начав молиться прямо на улицах вокруг главной московской мечети, способной вместить лишь малую часть верующих.

ЯЗЫК

Националистическое брожение в СССР в основном принимало форму движений в поддержку языков титульных народов. В 1989 г. в Абхазии прошли массовые митинги, а в Молдавской ССР был принят закон, признававший единственным государственным языком молдавский. В 1990 г. аналогичный закон был принят и в фактически русскоязычной Белоруссии. В Латвии и Эстонии перспективы натурализации и получения гражданства для русских жителей во многом зависели от их умения владеть языком коренной нации. Через два десятка лет после распада СССР русский повсеместно сдает позиции — в основном национальным языкам, но также и английскому.

Белоруссия — единственная страна, где русский язык, несмотря на упомянутый закон, позднее отмененный, по-прежнему полностью преобладает. На Украине, по мнению Кучмы, «опасность русификации — опасность реальная»[53]. Здесь, правда, он несколько непоследователен: ведь поначалу сам же Кучма обещал придать русскому языку статус второго государственного, но затем отказался от этой идеи. Киев, где 80% жителей составляют украинцы, остается русскоговорящим городом.

В целом по стране языковая ситуация по-прежнему весьма сложна. В этом отношении ее население делится на три основные группы: украинцы, говорящие по-украински, русскоязычные украинцы и русские. В середине и конце 1980-х годов русские составляли на Украине 23% населения, но русскоязычные — 36%. Иными словами, украинцев было 73%, а украиноязычных граждан — 64%. На уровне отдельных семей ситуация была более сбалансированной: в 36% семей говорили по-украински, в 33% — по-русски и в 30% — на обоих языках.

Однако региональные различия носили куда более выраженный характер. На Западной Украине русскоговорящих было всего 3%, в центральных регионах страны — до 16%, а на юге и востоке русскоязычные даже составляли большинство — 55% и 56% соответственно[54]. Тем не менее владение украинским сильно влияет на общественное положение человека. Так, Кучме и Януковичу, по-украински не говорившим, пришлось выучить язык, когда они собрались баллотироваться в президенты.

На Южном Кавказе и в Центральной Азии русский перестал быть языком повседневного общения. Представители элиты по-прежнему на нем говорят, но простые люди и особенно молодое поколение — уже нет. Скоро молодые образованные русские и молодые образованные грузины, вероятно, будут общаться друг с другом по-английски.

В момент обретения независимости в полиэтническом Казахстане единственным государственным языком был сделан казахский. Однако на 1991 г. 30% казахов вообще не знали родного языка, а из русских им владел лишь 1%. Власти уступили. Русский стал вторым государственным языком. 50% населения страны сегодня пользуются русским в повседневной жизни; он остается основным языком в госаппарате, культуре, искусстве, науке и технике. Президент Назарбаев зачастую выступает с публичными обращениями по-русски. Однако с 2007 г. в государственных учреждениях расширяется использование казахского языка.

Столкнувшись с постепенным ослаблением на просторах бывшей империи позиций русского языка, а также политического и культурного влияния России, Москва предприняла ряд шагов. В 2008 г. было создано специальное Федеральное агентство по делам СНГ, основные задачи которого связаны с гуманитарными вопросами и русской диаспорой. Эта самостоятельная структура, смоделированная с американского Агентства международного развития, подведомственна Министерству иностранных дел. Ее цель, по словам представителя МИДа, — «помогать странам СНГ решать их проблемы под эгидой России».

Если в прошлом Москва основывалась на убедительности аргументов и угрозах, то теперь она стремится «купить» себе поддержку. Среди новых методов — помощь дружественным России неправительственным организациям включая и филиалы российских неправительственных организаций, целевая поддержка образовательных, гуманитарных и культурных проектов, стипендии и создание библиотек[55]. Финансируемый государством фонд «Русский мир» имеет конкретное поручение: способствовать изучению и использованию русского языка в странах бывшего СССР.

Российская массовая и высокая культура сравнительно популярна в новых независимых республиках и без государственной поддержки. На всем пространстве от Риги до Еревана таксисты, включая радио, выбирают российскую популярную музыку. В Казахстане широко ретранслируются передачи основных российских телеканалов и FM-радиостанций. В Грузии, правда, к российскому телевидению власти

относятся как к рупору вражеской пропаганды: там есть лишь одна русскоязычная радиостанция и несколько газет.

Тем не менее члены новых элит предпочитают отправлять своих детей учиться не в Россию, а на Запад. В Казахстане многие молодые представители интеллектуальных профессий получили образование в США или Британии. В Грузии молодая элита почти сплошь англоязычна. Английский становится лингвистическим мостом между новыми независимыми государствами и мировым сообществом, к нему переходит та роль, которую в XIX–XX вв. играл в рамках империи русский язык. В этих новых условиях русский становится региональным языком, по-прежнему полезным для общения с крупнейшим соседом и в какой-то степени с другими странами бывшего СССР.

Ориентация на Россию и психологическая зависимость от нее постепенно уходят в прошлое. Если для старшего поколения Москва была Меккой, то для его детей это просто одна из точек на карте. Кремль — уже не центр вселенной, а лишь крепость, построенная итальянскими архитекторами, с православными соборами и дворцами внутри. На Красной площади сегодня, пожалуй, стало веселее — летом там периодически проводятся концерты, зимой заливается каток, да и парады в День Победы возобновились. Но Мавзолей Ленина — некогда святая святых — там теперь явно не на месте. В высших прослойках новых государств многие знают западные, азиатские и ближневосточные столицы лучше, чем российскую. Москва просто не слишком привлекательна, а Россия в целом — тем более. Да, среднедушевые доходы там выше, чем в любой другой стране СНГ, но это привлекает трудовых мигрантов, а не мыслящих на перспективу представителей элит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможно, это последний акт распада империи. Ослабление роли русского языка в новых государствах означает, что люди перестают идентифицировать себя с самой сильной стороной России — не с ее оружием, а с ее культурой. Когда Пушкин, Толстой и Булгаков воспринимаются как иностранные писатели, и сама Россия становится для бывших провинций иностранным государством. Если же говорить о визуальной и аудиокультуре, то постимперский период наконец закончится тогда, когда забудутся разобранные на цитаты советские фильмы, а песни советских времен больше не будут ассоциироваться с собственным прошлым. У новых поколений в сосед-

них странах выработается более спокойное, но и более прохладное отношение к России.

В самой России этот процесс идет еще быстрее. Центральную Азию и Кавказ — в том числе Северный — большинство простых россиян уже воспринимает как «чужие земли». То же относится к Молдавии, а Прибалтика, как теперь кажется, всегда была «заграницей». Украинцы и белорусы остаются — и останутся — «братьями». Близость порождает теплоту, но порой приводит и к трениям. Все бывшие подданные российской и советской империи присоединяются к новому сообществу — глобальному. Там они встретят очень много граждан других прошлых империй, для которых история уже не имеет большого практического значения. Добро пожаловать в новый мир.

В этом новом мире Россия будет стремиться, чтобы ее воспринимали как великую державу, но ей придется вписываться в новую систему, где на одном полюсе — еще более великая держава, США, а на другом — малые соседние страны. Установить приемлемые отношения с Соединенными Штатами будет непросто, и это нельзя сделать в одиночку. И в условиях многополярности Америка в обозримом будущем останется не только самой могущественной, но и ведущей страной мира.

Адаптация к этой ситуации по образцу Британии, Франции и не столь крупных постимперских держав, которые по сути смирились с лидерством США, для Москвы по-прежнему неприемлема. Российское руководство жаждет быть с Вашингтоном на равных, но понимает: реальное равенство сохранилось лишь в одной сфере — ядерных вооружений и ракет, что удерживает отношения между двумя странами в рамках, возникших в годы «холодной войны». В принципе эту дилемму можно разрешить с помощью более творческой, ориентированной на сотрудничество стратегии США в отношении России, но в Вашингтоне преобладает мнение, что мощь России находится в упадке и серьезных целенаправленных усилий отношения с нею не заслуживают.

Сама Россия, однако, может сделать гораздо больше, чтобы добиться примирения с соседями. Начать можно с признания преступлений, совершенных Сталиным и большевистским режимом в целом против всех народов советской империи, и прежде всего русского. Демонстрируя искреннее сочувствие, Москва может завоевать много сердец. А немало умов она завоюет, если откроет советские архивные документы. Ей надо строить лучшее будущее, стимулируя контакты между людьми, особенно молодежью. Россия будет совершать меньше ошибок, если протянет руку новым странам вдоль своих границ, попытается лучше понять их культуру, историю и стремления.

России необходимо быть помягче с соседями и делиться с ними богатствами — не обязательно только материальными, — которыми она по-прежнему обладает. Ее цель должна быть прямо противоположна той, что она ставит перед собой в последние годы: меньше быть «Россией Грозной» и больше «Россией Благой». Большую роль здесь могут сыграть культура и искусство — российская «светская религия».

Россия больше никогда не будет империей. Однако чтобы в XXI в. ее считали великой державой, она должна стать великой страной — прежде всего для собственных граждан. В «Заключении» я поразмышляю о том, насколько это возможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Примаков Е. М.* Международные отношения накануне XXI века: проблемы и перспективы // Междунар. жизнь. — 1996. — № 10. — С. 3—13.

2 Речь идет о 1991—1996 и 1990—1996 гг. соответственно.

3 Для многих прокремлевских комментаторов фраза «Россия поднимается с колен» во второй половине 2000-х годов стала своего рода рефреном.

4 Об этом рассказал в своей книге Димитрий Саймс. См.: *Simes D.* After the Collapse. — New York: Simon and Schuster, 1999. — P. 19.

5 Дело было даже не в том, что, как справедливо отмечают некоторые авторы (см., например: *Kramer M.* The Myth of a No-NATO Enlargement Pledge to Russia // Washington Quart. — 2009. — Apr. — P. 39—60), Михаил Горбачев никогда не получал гарантий, что НАТО не будет расширяться за пределы своей зоны ответственности времен «холодной войны». Россияне считали, что это они в одностороннем порядке прекратили конфронтацию, демонтировали свою империю и взяли на вооружение западные ценности. В ответ они ожидали встречных шагов со стороны Запада, но вместо них столкнулись с расширением военного альянса, созданного в годы «холодной войны», вплоть до российских границ. Выводы о причинах этого процесса зачастую делались неверные, но озабоченность Москвы была вполне реальной.

6 О заявлении Виктора Черномырдина см.: *Смирнов К., Дорофеев В.* Сказано — ЕС! // Коммерсантъ-Власть. — 1997. — № 27 (233) (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=13702).

7 Этот аргумент в середине 1990-х годов высказал Вячеслав Никонов. См. сборник его статей: *Никонов В.* Эпоха перемен: Россия 90-х глазами консерватора. — М.: Языки русской культуры, 1999.

8 Эта фраза принадлежит Александру Вершбоу, занимавшему в начале 2000-х годов пост посла США в России. См.: *Иванов А.* НАТО будет делиться // Коммерсантъ. — 2001. — 21 нояб. (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=295303).

9 Мой подробный анализ этого вопроса см.: *Trenin D.* Russia Leaves the West // Foreign Affairs. — 2006. — July—Aug.

10 См., например: *Панюшкин В., Зыгарь М.* Газпром: Новое русское оружие. — М.: Захаров, 2008.

11 Речь идет об идее, провозглашенной в 2004 г. с целью экономической интеграции Украины — наряду с Белоруссией и Казахстаном — с Россией. После «оранжевой революции» эта схема утратила всякий смысл.

12 Цит. по: Рос. газ. — 2007. — 22 нояб. (http://www.rg.ru/2007/11/22/putin-forum.html).

13 Цит. по: *Чуев Ф.* Сорок бесед с Молотовым. Из дневника Феликса Чуева. — М.: Терра, 1991.

14 *Лавров С.* Внешняя политика России и новое качество геополитической ситуации // http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/80f92fa1b96d767ec3257520002dd4ae!OpenDocument.

15 Выступление Путина на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности. 10 февраля 2007 г. // http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml.

16 См.: Engaging History: The Problems and Politics of Memory in Russia and the Post-Soviet Space / S. Greene (ed.); Carnegie Moscow Center. — Moscow, 2010. — (Working Paper; iss. 2).

17 Общественное мнение-2009 / Левада-Центр. — М., 2010. — С. 193, табл. 21.18.

18 Там же. — Табл. 21.17.

19 Геннадий Хазанов, см.: Можно ли победить терроризм? // Коммерсантъ-Власть. — 2010. — № 13 (867) (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1347413).

20 Общественное мнение-2009. — С. 193, табл. 21.16.

21 Голодомором называют массовый голод в 1932—1933 гг., организованный советским коммунистическим режимом в ходе экспроприации зерна у селян, а также в целях полного подчинения, фактического порабощения крестьянства. Он охватил ряд зерновых районов СССР: Украину, южные и центральные области РСФСР, Казахстан. Эти события напоминают о другом, также в основном рукотворном голоде, поразившем Поволжье десятью годами раньше.

22 *Касьянов Г.* Голодомор и строительство нации // Pro et Contra. — 2009. — № 3—4 (46). — Май—авг. — С. 24—42.

23 Выступление Дмитрия Медведева на совещании с послами и постоянными представителями в международных организациях. Москва, 15 июля 2008 г. (http://www.president.kremlin.ru/transcripts/787).

24 *Гудков Л.* Негативная идентичность: Статьи 1997—2002 годов. — М.: Новое лит. обозрение; ВЦИОМ-А, 2004. — С. 21, 25.

25 Рассказ очевидца см.: *Колесников А.* Правда против правоты // Коммерсантъ. — 2010. — 8 апр. (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1350471).

26 Там же.

27 Посетив Польшу в 1970 г., канцлер ФРГ Вилли Брандт преклонил колено перед памятником жертвам восстания в Варшавском гетто в 1943 г.

28 Заместитель министра иностранных дел Молдавии Андрей Попов в передаче «Разворот» радиостанции «Эхо Москвы», 3 марта 2010 г. (http://www.echo.msk.ru/programs/razvorot/662535-echo.phtml).

29 Примечательно отношение россиян к отчасти похожему случаю: истории генерала Андрея Власова и его Русской освободительной армии, состоявшей из советских военнопленных и использовавшейся немцами для небоевых задач. В 1990-х годах российская общественность воспринимала Власова как антисталиниста, но затем он стал в ее глазах изменником родины.

30 *Миллер А.* Россия: власть и история // Pro et Contra. — 2009. — № 3—4 (46). — Май-авг. — С. 14.

31 *Морозов М.* История в стиле «поп» // Искусство кино. — 2009. — № 1 (http://kinoart.ru/2009/n1-article2.html).

32 *Гудков Л.* Указ. соч. — С. 647.

33 *Торкунов А.* О парадоксах и опасностях «исторической политики» // Независимая газ. — 2007. — 18 июля (http://www.ng.ru/ideas/2008-07-18/7_istpolitika.html).

34 *Гудков Л.* Указ. соч. — С. 33.

35 Как отмечает Михаил Морозов, этот «сдвиг праздника» представляет собой интересное сочетание элементов советского наследия (День народного единства отмечается 4 ноября, всего за три дня до годовщины Октября), православия (он совпадает с праздником иконы Казанской Божьей Матери, одной из самых почитаемых в России), монархизма (начала правления династии Романовых) и даже гражданского общества (поляков победило народное ополчение под предводительством князя и купца). Главное, однако, — это изгнание поляков и утверждение независимости России от католического Запада. См.: *Морозов М.* Указ. соч.

36 *Медведев Р.* Расколотая Украина. — М.: Ин-т экон. стратегий, 2007. — С. 136.

37 *Касьянов Г.* Указ. соч. — С. 24—42.

38 Анализ содержания украинских учебников см.: *Моисеенкова Л., Марциновский П.* Россия в украинских учебниках истории: Новое видение или проявление конкуренции на идеологическом рынке? Взгляд из Крыма // Старые и новые образы в современных учебниках истории / Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. — М., 2004. — С. 139 (http://his.1september.ru/2003/45/2-2.htm).

39 *Кучма Л.* После Майдана: Записки президента, 2005—2006. — М.: Время, 2007. — С. 94.

40 *Назарбаев Н.* В потоке истории. — Алматы: Атамура, 1999; *Он же.* Эпицентр мира. — Алматы: Елорда, 2001; *Он же.* Критическое десятилетие. — Алматы: Атамура, 2003.

41 До этого Казахстан был автономией в составе РСФСР.

42 *Медведев Р.* Казахстанский прорыв. — М.: Ин-т экон. стратегий, 2007. — С. 41.

43 Например, за это высказывался Олег Румянцев, игравший видную роль на политической арене начала 1990-х годов.

44 Общественное мнение-2009. — С. 138, табл. 16.2.

45 *Яковенко И.* Империя и нация // После империи / Под ред. И. Клямкина. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. — С. 60.

46 *Тарасов Б.* Потомки православных // Время новостей. — 2008. — 24 июля (http://www.vremya.ru/2008/132/4/208929.html).

47 *Сухов И.* Крест на крест // Время новостей. — 2008. — 24 июля (http://www.vremya.ru/2008/132/4/208913.html).

48 *Зыгарь М., Коробов П., Двали Г., Зворский А.* Приход незалежности // Коммерсантъ. – 2008. – 25 июля (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=915678).

49 *Венедиктов В.* Парад церковных суверенитетов // НГ-Религии. – 2010. – 20 окт. (http://religion.ng.ru/events/2010-10-20/3_parad.html).

50 *Медведев Р.* Расколотая Украина. – С. 28.

51 *Звягельская И.* Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. – М.: Аспект-Пресс, 2009. – С. 81.

52 Общественное мнение-2009. – С. 138, табл. 16.1.

53 *Кучма Л.* Указ. соч. – С. 285.

54 *Медведев Р.* Расколотая Украина. – С. 106.

55 *Соловьев В.* СНГ попадет под вливание России // Коммерсантъ. – 2008. – 31 июля (http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=917672).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российской империи больше не будет — никогда. Проект, длившийся несколько столетий, попросту утратил импульс. Имперский порыв сошел на нет. Сегодня, через двадцать лет после крушения империи, ее восстановление не рассматривается всерьез политическими лидерами, да и простые люди этого не желают. Россия развернулась на 180 градусов — расширение сменилось «уходом в себя», а грандиозные общественные схемы уступили место мириадам личных планов отдельных людей. Такой России мир еще не знал.

Какой бы захватывающей ни казалась постимперская история России, в основных своих чертах она отнюдь не уникальна. Другим странам — например, Германии и Японии в результате Второй мировой войны — уже случалось потерять все, но вскоре они обрели новую жизнь. Были и государства (достаточно вспомнить бывшую Югославию), пережившие после окончания «холодной войны» серию междоусобиц, но затем вновь взявшие курс на интеграцию уже в рамках ЕС. Распад СССР не был столь безболезненным, как демонтаж Чехословакии, и большинству его бывших субъектов не удалось интегрироваться с более развитыми соседями. Но в последние двадцать лет дела у Российской Федерации шли не так уж плохо. Особенность положения России заключается в том, что, подведя черту под имперским периодом своей истории, она без какой-либо паузы продолжила существование в качестве великой державы.

Хотя в 1990-х годах Россия получила немалую помощь, новый План Маршалла для нее выработан не был, зато в 2000-х годах Москве достались нефтяные доходы в сотни миллиардов долларов. Да, Россия не интегрировалась в европейские и атлантические структуры, но она остается важным независимым игроком на международной арене и имеет шанс стать современной державой. Сделанный многими на Западе вывод, что с Россией как с серьезной силой покончено, еще должен пройти проверку практикой и вполне может

оказаться преждевременным. Самое главное — будущее России находится полностью в ее руках, и у нее достаточно средств, чтобы это будущее стало светлым.

Здесь небесполезно вспомнить, что Германия после Второй мировой войны возродилась не потому, что у нее были сильные друзья (по совместительству — оккупационные державы), а прежде всего из-за того, что она сумела сотворить «экономическое чудо». «Волшебной палочкой» стала немецкая марка, Westbindung Конрада Аденауэра и Soziale Marktwirtschaft Людвига Эрхарда — интеграция в западный мир и социальная рыночная экономика. Пока сама Россия не окажется на высоте стоящих перед нею задач, отдача от создаваемых Москвой модернизационных альянсов будет ограниченной. На сегодня, однако, ее перспективы неясны. Россия больше не империя, но и государством-нацией она еще не стала. Или, если сформулировать этот тезис по-другому, ей еще предстоит стать республикой в буквальном понимании этого слова — как res publica (общее дело). Россиянам необходимо объединиться ради общего дела, но сначала договориться о правилах игры и обязаться им следовать.

Хотя бал в России по-прежнему правит личное, а общественное полностью отодвинуто на второй план, появились признаки, что этой отчужденности людей друг от друга наступает конец. Идея личного выживания и успеха позволила наиболее энергичным членам общества подняться на вершину и добиться благосостояния. Однако некоторые из них уже начинают осознавать, что косность системы в будущем может помешать осуществлению их личных замыслов. Система сильнее любого отдельного человека, поэтому, чтобы реализовать личные цели, гражданам надо объединяться ради общественной деятельности. Пришло время людям общими усилиями привести общество в соответствие со своими интересами и основными представлениями — ощущая себя частью единой нации, в которой найдется место для каждого. И скорее всего во втором десятилетии XXI в. мы увидим этот радикальный мировоззренческий сдвиг.

Между гражданами России и самой страной как международным игроком существует интересная аналогия — она тоже «живет для себя». У нее нет идеологии, четкого набора ценностей, но налицо обостренный прагматизм. Девиз у России и россиян один и тот же: выжить и добиться успеха любыми средствами. Этот прагматизм исключает строительство империи. Российские лидеры договорились между собой: больше никакой дорогостоящей идеологизированной чепухи, никаких материальных жертв, никаких субсидий для других.

Советский Союз на международной арене транжирил деньги. Российская Федерация постоянно ищет возможности их сделать.

Но, хотя Россия и стала постимперской страной, империя еще не полностью изгладилась в памяти ее элит. Позитивный момент здесь, однако, заключается в том, что эти элиты совершенно не готовы тратить имеющиеся у них ограниченные ресурсы в погоне за ностальгическими химерами. Что же касается населения в целом, то оно адаптируется к резким переменам, произошедшим в конце XX столетия, и медленно залечивает тяжелейшие раны, нанесенные четырем поколениям россиян их же соотечественниками, действовавшими от имени власти или отвергавшими любую власть. Пока что Россия — страна одновременно архаичная и «постмодерновая». Не хватает лишь одного элемента — модерна, современности. Парадоксально, что сегодня российское руководство делает акцент на модерне, тогда как многие страны уже прошли эту стадию. И не исключено, что догнать их вообще не удастся.

Конечно, Россия, пусть неравномерно, но движется к модерну. Ее нынешняя модернизация сверху во многом мотивирована озабоченностью Кремля относительно роли страны на мировой арене. Модернизация, требующая всесторонней либерализации, а в конечном счете и построения подлинной демократии, ставит российское государство и общество перед серьезными вызовами. Окажутся ли они на высоте этих вызовов, неясно. Однако если модернизация в России потерпит неудачу, это почти наверняка приведет к ее маргинализации, деградации и упадку. Модель успеха, принятая в 2000-х годах, в основе которой лежит стабильный рост нефтяных цен, продемонстрировала свою несостоятельность. На конечном этапе наихудшего сценария нельзя исключать и реального распада страны.

Российское руководство оказалось перед сложной, казалось бы, неразрешимой дилеммой: если оставить все как есть, неизбежен неуклонный упадок, а в конце концов и крушение еще при жизни нынешних лидеров. В то же время серьезные реформы чреваты риском утраты контроля, власти, собственности. Кремлевские лидеры хотят быть похожими на Петра, но боятся кончить, как Горбачев. В результате пока они действуют, как Брежнев. В 2010 г. Путин рассказал членам Российской академии наук, как его бывшие коллеги из КГБ добывали тщательно оберегаемые промышленные тайны Запада, однако эти инновации невозможно было внедрить в народное хозяйство из-за самого́ характера советской системы. Но сегодня сам Путин возглавляет систему, которая скорее всего отвергнет западные техноло-

гии, чью передачу России он организует, поскольку бал в ней правят коррупция, отсутствие правовой защиты и бюрократический произвол. Как кто-то остроумно заметил, коррупция — не инородное тело, а органичный элемент нынешней системы. Момент истины наступит где-то во втором десятилетии XXI в., когда всем станет ясен провал модернизации в ее нынешнем виде и воплощении.

В результате с серьезными вызовами сталкивается и внешняя политика Москвы[1]. На сегодняшний день, через двадцать лет после распада СССР, Россия отвергла коммунизм и отреклась от своей исторической империи. Эти два акта самоосвобождения нельзя игнорировать или принижать их значение. Однако Российская Федерация все еще ищет для себя новую роль и место в мире. Пока она занимает не слишком уютное положение на периферии богатой Европы и динамичной Азии и к тому же не без опасений соприкасается локтями с мусульманским миром. Однако новообретенное освобождение от геополитического бремени в Европе и Азии позволяет России сосредоточиться на самой себе, используя весь мир как ресурс и рынок сбыта.

В 1990-х и начале 2000-х годов Москва пыталась выйти из имперского этапа за счет интеграции в состав Запада, а затем интеграции с ним. Эти усилия не увенчались успехом, поскольку Запад, владевший инициативой, не имел политической воли, чтобы признать Россию одной из «своих», и российские элиты в конечном счете сделали выбор в пользу корпоративистской и консервативной программы во внутренней и внешней политике.

В результате в ходе второго президентского срока Владимира Путина Россия отказалась от цели присоединения к Западу и вернулась к имевшейся у нее по определению возможности выступать в качестве самостоятельной великой державы. Она определила свои задачи следующим образом: мягкая гегемония в соседних странах; примерное равенство с основными мировыми центрами силы — Китаем, Евросоюзом и Соединенными Штатами; место в президиуме многополярного миропорядка.

Через полдесятка лет выявились изъяны и недостатки этого политического курса. Большинство из них было связано с неспособностью и нежеланием властей реформировать экономику страны, зависящую от экспорта энергоносителей, с неконкурентным характером политического процесса, а также тенденцией к национализму и изоляционизму. Во внешней политике лидеры России не смогли подвести окончательную черту под утратой советской империи. Они словно

покинули XX в. сразу через две двери, одна из которых вела к глобализованному рынку XXI в., а другая — к «большой игре» XIX столетия.

Как показал недавний мировой экономический кризис, модель, избранная российским руководством в 2000-х годах, — рост без развития, капитализм без демократии, великодержавная политика без высокой репутации на международной арене, — несостоятельна. России не просто не удастся выполнить свои основные внешнеполитические задачи, она еще сильнее отстанет от общемировых тенденций, все больше определяемых новейшими коммуникационными технологиями и открытостью границ, а это чревато угрозой не только ее международному статусу, но и самому существованию. Российской внешней политике требовалась не просто «перезагрузка»: необходима была новая стратегия, а также новые политические инструменты и механизмы ее реализации. Одним словом, России нужно было сосредоточиться на преодолении собственной экономической, социальной и политической отсталости — и использовать внешнюю политику для реализации этого самого главного из всех национальных интересов.

Именно озабоченность российского руководства ослаблением позиций страны в мире — не только по отношению к Западу, но и в сравнении с динамично развивающимися державами бывшего третьего мира — стала побудительным мотивом курса на модернизацию, в том числе и внешней политики Москвы. Вероятно, Кремль руководствовался следующей логикой: что бы мы ни думали о достоверности международных рейтингов, страна, несомненно, катится по наклонной плоскости. Если Россия не овладеет передовыми технологиями, не создаст инновационный потенциал, ее перестанут воспринимать как великую державу. В этом случае не исключен и ее распад. Энергоресурсы не спасут, как ядерный арсенал не спас Советский Союз. Таким образом, вопрос стоит ребром: модернизация или маргинализация.

Российские лидеры также понимали: провести модернизацию собственными силами страна не может — не стоит даже пытаться. В условиях глобализации необходимо воспользоваться модернизационным ресурсом передовых стран, т. е. членов Организации экономического сотрудничества и развития. России следует заключить с ними модернизационные союзы, получая тем самым доступ к новым технологиям, инвестициям, помощь в осуществлении инновационных проектов и т. д. Такими союзниками должны стать страны ЕС — для начала Германия, Франция и Италия, — а также Соединенные Штаты[2]. Итак, Запад снова стал союзником России.

Подобный анализ и выводы оказывают серьезное воздействие на внешнеполитическую сферу. Вместо страстного отстаивания статуса страны (на деле снижающегося) и сосредоточенности на месте России в международной табели о рангах внешняя политика была переориентирована на обеспечение внешних ресурсов модернизации[3]. Для этого необходима соответствующая обстановка: отношения с Западом, свободные от опасности войны, которая, как показал конфликт с Грузией, не исчезла полностью даже через двадцать лет после Мальты. Отсюда и активность Москвы в вопросе о европейской безопасности, выходящая за рамки простого стремления получить заверения об отказе НАТО от дальнейшего расширения на восток. Отсюда же готовность решать спорные вопросы в Арктике юридическими методами или за столом переговоров и даже примечательная инициатива Москвы по сближению с Варшавой.

В принципе превращение России в современный самостоятельный центр силы — дело вполне реальное, если, конечно, стране удастся решить задачу интеграции. Однако притяжение этого центра силы будет сравнительно слабым, а охват — небольшим. Восстановить российскую империю такой, какой она была в зените могущества, невозможно даже в неформальном виде. Чтобы стать современной страной и обрести новую мощь, России надо выработать новый взгляд на мир и соответствующую повестку дня в международных отношениях.

Концептуальная составляющая крайне важна. Страна и государство, которые стремится построить российское руководство, принадлежат первой половине XX столетия. Российские лидеры делают акцент на жестком контроле, вертикальных, иерархических отношениях, порядке и дисциплине — но на деле сам государственный аппарат погряз в коррупции. Управление «сетями», укрепление доверия, создание системы стимулов и антистимулов, жизнь по правилам и в соответствии с неким набором основополагающих ценностей — это им пока недоступно, хотя обо всем этом они слышали и даже создают суррогаты всего этого в целях манипуляций. Если данная ситуация не изменится фундаментальным образом, все, о чем пойдет речь дальше, утратит актуальность.

Если же перемены наступят, первым приоритетом Москвы должно стать укрепление экономического, интеллектуального и социального потенциала России. Начать следует с преодоления изъянов институтов страны — прежде всего обеспечить верховенство закона и создать правовую систему, сравнимую с западной. Модернизация, сводящаяся к получению новых технологий и созданию инновацион-

ных оазисов, слишком узко задумана, чтобы дать результат. Попытки восстановить империю в мягком варианте ничего не дадут России, а отнимут у нее многое. Это не значит, что стране следует игнорировать ближайших соседей (подобное просто невозможно) или чураться тесного сотрудничества с ними (что было бы неразумно). Демографический кризис в России требует от нее умения привлекать людей, а не собирать их земли и пытаться интегрировать население этих земель, предоставляя ему гражданство.

Центральное место в российской внешней политике должно занимать «мягкое влияние». В постсоветском мире Россия обладает ценными и практически не используемыми элементами такого влияния — по-русски говорят на всем пространстве от Риги до Алма-Аты, а спрос на российскую культуру, от Пушкина до поп-музыки, по-прежнему велик. Если Россия перестроит собственную инфраструктуру, ее соседей будет все больше привлекать возможность получить в стране высшее образование (особенно в области точных и естественных наук), а также заниматься научными исследованиями и разработками. И если к тому же Россия фундаментальным образом изменит характер управления своей политической и экономической системой, это может принести ей огромные выгоды: за рубежом российских бизнесменов перестанут считать агентами Кремля и будут относиться к ним более гостеприимно, какой-нибудь российский телеканал может стать чем-то вроде «аль-Джазиры» для русскоязычных иностранцев, а Русская православная церковь, если ее будут воспринимать как транснациональный институт, а не продолжение государства, способна завоевать авторитет за пределами России. Но для этого придется преодолеть точку зрения, согласно которой Россия определяется личностью ее лидера — будь то Ельцин, Путин или Медведев, — и взять на вооружение концепцию страны с многочисленными акторами, где суверенитетом обладает народ, а не власть.

При таком подходе полезным стандартом могла бы стать политика России по отношению к Украине. Вместо того чтобы настаивать на присоединении Украины к какому-либо интеграционному проекту, возглавляемому Москвой, Россия должна взаимодействовать непосредственно с украинским народом, привлекать новые возможности в плане бизнеса, новых рабочих, новых студентов.

Другая важная «лакмусовая бумажка» — кавказское направление. Необходимой предпосылкой для обретения Россией искомой роли благожелательного регионального лидера является решение головоломки отношений с Грузией и окончательное определение статуса

Абхазии и Южной Осетии. Это потребует серьезных усилий. В то же время для урегулирования конфликтов в Нагорном Карабахе и Приднестровье Россия должна будет действовать совместно с ЕС, США, Турцией и Украиной, не говоря уже о вовлеченных в противостояние сторонах. Готовность взять на себя ведущую роль в разрешении конфликтов на постсоветской пространстве станет проверкой способности и желания Российской Федерации обеспечивать «общественные товары» на международной арене.

У России нет иного выбора, кроме формирования стабильности в Центральной Азии — иначе она станет источником напряженности во всем регионе. Тесно сотрудничая с Казахстаном, она может превратить ОДКБ в более эффективный инструмент предотвращения, обуздания и урегулирования конфликтов. Кроме того, Москве необходимо во взаимодействии с Китаем и другими участниками Шанхайской организации сотрудничества взять на себя ответственность за обеспечение безопасности в центре Азиатского континента. Возможно, это будет включать роль посредника между двумя гигантами Азии — Китаем и Индией, а также региональными державами — Пакистаном и Ираном.

В этом отношении особое значение имеет Афганистан. Наряду с другими близлежащими государствами России необходимо обеспечить, чтобы после завершения операции США и НАТО в этой стране она не превратилась вновь в убежище для террористов, угрожающих миру, и арену бесконечного конфликта, постоянно дестабилизирующего регион.

Центральное место во внешнеполитическом курсе России на ее протяженном южном фланге должно занимать ослабление религиозного экстремизма и укрепление умеренных сил. Учитывая, что ее собственное мусульманское население с 1989 г. увеличилось на 40%, страна в состоянии играть полезную роль в рамках диалога между христианским и исламским миром.

Обязанность России в качестве одной из ведущих добывающих стран состоит в том, чтобы способствовать энергетической безопасности в мире за счет гармонизации, насколько это возможно, интересов поставщиков и потребителей, а также прав и обязательств транзитных стран. Все это можно включить в новую хартию России и Евросоюза. В качестве первого этапа переосмысления своей роли как энергетической державы Россия могла бы сосредоточиться на преодолении ужасающе низкой энергоэффективности своего народного хозяйства. Это также внесло бы серьезный вклад в усилия международного сообщества по сокращению выбросов парниковых газов.

Наконец (но, конечно, не в последнюю очередь), следует сказать о больших возможностях в сфере охраны окружающей среды. Обязанность России перед самой собой и мировым сообществом состоит в поддержании хорошего состояния ее гигантских запасов пресной воды, леса и чистого воздуха; в первую очередь это касается Сибири.

России необходим и потенциал «жесткой силы», но он должен быть ориентирован на решение проблем настоящего, а не прошлого. Стране нужна хорошо обученная и оснащенная армия, чтобы справляться с кризисами на ее протяженных границах, современные Военно-воздушные силы и Военно-морской флот. Во многих случаях Россия будет действовать не в одиночку. Ей надо овладеть механизмами военного сотрудничества и взаимодействия по обеспечению безопасности в Евразии с союзниками по ОДКБ, партнерами из НАТО и ЕС, с азиатскими соседями, такими как Китай, Индия, Япония и Южная Корея.

В новой внешнеполитической концепции Москвы приоритет отдается отношениям с развитыми странами. К счастью, ЕС, Япония и США — соседи России, что она может использовать для развития прилегающих к этим общим границам регионов от Калининградской области и Кольского полуострова до Камчатки и Курильских островов. Из-за близости к Европе и европейских корней России ЕС — ее важнейший партнер в деле модернизации. В соглашении между Евросоюзом и Россией, подписанном в 2003 г., выделены четыре главные сферы сотрудничества — экономика, юстиция и внутренняя безопасность, культурные связи и контакты между людьми, внешние сношения. Именно в этих областях укрепление связей с ЕС будет способствовать преобразованиям в России.

Долгосрочная цель России должна заключаться не в присоединении к Евросоюзу, а в создании совместно с ним общеевропейского экономического пространства. Когда Россия в конце концов вступит в ВТО, перспектива формирования панъевропейской зоны свободной торговли — с участием Турции, Украины, Казахстана, Белоруссии, кавказских и других стран — станет реальной. Основной материальной базой для такого общего пространства могли бы стать энергоносители, но чтобы это случилось, надо снять противоречия между Россией и ЕС в данной сфере. Одним из центральных гуманитарных элементов новой системы должен стать безвизовый режим между Россией и странами Шенгенской зоны. Заявление бывшего председателя Еврокомиссии Романо Проди о том, что у России и ЕС «общим должно быть все, кроме институтов», сохраняет актуальность.

Как показывает опыт самой Европы, подобное общее экономическое пространство может существовать лишь в атмосфере доверия и уверенности друг в друге. России не удастся осуществить модернизацию без поддержки более развитых в экономическом отношении стран. Из всех членов ОЭСР именно ЕС является для нее самым важным модернизационным ресурсом. В пользу этого свидетельствуют императивные экономические интересы, географическая близость, культурное родство, традиционные тесные связи. Для Москвы Европа начинается уже не на Эльбе, а на Нарве и Немане. Наконец, и это самое главное, сама Европа сильно изменилась. На континенте традиционную многополярность сменил мультилатерализм, и Москве тоже пришло время соответствующим образом менять свою политику.

Чтобы полностью задействовать этот ресурс, нужно выполнить два условия. Во-первых, обе стороны должны избавиться от менталитета времен «холодной войны». От этого неотделимо налаживание взаимопонимания с Соединенными Штатами. Во-вторых, необходимо примирение между Россией и ее соседями в Центральной и Восточной Европе. Двуединая цель этой стратегии должна состоять в создании (а) евроатлантического сообщества безопасности как зоны стабильного мира, охватывающей всю Европу и Северную Америку, и (б) панъевропейской экономической зоны. Даже в случае достижения этих целей Россия сможет сохранить стратегическую свободу действий. Она может оставаться в стороне от военных альянсов и жестких экономических объединений. Это обусловлено ее собственными географическими реалиями.

Россия — не столько евразийская страна (этому определению больше соответствуют Турция и Казахстан), сколько евро-тихоокеанская. Ее территория охватывает все тихоокеанское побережье от Чукотки до Сахалина. США — ее непосредственный сосед с востока, а поблизости лежит Канада. Сочетать свою европейскую и тихоокеанскую ипостаси России будет непросто, здесь многое определит ее способность найти нужный формат отношений с крупнейшим соседом на суше — Китаем.

Китай — один из ведущих торговых партнеров России и динамичный рынок сбыта. Он также может стать для России одним из крупных источников инвестиций. Кроме того, Пекин — незаменимый партнер Москвы в обеспечении безопасности и стабильности на российских границах от Центральной и Северо-Восточной Азии до Большого Ближнего Востока. Таким образом, у России нет альтернативы дружественным отношениям и сотрудничеству с Китаем. Здесь главная внешнеполитическая задача Москвы состоит в том, чтобы

научиться жить бок о бок с новым Китаем — сильным, динамичным, напористым, все более развитым.

Чтобы не стать придатком к китайской экономике и «полувассалом» Пекина в политике, России необходимо уделять куда больше внимания собственным дальневосточным территориям. Москве придется осуществить двойную интеграцию: интеграцию Тихоокеанской России в состав Российской Федерации и интеграцию всей страны с Азиатско-Тихоокеанским регионом.

В XXI в. фронтир России лежит на востоке: там у нее существует и потребность, и возможность догнать своих непосредственных соседей на Тихом океане — Китай, Японию и Южную Корею. Пекин, Токио и Сеул — тихоокеанские столицы. Сдвиг соотношения сил в мире в сторону этого региона требует нового вектора российской внешней политики. В других работах я уже отмечал[4]: если бы Петр Великий жил сегодня, он снова перенес бы столицу из Москвы — только уже не на Балтику, а на побережье Японского моря.

В принципе России стоило бы подумать о Владивостоке как о своей «столице XXI в.». Это город-порт, буквально дышащий открытостью. Он находится недалеко от крупнейших центров Восточной Азии — Пекина, Гонконга, Сеула, Шанхая и Токио, и это дает России непосредственный контакт с самыми динамичными народами нашей эпохи. Кроме того, расположение Владивостока вблизи от российско-китайской границы послужит гарантией мира и территориальной целостности страны.

Акцент на Азиатско-Тихоокеанский регион послужит развитию не только российского Дальнего Востока, но и всей страны, протянувшейся на десяток часовых поясов от Владивостока до Петербурга. Это даст мощный толчок развитию Сибири, а также побудит Россию к использованию экономических и геостратегических возможностей в районе Северного Ледовитого океана, богатом сырьевыми ресурсами и обладающим теперь немалым народнохозяйственным потенциалом. Арктика, соединяющая Европу, Россию и Северную Америку, — это регион, где сотрудничество обусловлено самой суровостью природных условий.

Обрести новую роль после пятисот лет имперского существования, семидесяти лет идеологической борьбы и сорока лет участия в «холодной войне» в качестве военной сверхдержавы будет непросто. Возрождение постсоветской России опровергло прогнозы о ее необратимом упадке. Выдержала она и недавний экономический кризис. Но России предстоит еще долгий путь до превращения в со-

временное государство, способное проводить внешнюю политику, полностью отвечающую ее реальным, а не ностальгическим потребностям. Россия не присоединится к Западу официально, как это сделали ее бывшие сателлиты и, возможно, сделают бывшие окраины, — да ей это и не нужно. Но по мере того как в результате внутренних преобразований она будет становиться более современной страной — и соответствующим образом скорректирует свою внешнюю политику, — Россия может превратиться на международной арене в серьезного, привлекательного и незаменимого партнера, а также изобретательного игрока.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Начиная отсюда изложение отчасти основывается на моей статье: *Trenin D.* Russia Reborn: Reimagining Moscow's Foreign Policy // Foreign Affairs. — 2009. — Vol. 88. — Iss. 6. — Nov.—Dec.

2 Выступление Дмитрия Медведева на совещании с российскими послами и постоянными представителями в международных организациях 12 июля 2010 года // http://kremlin.ru/transcripts/8325.

3 См. внутренний документ Министерства иностранных дел, опубликованный в статье: *Газе К., Зыгарь М.* Россия поменяет внешнюю политику // Рус. Newsweek. — 2010 № 20 (288) (http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/49383-rossiya-pomenyaet-vneshnyuyu-politiku).

4 *Trenin D.* Op. cit. — P. 64—78.

О ФОНДЕ КАРНЕГИ

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штабквартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных во-

оружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE
1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA
Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840
E-mail: info@CarnegieEndowment.org
http://www.CarnegieEndowment.org

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906
E-mail: info@carnegie.ru
http://www.carnegie.ru

Дмитрий Тренин
POST-IMPERIUM: ЕВРАЗИЙСКАЯ ИСТОРИЯ

Редактор *А. Иоффе*
Дизайн обложки *Zeena Feldman and Jocelyn Soly*
Дизайн русскоязычного издания *«Barry&Brom»*
Дизайнер *Я. Красновский*
Компьютерная верстка *И. Королев*
Препресс *Ю. Мосягин*

Подписано к печати 30.12.11
Формат 60x90 1/16.
Гарнитура ITC NewBaskervilleC
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,5 Заказ №
Тираж 4000 экз.

Издательство «Российская политическая
энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, г. Москва, Профсоюзная ул., д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.рф
тел.: +7 (495) 745-84-28, +7 (4963) 20-658

Рене Нюберг, бывший посол Финляндии в России и Германии:

...Необычайно интересная книга. Ее во многом можно считать путеводителем, настольной книгой по новой России, а также по Евро-Атлантической инициативе в области безопасности. Более того, в этой книге изложены самые убедительные аргументы, обосновывающие, почему возврата к империи не будет.

Достойны восхищения язык и увлекательность повествования при описании весьма сложного процесса. Автор объективен, но неравнодушен, никого не оскорбляет и не спорит ради спора. Эта книга – страстный призыв к конструктивной, последовательной политике, но изложенный беспристрастно, спокойно и элегантно.

Сергей Караганов, председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, Россия:

Почти беспристрастная, сочетающая классный экспертный анализ с интересными и точными философскими суждениями книга. Обязательное чтение для тех, кто – и в России, и за рубежом – хочет понять, как формируется и куда идет российская внешняя политика. Да и сама страна.

Кайл Уилсон, Аналитическое управление при Канцелярии премьер-министра, Канберра, Австралия:

Если бы восемь лет назад, когда я занял должность, включающую анализ происходящего в России, у меня на столе была эта книга, я, думается, избежал бы некоторых ошибочных оценок. Это первая из работ, которые мне приходилось читать, где четко охарактеризованы суждения и предрассудки, лежащие в основе западного и российского подходов, объясняются их истоки и показано, как эти не подвергающиеся сомнению представления влияют на практическую политику.

Кристофер Чеанг, посланник посольства Сингапура в России:

Осмелюсь высказать мнение, что ваша книга – лучшее из всего, что мне довелось прочесть о России за все те годы, что я живу и работаю в Москве (что составляет почти пятнадцать лет со времени моего приезда сюда в начале 1994 г.).

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

ВАШИНГТОН ▪ МОСКВА ▪ ПЕКИН ▪ БЕЙРУТ ▪ БРЮССЕЛЬ